

**Министерство образования и науки Российской Федерации
НОУ ВПО "УРАЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ БИЗНЕСА"**

Олейников А.А.

**Национальное хозяйство
как основа воспроизводства общества
(экономико-философский подход)**

**Екатеринбург
2015**

Серия: «Евразийский мейнстрим. Русский взгляд»

Олейников Александр

**Национальное хозяйство
как основа воспроизводства общества
(экономико-философский подход)**

Екатеринбург 2015

Рецензенты:

С.П. Макаров — д-р экон. наук, профессор кафедры экономической теории факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова.

Ю.М. Осипов — Директор Центра общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ, Президент Академии философии хозяйства (АФХ), вице-президент Академии гуманитарных наук (АГН), действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН) и Председатель Философско-экономического ученого собрания МГУ имени М.В. Ломоносова, заслуженный деятель науки РФ.

В.Т. Рязанов — Заведующий кафедрой экономической теории экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, д-р экон. наук, профессор, академик РАЕН, академик Академии философии хозяйства, действительный член Академии гуманитарных наук и Академии туризма; заслуженный работник высшей школы РФ.

Олейников А.А.

Национальное хозяйство как основа воспроизводства общества (экономико-философский подход): Научное издание. (Серия: «Евразийский мейнстрим. Русский взгляд») / А.А. Олейников, д.э.н. — Екатеринбург: Уральский институт бизнеса, 2015. — 278 с. — авторский сайт д.э.н. А.А. Олейникова : [Электронный ресурс]: URL: Режим доступа: www.eurorussianmainstream] —

ISBN 978-5-902993-51-3

В монографии излагается системный подход к анализу динамики национально-экономического развития. Национальное хозяйство анализируется в единстве духовных и материальных факторов, при этом культура характеризуется в качестве важнейшего нематериального ресурса хозяйственного развития, а движущей силой национально-экономической динамики рассматриваются социокультурные факторы. Дается анализ воспроизводства многоукладного национального хозяйства, включая воспроизводство укладов жизни, образа жизни и культурного ядра нации как смыслообразующих ценностей национальной культуры. Автор использует системный экономико-философский подход к исторической, социокультурной и геополитической динамике национально-экономического развития.

Автор рассматривает содержание основного экономического закона в системе многоукладного хозяйства как закона национального дохода. Особое внимание уделяется анализу законов некапиталистической организации многоукладного хозяйства, вопросам третьего пути организации рыночной экономики. Данная работа является составной частью разрабатываемой автором теории евразийского мейнстрима и теории евразийского национального хозяйства. Поэтому она будет полезна широкому кругу читателей — от научных работников и политиков до студентов, магистров, аспирантов и докторантов.

ISBN 978-5-902993-51-3

© А.А. Олейников

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	6
Введение	11
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ	
ВОСПРОИЗВОДСТВА ОБЩЕСТВА	22
§ 1. Воспроизводство общества: философско-хозяйственная	
и политэкономическая трактовка	23
1.1. Методологические основы адекватности	
экономической теории: основные критерии	23
1.2. Политэкономический подход к общественному	
воспроизводству	29
1.3. Философско-хозяйственная трактовка	
воспроизводства общества	31
§ 2. Место и роль общественного производства	
в воспроизводстве общества	35
2.1. Двойственный характер народнохозяйственного воспроизводства	35
2.2. Общественное хозяйствование как предмет	
политэкономического анализа	39
2.3. О методологии анализа духовного производства	42
1) Либеральный подход	43
2) Марксистский подход	45
3) Традиционалистский подход Ф. Листа	46
4) Народнохозяйственный (национальнохозяйственный) подход	49
2.4. Структура духовного производства	50
2.5. Духовное производство как совокупность отраслей народного хозяйства.....	53
ГЛАВА 2. СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА НАЦИОНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА	56
§ 1. Национальное хозяйство и его социально-организационное строение	56
1.1. Методологические основы институционального анализа	
структуры национального хозяйства	57
1.2. К вопросу о методологии системного экономико-философского	
анализа национального хозяйства	60
1) Духовные основания хозяйственного уклада	60
2) Христианская антропология о природе человека	61
3) Троичная структура хозяйственного уклада	62
4) О методологии системного анализа национального хозяйства	64
1.3. Институциональная структура национального хозяйства	65
1) Культура как нематериальный ресурс хозяйственного развития	67
2) Государство как институциональный механизм	69
3) Национальная экономика	70
1.4. Государство как носитель институциональных норм рыночной экономики	71
§ 2. Воспроизводство общества как реализация	
национального хозяйства	75
2.1. Воспроизводство общества как цель реализации национального хозяйства	76
2.2. Общенациональный подход к хозяйственному развитию	79
2.3. Нация как главный субъект национального хозяйства:	
методологический подход Ф. Листа	83
2.4. Структура производительных сил нации:	
взаимодействие духовных и материальных факторов	86

§ 3. Производительные силы нации и национальное богатство:	
методологический подход Фридриха Листа	89
3.1. Лист о богатстве нации	90
3.2. О производительном и непроизводительном труде	90
3.3. Лист о духовном производстве	92
3.4. Лист об эффективности вложений в человеческий капитал	94
3.5. Ассоциация производительных сил нации:	
национальная экономия против частной экономии	95

ГЛАВА 3. НАЦИОНАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО И ВОСПРОИЗВОДСТВО ОБЩЕСТВА 99

§ 1. Национальное хозяйство как основа воспроизводства общества	99
1.1. Национальное хозяйство — это сложная формационно-цивилизационная система	99
1.2. Национальное хозяйство это — многоукладная система	100
1.3. Проблема отрицательного производства	102
1.4. Метаэкономический подход и воспроизводство общества.....	103
§ 2. Многоукладное национальное хозяйство и воспроизводство общества	106
2.1. Закономерности воспроизводства многоукладного хозяйства посредством воспроизводства господствующей собственности	106
2.2. Закономерности частнокапиталистического воспроизводства: к вопросу о содержании ОЭЗ национального хозяйства	109
2.3. ОЭЗ как основной закон воспроизводства многоукладного общества	114
2.4. Закономерности трудовых форм собственности, адекватных многоукладному хозяйству	116
1) Индивидуально-трудовое хозяйство	117
2) Коллективно-трудовое хозяйство	119
§ 3. Воспроизводство человека как функция национального хозяйства	121
3.1. Процесс производства и воспроизводства человек	122
1) Производство человека как носителя рабочей силы	122
2) Проблема МРОТ в России	125
3) Средняя зарплата в России	126
4) Важнейший фактор бедности — безработица	129
3.2. Воспроизводство рабочей силы как носителя человеческого капитала	130
3.3. К вопросу об универсальном характере всеобщего закона капиталистического накопления.....	134
3.4. Об инвестициях в человеческий капитал в России	140
3.5. Способна ли капиталистическая система хозяйствования обеспечить нормальные условия для воспроизводства рабочей силы?	145
§ 4. Проблемы воспроизводства общества посредством воспроизводства укладов жизни, образа жизни и среды обитания человека	150
4.1. Производство человека как носителя духовных жизненных сил	150
4.2. Мировоззренческие проблемы воспроизводства рабочей силы	154
4.3. Воспроизводство образа жизни человека	156
1) Воспроизводство капиталистического образа жизни	157
2) Воспроизводство общинно-трудового уклада жизни.....	159
4.4. А.В. Чаянов об эффективности некапиталистических форм хозяйства	161
4.5. Воспроизводство социальной среды обитания человека	164
1) Структура социальной среды обитания.....	164
2) Проблемы подрыва жизненной среды обитания людей	166
3) Воспроизводство духовных сил и традиций	169

ГЛАВА 4. НАЦИОНАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТУПИК ЛИБЕРАЛИЗМА И ПОИСКИ АДЕКВАТНОЙ МОДЕЛИ

НАЦИОНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА171

§ 1. Несостоятельность либерально-рыночной модели экономики171

- 1.1. Антисистемность и дуализм либеральной модели
национального хозяйства171
 - 1) Либерально-рыночная модель как система антиэкономики172
 - 2) Дуализм либеральной модели национального хозяйства173
- 1.2. Политико-экономическая эффективность открытой экономики:
макроконкурентоспособность открытой экономики США177
- 1.3. Деструкция национального воспроизводственного механизма
в рамках открытой экономики181
 - 1) Модель отрицательной народнохозяйственной эффективности.....181
 - 2) Россия как спекулятивно-финансовый анклав мировой олигархии187
- 1.4. Качественная трансформация западного капитализма190

§ 2. Императивы российского национального хозяйства как основы воспроизводства общества190

- 2.1. Безопасность экономического пространства195
- 2.2. Проблема выбора между открытостью экономики
и национальной безопасностью198
 - 1) Вопросы самодостаточности национальной экономики198
 - 2) Вопросы закрытости национального хозяйства200
- 2.3. Макроконкурентоспособность и стратегическое планирование203
- 2.4. Опыт советской экономики: народнохозяйственная эффективность
как способность к выживанию всего народного хозяйства204
- 2.5. Уроки реформ и опыт мобилизационной модернизации207
 - 1) Опыт сталинской мобилизационной модернизации207
 - 2) Опыт создания мобилизационного хозяйства в Японии209
 - 3) Опыт новых индустриальных стран Юго-Восточной Азии210

§ 3. Адекватная российскому обществу модель национального хозяйства211

- 3.1. Сравнительная эффективность государственных,
и капиталистических предприятий.....212
- 3.2. Новая концепция рыночного централизма215
- 3.3. Политэкономическое содержание третьего пути в развитии
национального хозяйства.....222
 - 1) Собственность и труд в условиях государственного социализма223
 - 2) Противоречия кооперативной собственности225
 - 3) Непосредственно-общественная собственность227
 - 4) Политэкономическое содержание третьего пути в развитии
национального хозяйства228
 - 5) Модель народного предприятия в России229
- 3.4. Принципы семейной организации народного хозяйства:
методологический подход Чаянова232
- 3.5. Принципы самодостаточности: опора на местную экономику238
 - 1) Местная экономика.....238
 - 2) Понятие « жизненной экономики»239
 - 3) Мировой опыт возрождения местной экономики240

Заключение243

Список литературы258

ПОСВЯЩАЕТСЯ
Юрию Михайловичу Осипову,

*Директору Центра общественных наук
при МГУ имени М. В. Ломоносова,
доктору экономических наук, профессору,
Президенту Академии философии хозяйства
и Председателю Философско-экономического
ученого собрания МГУ
имени М. В. Ломоносова.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Решение опубликовать научную монографию, основанную на материалах моей докторской диссертации (Олейников А.А. Национальное хозяйство как основа воспроизводства общества (экономико-философский подход)¹, защищенную в МГУ им. М.В. Ломоносова на экономическом факультете в 2007 году, возникло не случайно. Моим научным консультантом был Осипов Юрий Михайлович, директор Центра общественных наук экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и руководитель лаборатории «Философия хозяйства» при экономическом факультете МГУ.

В течение двух лет в рамках лаборатории функционировал диссертационный совет, который был ориентирован при его утверждении ВАКом — на защиту диссертаций с экономико-философским подходом. Этим и объясняется подзаголовок к диссертации: «экономико-философский подход». Могу гордиться тем, что моя диссертация была, пожалуй, единственной, написанной полностью в духе экономико-философского и даже — философско-хозяйственного подходов.

После защиты я был занят подготовкой к изданию монографии по проблемам политической экономии национального хозяйства², второй редакции своего учебника³, изданием двух коллективных учебников, подготовленных на основе моего учебника⁴. Словом, я как-то упустил из виду, да и времени и денег не было, чтобы издать в форме монографии свою диссертацию. И вот в

¹ Олейников А.А. Национальное хозяйство как основа воспроизводства общества (экономико-философский подход): диссертация... доктора экон. наук (специальность ВАК РФ: 08.00.01 — Экономическая теория). — М.: Экономический ф-т МГУ имени М.В. Ломоносова, 2007. — 324 с.: РГБ ОД, 71 08-8/27.

² Олейников А.А. Политическая экономия национального хозяйства. — М.: Институт русской цивилизации, 2010.

³ Олейников А.А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для вузов: для бакалавров, специалистов и магистров. 2-е изд., перераб. и доп. В 2-х ч. — М.: Институт русской цивилизации, 2011. — 1136 с.

⁴ Олейников А.А., Данильченко С.Л., Ульянова М.В. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для вузов: для бакалавров, специалистов и магистров. — В 2-х ч. Сост. и научн. ред. д-р экон. наук Олейников А.А. / Под общ. ред. Олейникова А.А. — Москва: Институт русской цивилизации, 2011. — 800 с.; Олейников А.А., Данильченко С.Л., Ульянова М.В. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для вузов (для бакалавров, специалистов и магистров) / Под общ. ред. Олейникова А.А. — М.: МАКС Пресс, 2012. — 584 с.

конце 2013 года я приступил к подготовке новой редакции своего учебника, а события в Крыму и Новороссии подтолкнули меня и указали на подзаголовок к учебнику: «Евразийский мейнстрим: русский взгляд».

В мае 2014 года в Санкт-Петербурге прошел очередной экономический форум, на который было зарегистрировано около 4 тысяч участников. Мировая экономика в глубоком кризисе. В России продолжается спад промышленного производств. Словом, конца кризиса и не видно. Однако, как это ни парадоксально, но никто из представителей правительства и т.н. *проправительственной* экономической науки, обсуждая подходы к поиску источников «новой конкурентоспособности», **не высказал никаких новых подходов**¹.

Все разговоры, в лучшем случае, сводились и по-прежнему сводятся к поиску внешних источников финансирования, частных инвестиций, поиску источников «инновационной модернизации», стимулирования бизнеса, в лучшем случае, — к необходимости развития инфраструктуры, включая спортивные «мега-проекты». Никто и слова не сказал о «новой конкурентоспособности» как конкурентоспособности всего национального хозяйства, как его способности к выживанию в условиях геополитических и цивилизационных вызовов.

Итак, основу диссертации я написал в 2004-2005 годах. Прошло десять лет, но ничего не изменилось — ни в практике управления экономикой страны и бизнесом, ни в базисных теоретических основах, формирующих социально-экономическую политику. Изменения, правда, есть, и если говорить о сфере управления государством, то почти все они все знаком «—».

Безусловно, Президенту В.В. Путину удалось укрепить вертикаль власти, усилить государственные начала во многих звеньях государства, укрепить, хотя бы частично, государственный суверенитет, абсолютно отсутствовавший в России в годы правления Ельцина.

Однако сам по себе факт того, что Россия после серии государственных переворотов 1991-1993 годов, оказалась фактически в положении колонии США, не мог не наложить свой тяжелый отпечаток и на деятельность Путина. Видно невооруженным глазом, что он буквально «под колпаком» у «пятой колонны», которая сохранила и до сих пор имеет сильные рычаги воздействия на его политику. А кроме того, коррупция за это время не просто окрепла, количество перешло в новое качество, — в ряде секторов произошла фактическая приватизация государства. Поэтому не удивительно, что по-прежнему все разговоры сводятся к вопросам частной конкуренции, к проблемам конкурентоспособности бизнеса и крупных корпораций.

Хотя очевидно, что в условиях глобальной экономики и глобальной конкуренции надо рассматривать конкурентоспособность всего национального хозяйства, рассматривая его как единое целое.

Весь мировой опыт доказывает, что все *упирается в единство*, а оно создается единством целей, интересов и ценностей. В теории национальной экономики и национального хозяйства известно, что, что «игнорирование

¹ <http://www.forumspb.com/ru/2014/sections/30/materials/229/sessions/763#keyfacts>.

принципа социокультурной интегративности (народнохозяйственного подхода) **приводит неизбежно к упадку национального хозяйства и деградации всего общества.** При этом реальный ущерб не измеряется динамикой упадка промышленного и сельскохозяйственного производства. И это понятно: закрытие предприятий и развал отраслей ведет к росту безработицы, к деградации рабочей силы, к обнищанию семей. Разрушаются традиционные хозяйственные уклады и привычный уклад жизни миллионов людей, ощущающих себя брошенными на произвол судьбы — не нужными обществу»¹. Необходим метаэкономический, системный подход к анализу национального хозяйства, учитывающих всю совокупность **социокультурных, цивилизационных и геополитических факторов.**

Принципиально важно понимать, что *не только геополитические различия, но и различия в культуре, в системе ценностей и целей общенационального развития формируют в совокупности особый культурно-исторический тип национально-экономического развития России.* Наше общество в основе своей является традиционным — традиционалистским, а противоположность либерального и традиционного общества определяется *несовместимостью работающих принципов, на основе которых они функционируют.* И это противостояние также имеет — **неустрашимый** характер.

Всякие попытки анализировать наше русское общество, опираясь на западные теории, основанные на частнохозяйственном подходе, теоретически несостоятельны, а практически просто абсурдны.

Любая экономическая теория, игнорирующая общественные цели, автоматически превращается в частную теорию о частном, лишаясь общеметодологического и общетеоретического содержания. Ведь если мы рассматриваем не частное лицо и не узкую группу финансовых спекулянтов в качестве главного хозяйствующего субъекта, если таким субъектом для нас является вся нация и общество в целом, то в этом случае закономерными принципами жизнедеятельности всей нации для нас будут те, которые обеспечивают воспроизводство нации и всего общества в целом, т. е. возобновляемость, выживаемость и существование на данном геополитическом пространстве в качестве исторической необходимости.

Я согласен с профессором МГУ имени М.В. Ломоносова Ю.М. Осиповым, который подчеркивает, что речь сегодня должна идти «о возрождении философского подхода к решению задач, стоящих перед наукой, о таком видении предмета, которое может дать только широкий, не терпящий узких аналитических рамок, обобщающий и синтезирующий, свободно размышляющий и привлекающий все способы познания...»².

Особенность системной методологии, которая лежит в основе данного исследования, заключается в попытке выйти за узкие рамки чисто экономи-

¹ Олейников А.А. Национальное хозяйство как основа воспроизводства общества (экономико-философский подход): дисс... доктора эконом. наук (специальность 08.00.01 — экономическая теория). — М.: Экономический ф-т МГУ имени М.В. Ломоносова, 2007. — С. 105.

² Ю.М. Осипов. Экономическая цивилизация и научная экономия // Экономическая теория на пороге XXI века — 3 / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. — М.: Юрист, 2000. — С. 26.

ческого (формационного) подхода, соединяя воедино различные методы анализа — формационный, цивилизационный, историософский, геополитический, а также институциональный.

Только такой комплексный подход позволяет, на наш взгляд, охватить *все* хозяйство страны, подойдя к его анализу с разных сторон, увязывая при этом воедино все сферы общества, соединяя экономику, политику и культуру в один общий **метапредмет** политэкономического анализа. С одной стороны, мы связываем *экономическое и социокультурное* пространство воедино. А, с другой — соединяем *историческое, экономическое и социокультурное* пространство с природно-географической средой, с национальной территорией и с геополитическими особенностями всего национального хозяйства. В итоге это дает нам реальную историческую динамику хозяйственного развития, помогая избежать умозрительности, догматизма. Все это расширяет предмет научных знаний, а также возможности «восприятия научной экономией не-экономических знаний», т. е. «свободной интеграции всех знаний, позволяющей науке выйти из созданного ею же научного тупика»¹.

При таком экономико-философском подходе мы неизбежно придём к выводу о необходимости искать **закономерности общественного развития в тех формах хозяйственной жизнедеятельности, в которых воспроизводятся исторически сложившиеся стереотипы поведения и уклады хозяйства как особые формы жизни**. Приверженность данной нации этим стереотипам, традиционным хозяйственным укладам и фундаментальным духовным ценностям образует такую национально-историческую закономерность хозяйственного развития, которая в итоге **сохраняет и нацию, и общество как национально-государственное образование**.

Однако такой подход требует отказа от экономизма и радикального пересмотра всей методологии экономического анализа, требует разработки междисциплинарной методологии анализа национального хозяйства, сочетающей формационный, цивилизационный, а также национально-исторический подходы². В первую очередь речь идет о необходимости *экономико-философского* охвата национального хозяйства и *философско-хозяйственного* осмысления динамики национально-экономического развития³. А это неизбежно **выводит философию хозяйства из разряда частных**

¹ Осипов Ю.М. Экономическая цивилизация и научная экономия. — С. 25.

² В рамках данной методологии национальное хозяйство рассматривается как обусловленное социокультурным контекстом и историческим притяжением, как процесс реализации общественного производства в органическом единстве с воспроизводством общества в целом. — См., напр.: Олейников А.А. Методологические основы современной экономической теории (Методология системного политико-экономического анализа национального хозяйства): Научное издание. — Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова; Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006; Олейников А.А. Политическая экономия национального хозяйства. — М.: Институт русской цивилизации, 2010. — С. 213-241; Олейников А.А. Методологические основы адекватности современной экономической теории: критика западного мейнстрима. Методология системного экономико-философского анализа национального хозяйства: Научная монография. — М.: Издательский дом «Белгород», 2014. Олейников А.А. Методологические основы адекватности современной экономической теории: критика западного мейнстрима. Методология системного экономико-философского анализа национального хозяйства: Научная монография. — М.: Издательский дом «Белгород», 2014.

³ См., напр.: Национальное хозяйство как основа воспроизводства общества (экономико-философский подход): Автореф. дис... докт. ... наук. — Москва: МГУ имени М.В. Ломоносова, 2007.

наук в категорию общеметодологической науки, превращает ее в базисную экономико-философскую науку¹.

Мы не должны забывать, что экономическая теория призвана давать *научное обоснование механизму движения экономики* и всего общества. Ну а если наука ошиблась? Если ученые ошибаются, или же какая-то группа ученых, допустим, сознательно вводит в заблуждение правительство и руководство страны в целом, выдавая ошибочные экономические тезисы и принципы — за, некие «универсальные» и «общечеловеческие» ценности, якобы, лежащие в основе развития «цивилизованного мира»?!

Тогда общество получает **ложные ориентиры**, а данная страна в целом начинает двигаться к **катастрофе**. Ошибочные и ложные доктрины и принципы, играя роль дезинформации, способны нести в себе мощный разрушительный потенциал. Доктрины и принципы неолиберализма и либерального монетаризма превращаются в необычное оружие массового поражения, которого еще не знала история!

В этом историческом контексте *особую актуальность приобретает* разработка евразийской теории национального хозяйства и евразийского мейнстрима, а также подготовка национальных учебников по экономической теории, адекватных социокультурной укоренённости национального хозяйства русской Евразии.

¹ Олейников А.А. Философия хозяйства как общеметодологическая основа нового направления в экономической теории — политической экономии национального хозяйства // Философия хозяйства — 2 (к 10-летию журнала «Философия хозяйства») / Под ред. Е.С. Зотовой. — М., Екатеринбург: Изд-во УрТИСИ, 2009. — С. 367-379.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Политическая экономия рассматривает общественное производство, с одной стороны, как процесс производства потребительных благ, а с другой — как «производство самого человека», «процесс производства самой жизни», «производство и воспроизводство непосредственной жизни»¹. Отсюда производственный процесс имеет общественную обусловленность, он подчинён воспроизводству общества и представляет собой момент реализации и движения общества как жизнеспособной целостности. Общественное производство общественно не только потому, что вершится обществом и в обществе, но и потому, что определяется потребностями целостного воспроизводства общества во всем его системном многообразии. Общественное производство не свободно от характера общества в целом, его текущего состояния и возможных исторических перспектив. А эффективность общественного производства определяется не только его собственной производственной способностью, но и состоянием общества, народонаселения, среды обитания, культуры, социальной организации, прогресса. Судить об общественном производстве, его характере, способностях и возможностях нужно с учётом состояния всей общественной среды, а также соответствия производительного процесса этой среде, а не только соответствия среды общественному производству.

Общественное производство с неизбежностью является и национальным (народным) производством, включённым в национальный жизнетворческий процесс. Вот почему основой любого общества является именно национальное производство, или, как принято говорить в политической экономии — национальное (народное) хозяйство. И важно заметить, что за словом «национальное» скрывается вовсе не один только масштаб хозяйства, не одна только принадлежность хозяйства той или иной нации (народу), а и та или иная качественная особенность хозяйства, его специфическая определённость. Национальное хозяйство — хозяйство, решающее национальные задачи — воспроизводства и развития нации, и решающее их по-национальному, соответствующим нации образом.

Особое значение «национальность» национального хозяйства обретает в периоды крупных социально-экономических трансформаций, когда особенно велика вероятность возникновения качественного несоответствия между системой общественного производства и обществом в целом, его национальной определённостью. Радикальные перемены в системе производства могут идти в остром противоречии с общественно-национальной средой, более того, нести вред обществу, его нормальному жизнеотправлению. Отсюда потребность как в проведении взаимообусловленных преобразований в производстве и в обществе, так и в поиске наиболее гармоничного и плодотворного соответствия системы производства общественно-национальной среде.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. — С. 25–26, Т. 23. — С. 383 (примеч.).

Проведённые в России на рубеже XX—XXI вв. социально-хозяйственные реформы вступили в противоречие с задачами организации «процесса производства самой жизни», т. е. воспроизводства человека, нации и всего общества в целом, что предполагает — (1) нацеленность механизма общественного производства на жизненные интересы человека и общества, (2) общественно обусловленную интегративность всех составных частей национального хозяйства, а также (3) подчинённость национально обусловленным задачам.

Положенная в основу реформ в России неолиберальная парадигма открытой экономики оказалась в резком противоречии с потребностями воспроизводства и развития российского общества, что нашло выражение в усилении различного рода деградационных тенденций, поставивших российскую нацию на грань распада и чуть ли не исчезновения.

Учитывая вышеуказанное, можно констатировать особую актуальность теоретических исследований, направленных на осмысление взаимозависимости общественного производства и общества в целом, а также роли национального хозяйства как основы воспроизводства национально обусловленного общества. Применительно к России особенно актуальным является концептуальное содействие становлению национального хозяйства, способного гарантировать (1) воспроизводство человека, (2) выживаемость, воспроизводство и развитие общества, всей нации, а также (3) экономическую и иную безопасность, реальный суверенитет Российской Федерации. Такое национальное хозяйство может стать действительным основанием и эффективным механизмом воспроизводства всего многонационального российского общества, российской нации и цивилизации.

Созидание адекватной России модели национального хозяйства возможно при учете всего российского цивилизационного и мирового геополитического контекста, а также при постановке в центр хозяйственной жизни собственно человека и общества: не экономика для экономики, а национальное хозяйство для человека, общества и нации в целом.

Состояние научной разработанности проблемы. К числу несомненных заслуг советской политэкономической науки относится народнохозяйственное видение экономики, её понимание сквозь призму народнохозяйственного подхода, что позволило дать целостно-системное представление о механизме общественного производства и воспроизводства (Л.И. Абалкин, В.М. Агеев, Д.С. Львов, А.К. Покрытан, В.Н. Черковец, Н.П. Федоренко)¹. Однако политэкономия социализма ограничивалась в основном сферой мате-

¹ См., напр.: Абалкин Л.И. Новый тип экономического мышления. — М.: Экономика, 1987; Агеев В.М. Методологические и теоретические проблемы основного экономического закона социализма. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973; Агеев В.М. Принцип системности политэкономического исследования. — М.: Экономика, 1985; Введение в теорию и методологию системы оптимального функционирования социалистической экономики / Под ред. Н.П. Федоренко, Ю.В. Овсиенко, Н.Я. Петракова. М., 1983; Покрытан А. К. Экономическая структура социализма: функционирование и развитие. — М.: Экономика, 1985—264 с.; Столяров И.И. Личное потребление и социалистическое воспроизводство. М., 1984; Черковец В.Н. Социализм как экономическая система. М., 1982; Экономические основы всестороннего развития личности / Под ред. Ф.М. Волкова и Е.И. Рузавиной. — М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1979 и др.

риального производства и характерными для этой сферы проблемами. Лишь в 1980-х гг. появились работы, в которых общественное производство рассматривалось как процесс воспроизводства общества и человека, включая также начала культуры и духовности. Значительная часть этих работ была выполнена советскими философами¹; однако данный подход был применён и экономистами, в частности, разрабатывавшими проблематику экономической социологии (Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина и др.)².

В постсоветское время экономическая теория в России, попав под сильное влияние неоклассического направления, увлеклась количественной стороной экономических процессов, заметно отойдя от социокультурной проблематики. В результате российская экономическая наука не смогла в полной мере реализовать роль фундаментальной общетеоретической науки, став, по сути, прикладной теорией — абстрактной разновидностью экономики управления и предпринимательства. Однако уже к середине 1990-х гг. экономическая мысль в России оживилась, активизировались междисциплинарные экономические исследования, учитывавшие социокультурные факторы национально-экономического развития, а также начались активные научные поиски адекватной для страны модели национального хозяйства.

Следует отметить особый вклад Российской академии наук, экономического факультета и Центра общественных наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, экономического факультета Санкт-Петербургского университета.

Отечественные ученые внесли заметный вклад в разработку не только рыночной, но и нерыночной экономической парадигматики, в особенности, в теорию так называемой «смешанной экономики», исследование роли и оценки значения национальных особенностей, императивов и параметров в реализации экономического воспроизводства. Появились серьезные исследования по философии хозяйства и философии экономики, по проблемам новой политической экономии. Значительное внимание стало уделяться цивилизационным и геополитическим аспектам хозяйственного бытия. Развитие данных направлений связано прежде всего с именами И.Д. Афанасенко, В.Г. Белолипецкого, А.В. Бузгалина, М.И. Гельвановского, С.Ю. Глазьева, А.И. Колганова, Б.Ф. Ключникова, В.А. Лисичкина, С.П. Макарова, С.М. Меньшикова, А.И. Неклессы, Р.М. Нижегородцева, А.Б. Николаева, Ю.М. Осипова, А.А. Пороховского, В.Т. Рязанова, А.И. Субетто, Ю.В. Яковца.

¹ См., напр.: Анисимов С.Ф. Духовные ценности: производство и потребление. М.: «Мысль», 1988; Ельмеев В.Я. Воспроизводство общества и человека. — М.: «Мысль», 1988; Духовное производство: Социально-философский аспект проблемы духовной деятельности. М. 1981; Ковалев А.М. Диалектика способа производства общественной жизни. М.. 1982; Савкин Н. С. Образ жизни: формирование, воспроизводство и регулирование. Саратов. 1984; Структура общественного производства: материальное и духовное производство. М., 1982 и др.

² Первая книга по проблематике экономической социологии была издана в 1985 г. Она была посвящена центральной проблеме экономической социологии — социальному механизму развития советской экономики. См.: Пути совершенствования социального механизма развития советской экономики. Под ред. Р. В. Рывкиной. АН СССР, Сибирское отделение, Институт экономики и организации производства. Новосибирск, 1985.

Несмотря на разработанность многих важных и актуальных проблем, вопросы политэкономического рассмотрения национального хозяйства в единстве со всем социокультурным контекстом, когда национальное хозяйство рассматривается как основа воспроизводства человека и всего общества, а само национальное общество является одновременно как результатом реализации общественного производства, так и его фундаментальным основанием, — ещё не нашли удовлетворительного решения.

В основе данной монографии лежит докторская диссертация (Олейников А.А. Национальное хозяйство как основа воспроизводства общества (экономико-философский подход)¹, защищенная в МГУ им. М.В. Ломоносова на экономическом факультете в 2007 году. Данная работа была положена в основу национального учебника по экономической теории, призванному противостоять американизации процесса преподавания данного предмета в вузах². Данный учебник, являясь ответом на англосаксонский экономикс и соответствующие учебные экономические курсы, представляет собой теоретически новое направление экономической теории — политическая экономия национального хозяйства. Выходя за узкие рамки экономикса, работа преодолевает чисто экономический подход, оставляющий за рамками анализа духовные факторы и морально-этические нормы.

Поскольку диссертация была защищена на экономическом факультете в МГУ им. М.В. Ломоносова — в **alma mater** русской науки, то я просто обязан ознакомить научную общественность с теми положениями научной новизны моего диссертационного исследования, которые были признаны в качестве «наиболее значимых результатов», но до сих пор игнорируются т.н. официальной наукой. Принципиально важно это сделать также и потому, что даже в МГУ до сих в учебном процессе доминируют экономикс и соответствующие походы неоклассики.

Научная новизна. Научная новизна исследования заключается в опыте политико-экономического, а также философско-хозяйственного анализа национального хозяйства как основы воспроизводства человека, нации и всего общества в целом. Наиболее значимые результаты, имеющие признаки научной новизны, заключаются в следующем:

1. Установлено, что современная экономическая наука, будучи основана на методологической базе индивидуализма и в силу этого являясь в значительной степени совокупностью частных теорий о частных экономических процессах, не даёт адекватного представления о национальном хозяйстве и всей системе общественного воспроизводства. Показано, что национальное хозяйство является не простой совокупностью частных экономических агентов и их отношений, а целостным организмом, включенным

¹ Олейников А.А. Национальное хозяйство как основа воспроизводства общества (экономико-философский подход): дисс... доктора эконом. наук (специальность 08.00.01 — экономическая теория). — М.: Экономический ф-т МГУ имени М.В. Ломоносова, 2007.

² Олейников А.А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства: Учебное пособие. В 2-х частях. — М.: ТЕИС, 2006. — Ч.1, 553 с.; Ч. 2, 523 с.; Олейников А.А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для вузов: для бакалавров, специалистов и магистров. 2-е изд., перераб. и доп. В 2-х ч. — М.: Институт русской цивилизации, 2011. — 1136 с.

в социокультурную среду, обусловленным исторически, имеющим фундаментальные особенности жизнедеятельности. В связи с этим экономическая наука нуждается в органическом единении — (а) теории экономики вообще, (б) теории общественного развития, (в) теории национального хозяйства и народнохозяйственного воспроизводства.

2. Разработана междисциплинарная методология анализа национального хозяйства, сочетающая формационный, цивилизационный, а также национально-исторический подходы. В рамках данной методологии национальное хозяйство рассматривается как обусловленное социокультурным контекстом и историческим притяжением, как процесс реализации общественного производства в органическом единстве с воспроизводством общества в целом. Исходя из органической взаимообусловленности национального хозяйства и общества, **национальное хозяйство рассматривается как целостный социохозяйственный комплекс, состоящий из двух основных взаимосвязанных сфер общественного производства — сфер рыночного и нерыночного хозяйствования, а именно: (1) сферы товарного производства, основанного на частно-рыночном хозяйствовании и (2) сферы общественного (социального) хозяйствования, имеющего нерыночный характер — общественно-нерыночного хозяйствования¹.**

3. Доказана необходимость рассмотрения социокультурных факторов воспроизводства общества в предметном пространстве политэкономии. Обосновано включение духовного производства и всей сферы общественно-нерыночного хозяйствования в предмет политэкономического анализа. Доказана значимость социокультурных факторов и духовно-нравственных компонентов в реализации национального хозяйства не только в социальном, но и в производственно-экономическом аспекте. Обоснован вывод об особой социокультурной и духовно-нравственной роли государства в России, несмотря на все негативные тенденции последнего времени. Приведена дополнительная политэкономическая аргументация в пользу усиления роли государства в национальном хозяйстве. Показано, что государство в России больше, чем государство, его функции выходят за пределы технико-операционных деяний.

4. Установлено, что пересадка западных экономических, юридических и социальных институтов на российскую почву, именуемая «трансплантацией институтов», не может привести к благоприятным для России результатам вследствие органической несовместимости зарубежных «институциональных органов» с российским социокультурным организмом. Вытеснение из системы организации национального хозяйства государства негативно сказалось не только на самом по себе национальном хо-

¹ В дальнейшем эти сферы обозначены двумя соответствующими понятиями: 1) «сфера частно-рыночного хозяйствования», имея при этом в виду систему рыночной экономики, основанной на частной собственности, и (2) «сфера общественно-нерыночного хозяйствования», понимая в данном случае всю систему нерыночного хозяйствования, включая социальную сферу, основанную на духовном производстве.

зяйстве, утратившем прогрессивное целеполагание, но и на обществе в целом, обнаружившем явные деградационные тенденции. В работе обосновано, что вопрос о государстве имеет в российском контексте не технико-операционный, а организационно-фундаментальный характер: только государство способно сообщить социохозяйственному движению такой страны, как Россия, необходимые ей вектор, характер и способ её исторической реализации.

5. Обосновано положение о государственной идеологии как одном из важнейших факторов общественного производства и национального хозяйства, находящим реализацию в институциональном механизме, состоящем преимущественно из совокупности работающих социохозяйственных принципов, на основе которых воспроизводятся и развиваются экономика и социум. *Если государственная идеология и не создает стоимости, то она создаёт (или разрушает) производительные силы страны.* В связи с этим выдвинуто положение о превращении государственной идеологии в систему действенных принципов, следуя которым могут эффективно функционировать и плодотворно развиваться национальное (народное) хозяйство, социальная и культурная сфера, всё общество в целом. Модернизация любой страны посредством её реформирования и перестройки производительного потенциала есть не что иное, как реализация через механизм социально-экономической политики национальной, а по сути — государственной идеологии.

6. Обосновано, что воспроизводство общества, не ограничиваясь воспроизводством социально-экономических отношений, предполагает воспроизведение фундаментальных социально-экономических и социокультурных условий жизнедеятельности людей в качестве важнейшей предпосылки воспроизводства человека и общества.

Исходя из необходимости раскрыть закономерности воспроизводства общества, взятого в целом, *данный процесс рассмотрен в работе как совокупность целого ряда взаимосвязанных процессов, а именно:* (1) воспроизводства человека, жизненной среды обитания людей, всей социальной сферы; (2) воспроизводства приемлемых жизненных укладов и многоукладного общества в целом; (3) наконец, воспроизводства национального хозяйства, функционирующего в процессе взаимодействия двух главных сфер — частно-рыночной и общественно-нерыночной.

Сделанный в работе вывод о том, что **общество в целом воспроизводится как многоукладная система**, позволил прийти к заключению, что *господство капиталистических форм собственности, основанных на частнохозяйственном механизме присвоения и максимизации прибыли, не может служить основой воспроизводства всего общества.* **Обосновано, что производство вновь созданной стоимости, а не только прибыли, должно лежать в основе национального хозяйства, ему непосредственно служить; а для этого создаваемый в стране национальный доход должен быть**

именно *народным*, т. е. быть не столько условно-расчетным явлением, сколько реальным народнохозяйственным феноменом, оказывающимся основой воспроизводства всего народа.

7. Доказано, что воспроизводство социокультурной среды напрямую связано с процессом воспроизводства основ общественной жизни человека и всего общества в целом. Обосновано, что возникшая в итоге проведенных в стране реформ хозяйственная модель не только не обеспечивает нормального воспроизводства человека и общества, но и **упорно разрушает человека и национальные производственные механизмы, лишая их целостности и интегративности.** Показано, что в современной России человек живёт, функционирует и воспроизводится по преимуществу не как полноценное содержательное существо, полное духовных сил, а всего лишь **как рабочая сила, лишённая к тому же экономической основы для своего воспроизводства и в силу этого обречённая на сверхэксплуатацию и постепенную деградацию.** Отсюда сделан вывод о необходимости превращения человека в главное условие и цель общественного воспроизводства; обоснована необходимость активного использования нематериальных ресурсов национально-экономического развития.

8. Разработаны концептуальные основы народнохозяйственной модели национального хозяйства, предназначенной обеспечить нормальное воспроизводство человека и общества. Применительно к России в основание такой модели положены принципы коллективизма и солидарности, интегративности и самодостаточности. Модель предполагает, что все составные части народного хозяйства, включая сферы частно-рыночного и общественно-нерыночного хозяйствования, должны **функционировать как единый национально обусловленный механизм, подчиняясь общенациональным целям и ценностям, единой стратегии, развиваясь в рамках единой институциональной и социокультурной среды.**

Разработаны критерии социально-экономической эффективности хозяйства страны: 1) расширенное воспроизводство человека и общества; 2) социохозяйственные интегративность и самодостаточность; 2) конкурентоспособность национальной экономики и экономическая безопасность страны. Учитывая цивилизационные и геостратегические (природно-климатические, географические, пространственные) особенности России, предлагается особо развивать смешанные государственно-кооперативные и государственно-капиталистические способы ведения многоукладного хозяйства. **Национальное хозяйство такой страны, как Россия, может служить эффективной основой расширенного воспроизводства общества только при условии абсолютного приоритета государственного, общественного начала в хозяйственном процессе и национально-экономическом развитии.**

В основу хозяйственного механизма России, альтернативного либерально-рыночной модели национального хозяйства, в работе положены:

1) исторически обоснованная и социокультурно обусловленная многоукладность хозяйства, отражающая жизнеспособное разнообразие всей национальной жизни; 2) преобладание государственного уклада; 3) наличие хозяйственного централизма, сочетающего государственную инициативу с хозяйственной самостоятельностью предприятий; 4) приоритет такой формы хозяйственной деятельности, как «народное предприятие» с коллективным владением средствами производства и производственным самоуправлением.

За прошедшие после защиты диссертации годы автор, по сути, создал новое направление в экономической теории — **«Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства (Евразийский мейнстрим: русская точка зрения)»**, являясь автором не только монографий¹ и статей², посвященных разработке политической экономии национального

¹ Олейников А.А. Методологические основы современной экономической теории (Методология системного политико-экономического анализа национального хозяйства). Научное издание / под общ. ред. В.В. Чекмарева. — Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова; Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006. — 245 с.; Олейников А.А. Политическая экономия национального хозяйства. Научное издание / под. общ. ред. В.В. Чекмарева. — Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова; Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006. — 306 с.; Олейников А.А. Политико-экономические основы модели «третьего пути». Научное издание / под. общ. ред. В.В. Чекмарева. — Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова; Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006. — 296 с.; Олейников А.А. Политическая экономия национального хозяйства. — М.: Институт русской цивилизации, 2010. — 1184 с.; Олейников А.А. Политическая экономия национального хозяйства. — М.: Институт русской цивилизации, 2010; Олейников А.А. Национальное хозяйство как основа воспроизводства общества (экономико-философский подход): Научная монография. — Екатеринбург: Уральский институт бизнеса, 2014; Олейников А.А. Методологические основы адекватности современной экономической теории: критика западного мейнстрима. Методология системного экономико-философского анализа национального хозяйства: Научная монография. — М.: Издательский дом «Белгород», 2014; Олейников А.А. Макроконкурентоспособность национальной экономической модели в системе управления национальным хозяйством современной России: выбор стратегии, выбор будущего. Научная монография. — М.: Издательский дом «Белгород», 2014; Олейников А.А. Макроконкурентоспособность национального хозяйства в XXI веке: выбор России между открытостью и экономической самостоятельностью (Опыт системного экономико-философского подхода): Научная монография. — М.: Издательский дом «Белгород», 2014;

² См. след. Работы автора: Олейников А.А. Философия хозяйства как общеметодологическая основа нового направления в экономической теории — политической экономии национального хозяйства // Философия хозяйства — 2 (к 10-летию журнала «Философия хозяйства») / Под ред. Е.С. Зотовой. — М., Екатеринбург: Изд-во УрТИСИ, 2009. — С. 367-379; Олейников А.А. Проблема подрыва культурных смыслов: рекультуризация как форма информационной войны // Рождение культурологи в России (сборник научных трудов. Научный редактор — проф. В.П. Океанский. — Иваново; Шуя: Центр кризисологических исследований ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2011; Олейников А.А. Роль культуры в модернизации современной России: к вопросу о протестантской социокультурной динамике российского капитализма // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — №11. — 2012. — С. 79-81; Олейников А.А. Вопросы преподавания экономической теории в православных вузах: к вопросу о том, на каком языке церковь разговаривает с Человеком в эпоху постмодерна в XXI веке // Социология религии в обществе позднего модерна: Материалы Российской конференции с международным участием. НИУ «БелГУ», 10 февраля 2011. — Белгород: ИПК НИУ БелГУ, 2011. — С. 168-176; Олейников А.А. Болонский процесс и методология преподавания экономической теории // Международный журнал экспериментального образования. — № 6. — 2011. — С. 97-99; Олейников А.А. К вопросу о создании евразийской теории национального хозяйства // Развитие и экономика. Научный и общественно-политический альманах. 2012. — Март. — № 2. — С. — 126-133; Олейников А.А. Болонский процесс и евразийское пространство: к вопросу о необходимости разработки новых евразийских учебников по экономической теории // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — №3. — 2012. — С. 98-100; Олейников А.А. Антихристианский характер капитализма: к вопросу об антисофийности и нелюбви к народу у российской элиты // София. Сто лет русской философии хозяйства / Под ред. Ю.М. Осипова, А.И. Агеева, Е.С. Зотовой. — М.: ТЕИС, 2012. — С. 228-235; Олейников А.А. Закономерности духовного воспроизводства общества: как привести национальное хозяйство России в соответствие с традиционными основами русской жизни // Русский экономический вестник: научно-публицистический журнал. Тематический выпуск. — № 9-10. — Екатеринбург: Изд-во Уральского института бизнеса, 2012. — С. 403-412; Олейников А.А. Либерализм как подрывная антигосударственная доктрина, уни-

хозяйства. Концепция диссертационного исследования и его основные положения легли в основу нескольких изданий национального учебника по экономической теории¹.

Эпоха рыночного фундаментализма в России закончилась. Этой проблеме посвящаются научные конференции. Об этом сегодня говорят многие авторитетные учёные² и политики, включая Президента РФ В.В. Путина. Однако в вузах России до сих пор тотально господствуют американские и американизированные учебники по экономической теории, основанные на теории однополярного мира. Очевидно, что **американизация процесса преподавания экономической теории в вузах** — является **формой скрытой агрессии** со стороны внешних сил, стремящихся управлять Россией как колонией, лишая нас реального суверенитета.

Нам необходим комплексный подход к проблеме вузовских учебников по общественным наукам. С начала 1990-х годов сложилась абсолютно порочная система, поставившая наши вузы в зависимость от американского дяди Сэма в «пробковом шлеме», который стал нам навязывать свои учебники и методики.

Сегодня — в то время, когда США уже открыто угрожают России, стремясь разместить ПРО на Украине, втягивая её в НАТО; когда США не скрывают своего, с кажем мягко, недружелюбия по отношению к России, рассматривая нас в качестве *вассала*; когда они активно создают западный анти-российский фронт, откровенно шантажируя нас, — мы продолжаем обучать в наших вузах инженеров, строителей, финансистов, ученых и педагогов на основе американских учебников по экономической теории, воспитывающих нашу молодежь в духе преклонения перед США, на ценностях индивидуализма и стяжательства, враждебных как нашей истории, так и нашим цивилизационным и геополитическим особенностям.

Всё это напоминает театр абсурда, мягко говоря. К этому следует добавить, что продвижением американских учебников в Россию в начале 1990-х

чтожающая общество России // Постреформизм и развитие: монография / под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. — М., Ирпень:Изд-во Национального университета государственной налоговой службы Украины, 2013. — С. 267-274; Олейников А.А. Вопросы взаимосвязи религии, культуры и модели национально-экономического развития // Социология религии в обществе Позднего Ммодерна (памяти Ю.Ю. Синелиной): материалы Третьей международной конференции. НИУ «БелГУ», 13 сентября 2013 г. / отв. ред. С.Д. Лнбедев. — Белгород: ИД «Белгород», 2013. — С. 427-433.

¹ Олейников А.А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства: Учебное пособие. В 2-х частях. — М.: ТЕИС, 2006. — Ч.1, 553 с.; Ч. 2, 523 с.; Олейников А.А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для вузов: для бакалавров, специалистов и магистров. 2-е изд., перераб. и доп. В 2-х ч. — М.: Институт русской цивилизации, 2011.-1136 с.; Олейников А.А., Данильченко С.Л., Ульянова М.В. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для вузов: для бакалавров, специалистов и магистров. — В 2-х ч. Сост. и научн. ред. д-р экон. наук Олейников А.А / Под общ. ред. Олейникова А.А. — Москва: Институт русской цивилизации, 2011. — 800 с.; ; Олейников А.А., Данильченко С.Л., Ульянова М.В. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для вузов (для бакалавров, специалистов и магистров) / Под общ. ред Олейникова А.А. —М.: МАКС Пресс, 2012. — 584 с.

² Директор Института экономики РАН, председатель Программного комитета Московского экономического форума **Руслан Гринберг**, заявил на заседании форума 20 марта 2013 года, что **эпоха рыночного фундаментализма в России закончилась.** <http://me-forum.ru/media/news/1080>.

годов занимался американский миллиардер Джордж Сорос, активно финансируя образование. А сегодня он финансирует Майдан, поддерживая открытых нацистов, готовых воевать с Россией и уже угрожающих Москве.

Продолжать преподавать экономическую теорию (да и другие предметы, скопированные с американских учебных курсов) в сложившихся условиях можно только при одном условии: если мы (политическое руководство страны и всё общество в целом) принимаем теорию **«однополярного мира»**, соглашаясь с его политическими условиями, т.е. фактически принимаем капитализацию. В этом случае, вполне понятно, мы будем исходить из концепции унификации всего мира на основе экономической системы страны-победителя, господствующей в «однополярном мире», т.е. США и всего Запада в целом.

Неолиберальные экономические теории образуют теоретический фундамент западной политической теории «однополярного мира». Однако если Россия, как это мы видим сегодня, находит в себе силы и мужество противостоять США и военно-политическим доктринам Запада (частью которых является американский экономикс)¹, то в этом случае мы просто обязаны, отвергая идею унификации мира на основе *англосаксонской* экономической системы и признавая многополярность мира, укорененного в разнообразии культур и цивилизаций, противопоставить англосаксонскому мейнстриму наш *отечественный* — **евразийский мейнстрим**, опирающийся на теорию множественности моделей национального хозяйства. **Переход к многополярному миру требует закономерного отказа от американского экономикса и замены теории экономической унификации теорией национального хозяйства.**

Учебник — несет в себе духовную, *цивилизационную матрицу*, это — мощное *информационно-пропагандистское* оружие. И мы не имеем права отдавать его в руки наших геополитических врагов, развернувших в России войну глобальных сил ультралиберализма против традиционализма. Очевидно, что нашей стране — стране-цивилизации как русской Евразии — сегодня нужна *своя евразийская теория национального хозяйства*, **нужны новые учебные курсы** по экономике, адекватные всей нашей истории, нашим традициям, нашим цивилизационным и геополитическим особенностям. Нам нужны учебники, способные социализировать нашу молодежь².

Если мы, проводя конференции, публикуя монографии и сборники трудов, не предпринимаем решительных шагов к тому, чтобы сделать новое зна-

¹ В реальности он является теорией американского национального хозяйства, принципы развития которого возводятся в абсолют и навязываются всему мировому сообществу.

² И этим критериям отвечает мой национальный учебник, являясь даже не учебником, а научным исследованием на тему: *«Экономическая теория как политическая экономия национального хозяйства»*, всего лишь *изложенным методологически в виде учебника* для бакалавров, специалистов и магистров. В основе учебника лежит *докторская диссертация* (Национальное хозяйство как основа воспроизводства общества), защищенная в МГУ им. М.В. Ломоносова. Это — **готовый научный «продукт»**.

ние о национальном хозяйстве России основой социализации молодежи, основой вузовского обучения в форме новых учебников, то в этом случае мы, видимо, — не понимаем **исключительной значимости учебников** по экономической теории.

Учебник — несет в себе духовную, цивилизационную матрицу, это — мощное *информационно-пропагандистское* оружие. Мы не имеем права отдавать его в руки наших геополитических врагов, развернувших в России войну глобальных сил ультралиберализма против традиционализма.

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА ОБЩЕСТВА

В постсоветской России экономическая теория попала под сильное влияние неоклассического направления, увлеклась количественной стороной экономических процессов, заметно отойдя от проблем общественного воспроизводства и социокультурной проблематики, включая воспроизводство человека и общества в целом. С середины 1990-х гг. в России ведутся активные научные поиски адекватного для страны хозяйственного механизма, заметно стремление преодолеть односторонность экономикса. Однако российская экономическая наука до сих пор ещё не преодолела раскол, распадаясь на различные школы, направления и противоречивые концепции, объясняющие нередко одни и те же экономические явления и процессы с противоположных позиций. Поэтому, начиная наше исследование, мы сразу же сталкиваемся с рядом принципиальных вопросов. Какой теоретический и методологический инструментарий можно использовать для анализа диссертационных проблем? Другими словами, какую экономическую теорию следует положить в основу исследования?

Принципиально важным, на наш взгляд, является разделение хозяйства страны на две основные сферы: а) рыночного хозяйствования и б) общественного (социального, нерыночного) хозяйствования. Анализ сферы рыночного хозяйствования — это предмет экономикса. Категориальный аппарат экономикса и его принцип методологического индивидуализма могут быть адекватными для анализа рационального поведения хозяйствующих субъектов рыночной экономики.

Однако индивидуалистическая методология и вся система неоклассических понятий, адаптированных к анализу поведения абстрактно-условных субъектов рынка, будут уже совершенно неадекватны на другом, более высоком метахозяйственном уровне — на уровне политэкономического исследования механизма воспроизводства такой многомерной экономической системы, какими являются национальная экономика и национальное хозяйство. Какое направление экономической теории способно адекватно отразить с помощью своего теоретического и методологического инструментария сферу общественного хозяйствования, имеющего нерыночный характер? Какую теорию можно считать адекватной и каковы критерии адекватности? Ответ на эти и другие взаимосвязанные вопросы зависит от соответствующей методологии, от системы принципов, с помощью которых мы собираемся анализировать экономическую действительность.

§ 1. Воспроизводство общества: философско-хозяйственная и политэкономическая трактовки

Метод — это точка отсчета, это — угол научного зрения, а методология это — система научных принципов, в основе которых лежат устоявшиеся жизненные принципы, т. е. принципы хозяйственной жизнедеятельности данного народа. И **единой, некой универсальной методологии не существует именно потому, что отсутствуют единые жизненные принципы**. Соответственно, отсутствует и единая «точка отсчета», а также единый для всех стран и народов угол научного зрения. Очевидно, что либеральная идея об универсальности принципа индивидуализма противоречит реальному многообразию хозяйственного мира.

Различные направления экономической науки исторически развивались на основе разных методологических принципов, отражающих разные мировоззренческие системы. И мы не ставим перед собой невыполнимую задачу сформулировать и отстоять некую «единственно правильную» точки зрения, с которой открывается вид на всю реальность хозяйственной жизни. Однако выполнить поставленные в данном исследовании задачи будет практически невозможно, оставаясь в рамках «безбрежного плюрализма». Ведь чисто внешне современное экономическое знание оказалось «воплощенным во множестве теорий и концепций, не согласующихся друг с другом, но сосуществующих»¹. Поэтому мы вынуждены **проводить деление на адекватные и неадекватные теории**, которое уже принято в экономической науке. В нашу задачу входит лишь уточнение критериев адекватности.

1.1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АДЕКВАТНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ: ОСНОВНЫЕ КРИТЕРИИ

Итак, *что же следует считать «адекватной экономической теорией»?* Научный подход к этой проблеме требует первоначально выделить методологические принципы и критерии адекватности экономической теории².

Во-первых, главным критерием адекватности является способность экономической теории **быть теорией общественного развития**. Для этого она должна, изучать общественное воспроизводство, рассматривая его как двуединый процесс: (1) как процесс производства материальных благ и воспроизводства общественного богатства; (2) как процесс воспроизводства обще-

¹ К вопросу о так называемом «кризисе» экономической науки: Материалы теоретического семинара ИМЭМО. — М., 2002. — С. 47.

² См. подробнее: Олейников А.А. Методологические основы современной экономической теории (Методология системного политико-экономического анализа национального хозяйства): Научное издание / Под общ. ред. В.В. Чекмарева. — Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова; Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006. — С. 13–131; Олейников А.А. Методологические основы адекватности современной экономической теории: критика западного мейнстрима. Методология системного экономико-философского анализа национального хозяйства: Научная монография. — М.: Издательский дом «Белгород», 2014;

ства и самого общественного человека в целом¹. Предметом анализа такой теории должно быть все общество в целом — вся система национального хозяйства, весь механизм его воспроизводства и его макроконкурентоспособности, нацеленной на реализацию общенациональной стратегии, устремленной в будущее. Очевидно, что экономическая теория должна теоретически обосновывать принципы, которые лежат в основе развития всего общества и его национального хозяйства. Разработанные теоретические принципы затем формируют основу государственной идеологии, превращаясь в совокупность уже работающих принципов. А соответствующая социально-экономическая политика данного государства является всего лишь механизмом реализации этих принципов, которые могут работать не только на прогресс, но и на регресс, выступая, в таком случае, как система дезорганизующих принципов.

Таким образом, чтобы быть адекватной, экономическая теория должна отражать те принципы, которые могут обеспечить реальный прогресс как рост благосостояния всего народа, реальное развитие экономики и всего национального хозяйства в целом.

Однако следует особо подчеркнуть, что главным условием достижения основных задач макроэкономической политики (достижение стабильного экономического роста; обеспечение высокой занятости; рост реальных доходов населения; устойчивость цен; равновесие платежного баланса) является *метавоспроизводство* как воспроизводство всего общества и его национального хозяйства в целом. Очевидно, что эта задача является ключевой, фундаментальной, не решив которую, невозможно рассчитывать на сохранение в будущем самого общества и его хозяйства. Экономическая теория, являясь теорией общественного развития, должна быть теорией общественного воспроизводства как многослойного и многомерного процесса, имеющего своей основой духовное производство.

Экономические теории теряют свой смысл и перестают быть теориями общественного развития, если они оказываются неспособными выразить в теоретическом виде общенациональные интересы и показать конкретный механизм из реализации. Любая практика, т. е. практическая деятельность людей в обществе, является — политической практикой, а экономическая теория — политической экономией. Как справедливо заметил Н.М. Казанцев, член-корр. АГН, д.ю.н. и к.э.н., политическая экономия «является политической наукой»².

Очевидно, что экономическое пространство, в рамках которого происходит движение экономических явлений, процессов, а также хозяйствующих субъектов, всегда является конкретно-историческим и национально-

¹ См., напр.: Ельмеев В.Я. Воспроизводства общества и человека. — М.: Мысль, 1988; Ковалев А.М. Диалектика способа производства общественной жизни. — М., 1982; Березовская Л.В., Ковалев А.М. Россия на пороге XXI века: философско-социологическое исследование. — М.: Изд-во МГУ, 1998; Бородин Е.Т. Природное и общественное воспроизводство: Постигание марксизма и преодоление его противоречий. — М.: Издательство «Познавательная книга Пресс», 2003.

² Казанцев Н.М. К вопросу о парадигме политической экономии: расширение метода // Экономическая теория на пороге XXI века — 2 / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Т. Пуляева, В.Т. Рязанова, Е.С. Зотовой. — М.: Юрист, 1998. — С. 142.

обусловленным. А экономические законы всегда отражают закономерности самой жизни, самого хозяйства, повторяемость и воспроизводимость хозяйственных укладов и стереотипов хозяйственного бытия. В реальности существует очень ограниченный круг экономических категорий, имеющих универсальное значение в качестве научных абстракций, а именно: товар, цена, деньги, капитал, рабочая сила, воспроизводство. Однако реальное движение тех процессов и явлений, которые эти категории всего лишь теоретически фиксируют, всегда происходит в рамках не только национального экономического, но и социокультурного пространства. Экономическое развитие, как правило, является национально-экономическим движением, закономерности которого имеют институциональную форму, создаваемую формальными и неформальными институтами. Подробнее эти вопросы мы рассмотрим ниже.

Во-вторых, чтобы быть адекватной и отражать общие закономерности общественного развития, экономическая теория должна отражать не частные интересы отдельных социальных групп и классов, а интересы всего общества, всего народа в целом. Но для этого она должна быть теорией национального хозяйства. Только в этом случае она сможет выразить закономерности движения и окружающего мира, и каждого общества, каждого национального хозяйства в отдельности. Только в этом случае она сможет быть теорией общественного развития.

Профессор В.Т. Рязанов (СПбГУ) ещё в 1996 году на международной теоретической конференции в МГУ имени М.В. Ломоносова призвал ученых приложить усилия, направленные на разработку специальной экономической теории, объектом которой выступают национальные хозяйственные системы, закономерности их формирования, успешного функционирования и развития. Он подчеркнул: «Вопрос о разграничении уровней экономической теории — это не просто область чистой методологии. За ним стоит чрезвычайно важный вопрос о том, какая теория должна лежать в основании экономической политики России, стратегии ее хозяйственного развития»¹.

Однако либеральная теория рыночной экономики такой теорией не является потому, что в её основе лежат частные интересы, отражающие интересы предпринимательского класса, т. е. в среднем не более 10 % населения. Адам Смит следует везде своему главному методологическому принципу: «анализ общества и общественных отношений должен базироваться на анализе индивида, его природы, его интересов»². Известный немецкий ученый-экономист начала XIX века Фридрих Лист очень точно охарактеризовал доктрину Смита, как «**систему частной экономии народа или человечества**», согласно которой: а) общество состоит из отдельных

¹ Его тогда поддержал профессор Ф.Ф. Рыбаков (СПбГУ), который подчеркнул: «Экономическая теория не должна игнорировать национальные особенности... Хочу поддержать триаду, включающую политическую экономию, макро- и микроэкономику, национальную экономику (экономику России), как составные части экономической теории с позиций ее преподавания в высшей школе. Опыт экономического факультета СПбГУ свидетельствует, что такая схема отвечает современному уровню развития экономической науки и потребностям хозяйственной практики» (Экономическая теория на пороге XXI века — 2. — С. 20, 40).

² Д.И. Розенберг. История политической экономии. — М., 1940. — С. 119

индивидов, это совокупность частных лиц; б) интересы общества — это сумма интересов собственников, образующих общество; в) богатство нации — это совокупность богатства частных лиц. Либеральная экономическая доктрина, являясь узкоклассовой теорией и отражая интересы предпринимательского класса и крупного бизнеса, претендующего на унификацию национального хозяйства в каждой стране и во всей мировой экономике в целом на основе своих принципов, объективно не может быть теорией общественного развития.

Точно также и марксистская теория нерыночной экономики, являясь узкоклассовой теорией, не может быть общенациональной теорией общественного развития. **Здоровое общество является всегда многоклассовым и многоукладным.** И для того, чтобы теоретически отразить такое общество и сформулировать принципы его гармоничного развития, необходима новая теория, способная быть выше классовых пристрастий как либеральной (буржуазной), так и марксистской (пролетарской) экономических доктрин.

В-третьих, принципы экономической теории должны быть адекватны геополитическим особенностям (климат, протяженность территории, рельеф, этническая история), а также цивилизационным особенностям исторического развития любой данной страны. И это понятно, если при этом не забывать, что а) любой экономический закон это — закономерность, то есть повторяемость, воспроизводимость всех экономических отношений; б) соответственно, экономические законы национального хозяйства любой данной страны должны адекватно отражать и теоретически фиксировать законы хозяйства, то есть — закономерность, воспроизводимость всех хозяйственных укладов и соответствующих экономических отношений. Адекватная экономическая теория должна быть теорией национального (народного) хозяйства и как таковая должна быть адекватна национальным морально-этическим ценностям, традициям исторического развития данной страны. Она должна отражать исторически сложившиеся хозяйственные уклады, являющиеся исторической формой организации народной жизни, т. е. должна быть адекватна критериям народной правды. Экономическая теория должна объяснять жизнь, она должна быть адекватна самой народной жизни и её историческому опыту.

Законы общественной жизни являются закономерностью самой жизни, составной частью которого является хозяйство и соответствующие закономерности хозяйствования. Высшим критерием социальной истины и правды жизни является жизнь самого народа, способ его бытия, способ народной жизнедеятельности, опирающейся на культурно-исторические традиции, уходящие в глубь веков и имеющие в России восточные духовные корни. Именно поэтому носителем правды жизни является сам народ. Народная правда или правда жизни — это не голая умозрительная абстракция. Правда жизни — это правда-истина, это то, что соответствует истине, это тот жизненный порядок, который основан на нравственных идеалах, на принципах

справедливости, на вековых традициях, имеющих нравственные и религиозные основания.

Профессор Н.В. Расков (СПбГУ) подчеркивает в этой связи: «Динамика роста общенародного блага является критерием истинности экономической теории, внедряемой в жизнь. Критическое отношение к нынешней концепции и практике реформ, а порою отрицание и противостояние им, связано, прежде всего, с тем, что реформирование российской экономики не привело к росту общественных благ, не увеличило, а уменьшило количество счастливых людей». Поддерживая идею В.Т. Рязанова о необходимости разработки теории национального хозяйства, в частности, теории российского хозяйства, он подчеркнул, что «необходимо во главе всей конституции национальной экономики поставить не идею, не принцип, а народное благо»¹. Либеральная теоретическая школа, сложившаяся в России в 1990-е гг., наоборот, объявляет Россию, якобы, «неадекватной» современному миру, стремясь при этом загнать хозяйство всей страны в жесткое «прокрустово ложе» либеральных принципов, враждебных любому государству и любым национальным традициям.

Говоря о методологических принципах адекватной теории, следует указать на принцип комплексности или принцип системности. Суть данного методологического принципа, обеспечивающего адекватность экономической теории, заключается в морфологическом подходе к национальному хозяйству (НХ), в попытке выработать методологию системного анализа, интегрирующего различные методы анализа, включая институциональные.

Формационный анализ принципиально важен, однако он уже явно недостаточен, так как не способен охватить все хозяйство страны и отразить всю его специфику. Его необходимо дополнить: (а) цивилизационным методом, позволяющим учитывать влияние на экономику социокультурных факторов, а также соответствующих институтов; (б) методом геополитического анализа, позволяющим учитывать влияние климатических условий, особенности ландшафта и протяженности территории на экономику страны, а также (в) историософским подходом, сочетающим исторический охват анализа с философским осмыслением экономики и движения всего национального хозяйства². А.И. Субетто, например, считает, что «следует не противопоставлять цивилизационный подход формационному, а рассматривать их в диалектическом единстве. Цивилизационный подход находится в отношении дополнительности к формационному (назовём это принципом цивилизационно-формационной дополнительности)»³.

¹ Экономическая теория на пороге XXI века — 2. — С. 24-25.

² См.: Олейников А.А. Методологические основы современной экономической теории (Методология системного политико-экономического анализа национального хозяйства): Научное издание. — Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова; Кострома: КГУ им. Н.А Некрасова, 2006. — С. 132–210.

³ Субетто А.И. Экономические законы развития России, или Самоидентификация «российского разума» // Философия хозяйства. — 2003. — №6. — С.211; см. также: Субетто А.И. Экономические законы развития России // Проблемы новой политической экономики. — 2003. — №1-2. — С. 41; по мнению профессора Н.Г. Козина, д.ф.н., взаимодействие способа производства и способа жизнедеятельности, формации и цивилизации подчиняется общесоциологическому «закону цивилизационно-формационного соответствия» (см.: Козин Н.Г. Постигание истории. Опыт историософского анализа. — М., 2002. — С. 84 и др.).

Необходимость применения системного или комплексного подхода к анализу экономики определяется тем, что экономика есть часть общества в целом, что **чисто экономических процессов в реальной жизни не существует**. В экономические и хозяйственные отношения вступают не абстрактные «субъекты», не «экономический человек» А. Смита, а «социологический человек» — реальные люди. Но они являются носителями не только и не столько голых экономических интересов, сколько — морально-этических ценностей и национальных традиций данной страны. Именно поэтому необходим учет взаимосвязей всех общественных явлений, необходимо развитие междисциплинарных исследований, необходим синтез различных методологических подходов к анализу экономики и национального хозяйства.

Необходим синтез политэкономического анализа с такими исследовательскими направлениями, как философия экономики и хозяйства, психология экономики, экономика поведения капиталов, социальная экономика, синергетическая экономика и др. Профессор В.Т. Пуляева очень правильно заметила: «Экономистам необходимо выходить за пределы своего предмета, вторгаясь в сферы политики, культуры, социологии. Создание новой парадигмы невозможно без междисциплинарного подхода. Рынок, например — это категория не только экономическая, но и правовая, и психологическая, и социальная. Поэтому необходима интеграция усилий ученых самых различных сфер и направлений»¹.

Адекватная экономическая теория интересует нас не сама по себе. Её поиски подчинены другой задаче — теоретическому осмыслению адекватной модели развития национального хозяйства России и других стран, входящих в СНГ и образующих единое социокультурное и общее историческое пространство. При этом во главу угла адекватности уже самой модели надо ставить критерии социально-экономической эффективности хозяйства страны: 1) расширенное воспроизводство человека и общества; 2) социоэкономические интегративность и самодостаточность; 2) конкурентоспособность национальной экономики и экономическая безопасность страны. Оптимальной должна признаваться только та модель национального хозяйства, которая будет соответствовать этим главным критериям.

Рассматривая национальное хозяйство в целом, составной частью которого является национальная экономика, мы обязаны выходить за узкие рамки методологического индивидуализма, расширяя инструментарий социально-экономического анализа, рассматривая комплекс движущих сил национально-экономического движения. В условиях, когда **хозяйствующим субъектом является нация в целом** (а не частный хозяйствующий субъект, объективно ставящий всегда свои частные интересы выше общественных, общенациональных), мотивационный механизм общества будет включать в себя, кроме экономических, также социокультурные, геоэкономические и геополитические интересы. Соответственно, адекватной моделью национального хозяйства России и других постсоветских республик может служить только та

¹ Экономическая теория на пороге XXI века — 2. — С. 19.

модель, которая обеспечивает, как минимум, — 1) воспроизводство всего народнохозяйственного комплекса страны; 2) неразрывную связь экономического и хозяйственного пространства с культурно-историческим и духовным пространствами; 3) воспроизводство человека и общества в целом посредством воспроизводства культуры и фундаментальных духовных ценностей русской цивилизации.

Необходимость рассмотрения социокультурных факторов воспроизводства общества в предметном пространстве политэкономии объясняется тем, что национальное хозяйство является не простой совокупностью частных экономических агентов и их отношений, а целостным организмом, включенным в социокультурную среду, обусловленным исторически, имеющим фундаментальные особенности жизнедеятельности. А это требует расширения предмета политэкономического анализа за счёт включения в него духовного производства, всей сферы общественно-нерыночного хозяйствования, а также социокультурных факторов национально-экономического развития. В контексте вышеизложенного становится понятно, что экономическая наука сегодня нуждается в органическом единении — (а) теории экономики вообще, (б) теории общественного развития, (в) теории национального хозяйства и народнохозяйственного воспроизводства.

1.2. ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОБЩЕСТВЕННОМУ ВОСПРОИЗВОДСТВУ

Критика неоклассики в экономической теории направлена на преодоление либерально-рыночного подхода к экономической теории, суть которого заключается в отказе от экономики как науки, изучающей воспроизводство общественного богатства. Подходя ко всем типам закономерностей с рыночным инструментарием, неоклассика вольно и невольно ведёт к гипертрофизации роли рынка в экономической системе, исключая из своего анализа человека. Соответственно, исчезает и трудовая теория стоимости, а также само понятие социально-экономического анализа, подменяемого анализом поведения условных рыночных субъектов формализованными методами.

Поиски адекватной экономической теории способствуют возрождению политико-экономического подхода к общественному производству. В отличие от неоклассического мейнстрима, основу которого составляют отношения частнохозяйственного рыночного обмена, меркантильный подход и денежная эффективность, политэкономия нацелена на анализ отношений производства и воспроизводства общественных благ и услуг. Данный подход требует перевода анализа на народнохозяйственный производственный уровень, и это объясняет внимание политэкономии к поиску пропорций и закономерностей общественного накопления и воспроизводства, включая воспроизводство рабочей силы и человека в целом.

Политическая экономия рассматривает общественное производство широко: с одной стороны, как процесс производства потребительных благ, а с другой — как «производство самого человека», «процесс производства самой

жизни», «производство и воспроизводство непосредственной жизни»¹. Отсюда производственный процесс имеет общественную обусловленность, он подчинён воспроизводству общества и представляет собой момент реализации и движения общества как жизнеспособной целостности.

Однако данный подход к проблеме воспроизводства общества, намеченный основоположниками марксизма, не был в дальнейшем теоретически разработан. В экономической теории марксизма возобладал стоимостной подход, основанный на приоритете экономического начала, товарно-денежных и финансовых расчетах при определении эффективности общественного производства. При таком одностороннем подходе упускается из виду, что эффективность общественного производства определяется не только его собственной производственной способностью, но и состоянием общества, народонаселения, среды обитания, культуры, социальной организации, прогресса. **Судить об общественном производстве, его характере, способностях и возможностях нужно с учётом состояния всей общественной среды, а также соответствия производительного процесса этой среде, а не только соответствия среды общественному производству.**

Марксистская политэкономия, как правило, исключала из своего анализа нетоварное, т. е. нестоимостное производство, характеризуя данный тип хозяйственной деятельности понятием непроизводительного труда. Однако в этой связи следует заметить, что к числу очевидных заслуг советской политэкономической науки относится разработка народнохозяйственного подхода, в рамках которого проводились серьезные исследования, посвященные проблемам целостного подхода к общественному производству при социализме. Нерыночное хозяйствование в политэкономии социализма определялось терминами «непроизводственная сфера» и «нематериальное производство»².

При этом нерыночное хозяйствование в политэкономии социализма определялось не только как «непроизводственная сфера». Широко использовалось понятие «нематериальное производство»³. При этом употребление термина «нематериальное производство» призвано было подчеркнуть результативность непроизводственной деятельности, которая выражается в создании нематериальных благ, имеющих народнохозяйственный эффект в форме

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. — С. 25–26, Т. 23. — С. 383 (примеч.).

² См., напр.: Козак В. Е. Непроизводственная сфера: вопросы теории. — Киев, 1979; Непроизводственная сфера СССР /под ред. М. В. Солодкова.— М.: Мысль, 1981.

³ Политическая экономия социализма внесла большой вклад в исследование «непроизводственной сферы» как специфического вида производства, результаты которого («нематериальные блага») предлагалось рассматривать «в качестве объемных экономических показателей наряду с традиционными показателями материального производства». Ведущие советские ученые-политэкономы справедливо указывали на необходимость учитывать в народнохозяйственном анализе эти показатели. Например, одним из таких ведущих показателей является «фонд личного потребления нематериальных благ». Очевидно, что решить проблемы, скажем, воспроизводства рабочей силы, игнорируя эти показатели, абсолютно невозможно. И это нетрудно понять, если вспомнить, что этот фонд «формируют отрасли просвещения, здравоохранения и физической культуры, искусства и культуры. Нематериальные блага, создаваемые в этих отраслях, удовлетворяют личные потребности людей, обеспечивают всестороннее развитие личности». — См., напр.: Козак В. Е. Непроизводственная сфера: вопросы теории. — Киев, 1979; Непроизводственная сфера СССР /под ред. М. В. Солодкова. — М.: Мысль, 1981.

различных общественно-полезных услуг, оказываемых населению в сфере науки, образования, здравоохранения, культуры и пр.¹.

Ведущие советские ученые-политэкономы справедливо указывали на необходимость учитывать в народнохозяйственном анализе эти показатели. Например, одним из таких ведущих показателей является *«фонд личного потребления нематериальных благ»*. Очевидно, что решить проблемы, скажем, воспроизводства рабочей силы, игнорируя эти показатели, абсолютно невозможно. И это нетрудно понять, если вспомнить, что этот фонд «формируют отрасли просвещения, здравоохранения и физической культуры, искусства и культуры. Нематериальные блага, создаваемые в этих отраслях, удовлетворяют личные потребности людей, обеспечивают всестороннее развитие личности»².

Современная экономическая наука в России постепенно начинает включать в сферу своего анализа проблематику нематериального производства, а также соответствующие социально-экономические показатели³. Возрождаемый сегодня народнохозяйственный подход к общественному воспроизводству нацеливает политэкономический анализ на взаимосвязь материального и нематериального производства, а также рыночного и нерыночного хозяйствования как составных частей всего общественного производства.

Сегодня российская экономическая наука, как правило, игнорирует именно такой национальнохозяйственный (народнохозяйственный) подхода. Общественное производство на этом уровне развивается не только на рыночной основе, **оно здесь предстает как совокупность двух сфер — рыночной и нерыночной, товарного и нетоварного производства**. При этом всё национальное хозяйство функционирует как совокупность двух взаимозависимых сфер — рыночного и нерыночного или общественного хозяйствования. Именно эта последняя сфера и является объектом нашего исследования. Воспроизводство общества, человека и всей нации в целом непосредственно происходит в этой сфере. В этой связи возникает необходимость разграничить понятия «экономика» и «хозяйство».

1.3. ФИЛОСОФСКО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ТРАКТОВКА ВОСПРОИЗВОДСТВА ОБЩЕСТВА

В данном исследовании мы исходим из того, что «экономика — это стоимость», а «хозяйство — жизнь как производство жизни на уровне активных организмов», это — «само бытие, сама жизнь, однако взятые и рассматриваемые как хозяйство», «хозяйство — производство, но производство человека,

¹ Непроизводственная сфера: вопросы теории. — Киев, 1979; Непроизводственная сфера СССР /под ред. М. В. Солодкова. — М.: Мысль, 1981. — С. 8.

² Непроизводственная сфера: вопросы теории. — Киев, 1979; Непроизводственная сфера СССР /под ред. М. В. Солодкова. — М.: Мысль, 1981. — С. 8.

³ См., напр.: А.А. Пороховский, К.А. Хубиев. Формирование российской модели социальной рыночной экономики // Вестник Моск. ун-та. Серия 6. Экономика. — 2005. — № 4. — С. 3-21; А.А. Саградов. Воспроизводство населения и социальный капитал // Вестник Моск. ун-та. Серия 6. Экономика. — 2006. — № 5. — С. 15-29.

его жизни, его сознания, его мыслей, его языка, его культуры, его образа. И такое хозяйство — принадлежность бытия вообще человека вообще, а не какой-то части (сферы, отрасли) человеческого бытия. Все бытие человека, вся его жизнь, все его воспроизводство пронизаны хозяйством»¹.

Экономику следует рассматривать **«как частный случай хозяйства, которое есть не что иное, как сама жизнь»**, взятая по преимуществу со стороны ее созидательной деятельности². Если хозяйство охватывает все виды производственно-созидательной деятельности, то экономика включает в себя только ту сферу хозяйствования, которая является самоокупаемой, т. е. товарной и рыночной.

Сама экономика сегодня стала преимущественно рыночной, по сути, слившись с этим определением. В соответствии с этим, хозяйство можно понимать как совокупность мер и структур внутри данной социокультурной (цивилизационной) системы, создающей материальные и духовные условия для сохранения, обеспечения и продолжения человеческой жизни, для воспроизводства общества и всей нации в целом.

Приведенные выше соображения о сути экономики и ее месте в обществе затрагивают вопрос **о фундаментальной цели хозяйствования в рамках всего общества, т. е. хозяйствования в контексте культурно-исторического развития всей нации**. Эта цель заключается в удовлетворении всех жизненных потребностей людей, — не только материальных, но и духовных. При этом надо понимать, что речь должна идти не только о сиюминутных потребностях, но и потребностях будущих поколений. В соответствии с этим, хозяйство можно понимать как совокупность мер и структур внутри данной социокультурной (цивилизационной) системы, создающей материальные и духовные условия для сохранения, обеспечения и продолжения человеческой жизни, для воспроизводства общества и всей нации в целом. То, что мы называем «хозяйством» — это специфически человеческий способ удовлетворять фундаментальную потребность жить, опираясь на материально-вещественные блага окружающего мира, потребность расти, размножаться и развиваться не только как отдельные индивидуумы, но и как общество.

Швейцарский ученый Артур Рих, автор известной работы «Хозяйственная этика», указывает на то, что **«структура хозяйства не может определяться исключительно фундаментальной целью экономики. Система хозяйствования должна быть для человека не только средством выживания, она должна создать предпосылки для существования, достойного человека**. Это значит, что в процессе труда и получения дохода человек приобретает определенный общественный статус — статус личности, участвующей в общем процессе труда, определяющей этот процесс и несущей долю общей ответственности за него, а не просто рабочей силы, при-

¹ Осипов Ю.М. Философия хозяйства. В двух книгах. — М.: Юрист, 2001. — С. 65, 373.

² Ю.М.Осипов. Экономика в лучах философии хозяйства: Металогия и метаистория // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. — 2003. — № 2. — С. 9.

меняемой, используемой — и соответственно оплачиваемой, как требуют того интересы экономической прибыли»¹. Из всего этого следует, что экономика и хозяйствование могут быть лишь средством, но не целью. И всякий раз, когда мы сталкиваемся с противоположным явлением, мы должны понимать, что речь идет о фундаментальном кризисе общества, вызванным искажением смысла хозяйственной деятельности, всегда обусловленного смыслом жизни самого человека. Уже одно это требует философского осмысления экономики и хозяйства.

Экономико-философское осмысление хозяйственной деятельности требует выводить смысл экономики не из фактического бытия самой экономики, как это пытается сделать концепция классического экономизма (либерализм, неолиберализм). **Экономика существует, поскольку существует человечество.** В отличие от природы, которая, подобно космосу, могла бы существовать и миллиарды лет существовала без людей, экономика немыслима без человека, ведь она представляет собой культурно-исторический феномен, а не неизбежный результат развития природы. Поэтому никакая экономическая система не может быть абстрагирована от реальных человеческих потребностей, желаний, надежд и прочих обязательных условий и предпосылок хозяйствования².

Поворот экономической науки к философии диктуется необходимостью преодолеть недостатки формационного мышления и соответствующей методологии. **Экономика всегда и везде функционирует на основе системы определенных идеологических принципов, которые, однако, являются отражением философских доктрин.** При этом философия как наука только лишь формулирует, фиксируя теоретически, систему жизненных принципов данного народа, основанных на многовековых устоях и традициях, присущих данной стране как определенному культурно-историческому типу. Она всего лишь теоретически разрабатывает систему базисных морально-этических ценностей, образующих духовное, нравственное основание общества. Отталкиваясь от **смыслообразующих ценностей и принципов**, ученые затем разрабатывают политические и экономические доктрины, а также соответствующие системы идеологий. Любая идеология вообще представляет собой систему ценностей в виде определенных взглядов, убеждений и принципов. Однако в основе общественного развития лежит уже государственная идеология как система работающих принципов, на основе которых развивается экономика, политика, и все общество в целом, включая и духовную сферу.

Таким образом, экономические доктрины и соответствующие экономические принципы являются на деле производными от философских доктрин

¹ Рих Артур. Хозяйственная этика. — М.: Российский филиал изд-ва «Посев», 1996. — С. 286–287.

² «Экономика — не самостоятельная система, подобно природному миру, а институт, созданный человеком для человека. Ее цель не определяется ею самой, как считают представители экономизма. Выявить ее суть можно, лишь ориентируясь на человека и его основные потребности. В той мере, в какой экономика служит удовлетворению этих потребностей и тем самым оказывается человеческой, она имеет для человека смысл. Если же она не служит удовлетворению потребностей человека, то есть не достигает своей цели, она становится бессмысленной, абсурдной, несмотря на растущие прибыли и достижение ею вершин рациональности». — Рих Артур. Хозяйственная этика. — М.: Российский филиал изд-ва «Посев», 1996. — С. 278.

и религиозно-философских течений, господствующих в данной стране и отражающих морально-этические устои общества, систему традиций и религиозно-нравственных ценностей. **Принципы и постулаты экономической теории, отражая цели и мотивы хозяйственной деятельности людей, не могут формироваться сами по себе внутри самой экономической теории.** Ученый-экономист Б.М. Генкин справедливо заметил, что «исходные постулаты экономической теории должны формироваться вне этой теории, т.е. на основе более общих философских и социологических концепций»¹. Важнейшие принципы, определяющие стереотипы поведения людей, имеют внеэкономическое происхождение, т. е. привносятся в экономику извне, из сферы этических представлений, нравственных истин. Только мораль способна сформулировать цель социально-экономического развития и обнаружить метасмысл хозяйства².

Итак, цели и мотивы хозяйственной деятельности формируются моралью, имеют этическое измерение. А в его основе лежит — «собственный этический масштаб» (О. Шпенглер) данной нации, основанный в свою очередь на многовековых морально-этических нормах и традициях. Именно поэтому человек в своей хозяйственной деятельности руководствуется не только экономическими интересами, но также опирается на морально-этические нормы и традиции. Его хозяйственное поведение всегда имеет — этическое измерение.

Однако конкретные цели экономики и хозяйства — различны. В основе экономики лежат принципы рационального рыночного хозяйствования, а в основе хозяйства — принципы нерыночного, общественного хозяйствования, входящего в качестве составной части в предмет политико-экономического анализа. Если движение экономики подчинено целям получения прибыли и других форм дохода, то функционирование хозяйства, выходя за узкие рамки рыночной экономики, призвано обеспечивать жизнедеятельность человека и всего общества в целом. Исходя из того, что экономика функционирует в стоимостной форме, подчиняясь законам товарно-денежного хозяйства, представляется невозможным обеспечить жизнедеятельность всего общества, следуя одним лишь рыночным и товарно-денежным закономерностям. Проблема воспроизводства общества объективно выходит за рамки рыночной экономики, превращаясь в национальную воспроизводственную проблему и одновременно философско-хозяйственную проблему. При таком подходе само национальное хозяйство уже выступает как народнохозяйственный воспроизводственный комплекс.

¹ Б.М.Генкин. Введение в метаэкономику и основания экономических наук. — М., 2002. — С. 19.

² См., напр.: И.И Агапова. Экономика и этика: аспекты взаимодействия. — М., 2002. — С. 9-10.

§ 2. Место и роль общественного производства в воспроизводстве общества

Сегодня нам следует возродить незаслуженно забытый народнохозяйственный подход к общественному воспроизводству, который нацеливал политэкономический анализ на взаимосвязь материального и нематериального производства. Анализ народнохозяйственного воспроизводства, как уже отмечалось, нельзя ограничивать сферой рыночной экономики, которая включает в себя не только частно-корпоративные, но и государственные механизмы воспроизводства, функционирующего на основе рыночных принципов рационального хозяйствования. Нерыночное хозяйствование также является составной частью всего общественного воспроизводства.

2.1. ДВОЙСТВЕННЫЙ ХАРАКТЕР НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА

Фундаментальный просчет Маркса заключается в том, что он **абсолютизировал роль экономических отношений капитализма**, распространив эту роль на общество в целом. Как следствие методологических просчетов, Маркс ограничил свой политэкономический анализ общественного производства исследованием закономерностей материального производства.

Однако, сохраняя объективность и беспристрастность научных оценок, мы вынуждены будем подчеркнуть, что именно основоположники марксизма впервые обозначили и более широкий подход к изучению воспроизводственных процессов на уровне всего общества, которое они рассматривали в виде целостной системы, развивающейся за счёт взаимодействия её элементов. Суть этого подхода, который они только лишь наметили, в следующем.

В «Немецкой идеологии» К. Маркс отмечал: «Люди имеют историю потому, что они **должны производить свою жизнь**, и притом определённым образом». В общественной жизни «производство жизненных средств» и «производство людей, (семья) выступают как стороны, как «моменты», «которые совместно существовали с самого начала истории, со времени первых людей, и которые имеют силу в истории ещё и теперь»¹.

Наиболее чётко этот подход был сформулирован Ф. Энгельсом. В предисловии (1884) к книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» он пишет: «Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно, опять-таки, бывает двоякого рода. С одной стороны — **производство средств к жизни**: пред-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. (Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»). — Цит. по: Бородин Е.Т. Природное и общественное воспроизводство: Постигание марксизма и преодоление его противоречий. — М.: Издательство «Познавательная книга Пресс», 2003. — С. 47.

метов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий, с другой — **производство самого человека, продолжение рода**¹.

Говоря о структуре производства общественной жизни, Маркс Энгельс писали: «Третье отношение, с самого начала включающееся в ход исторического развития, заключается в том; что люди, ежедневно заново производящие свою собственную жизнь, начинают **производить других людей...**»². В подготовительных работах к «Капиталу» и в самом «Капитале» Маркс неоднократно обращается к идее **производства общественной жизни**³.

В целом ряде случаев при рассмотрении самого производства материальных благ он исходил из того, что это производство лишь часть общественного производства жизни людей⁴. Отношения по поводу производства материальных, отмечает Карл Маркс, есть «отношения, в которые вступают люди в своем общественном жизненном процессе, **в производстве своей общественной жизни...**»⁵. В конспекте книги Маркса и Энгельса «Святое семейство» В.И. Ленин отмечает направленный против них вывод Маркса о том, что историческую действительность нельзя познать, исключив из нее непосредственный способ «производства самой жизни...»⁶.

Сделав это справедливое замечание, Ленин затем ни в одной из своих работ даже не пытался опереться на этот методологический принцип, оставаясь в целом на позициях ортодоксального марксизма. Очевидно, что Ленин не был в этом одинок.

Традиционное понимание марксизма было присуще в значительной степени всем — и сторонникам, и противникам Маркса. По этому они либо признавали формально (как это сделал Ленин), либо воспринимали как ошибочные, не соответствующие марксистскому учению отмеченные выше положения о производстве общественной жизни, и в частности формулировку Ф. Энгельса о производстве человека и его месте в производстве и воспроизводстве непосредственной жизни.

Итак, основоположники марксизма изначально обращали внимание на двойственный характер процесса производства, выступающего, с одной стороны, как процесс материального производства (производство материальных средств производства и предметов потребления), а с другой — как «производство самого человека», «процесс производства самой жизни», как «производство и воспроизводство непосредственной жизни».

В силу известных причин эти проблемы оставалась вне поля зрения ученых, по существу, до 60-х гг. XX в., когда стали появляться журнальные статьи, а затем и книги, посвященные осмыслению общественной жизни как

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. — С. 25-26.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. — С. 27.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. — С. 383 (примеч.); Т. 26. Ч. II. — С. 305-306, 516; Т. 46. Ч. I. — С. 17, 26, 30, 43, 105, 280, 465, 479, 485. Т. 46. Ч. II. — С. 221-222.

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. — С. 441; Т. 12. — С. 710-711; Т. 15. — С. 6; Т. 25. Ч. I. — С. 385; Т. 42. — С. 93, 118; Т. 46. Ч. II. — С. 223.

⁵ Там же. Т. 25. Ч. II. — С. 450.

⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. — С. 34.

воспроизводственного процесса¹. Большинство этих работ было выполнено философами. И в этом нет ничего удивительного: в советский период предмет экономической теории был ограничен догматическими рамками. Снятие идеологических запретов, раскрепостило экономическую теорию. И сегодня одна из задач, стоящих перед современными учеными-экономистами, заключается в том, чтобы дать политэкономический анализ двойственного характера процесса производства, закономерностей народнохозяйственного механизма воспроизводства общества. Очевидно, что при этом мы должны усвоить уже накопленный теоретический опыт и результаты исследований.

Советский ученый-философ А.М. Ковалев был одним из первых, кто **стал развивать теорию воспроизводства общества как «процесса производства самой жизни»**. «В отличие от способа материального производства, который обеспечивает производство средств жизни,— пишет А.М. Ковалев, — способ производства собственной жизни есть производство и воспроизводство самого человека...»².

Способ производства общественной жизни, утверждает А.М. Ковалев, имеет специфические производительные силы, средства воспроизводства, а также систему отношений, которые выступают в качестве «производственных» в этом особом виде производства. *Его производительными силами являются сами социальные субъекты, средства к жизни и та социальная инфраструктура общества, с помощью которой осуществляется формирование личности, процесс поддержания и развития жизнедеятельности*. В одной из последних работ он уточняет понятие «способ производства общественной жизни», подчеркивая, что оно является «некой совокупностью народонаселения (человеческого потенциала), социальных условий и природной среды.

Способ производства общественной жизни охватывает не только ту или иную сторону общественной структуры, как это имеет место при цивилизационном и формационном подходе, или в теории народонаселения и географической среды, а все основные стороны общественной жизни»³. Оставляя в стороне детали и отдельные спорные моменты, хотелось бы подчеркнуть, что в целом позиция А.М. Ковалева нам близка, совпадая во многом с нашей методологией системного анализа⁴. Главным недостатком его позиции является недооценка роли социокультурных факторов.

¹ Ковалев А.М. Общество и законы его развития. М.: 1975; Ковалев А.М. Диалектика способа производства общественной жизни. М., 1982; Савкин Н.С. Образ жизни, формирование, воспроизводство и регулирование. Саратов, 1984; Анисимов С. Ф. Духовные, ценности: производство и потребление. М.: Мысль, 1988; Бородин Е.Т. Общественное производство как предмет философского исследования. М.: 1989; Бородин Е.Т. Новый теоретический взгляд на жизнь общества (Общественное производство). М., 1994; Бородин Е.Т. Природное и общественное воспроизводство: Постигание марксизма и преодоление его противоречий. — М.: Издательство «Познавательная книга Пресс», 2003.

² Ковалев А. М. Диалектика способа производства общественной жизни. — М., 1982. — С. 66.

³ Березовская Л. В., Ковалев А. М. Россия на пороге XXI века: философско-социологическое исследование. — М.: Издательство МГУ, 1998. — С. 17.

⁴ См. подробнее: Олейников А.А. Методологические основы современной экономической теории (Методология системного политико-экономического анализа национального хозяйства): Научное издание. — Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова; Кострома: КГУ им. Н.А Некрасова, 2006. — 245 с.; Олейников А.А. Методологические основы адекватности современной экономической теории: критика западного мейнстри-

- И это не случайно: А.М. Ковалев под цивилизацией понимает не культурно-исторический тип, а процесс линейного исторического развития в процессе «*переходом от собирательства к земледелию, а затем к промышленности и в дальнейшем к постиндустриальному информационному обществу. На этой почве возникает собирательство, земледельческая цивилизация, затем промышленная, которая постепенно перерастает в научно-технологическую, или информационную*»¹.

Кроме Ковалёва нельзя не отметить и других авторов, прежде всего — С.Ф. Анисимова, Е.Т. Бородина, В.Я. Ельмеева, Н.С. Савкина. И надо отдать должное их общему теоретическому вкладу в разработку проблематики производства и воспроизводства непосредственной жизни.

Итак, результатом и конечной целью общественного процесса производства оказывается не производство средств жизни, а воспроизводство самого человека в его общественных отношениях, ибо само материальное производство, его условия и продукты выступают в этом движении лишь как моменты; что и материальное, и духовное производство, общественное сознание, духовная жизнь, производство науки, социальная инфраструктура общества направлены в конечном счете на обеспечение производства собственной жизни, т. е. самого человека как социального существа.

Введение понятия «способ производства общественной жизни» дает возможность рассматривать общество как единый природно-социальный организм, в основе которого лежит способ производства общественной жизни, подчиненный **законам производства средств жизни и законам воспроизводства самого человека.**

До сих пор в социально-философской и социально-экономической литературе не установилось терминологического единства для обозначения этого процесса: одни называют его производством непосредственной жизни, другие — собственной или общественной жизни, третьи, вслед за Марксом, — вторым видом производства, четвертые — социальным воспроизводством². Но для нас не это важно. Принципиально важно другое: современная русская философская и экономическая наука приходит к принципиально важным выводам, которые поднимают её на новые уровни теоретических обобщений, позволяющих, с одной стороны, «охватить» теоретически уже всё общество и всё национальное хозяйство, а с другой — представить его как социально-экономический механизм воспроизводства общества.

Очевидно, что в основе такой концепции общественного воспроизводства лежит народнохозяйственный подход к анализу всей системы производительных сил общества, а также структуры национального богатства, перестоящего, быть при таком подходе, всего лишь арифметической совокупностью богатства частных лиц.

ма (Методология системного экономико-философского анализа национального хозяйства): Научная монография. — М.: Издательский дом «Белгород», 2014;

¹ Там же. С. 29 (курсив мой — А.О.).

² См., например: Савкин Н. С. Образ жизни: формирование, воспроизводство и регулирование. Саратов. 1984. — С. 6.

2.2. ОБЩЕСТВЕННОЕ ХОЗЯЙСТВОВАНИЕ КАК ПРЕДМЕТ ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Современная экономическая наука в России, включая в сферу своего анализа проблематику нематериального производства, а также соответствующие социально-экономические показатели, постепенно выходит на уровень народнохозяйственного рассмотрения общественного производства. Такой **подход нацеливает на интегративное восприятие национального хозяйства**, что предполагает **установление взаимосвязи и взаимообусловленности материального и нематериального производства, а также частно-рыночного и общественно-нерыночного хозяйствований как составных частей всего общественного процесса**. В основе данного исследования лежит теоретическое осмысление взаимозависимости общественного производства, национального хозяйства и общества в целом. Однако народнохозяйственный ракурс, нуждаясь в доработке, в данном исследовании дополняется *экономико-философским* охватом национального хозяйства и *философско-хозяйственным* осмыслением динамики национально-экономического развития¹.

Народнохозяйственный подход, понимаемый вообще в широком смысле, предполагает — (1) включение в предмет политэкономического анализа социохозяйственных вопросов и всей сферы общественно-нерыночного хозяйствования; (2) рассмотрение проблем духовного производства и социокультурных факторов воспроизводства общества в предметном пространстве политэкономии; (3) подчинённость общественного производства и национального хозяйства общенациональным критериям и приоритетам, общей цели, общему благу и общим интересам, носителем которых выступает государство; (5) анализ национального хозяйства на основе принципов интегративности и коллективизма, солидарности и социальной справедливости.

Экономико-философский подход к национальному хозяйству ставит задачу перевода анализа на народнохозяйственный воспроизводственный уровень, а это требует от исследователя рассмотрения широкого комплекса воспроизводственных проблем, выходящих за узкие рамки либерально-рыночного подхода. Общественное производство развивается не только на рыночной основе; взятое в целом, оно предстает как совокупность товарного и нетоварного типов производства, рыночной и нерыночной сфер хозяйствования. Таким образом, всё хозяйство страны, является взаимосвязанным единством двух взаимозависимых сфер — рыночного и нерыночного, или частно-рыночного и общественно-нерыночного (социального) хозяйствования. Именно поэтому анализ общественного воспроизводства, как уже отмечалось, нельзя ограничивать сферой только лишь частной рыночной экономики, которая включает в себя не только частно-корпоративные, но и госу-

¹ Уместно заметить, 1) что термин «народнохозяйственный» не несет в себе отличительной смысловой нагрузки сравнительно с термином «национальнохозяйственный»; 2) что оба термина употребляются в диссертационном исследовании практически как синонимы.

дарственные механизмы воспроизводства, функционирующие на основе рыночных принципов рационального хозяйствования.

Составной частью всего общественного воспроизводства является нерыночное хозяйствование как хозяйствование общественное в том смысле, что субъектом хозяйства здесь выступает уже всё общество в лице государства¹. Следует заметить, что данная постановка проблемы сама по себе не является новой. Как уже отмечалось, в рамках советской экономической науки, в частности в политэкономии социализма, нерыночное хозяйствование определялось терминами «непроизводственная сфера» и «нематериальное производство». Политическая экономия социализма внесла большой вклад в исследование непроизводственной сферы как специфического вида производства, результаты которого («нематериальные блага») предлагалось рассматривать «в качестве объемных экономических показателей наряду с традиционными показателями материального производства»². Ведущие советские ученые-политэкономы справедливо указывали на необходимость учитывать в народнохозяйственном анализе такие показатели как, например, «фонд личного потребления нематериальных благ», который непосредственно формирует отрасли просвещения, здравоохранения и физической культуры, искусства и культуры, обеспечивая всестороннее развитие личности. Очевидно, что невозможно решить, скажем, проблемы воспроизводства рабочей силы, одновременно игнорируя объёмные качественные (натуральные) показатели. Именно поэтому мы говорим о необходимости возродить забытый народнохозяйственный подход к общественному воспроизводству.

Современная экономическая наука в России в основном пренебрегает экономическими показателями нематериального производства. Увлечение новомодными западными теориями приводит к тому, что вся политэкономическая проблематика, по сути, заменяется западными подходами, в частности анализ проблематики воспроизводства рабочей силы подменяется проблемой «человеческого капитала», что неадекватно содержанию воспроизводства рабочей силы. Рассмотрим в этом контексте кратко структуру общественного хозяйствования как сферу воспроизводства нематериальных благ, как процесс нематериального производства, являющийся составной частью общественного производства.

Структура общественного хозяйствования. *С одной стороны*, она включает в себя те предприятия, связанные со сферой материального и нематериального производства, которые в принципе не могут функционировать на основе рыночных принципов, например, геологоразведка или природоохранные предприятия. Условием существования всей сферы общественного хозяйствования является государство. А эта часть предприятий призвана обеспечивать условия выживаемости всего сектора. Очевидно, что главным

¹ Термин «общественное хозяйство» мы употребляем именно в этом контексте, понимая под этим «хозяйствование общества», которое имеет в целом нерыночный, нетоварный характер, выступая как процесс общественно-нерыночного (социального) хозяйствования. Таким образом, в качестве синонима понятия «общественно-нерыночное хозяйство» мы будем для краткости использовать понятия «общественное хозяйство», «социальное хозяйство».

² Непроизводственная сфера СССР. — С. 8.

субъектом воспроизводства в инфраструктурных отраслях страны, а также в сфере ТЭК, ВПК, энергетики, черной и цветной металлургии и тяжёлого машиностроения должно в России выступать государство. И это понятно: создание предприятий во всех этих отраслях требует огромных капиталовложений, которых нет у частного бизнеса. Только государство может строить мощные горно-обогатительные комбинаты, шахты, нефтепромыслы, гидроэлектростанции, предприятия по производству алюминия и других цветных и черных металлов и пр., — обеспечивая при этом не только их надёжное функционирование в условиях тяжёлого климата, но также соблюдение социальных приоритетов.

Продукция и услуги этих предприятий имеют народнохозяйственное значение. Являясь капиталоемкими, они формируют значительную часть издержек производства (затраты на строительство, транспорт, отопление, электричество, на топливо для автотранспорта, расходы на металл и другие виды промышленного сырья). Уход государства из этих сфер в современной России сформировал картельно-олигархическую структуру экономики¹. Резкий рост цен на жилье или на бензин (а также хлеб летом 2007 г.) имеет характер картельного сговора, угрожающего национальной безопасности. Так, например, цена одной тонны пшеницы летом 2005 года была на уровне 2 тыс. руб., а тонна автомобильного топлива — 14–16 тыс. рублей. Очевидно, что в этих условиях отечественное сельскохозяйственное производство обречено на вымирание, лишаясь государственной поддержки.

Именно поэтому государство должно брать на себя управление предприятиями сектора общественного хозяйствования: они должны быть либо государственными, либо находиться под государственным контролем, призваны работать на общество в целом, реализуя свою продукцию и услуги по социально значимым (приемлемым) ценам, получая взамен государственную поддержку. Однако, функционируя в рыночной среде хозяйствования, они не обязательно должны быть убыточными (планово-убыточными), реализуя часть своей продукции по рыночным ценам — преимущественно на внешних рынках.

С другой стороны, в эту сферу входят предприятия, которые связаны только с функционированием социальной сферы (образование, воспитание, здравоохранение, ЖКХ), сферы культуры, а также фундаментальной науки. Именно эти сферы напрямую связана с процессом воспроизводства основ общественной жизни человека и всего общества в целом. И это понятно: а) предприятия сферы культуры обеспечивают воспроизводство культуры, традиций и фундаментальных духовных ценностей; б) предприятия воспитания и образования обеспечивают производство знаний, а также процесс социализации как процесс передачи знания от одного поколения к другому, поддерживая тем самым преемственность во всем; в) предприятия здравоохранения производят здоровье нации; г) предприятия ЖКХ воспроизводят среду

¹ Олейников А.А. Политическая экономия национального хозяйства. — М.: Институт русской цивилизации, 2010. — С. 524-526.

обитания людей; д) научные учреждения производят фундаментальные научные знания, выступающие в качестве основы любого производства вообще, включая нематериальное и духовное производство.

Сфера общественно-нерыночного хозяйствования не может в целом функционировать на основе коммерческих принципов. Именно в силу этого обстоятельства отрасли, входящие в эту сферу, чаще называют нематериальным производством, а также духовным производством.

2.3. О МЕТОДОЛОГИИ АНАЛИЗА ДУХОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Наш интерес к этой проблеме — двоякий: с одной стороны, **духовное производство является частью общественного воспроизводства**, охватывающего все национальное хозяйство, а с другой — **воспроизводство общества как единого национального организма происходит в сфере духовного производства**. Поэтому перед нами стоит задача исследовать закономерности духовного производства, исходя при этом из следующих научных тезисов¹.

Во-первых, мы считаем, что именно духовное производство образует основу всего материального и нематериального производства, включая и его рыночный сектор (прежде всего — новую экономику, или же неоекономику, как способ организации экономики на основе информационных технологий, превращающих саму сферу экономики в информационно-виртуальное поле сетевого характера).

Во-вторых, мы исходим из того, что духовное производство образует основу способа производства общественной жизни, т. е. жизнедеятельности общества в целом. Очевидно, что этот уровень воспроизводства является самым сложным, так как включает в себя воспроизводство культуры, науки, информационной и социальной среды.

В-третьих, мы рассматриваем национальное хозяйство с двух сторон: 1) как механизм воспроизводства духовных ценностей, образующих фундамент любой данной локальной цивилизации; 2) как механизм воспроизводства человека (его жизненных сил, человеческого потенциала и человеческого капитала) и всего общественного организма. Если *первые* задачи решаются в сфере духовного производства, то *вторые* — в сфере нематериального производства, которое, что вполне очевидно, выходит за рамки не только чисто духовной сферы, но и сферы общественно-нерыночного хозяйствования, вторгаясь в *стоимостную* экономику, т. е. экономику рыночную, функционирующую на основе рационально-стоимостных принципов хозяйствования.

Анализ общественного производства, в частности духовного производства, должен начинаться с определения предпосылок и результатов этого

¹ См. подробнее: Олейников А.А. Политическая экономия национального хозяйства: Научное издание. — Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова; Кострома: КГУ им. Н.А Некрасова, 2006. — С. 129–168; Олейников А.А. Политическая экономия национального хозяйства. — М.: Институт русской цивилизации, 2010. — С. Олейников А.А. Политическая экономия национального хозяйства. — М.: Институт русской цивилизации, 2010. — С. 407–412.

производства. Взаимосвязь предпосылок и результатов приобретает форму взаимозависимости исходного начала в исследовании данного социально-экономического явления и того результата, к которому приводит логика его познания¹. К. Маркс связывал этот принцип с анализом процесса воспроизводства: в нем то, что первоначально служит исходным пунктом, впоследствии благодаря непрерывности процесса воспроизводства создается снова и увековечивается как собственный общественный результат производства². Например, богатство как экономическая категория выступает одновременно и как *результат*, и как *предпосылка* последовательных циклов воспроизводства, формирующих материальную и духовную структуру общества, а также его главную и высшую ценность — самого человека.

Этот принцип может быть широко использован и в исследовании духовного производства, в котором конечному результату всего народнохозяйственного процесса воспроизводства (общество, нация, человек, средства производства и предметы потребления) предшествуют его предпосылки (духовные ценности). Материальное производство с его двумя подразделениями, образно говоря, с места не сдвинется без наличия в обществе этих социокультурных предпосылок, которые, хотя и существуют априори, должны постоянно воспроизводиться. В этом и заключается суть духовного производства, которое нам предстоит здесь всесторонне исследовать.

Политэкономический анализ духовного производства отличается от других методов и подходов, в конечном итоге, тем, что нацелен на исследование следующих принципиальных вопросов: 1) каков характер умственного труда (производительный или непроизводительный); 2) каково участие умственного труда и духовного производства в целом в производительных силах нации; 3) каково место духовного производства в системе общественного производства и всего народнохозяйственного воспроизводства; 4) какова форма вклада умственного труда в создание национального богатства. Существует три основных методологических подхода, дающих разные ответы на обозначенные здесь вопросы.

1) Либеральный подход

Понятие «**умственное производство**» ввел либерал Жан-Батист Сэй в своём «Трактате политической экономии», в котором он выступил как комментатор и проводник идей А. Смита. С помощью этого понятия он пытался преодолеть противоречия тезиса Смита о производительном труде. Согласно Смиту непроизводительными оказывались целые отрасли, производящие услуги, однако на практике функционирование многих из них подчинялось логике частного капитала, стремящегося извлекать прибыль из всех сфер, включая и сферу услуг. Сэю пришлось подправлять Смита, вводя тезис о

¹ Зная результат развития, можно судить и о его начале, ибо «результат содержит в себе свое начало». — Гегель Г. В. Ф. Наука логики. Т. 3. М., 1972. — С. 306–307.

² «Всякая предпосылка общественного процесса производства, — отмечал К. Маркс, — есть вместе с тем и его результат, а всякий его результат выступает вместе с тем и как предпосылка. Поэтому все те *производственные отношения*, в которых движется процесс производства, суть в одинаковой мере и его продукты, и его условия». — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 534; см. так же. Т. 23. — С. 583.

производительном характере услуг, а значит и труда, задействованного в этой сфере. Сэй, например, утверждал, что производство оказывает услуги и создает полезности, а *«так как, эта полезность сообщает предметам ценность, то является производством богатства»*¹.

В сферу производительных услуг он включал, очевидно, и услуги интеллектуального характера, о чем свидетельствует само по себе понятие умственное производство, звучащее сегодня вполне современно и актуально. Достаточно заметить, что **идеи Сэя о «нематериальном имуществе» и «нематериальных продуктах» почти полностью совпадают с современным понятием «нематериальные активы», которые экономически учитываются согласно нормам бухгалтерского учета.**

Таким образом, на поставленные выше вопросы Сэй дал в своем политэкономическом трактате утвердительные ответы: **умственный труд является производительным, участвуя в создании национального богатства.** Однако умственное производство является у него **частью стоимостного производства, не выходя за узкие рамки рыночной экономики.**

Именно на это и обратил внимание Лист, подчеркивая, что понятие умственное производство является у Сэя частью меновой системы, а это означает, что сам этот тезис остается частью теории меновой стоимости, которая рассматривает богатство как совокупность меновых стоимостей и считает производительным только тот труд, который создает меновые стоимости.

Неолиберализм далеко не случайно называется неоклассикой, что подчеркивает преемственность классического экономического либерализма с господствующей сегодня неоклассической доктриной (экономическим мейн-стримом). И эта преемственность просто бросается в глаза, когда мы сравниваем взгляды Сэя и сторонников современных неолиберальных теорий «человеческого капитала», «постиндустриального общества» и «постэкономической модернизации».

«Человеческий капитал» функционирует в системе т. н. «постиндустриального общества» в целом на основе рыночных ценностей. Новые «постматериалистические ценности» являются составной частью все тех же «меновых ценностей» (на основе которых действует «умственное производство» у Сэя), а интеллектуальная собственность и человеческий капитал являются производительными лишь в той мере, в какой они подчинены движению глобального суперкапитала (виртуального капитала), производя для его владельцев меновые стоимости. Другими словами, **«умственное производство» является здесь частью стоимостного производства, не выходя за узкие рамки рыночной экономики.**

¹ Цит. по: Розенберг Д.И. История политической экономии. — М.: Соцэкгиз, 1940. — С. 219. Сэй обвиняет Смита всего лишь в том, что «он приписывает одному только труду человека способность производить стоимость. Более точный анализ показывает нам, что стоимость обязана своим происхождением соединенному воздействию труда или, скорее трудолюбия человека, сил природы и капитала».

Ничего принципиально нового, т. е. качественно нового в этих теориях нет. Как известно, Мак-Куллох, развивая теорию Сэя о производительном труде, довёл ее до полнейшего абсурда, утверждая, что стоимость создается не только трудом рабочих, но и — машинами, ветром, паром и животными. Американский экономист Г. Беккер пошел ещё дальше, предложив применять экономический подход («принцип максимизирующего поведения») для оценки «эффективности» человеческих поступков во всех сферах домохозяйства даже, например, при вступлении в брак или рождении детей.

2) Марксистский подход

Экономизм, изначально присутствовавший в марксизме, не позволил реализоваться большому гуманистическому потенциалу, который также изначально был заложен в марксизме. В других своих работах я указывал на то, что ортодоксальный марксизм является, в известном смысле, «зеркальным отражением либерализма»¹.

- Догмы о независимости экономики от духовной сферы и от государства имеет не только либеральное происхождение. Марксизм, хотя и слева, но также разделял эти взгляды. Карл Маркс, безусловно, является гениальным ученым. Это не вульгаризатор Смит. Но никакой ученый не может быть застрахован от ошибок. Были они и у Маркса. И его главная теоретическая ошибка заключается в том, что он — вслед за Смитом, поддерживая его, хотя и «слева», — стал рассматривать общество сквозь призму его экономической динамики, с позиций — экономического детерминизма и экономического материализма. Он возвел пресловутый **экономизм** — в теоретический принцип Абсолюта всего общественного развития, *абсолютизовав роль экономических отношений капитализма, игнорируя роль морального фактора в социально-экономическом развитии*. В марксизме сформировалась ошибочная теоретическая концепция *социально-экономического детерминизма* известная как **формационная теория**. Она серьезно исказила теоретическую картину исторического процесса. **Формационная теория**, являясь западной теорией, адекватно отражает лишь западное общество, в котором, безусловно, доминируют денежные, материальные и другие экономические факторы. Состояние западного общества действительно определяется способом производства, который, в свою очередь, зависит от уровня развития производительных сил, от их взаимодействия с производственными отношениями. Западное общество исторически сформировалось как **денежное**, как капиталистическое общество, в котором механизм движения капитала лег в основу движения всего общества в целом, превратив его в огромное **денежное хозяйство**.
- Марксизм унаследовал от либерализма экономический материализм и экономический детерминизм, являясь именно в этом контексте и образно говоря, зеркальным отражением либерализма. В основу марксистской формационной теории легло *ошибочное представление* о том, что структура любого общества и в любой стране состоит из двух элементов: **а)** господствующего экономического **базиса** (материальное производство, способ производства, экономическая структура общества и экономические условия жизни людей) и **б)** **надстройки** (мораль, этика, теории, идеологические и политические отношения), формируемой *на основе базиса, производной от него, вторичной*. А это приводило к «очищению» марксистских экономических исследований от всех неэкономических факторов — морали, этики, духовной сферы в целом. Духовная жизнь общества — не только буржуазного, но и социалистического — ставилась *в зависимость от экономической жизни*.

¹ См. подробнее: Олейников А.А. Методологические основы современной экономической теории (Методология системного политико-экономического анализа национального хозяйства): Научное издание. — Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова; Кострома: КГУ им. Н.А Некрасова, 2006. —

Однако это не умаляет того очевидного факта, что экономическая доктрина марксизма явилась огромным вкладом в развитие экономической науки. Благодаря Карлу Марксу политическая экономия превратилась в общеметодологический фундамент, на котором стали возможны серьёзные теоретические исследования воспроизводственного механизма. К. Маркс разделял мысль Д. Рикардо о том, что «производство ради производства есть не что иное, как развитие производительных сил человечества, т. е. развитие богатства человеческой природы как самоцель»¹. Именно Маркс и Энгельс указывали на необходимость рассматривать общественное производство, как производство человека, как воспроизводство общества и человека².

На все четыре вопроса, поставленные выше, основоположники марксизма давали положительный ответ. Еще в конце 1843 — январе 1844 г. Маркс писал о том, что «теория становится материальной силой, как только она овладевает массами»³. Впоследствии в подготовительных рукописях к «Капиталу», подчеркивая возрастающую роль науки в жизни общества, он выдвинул и в известной мере разработал положение о превращении науки в непосредственную производительную силу⁴. Маркс показал, что простой труд всё больше превращается в научный процесс⁵, что непосредственное включение науки в производство становится главным стимулом ее развития⁶, поэтому наука является не только идеальным, но и практическим богатством⁷.

3) Традиционалистский подход Ф. Листа

Теория общественного воспроизводства — огромная заслуга марксизма. И, хотя у Фридриха Листа нет такой же стройной и методологически (диалектически) выверенной воспроизводственной теории, у него есть то, что отсутствует в марксизме — **теория о производительных силах нации как об ассоциации всех производительных сил**. Заслуга Листа не только в том, что он заложил основы теории о народном хозяйстве, выдвинув тезис об особом, «национальном», характере экономических законов развития народного (национального) хозяйства, которое он рассматривал как особый национальный организм. Как известно, Лист был первым, кто открыто выступил против космополитизма либеральной доктрины.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. II. — С. 123.

² И тот факт, что эти абсолютно правильные идеи не были в дальнейшем развиты основоположниками марксизма не должен вызывать удивления. Но дело здесь не только в ошибках Маркса. В «Капитале» он анализировал исторически конкретный капиталистический способ производства, в рамках которого производительным — с точки зрения частного владельца капитала — является только тот труд, который создает капиталистическую прибыль. Очевидно, что принципиальное различие между производительным и непродуктивным трудом Маркс проводил именно по этому — совершенно конкретному и определенному признаку.

³ Маркс К.: Энгельс Ф. Соч. Т. I. — С. 422.

⁴ См. там же. Т. 46. Ч. II — С. 215.

⁵ См. там же. — С. 208.

⁶ См. там же. — С. 212.

⁷ См. там же. — С. 33.

После Листа экономическая наука раскололась на два взаимоисключающих направления: космополитическую экономию и национальную экономию

Как известно, большой вклад в развитии национальной экономики внесла немецкая историческая школа, ярким представителем которой во второй трети XIX в. был Густав Шмоллер. Так, например, в Германии в 70-х годах XIX в. возникло «социально-этическое направление», ядро которого составляла «молодая историческая школа», основанная Г. Шмоллером. Основные его произведения — «Народное хозяйство, наука о народном хозяйстве и ее методы», «Очерк общего учения о народном хозяйстве» и др. Шмоллер прямо объявляет себя продолжателем *старой исторической школы*. Он говорит: «Я пытался в одно и то же время быть экономистом и историком. Я видел перед собой цель завершить и закончить то, что Бруно Гильдебранд, Книс и Рошер пытались осуществить в германской национальной экономике. Именно: освободить совершенно эту науку от догматизма англо-французской утилитарной философии и направить ее физиологически и исторически глубже на твердой почве». Шмоллер дал свое новое определение предмета политической экономики. «Политическая экономия, — писал он, — есть наука которая описывает народнохозяйственные явления, определяет и объясняет их в связи с их причинами, поскольку они могут быть поняты, как единое целое, причем, конечно, предполагается, что прежде будет определено понятие народного хозяйства». Он видит народное хозяйство лишь там, где люди одной и той же нации и с одним языком, связанные общими чувствами и идеями, нравами и правовым порядком, имеют единое хозяйственное устройство, постоянное общение и развитую систему обмена¹.

В борьбе этих направлений отразилось противостояние двух глобальных мировоззренческих концепций — либерализма и традиционализма. Они и сегодня продолжают определять динамику общественного развития.

- В Германии, например, до сих пор экономическая теория находится под влиянием идей Фридриха Листа, а также старой и новой немецких исторических школ, сформировавших особое направление — **отдолиберализма как теория государственного порядка, суть его выражается в тезисе: «либерализм в рамках государственного порядка»².**
- Первым вариантом неолиберализма стал западногерманский ордолиберализм, который сформировался в конце 20-х — начале 30-х годов как альтернатива фашистскому режиму, основанному на жесткой централизации хозяйства. Главной трибуной немецкий неолибералов стали сборники под программным названием «Порядок экономики» («Ордо»), издающиеся ежегодно с 1937 года. Латинское слово «ордо» превратилось в собирательное понятие, символизирующее строй экономики или организацию хозяйства, в рамках которого свобода индивидуальной деятельности признавалась только в рамках определенного социально-экономического порядка, позволяющего осу-

¹ См.: Замятин В.Н. История экономических учений. — М.: Изд-во «Высшая школа», 1964. — С. 297-300.

² См.: Ойкен В. Основные принципы экономической политики. М.: Прогресс, 1995. 494 с.; Ойкен В. Основы национальной экономики. М.: Экономика, 1996. 349 с.; Теория хозяйственного порядка: «Фрайбургская школа» и немецкий неолиберализм. М.: Экономика, 2002. 463 с.

ществлять целенаправленную координацию всех видов деятельности и обеспечивать работоспособность хозяйственной системы в целом¹

Основы национально-исторического подхода в политической экономии заложил Ф. Лист. Действительное духовное (умственное) производство, считает Лист, организуется на основе духовной работы населения, опирающейся не на денежно-рыночный фундамент, а на духовные основания общества, на духовно-хозяйственную деятельность нерыночного характера. Духовное производство является прежде всего общенациональным производством: его «продукция» — это результат коллективных усилий многих поколений людей, формирующих духовный облик нации, являющийся главным результатом духовного производства. Как справедливо подчеркивал Ф. Лист, благосостояние нации обуславливается не количеством денежных ценностей, как думает Сэй, «а степенью развития производительных сил. Если законы и государственные учреждения и не производят непосредственно ценностей, то они создают производительные силы; и Сэй ошибается, когда утверждает, что народы обогащаются при всяком образе правления и что законы не могут создавать богатств»².

С точки зрения философии традиционализма, **любой труд, производящий материальные и духовные ценности, является производительным.** Труд ученого, художника, врача, учителя и других специалистов, которые занимаются преимущественно духовной деятельностью, тоже *производит* духовные ценности, а самое главное — формирует людей, способных усваивать и использовать эти ценности. Так, например, учителя и педагоги готовят людей, владеющих необходимым запасом знаний и навыков; врачи сохраняют или возвращают здоровье, так же являющееся благом для личности и общества; работники сферы управления производят *порядок*, т. е. организуют общественные процессы на основе системных принципов, без чего не может нормально осуществляться никакое производство.

В рамках данного, по сути, экономико-философского подхода, на наш взгляд, точнее говорить не о производительном или непроизводительном труде, а о труде, производящем материальные, вещные ценности и о труде, производящем духовные ценности. К примеру, работники системы образования не добывают нефть и не выращивают хлеб, но они *формируют* личность, обладающую профессиональными навыками и знаниями о принципах жизнедеятельности, участвуя в производстве главной производительной силы об-

¹ В. Ойкен. Основы национальной экономики. (1940). — *Ойкен В.* Основы национальной экономики. М.: Экономика, 1996. 349 с.

² Ф. Лист. Национальная система политической экономии. Граф С. Ю. Витте. «По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист». Д. И. Менделеев. «Толковый тариф, или Исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года»: Сборник / Составл. и предисл. В. А. Фадеева. — М.: Издательство «Европа», 2005. — С. 131. Жан-Батист Сэй писал: «Законы не могут создавать богатства». Лист на это ему отвечал: «Конечно, они не могут их создавать, но они создают производительные силы, которые гораздо важнее богатства или обладания меновыми ценностями». Государственная идеология и соответствующие законы, принимаемые парламентом страны, являются — важными факторами общественного производства. Подробно этот вопрос мы рассмотрим в четвертой главе диссертации.

щества — человека, повышая тем самым народнохозяйственный потенциал и национальное богатство¹.

4) Народнохозяйственный (национальнохозяйственный) подход

Советские экономисты и философы развили свой *народнохозяйственный подход* к анализу проблем духовного производства и нематериального производства в целом. По сути, они находились на пути к адекватности, осуществляя невольно синтез марксизма с традиционалистским подходом к анализу народного (национального) хозяйства, который был характерен как для немецкой исторической школы, так и для русской школы национальной экономики, представленной в работах русских экономистов-народников.

Традиции народнохозяйственного подхода к анализу воспроизводственных процессов, протекающих в рамках всего национального хозяйства, сохраняются и в современной русской экономической науке. Однако возрождение национальной экономической школы, основанной на принципах национальной экономики, не является простым возвратом к прошлому наследию. Советская экономическая наука, развиваясь в рамках народнохозяйственного подхода к воспроизводственным процессам, оставила нам богатое наследие, которое сегодня развивается дальше. Большим достижением советской науки является создание теории воспроизводства нематериальных благ во взаимосвязи с воспроизводством общественного продукта. А ее главным недостатком, который дает о себе знать до сих пор, является — экономизм. Сегодня он проявляется, с одной стороны, в «**недостаточной философичности экономических концепций**»². А с другой — сохраняется тенденция рассматривать сферу нематериального производства, включая и его составную часть — духовное производство, как некую «непроизводственную сферу», работники которой не принимают участия в создании национального богатства. В результате многие проблемы духовного производства до сих пор еще не получили адекватного отражения в экономической теории. Мы уже подчеркивали, что данная работа является попыткой восполнить известные пробелы, дав экономико-философский анализ тех проблем духовного производства, которые связаны с народнохозяйственным механизмом воспроизводства всего общества, нации и человека.

Возрождаемый сегодня народнохозяйственный подход сочетается с экономико-философским осмыслением национального хозяйства, что предпола-

¹ «Интеллектуальный потенциал населения, уровень его профессионализма и образованности, развития науки, технологии и культуры представляют собой важнейший ресурс социально-экономического развития. Преумножение и эффективное использование этого ресурса — главное условие экономического роста, повышения благосостояния народа... В этом заключаются национальные интересы», которые реализуются, — подчеркивает В.А. Носков, — через властные и управленческие структуры, через деятельность работающих в этих структурах людей, государственных служащих». — Носков В.А. Высшая школа в системе общественного воспроизводства: Автореф. дис... докт. ... наук. — Кострома, 2003. — С.24.

² Методологические проблемы современной экономической науки /Н.П. Гибало, А.Н. Симулин, Е.М. Скаржинская, М.И. Скаржинский, Е.Б. Степанов, В.В. Чекмарев, Вл.В. Чекмарев; под общей редакцией В.В. Чекмарева и М.И. Скаржинского. — Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2005. — С. 57 (шрифтом выделено авторами — А.О.).

гает его анализ в аспекте воспроизводства всего общества, рассматривая при этом воспроизводство человека, народа и нации в целом в качестве основополагающих целей.

2.4. СТРУКТУРА ДУХОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Материалистический подход к анализу нематериального производства, унаследованный с советских времен, ограничивает структуру производительных сил материально-вещественными и личными факторами, т. е. средствами производства и рабочей силой. Попытки развить идеи основоположников марксизма о «производстве общественной жизни», о «производстве самого человека» и «производстве самой жизни», придерживаясь одновременно материалистической концепции воспроизводства, неизбежно приводят к тому, что за рамками анализа оказываются духовные (социокультурные) факторы. Именно в таком положении оказываются и некоторые современные исследователи, работы которых направлены в целом на преодоление ошибок марксизма¹. Очевидно, что процесс потребительного производства, направленный на «производство самого человека», протекает в сфере в значительной степени в материальной сфере.

Однако материалистическая концепция воспроизводства исключает из анализа и из структуры движущих сил общества духовные ценности, которые и образуют фундамент общественного организма. Материальное производство должно в нём функционировать в качестве *служебной* сферы, удовлетворяющей материальные потребности общества.

Духовные ценности, существуя в обществе априори, должны постоянно воспроизводиться. *Именно в этом заключается суть духовного производства.* Принципиально правильный подход к решению противоречий материалистической доктрины был сделан советским философом С.Ф. Анисимовым. Он, в частности, указывал на то, что духовная деятельность включает в себя две стороны, две группы процессов: 1) *духовно-продуктивную* и 2) *духовно-практическую деятельность*. Очевидно, что и в самом духовном производстве выделяются два соответствующих подразделения².

Духовно-продуктивная деятельность, подчеркивает С.Ф. Анисимов, это — деятельность по производству духовных ценностей. Её существенным признаком является преимущественно творческий характер труда, а одним из главных элементов — теоретическая деятельность, познание закономерностей, явлений и процессов. Духовно-продуктивная деятельность включает в себя: 1) рациональное теоретическое постижение объективной реальности и 2) производство других духовных ценностей (нравственных, эстетических и

¹ Так, например, Е.Т. Бородин пишет: «Материальный по своей сути содержательный процесс и есть тот процесс непосредственной жизни общества, производство и воспроизводство которого Ф. Энгельс считал определяющим моментом в истории». — См.: Бородин Е.Т. Природное и общественное воспроизводство: Постигание марксизма и преодоление его противоречий. — М.: Издательство «Познавательная книга Пресс», 2003. — С. 68.

² Анисимов С. Ф. Духовные, ценности: производство и потребление. — М.: Мысль, 1988. — С. 35-36.

т. п.), используя при этом не только интеллект, но и силу художественного воображения, деятельность чувств. «Духовно-продуктивная, или духовно-творческая, деятельность, — подчеркивает С.Ф. Анисимов, — производит сознание в целом, и в этом смысле она выступает синонимом духовного производства вообще»¹. Эта форма духовного производства является основной, т. к. она включает в себя производство не только сознания (индивидуального и общественного), но также производство идей, знаний, теорий, художественных образов и других духовных ценностей, на основе которых формируется сознание человека.

Если сердцевину материальной деятельности людей составляет производство материальных благ, то духовной — производство духовных ценностей, призванных удовлетворять духовные потребности людей и общества. Вместе они образуют производство в целом, законы развития которого имеют всеобщее значение. Поэтому, считал К. Маркс, мораль, право, религия и другие виды духовной деятельности «суть лишь особые виды производства и подчиняются его всеобщему закону»².

Духовно-практическая деятельность, продолжает С.Ф. Анисимов, — это деятельность, которую К. Маркс и Ф. Энгельс характеризовали как «обработку людей людьми»³. В её основе лежит социализация, т.е. освоение социального опыта, а также накопленных человечеством духовных ценностей. Духовно-практическая деятельность общества включает в себя такие важные процессы, как — воспитание, обучение, образование, просвещение, пропаганда и т.п. К области духовно-практической деятельности К. Маркс относил, как известно, мораль, искусство, право, политику, религию⁴. Однако мораль и искусство выступают не только как формы общественного сознания, но и как система принципов, определяющих уровень нравственности, формы этики и морали. Анисимов упустил это из виду, хотя, очевидно, что процессы воспитания, образования и пропаганды могут развиваться только на основе определенной системы организационных принципов, имеющих нравственное основание.

Эти принципы, ставя людей в определенные институциональные рамки, формируют стереотипы поведения, в которых опредмечиваются моральные и эстетические духовные ценности. Другими словами, нравственные представления и нормы выступают не только побуждениями и мотивами поступков, но также — преобразуются в такие устойчивые поступки, действия и мероприятия, которые в теории этногенеза называются *стереотипами поведения*, а в институционально-эволюционной теории — *рутинами*

- Р. Нельсон и С. Уинтер, развивая эволюционную теорию потенциальных возможностей и поведения коммерческих фирм, функционирующих в условиях рынка, в качестве ключевого понятия рассматривают так называемые *рутины*. Этот термин охватывает все сферы деятельности фирм, характеризуя определенное следование правилам при принятии решений. Именно эти правила поведения и обозначаются терми-

¹ См.: Анисимов С. Ф. Указ соч. — С. 35.

² Маркс К.: Энгельс Ф. Соч. Т. 42. — С. 117.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. — С (примеч.).

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. — С. 728; Т. 46. Ч. I. — С.38.

ном «рутины». Рутин, по их мнению, играют ту же роль, что и гены в биологической эволюции. «Они являются неотъемлемыми характеристиками организма и определяют его возможное поведение (хотя фактическое поведение определяется еще и окружающей средой). Они наследуются..., подвержены отбору в том смысле, что так, то их относительная значимость в популяции (отрасли) возрастает со временем»¹.

Духовно-практическая деятельность включает в себя также идеологическую деятельность, направленную на формирование у людей определенных элементов общественного сознания посредством пропаганды, агитации, обучения, просвещения, а также моральных наставлений, судебных решений, церковной проповеди и других средств «обработки людей людьми». На этом уровне духовного производства процесс опредмечивания духовных ценностей доходит до их трансформации в систему практических — работающих принципов, определяющих хозяйственно-экономическое и политическое развитие всего общества, всей нации. Речь идет об организационных принципах и отношениях, совокупность которых формирует институциональные основы экономического развития.

Моральное освоение мира отличается от теоретического, оно является формой «практически-духовного освоения этого мира»². Другими словами, это есть деятельность по потреблению и использованию духовных ценностей. Если в процессе духовно-продуктивной деятельности производятся всевозможные идеальные образования (мысли, идеи, теории и т. п.), — подчеркивает С.Ф. Анисимов, — то в ходе духовно-практической деятельности производятся сами люди как духовные существа, носители знаний, чувств, образов, вкусов, привычек и жизненных стереотипов поведения. Если в первом виде духовной деятельности духовные ценности творятся, создаются, изменяются и развивается фонд духовных ценностей и само сознание, то во втором — они усваиваются и используются людьми, обществом³.

Сделаем принципиально важный вывод: духовно-практическая деятельность направлена на внедрение знаний, вкусов и моральных норм в сознание людей. Её целью является превращение существующих познавательных, нравственных, эстетических прочих духовных ценностей в систему — жизненных принципов, осуществляющих ежедневную практическую деятельность людей и практическое функционирование всего общества, сплоченного в монолитную нацию.

¹ Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений. — М., 2000. — С. 31.

Следует, однако, заметить, что западный термин «рутины» не включает в себя социокультурный компонент и поэтому не равнозначен русскому понятию «стереотипы поведения», а коммерческие рутин не являются историческим наследием страны, не обязательно наследуются поколениями, являясь всего лишь фирменными правилами, отражая корпоративные традиции и «культуру» данной компании.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. — С. 728.

³ Анисимов С. Ф. Указ соч. — С. 35-36.

2.5. ДУХОВНОЕ ПРОИЗВОДСТВО КАК СОВОКУПНОСТЬ ОТРАСЛЕЙ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

Общество может сохранить себя и развиваться, устремляясь в будущее, только в том случае, если в данном обществе созданы механизмы воспроизводства как фундаментальных социокультурных ценностей, так и воспроизводства основ самого общества. Нация и государство, как национально-ограниченная территория, могут существовать только до тех пор, пока проживающие на ее территории многочисленные народы объединяются общими целями, интересами и ценностями. Но для этого требуется наличие механизма социализации, который, как известно, является процессом передачи знаний, традиций и ценностей духовного бытия от старших поколений к молодым, идущим на смену. Как известно, общие цели, интересы и ценности не передаются молодым поколениям автоматически. **Они передаются только в процессе целенаправленного воспитания и образования как процесса социализации¹.**

В основе этого процесса лежит духовное производство, которое, охватывая все историческое социокультурное пространство, должно заниматься производством и воспроизводством общенациональных традиций и ценностей духовного бытия. В этом случае формируется механизм воспроизводства не только человека, но и общества, всей многонациональной нации как суперэтнической общности. Однако обеспечить функционирование этого механизма можно только на основе опережающего развития духовного производства, которое включает в себя науку, образование, здравоохранение и сферу культуры в целом.

Необходимость соблюдения таких воспроизводственных пропорций станет очевидной, если мы просто перечислим практические задачи, стоящие перед общенациональным духовным производством: а) производство сознания человека в процессе воспитания и образования; б) производство общественного сознания; в) производство духовных ценностей; г) производство знаний, включая научно-технические знания; д) производство здоровья человека в сфере здравоохранения; е) производство научных доктрин; ж) разработка основ государственной идеологии и социально-экономической политики государства; з) воспроизводство традиций и духовно-нравственных основ жизнедеятельности всего общества.

Реализация каждой из вышеперечисленных задач требует создания специализированных отраслей. Очевидно, что все виды духовной деятельности требуют особой подготовки, длительного обучения, высокого развития твор-

¹ К пониманию того, что воспитание нового поколения *представляет собой процесс производства*, вплотную подошел А.С. Макаренко. Он пишет: «А я чем больше думал, тем больше находил сходства между процессами воспитания и обычными процессами на материальном производстве, и никакой особенно страшной механистичности в этом сходстве не было. Очень глубокая аналогия между производством и воспитанием не только не оскорбляло моего представления о человеке, а, напротив, заражала меня особенным уважением к нему, потому что нельзя относиться без уважения и к хорошей и сложной машине». — Макаренко А.С. Педагогическая поэма. Минск, 1953. — С. 463.

ческих способностей и осуществляются группами профессионалов: ученых, педагогов, писателей, экономистов, управленцев. Существуют особые общественные институты, учреждения и организации для тех или иных видов духовного производства: школы, вузы, научные учреждения, музеи и пр. Все они образуют народное достояние, являясь формой национального богатства.

Процесс общественного производства, включая производство знаний, человека и общества в целом, не может осуществляться в рамках рыночной экономики. «Известно, что в рыночной экономике производится только то, что имеет спрос. Следовательно, современное общество устроено таким образом, что на новые знания существует постоянный спрос», — утверждает д.э.н. из Ярославля К.В. Аксенов в статье, посвященной проблематике экономики знаний¹. Этот либеральный экономист, как и многие другие, утверждают, что в рыночной экономике должно производиться только то, что имеет спрос и что на новые знания, дескать, существует постоянный спрос. Однако они упускают из виду, что спрос в условиях рыночной экономики бывает только рыночным, а он далеко не равнозначен тому объему спроса на новые знания, на новые технологии и новые профессии, который реально (объективно) существует в обществе и его хозяйстве, нацеленными на реальный рост, на стратегию и на обеспечение своей макроконкурентоспособности. Ориентацию только на рыночный спрос на знания уже привела к тому, что **утечка человеческого капитала из России за последние 10 лет достигла не менее 1 млн человек.** Ущерб особенно велик для ведущих научных центров и университетов. Так, например, МГУ имени М.В. Ломоносова, согласно опубликованным данным, уже потерял от 10 до 20 % своих лучших учёных.

К сожалению, такая позиция сегодня не является исключением, и главная опасность данного подхода в том, что он невольно переводит экономический анализ в сферу вымышленных отношений, приукрашивающих рыночную действительность. Ведь очевидно, что **рынок никогда сам по себе не будет производить то, что не приносит прибыль сегодня собственнику капитала.** А фундаментальная наука однозначно прибыль не приносит частному бизнесу. Точно также не сулит прибылей и вся сфера дошкольного и школьного образования, которая, как известно, и создает всеобщие предпосылки производства знаний. Однако для рынка эти сферы не являются прибыльными, и Министерство образования и науки, ориентируясь на рыночные принципы управления, закрывает сельские школы, ссылаясь на то, они, дескать, «нерентабельны». Стало системой, когда десятками и даже сотнями закрываются сельские школы, библиотеки, клубы, больницы и даже — родильные отделения. В все это в рамках правительственных реформ социальной сферы, предполагающих перевод этой сферы на рыночные рельсы².

¹ Аксенов К.В. экономика знаний как определяющая часть новой экономики в условиях рынка // Проблемы новой политической экономии. — 2005. — №4. — С.64.

² Платова Г. Работоторговля не сон и не миф: Парламентские слушания // Сов. Россия. — 8 июня 2006. — №65. — С. 2.

Происходящее в стране наступление агрессивного либерализма на сферу образования и науки (заккрытие школ, ПТУ, военных академий, НИИ, музеев) по сути своей является подрывом нашего экономического и производственного потенциала.

Рынок деформирует общественный спрос, оплачивая только то, что приносит денежный доход. *Рынок не способен работать на стратегию, на будущее нации.* Но если мы всю систему общественного воспроизводства выстраиваем на основе рыночных приоритетов, ориентируясь только на рыночный спрос, то в этом случае широко распространённый либеральный тезис о том, что, дескать, в современном обществе «на новые знания существует постоянный спрос», как раз и уводят науку в область мифологии, приукрашивающей рыночную действительность.

Принципиально важно понять, что, являясь лидирующей сферой общества, духовная сфера не сможет обеспечить решение всех ключевых задач духовного производства при переводе его отраслей на рыночные рельсы хозяйствования. Методы рационального рыночного хозяйствования могут быть применимы, например, к здравоохранению, образованию, науке и культуре, только лишь в очень ограниченных пределах. Происходящие в стране реформы в сфере здравоохранения, образования и в социальной сфере в целом, предполагающие перевод этой сферы на рыночные рельсы хозяйствования, являются чрезвычайно опасными для всего общества. Реализация этих реформ подрывает основы механизмов воспроизводства человека, семьи и всего общества в целом. Под вопросом оказывается будущее русской нации, а значит и самого государства, самой страны под названием «Россия».

Духовное производство в принципе не может развиваться на рыночной основе, так как это — та сфера, где отдача не может измеряться в денежных суммах. *Образование, здравоохранение, наука и литература, культура и массовый спорт, социальная сфера в целом приходят в упадок и деградируют при переводе их на рыночные принципы хозяйствования, попадая в разряд так называемых «неэффективных сфер», нуждающихся в приватизации.*

В заключении следует подчеркнуть, что именно духовное производство образует предпосылки всего материального и нематериального производства, а также основу способа производства общественной жизни, т. е. жизнедеятельности общества в целом. Реальное значение духовного производства в системе национального хозяйства определяется тем, что именно в этой сфере создаются предпосылки воспроизводства общества как единого национального организма. Этот уровень воспроизводства является самым сложным, так как включает в себя воспроизводство культуры, науки, информационной и социальной среды, включая воспроизводство самого человека. В силу своего нерыночного характера все основные сферы духовного производства могут развиваться только на бюджетной основе. Из этого следует, что субъектом общественно-нерыночного хозяйствования может быть только государство.

ГЛАВА 2

СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА НАЦИОНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

Необходимость исследования содержания и структуры национального хозяйства определяется тем, что процесс воспроизводства общества и человека происходит в сфере общественного хозяйствования, которое, как правило, исключается из анализа всеми современными направлениями экономической теории, входящими в т. н. «мейнстрим». Политэкономический и одновременно экономико-философский подход к исследованию национального хозяйства ставит задачу перевода анализа на народнохозяйственный (национальнохозяйственный) воспроизводственный уровень. Исходя из этого, национальное хозяйство в диссертации предлагается рассматривать как народнохозяйственный воспроизводственный комплекс, стоящий из двух основных сфер — 1) рыночного хозяйствования и 2) общественно-нерыночного хозяйствования.

§ 1. Национальное хозяйство и его социально-организационное строение

Национальное хозяйство является большой социоэкономической и социокультурной системой, которая, как и любая система вообще, относится к тектологическим построениям, подчиняясь общим законам тектологии. Суть таких систем в том, что их невозможно выбирать произвольно, нельзя скопировать и таким образом перенести в другую среду. Объясняется это тем, что, во-первых, каждая экономическая система формируется в определенной социокультурной среде, в конкретных природных и исторических условиях. Во-вторых, экономическая система сама является элементом культуры и структуры конкретной цивилизации, т. е. системы более высокого порядка, и как таковая неотделима от социокультурной среды данного общества.

Согласно тектологии, организационные отношения идентичны культуре своей среды. Это означает, что хозяйственные принципы, определяющие институциональный механизм функционирования организационных отношений, т. е. организационные принципы комбинирования и связывания воедино всех структурных элементов большой социально-экономической системы (национальная экономика и национальное хозяйство), определяются принципами социокультурной системы¹.

¹ См. подробнее: Олейников А.А. К вопросу о методологических основах институциональной структуры национального хозяйства России // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. Серия «Экономические науки». Проблемы новой политической экономики. — 2006. — Специальный выпуск № 2. — С. 43–48; Олейников А.А. Институционализм и социокультурные факторы нацио-

1.1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА СТРУКТУРЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

Методология анализа содержания любого предмета, включая и национальное хозяйство, включает в себя следующие этапы, направленные на выявление: 1) структуры данного предмета анализа под названием «национальное хозяйство»; 2) иерархической соподчиненности структурных элементов данной системы; 3) организационных принципов, на основе которых функционирует данная система; 4) главного системообразующего принципа, позволяющего системе реализовать общенациональные цели и ценности.

Экономическая теория сама по себе является всего лишь инструментарием анализа, результаты которого зависят от методологической базы. Под влиянием либеральных идей, лежащих в основе постсоветского развития России, в последнее время прослеживается явное стремление превратить принцип методологического индивидуализма в некий универсальный принцип, одинаково пригодный для разных экономических систем и теорий.

Однако что принципиально изменится, если, скажем, критикуя неоклассические и неоинституциональные теории и стремясь осуществить синтез институционально-эволюционных теорий, мы сохраним индивидуалистическую «точку отсчета» неизменной, сохраняя методологический индивидуализм как некий универсальный «угол научного зрения», как некий всеобщий исследовательский научно-методологический базис? Очевидно, что изменятся лишь детали, лишь отдельные формы, а не суть экономической системы, которую данная «новая» институциональная экономическая теория будет моделировать, опираясь на индивидуалистическую парадигму исследования. Экономическая система здесь будет выстраиваться снизу вверх — на основе частных интересов, отражая частнохозяйственный взгляд на динамику общественного развития.

Очевидно, что в итоге мы получим искажённое видение окружающего мира и нашего национально-экономического развития. Очевидно, что результаты научных исследований будут здесь абсолютно неадекватны нашей реальности, нашей истории и нашей хозяйственной практике.

И наоборот, если в основе научного анализа будут лежать методологические принципы общинности и коллективизма, иерархии и солидарности, то результат научных поисков модели общественного развития будет другой — более адекватный как нашей культуре, так и нашим стереотипам хозяйственной жизнедеятельности.

Методология исследования всегда является производной от укоренившихся этнических стереотипов, от избранной этносом психологической доминанты поведения, скажем — индивидуалистического этнического стереотипа, или, наоборот — общинного, коллективистского пове-

дения, нацеленного на достижение *общего* блага, на участие в *общем* деле, на солидарном подходе к народнохозяйственным проблемам.

Фундаментальные методологические принципы, например, принцип методологического индивидуализма или принципы иерархии и общинности, сами по себе не являются экономическими принципами. Принципы и постулаты экономической теории, отражая цели и мотивы хозяйственной деятельности людей, не могут формироваться внутри самой экономической теории.

Как известно, цели и мотивы хозяйственной деятельности формируются институтами культуры, а именно: нормами морали, имеют этическое измерение. А в его основе лежит **«собственный этический масштаб»** (О. Шпенглер) данной нации, основанный в свою очередь на многовековых морально-этических нормах и традициях, имеющих, как правило, прямое или косвенное религиозное происхождение. Именно в силу этого отличаются фундаментальные принципы и базисные основы национально-экономического развития разных стран, принадлежащих к западным и восточным цивилизациям.

Культура выступает в качестве институциональной основы экономической системы. Ю.М.Осипов справедливо подчеркнул в своем выступлении на международной научной конференции «Институт как предмет экономической теории и фактор современной хозяйственной практики» (20-21 апреля 2006 г.: МГУ им. М.В. Ломоносова, Центр общественных наук), что именно *«человек учреждает экономику»* и делает он это не самопроизвольно, а опираясь на уже существующие фундаментальные ценности, Традиции и хозяйственные стереотипы.

- Поэтому американский ученый Д. Норт, например, придает важное значение интегрированию понятия институты в экономическую теорию и экономическую историю. По его мнению, институты «выступают фундаментальными факторами функционирования экономических систем в долгосрочной перспективе»¹, связывая прошлое с настоящим и будущим. Институты обычно рассматриваются институционалистами как система норм, правил и ограничений, а сами институты при этом подразделяются на формальные и неформальные. Институционалисты в целом правильно указывают на то, что неформальные институты «возникают из информации, передаваемой посредством социальных механизмов, и являются частью того наследия, которое мы называем культурой»².
- Заметим, однако, что **западные институционалисты (неоинституционалисты) рассматривают институты, включая институты культуры, в узко прикладном контексте, привязывая их к деятельности фирм — к корпоративной культуре.**

Традиционный институционализм рассматривал институты широко — как правила, стандарты поведения, стереотипы мышления. Т. Веблен, выдвинув само понятие институтов, трактовал их как **устойчивые стереотипы мышления** (*habit of thought*), присущие большой общности людей³. Данное направление возникло не на пустом месте, являясь логическим продолжени-

¹ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — М.: Начала, 1997. — С. 12, 137.

² Норт Д. Указ. соч. — С. 57.

³ Veblen T. The Place of Science in Modern Civilization and Other Essays. N.Y.: Huebsch, 1919. — P. 239.

ем немецкой исторической школы, методологические основы которой были заложены Фридрихом Листом.

Лист был носителем традиционного мировоззрения, в рамках которого человеческое общество, включая его хозяйство, рассматриваются как единый социальный организм, основанного на иерархии и авторитете верховной власти. Очевидно, что при таком подходе национальное хозяйство организуется как многоукладное, состоящее из разнородных, но взаимодополняющих друг друга хозяйственных систем — рыночных и нерыночных, товарных и натуральных, капиталистических (буржуазных) и некапиталистических.

Именно с этих позиций Лист и выступил против Смита, характеризуя его буржуазную политическую экономию, как «*частную экономию*», отвергавшую многоукладность, как, якобы, признак отсталости. По сути, **Ф. Лист выступил первым идеологом той противоположной либерализму модели экономики, которую сегодня часто называют в экономической литературе — институционально-органической моделью.**

В её основе лежит взгляд на экономическую систему как на «экономический организм», развитие которого направляется системой государственных «институтов». Содержание данной модели определяется следующими главными институциональными чертами — традиционализм и антилиберализм, а ключевыми институтами являются институты иерархии и авторитета верховной власти, традиции, а также долга и общественного служения.

Культура является базисом хозяйственного развития, формируя институциональные основы экономической системы и национального хозяйства в целом. Очевидно, что не вся культура образует систему неформальных институтов. Например, этика и мораль являются институтами культуры, напрямую связанными с экономическим развитием, а нравственность и ее законы уже относятся к категории объективных законов жизни. В системе культуры существует *культурное ядро*, состоящее из системообразующих ценностей и принципов, имеющих объективный, трансцендентный характер, т. е. существующих над поколениями и над временем¹.

Рис. 2.1. Основные уровни институциональной системы

Так, например, О. Уильямсон предлагая схему классификации институциональной системы, верно указывает на то, что «время жизни» формального правила колеблется в диапазоне от 10 до 100 лет, а неформальных институ-

¹ См.: В. Франкл. Человек в поисках смысла. — М.: Прогресс, 1990. — С. 170.

тов — уже от 100 до 1000 лет¹. В то время как системообразующие ценности культуры (законы нравственности) имеют вечный и нетленный характер. Таковы, например, понятия братства, солидарности, справедливости, коллективизма и др. В работе Я. Кузьмина и др. институциональная система представлена из трёх подсистем, каждая из которых располагается на одном из уровней, образующих своеобразную пирамиду². Культура здесь рассматривается в качестве фундаментального базиса, на котором выстраивается вся институциональная система национальной экономики и национального хозяйства.

1.2. К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ СИСТЕМНОГО ЭКОНОМИКО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА НАЦИОНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

1) Духовные основания хозяйственного уклада

Человек является энергетической субстанцией, сгустком энергии, порожденной природой земли, биосферой и макрокосмосом. Однако, согласно закону сохранения энергии, потребляемая человеком энергия, не может появляться ниоткуда. Ответ на вопрос об источнике энергии был найден Гумилевым в трудах В.И. Вернадского, открывшего тот вид энергии, за счет которого живые организмы растут и совершают разнообразную работу. Вернадский назвал ее *геобиохимической энергией живого вещества биосферы*, формируемой из трех важнейших источников: энергии Земли, Солнца и Космоса³. Деятельность человека, его активность имеет энергетическую природу, требует от него длительного волевого, интеллектуального и физического напряжения.

Соответственно, **хозяйственная деятельность — это процесс, имеющий духовные основания**, «ибо хозяйственная деятельность только тогда имеется налицо, когда человеческий дух *приобщается к материальному миру и воздействует на него*. Всякое производство, всякий транспорт есть обработка природы, и во всякой работе, понятно, кроется душа. Если говорить образно, то можно относиться к хозяйственной жизни как к организму и утверждать о нем, что он состоит из тела и души.

Хозяйственное тело образуют не внешние формы, в которых функционирует хозяйственная жизнь: хозяйственные и технические формы, многообразные организации, в среде которых и с помощью которых осу-

¹ Williamson O. The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead // Journal of Economic Literature. — 2000. — Vol. 38. № 3. — P. 595-613.

² Кузьминов Я. и др. Институты: от заимствования к выращиванию // Вопросы экономики. — 2005. — № 5. — С. 11.

³ В.И. Вернадский теоретически доказал, что народы (этносы) являются *биофизическими реальностями*, облеченными в социальную форму. Становление народа как процесс этногенеза — это биофизический процесс, основанный на *геобиохимической энергии живого вещества биосферы*³. Исходным пунктом предложенной Гумилевым концепции этногенеза является тезис о том, что этносы являются — «биофизическими реальностями, всегда облеченными в ту или иную социальную оболочку». — Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало: Популярные лекции по народоведению. — М.: Рольф, 2002. — С.45.

ществляется хозяйствование. Однако и внешние условия, при наличии которых происходит хозяйственный процесс, можно также причислить к хозяйственному телу, которому именно и противопоставляется хозяйственный дух. Хозяйственный дух — это совокупность душевных свойств и функций, сопровождающих хозяйствование. Это все проявления интеллекта, все черты характера, открывающиеся в хозяйственных стремлениях, но это также и все задачи, все суждения о ценности, которыми определяется и управляется поведение хозяйствующего человека»¹.

2) Христианская антропология о природе человека

Согласно христианской антропологии, человек — это единство тела, души, сотворенной творческим дуновением Создателя (Божие дыхание), и духа, производного от Святого Духа. Душа сообщает телу жизнь, а ум, как высшее свойство души и ее высшее проявление, — эту жизнь творит, созидает. При этом, согласно мнению, высказанному впервые Тертуллианом и разделяемому многими отцами Христианской Церкви (как на востоке, так и на Западе), «от душ родителей отделяется некое душевное семя для образования новой души» — души зачатого младенца. Согласно этому мнению, «души переходят преемственно от родителей к детям, когда образуется принадлежащее той или другой душе тело»². А это означает, что при рождении человек получает от родителей некие *врожденные свойства*, а именно: врожденные свойства души. Например, такие как стойкость духа, решимость, твердость, непоколебимость, а также сострадание, любовь к ближнему.

К врожденным свойствам души, очевидно, относятся также и готовность к самопожертвованию, к выполнению нравственного долга, к служению Богу и Отечеству. Служение Богу, выражаемое в идее нравственной обязанности, означает готовность служить надличностному «Мы», той человеческой общности, которая образует в глазах каждого индивидуального «Я» братство людей, соединившихся воедино, чтобы — а) служить принципам правды; б) творить предначертания высшей воли, вытекающие из своего исторического прошлого; в) чтобы своим служением не только сохранить это прошлое, но и соединить его с настоящим, давая тем самым жизнь будущему. Н.А. Бердяев очень верно заметил, что в русском народе и в русской интеллигенции всегда было «искание царства, основанного на правде»³. Такое понимание правды и такое понимание общественного служения и долга характерно *только для русского народа*.

Таким образом, речь здесь идет о врожденных доминантах психики и социального поведения, сконцентрированных в уме (душе), частица которого

¹ Буржуа: Пер. с нем./ Ин-т социологии. — М.: Наука.// TheLib.Ru » [Философия](http://TheLib.Ru) » [Вернер Зомбарт](http://TheLib.Ru) » [Избранные работы](http://TheLib.Ru) » онлайн-чтение http://thelibrary.ru/books/verner_zombart/izbrannye_raboty-read-2.html

² Архимандрит Алипий (Кастальский-Бороздин); архимандрит Исайя (Белов) Догматическое богословие. — СТСЛ, 1998. — 18. Происхождение душ // [Электронный ресурс]. URL: — 2012. — Режим доступа: // http://azbyka.ru/hristianstvo/dogmaty/castalsky_dogmaticheskoe_bogoslovie_3018-all.shtml. — Дата доступа: 29.09.2013.

³ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. — М., 1990. — С.11.

в виде «душевного семя» передается из поколения в поколения, из рода в род. Именно благодаря этому существует духовная преемственность и солидарность поколений, которая порождается ощущением *сопринадлежности* к общему «Мы», *сопричастности* к общей судьбе и общей истории, которые нельзя выбирать по своей прихоти.

Именно в этом контексте следует понимать высказываемую русскими религиозными философами мысль о том, что народ — это единство прошлых, настоящих и даже будущих поколений¹. С.Л. Франк писал: «Общество как духовное единство, никогда не вмещается в миг настоящего, в сегодняшний день; оно *есть* только тогда, когда в нем в каждое мгновение живет все его прошлое; его «сегодня» есть только связь между его «вчера» и «завтра». Только если в детях живет душа и воля отцов, они имеют жизнь, чтобы передать ее внукам. Во всякое мгновение в обществе действуют законы и обычаи, установленные давно умершими людьми и выражающие их волю и веру, обращаются материальные и духовные капиталы, накопленные трудом прошлых поколений»².

Итак, человек — это в первую очередь дух и душа (ум), наследующая вполне определенные инстинкты или стереотипы поведения, которые психологи называют «видоспецифичное поведение», «стереотипическое поведение», «врожденное поведение», «генетически запрограммированное поведение», «комплекс фиксированных действий». Приведенные термины обладают большей информационной емкостью, чем термин «инстинкт», который мы употребили выше для простоты. Имея в виду инстинкты человека, часто употребляют образное выражение «видовая память». Л.Н. Гумилев, автор теории этногенеза, говорит о стереотипах поведения, отличающих одни этносы от других.

Нас в данном случае интересуют хозяйственные стереотипы, определяемые генетическим кодом русского народа. В широком смысле все это определяется понятиями — «дух» русского народа, его «духовные силы», «народный дух».

3) Троичная структура хозяйственного уклада

Известный немецкий экономист, представитель исторической школы политической экономии, Вернер Зомбарт (1863—1941) наиболее существенным признаком различных хозяйственных систем считал господствующий в них «хозяйственный дух». Зомбарт указывал, что под хозяйственной систе-

¹ Бердяев очень верно заметил: «Народ есть великое историческое целое, в него входят все исторические поколения, не только живущие, но и умершие, и отцы и деды наши... Самоутверждение современного поколения, превозношение его над умершими отцами и есть коренная ложь демократии». Он мудро подчеркивает, что — «то оторванное человеческое поколение очень краткого отрывка исторического времени, исключительно современное поколение и даже не все оно, а какая-то часть его, возмнившая себя вершительницей исторических судеб не может быть названо народом». — Н.А.Бердяев. Новое средневековье. 1924. — Цит. по: Назаров М.В. Историософия XX века. — М.: Альманах «Русская идея», 1999. — С. 510 (все выделения мои — А.О.).

² Франк С.Л. Религиозные основы общественности // ПУТЬ. № 1. Сентябрь. 1925. С. 15. — В сб.: Путь. Орган русской религиозной мысли. Книга 1 (I-VI). — М.: Информ-Прогресс, 1992. — ПУТЬ. № 1. Сентябрь. 1925. — С. 21.

мой он понимает такой вид хозяйства, в состав которого входят три основные части: «1. Дух (Geist). 2. Форма. 3. Техника». Согласно с этим, подчеркивал он, понятие системы хозяйства мы можем определить «как духовное единство, — 1) подчиненное определенному *смыслу*, 2) имеющее определенный *строй и организацию* и 3) применяющее определенную *технику*. Это понятие хозяйственной системы действительно удовлетворяет всем требованиям, которые мы должны предъявлять высшей системообразующей идее»¹.

В другом месте он подчеркивал: хозяйственная система есть «способ хозяйства, понимаемый как духовное единство: 1) проникнутое определенным духом; 2) имеющее определенный порядок и организацию и 3) применяющее определенную технику». Итак, по мнению Зомбарта, которое во Франции разделяли Ф. Перру и Р. Барр², экономическая система как таковая характеризуется *тремя группами элементов*:

- 1) **Дух** — «жизнь духа», которая определяет национальный образ мысли, активность, мотивы и психологию экономической деятельности.
- 2) **Форма** — совокупность государственных, социальных, юридических и институциональных элементов, которые определяют отношения между экономическими субъектами (режим собственности, статус труда, роль государства); Зомбарт выступал за государственный контроль над бизнесом и настаивал на необходимости планирования индустриального прогресса.
- 3) **Субстанция** — техника, формы производства и предпринимательства, совокупность материальных способов, с помощью которых из ресурсов производят блага³.

Дух в этой системе является определяющим элементом, организующим весь уклад, всю хозяйствующую систему — все национальное хозяйство. У Зомбарта речь идет о взаимодействии — *духа, формы и субстанции*: а) духа — *способа духовного бытия*; б) формы — *способа жизнедеятельности* как «совокупности социальных, юридических и институциональных элементов», которые определяют отношения между экономическими субъектами; в) субстанции — *способа материального производства* как «совокупности материальных способов, с помощью которых получают и трансформируют блага».

Речь идет о таком взаимодействии трех структурных элементов, которые образуют формационно-цивилизационное движение общества. Именно взаимодействие *культуры* (духа), *цивилизации* (формы) и *формации* (субстан-

¹ Зомбарт В. Избранные работы // The Lib.Ru. Электронная библиотека [Электронный ресурс]. URL: — 2012. — Режим доступа: // http://thelibrary.ru/books/verner_zombart/izbrannyye_raboty-read-8.html. — Дата доступа: 29.08.2013.

² Бывший премьер-министра Франции Раймон Барр был экономистом. Его учебник «**Политическая экономия**» вышел в свет в 50-х годах. Р. Барр внес большой вклад в развитие высшей школы, становление знаменитой ЭНА (Ecole nationale d'administration), выпускники которой ("энархи") составляют костяк государственного аппарата Франции. Этот учебник был издан и в России. Русский перевод 1-го тома сделан по 13-му изданию (1983 г.). Многое с тех пор изменилось в мире, но работа Барра из числа нестареющих.

³ Барр Р. Политическая экономия: В 2-х тт. — Т. 1: Пер. с фр. — М.: Междунар. отношения, 1995. — С. 170.

ции) образует хозяйство страны, т. е. национальное хозяйство (народное хозяйство)¹.

4) О методологии системного анализа национального хозяйства

На наш взгляд, данный методологический подход, разделяемый известными французскими экономистами Ф. Перру и Р. Барром, применим к анализу не только отдельных хозяйственных укладов, но и всего национального хозяйства, которое включает в себя, кроме сферы коммерческого хозяйствования, огромную сферу общественного, то есть нерыночного хозяйствования. Как уже отмечалось, движение национального хозяйства происходит в результате производительного взаимодействия институциональных структур в сфере культуры, политики и экономики, именуемых неформальными и формальными институтами.

С учётом данного подхода нами была разработана методология системного анализа национального хозяйства². В её основе лежит синтез (взаимосвязь) следующих методологических подходов:

- 1) формационного анализа способа производства,
- 2) цивилизационного анализа способа жизнедеятельности и
- 3) геополитического анализа движения национального хозяйства в целом.

Системная методология, используемая нами, не ограничивается перечисленными здесь основными подходами, включая в свой состав, в частности морфологический подход, историософский подход, а также методы институционального анализа. Однако наш системный метод всё же отличается от многообразных подходов, объединяемых понятием «системная методология». И, прежде всего, тем, что подчинён экономико-философскому подходу к анализу национального хозяйства как механизму воспроизводства всего общества и всей нации в целом.

Особенность предлагаемой нами методологии заключается в попытке соединить воедино три различных подхода, что позволяет, на наш взгляд, охватить всё хозяйство страны, подойдя к его анализу с разных сторон, увязывая при этом воедино все сферы общества, соединяя экономику, политику и культуру в один метапредмет политэкономического и одновременно экономико-философского анализа.

¹ См.: Олейников А.А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для вузов: для бакалавров, специалистов и магистров. 2-е изд., перераб. и доп. В 2-х ч. — М.: Институт русской цивилизации, 2011. — С. 187-194.

² См. подробно: Олейников А.А. Методологические основы современной экономической теории (Методология системного политико-экономического анализа национального хозяйства): Научное издание. — Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова; Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006. — С. 132–210; Олейников А.А. Политическая экономия национального хозяйства. — М.: Институт русской цивилизации, 2010. — С. 213-240; Олейников А.А. Методологические основы адекватности современной экономической теории: критика западного мейнстрима (Методология системного экономико-философского анализа национального хозяйства): Научная монография. — М.: Издательский дом «Белгород», 2014.

С одной стороны, мы связываем экономическое и социокультурное пространство воедино. А, с другой — соединяем историческое, экономическое и социокультурное пространство с природно-географической средой, с национальной территорией и с геополитическими особенностями развития всего национального хозяйства. В итоге это даёт нам реальную историческую динамику хозяйственного развития, помогая избежать умозрительности и догматизма. Всё это расширяет предмет научных знаний, а также возможности «восприятия научной экономией неэкономических знаний», т. е. «свободной интеграции всех знаний, позволяющей науке выйти из созданного ею же научного тупика»¹.

Теоретические проблемы воспроизводства общества невозможно исследовать, опираясь на методологический инструментарий экономикса. Говоря о необходимости преодолеть ограниченность предмета теоретической экономики, Ю.М. Осипов подчеркивает: «Научная экономия должна преодолеть свое отделение от так называемого неэкономического знания, впустить в себя то, что она так упорно отвергала...». Он особо подчёркивает, что речь идет «о возрождении философского подхода к решению задач, стоящих перед наукой, о таком видении предмета, которое может дать только широкий, не терпящий узких аналитических рамок, обобщающий и синтезирующий, свободно размышляющий и привлекающий все способы познания, вплоть до интуиционного и откровенческого, философский подход»².

1.3. Институциональная структура национального хозяйства

Таким образом, культура как совокупность духа, духовных сил народа, как совокупность **смыслообразующих и системообразующих, базисных принципов бытия**, целей и ценностей — является движущим нематериальным ресурсом всего хозяйственного развития нации.

Таким образом, теоретический вывод, который был сделан автором в своей монографии «Политическая экономия национального хозяйства» еще в 2010 году, остается актуальным:

«Разработка теории национального хозяйства, основанной на концепции национальной макроконкурентоспособности и на стратегии национального возрождения, а также написание соответствующих учебных пособий и учебников по новой политэкономии уже — не являются чисто академическими задачами. Их особая актуальность определяется *чрезвычайными геополитическими условиями*, в которые поставлена сегодня Россия. Экономическая теория, являясь теорией общественного развития, должна *быть теорией общественного воспроизводства* как многомерного процесса, теоретически отражая хозяйственные результаты практической деятельности. Однако любая практика людей в обществе, является — *политической* практикой, а экономическая теория в силу этого становится — *политической* экономией нацио-

¹ Ю.М. Осипов. Экономическая цивилизация и научная экономия // Экономическая теория на пороге XXI века — 3 / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. — М.: Юрист, 2000. — С. 25.

² Ю.М. Осипов. Экономическая цивилизация и научная экономия. — С. 25-26.

нального хозяйства, конкурирующего и выживающего в условиях многополярного мира.

Экономические законы отражают **закономерности самой жизни, самого хозяйства, вытекающие из его исторического прошлого, повторяемость и воспроизводимость хозяйственных укладов и стереотипов хозяйственного бытия, связанных между собой единством истории требованием соблюдения исторической непрерывности, уважения к прошлому и укоренённости в нём.**

Итак, экономическое развитие, как правило, является *национально-экономическим движением*, а предметом теоретической экономики должны выступать не частности — не институты или фирмы, не интересы частных лиц и частных предприятий. Предметом теоретической экономики, как национальной экономики, должны выступать все основные закономерности национально-экономического развития данной страны, закономерности движения всего национального хозяйства, осмысленного на основе историософского и цивилизационного (социокультурного) подходов¹.

Институт как совокупность организационных отношений. Движение общества, рассматриваемое в рамках методологии традиционализма, выступает как движение самого народа или нации (суперэтнуса), а движение национального хозяйства происходит в результате производительного взаимодействия иерархически взаимосвязанных институциональных структур в сфере экономики и политики. Соответственно, структура самого национального хозяйства приобретает форму институционального механизма, в рамках которого взаимосвязь между собой различных институциональных структур обеспечивается институтами иерархии, коллективизма и солидарности. Национально-экономическая развитие в значительной степени определяется социокультурной динамикой, этническими привычками и стереотипами хозяйствования, унаследованными от предков всей исторической культурой этноса или народа. При этом традиции играют роль социальной управляющей системы, которая сама по себе функционирует как совокупность неформальных институтов и соответствующих организационных отношений².

Организационные отношения, согласно А.А. Богданову, являются отношениями связывания и комбинирования всех структурных элементов системы посредством особого социального «клея», роль которого выполняют нравственные законы, нормы и ценностные ориентиры.

Очевидно, что организационные отношения в обществе не могут возникнуть и функционировать сами по себе, **они всегда имеют институциональную форму**. Другими словами, социальные институты функционируют как совокупность организационных отношений, направляющих индивидуальное поведение в социальные рамки, удерживающих общество от распада,

¹ Олейников А.А. Указ соч. — С. 243.

² См.: Олейников А.А. Институт как совокупность организационных отношений. К вопросу об институциональных основах модели национального хозяйства современной России // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. Серия «Экономические науки». Проблемы новой политической экономики. — 2006. — Специальный выпуск № 2. — С. 183–187.

а хозяйство от анархии. Институты относятся к системе организационных отношений, выполняя функции посредников, передаточного механизма между законами нравственности, фундаментальными принципами и хозяйственной системой страны в целом.

Итак, институт — это совокупность организационных отношений, формирующих «институциональный каркас» всей современной национальной экономики в любой стране. И уже в силу этого понятие «институциональная экономика» не равнозначно национальной экономике. Оно гораздо шире, совпадая в значительной степени по своим очертаниям со структурой национального хозяйства.

Структура национального хозяйства — состоит из трёх основных элементов:

- 1) Культура — как способ духовного бытия, как нематериальный ресурс национально-экономического развития, формирующий институциональные основы хозяйства (дух).
- 2) Государство (политика) — как субъект общественного хозяйствования и как «совокупность социальных, юридических и институциональных элементов, которые определяют рамки экономической деятельности и отношения между экономическими субъектами» (форма).
- 3) Экономика — как сфера общественного производства и рыночного хозяйствования, как «совокупность материальных способов, с помощью которых получают и трансформируют блага» (субстанция).

Рассмотрим кратко эти структурные элементы¹.

1) Культура как нематериальный ресурс хозяйственного развития

Культура — это, прежде всего, совокупность морально-этических норм и законов нравственности. Наши ученые рассматривают культуру в качестве нематериального ресурса хозяйственно-экономического развития. И.Д. Афанасенко справедливо указывает на то, что «культура одновременно является и субстанцией, и внешней средой экономики. Поэтому в экономической системе представлено множество существенных, равнозначимых связей, хотя и разнородных по своей сути. В силу чего экономическая система, с одной стороны, всегда конкретна, идентична культуре, которую она отражает; с другой стороны, как система хозяйствования она учитывает наряду с экономическим и неэкономическое. Имеют разную природу и законы, управляющие функционированием экономических систем. К сказанному добавим еще два ранее полученных вывода: (1) в природе не существует одинаковых экономических систем; (2) экономическую систему нельзя воссоздать искусственно»². В основе рассмотренного здесь тезиса лежит подход к хозяйству как форме жизни, как определенному укладу жизни или способу жизнедеятельности.

¹ См. Подробно: Олейников А.А. Политическая экономия национального хозяйства: Научное издание. — Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова; Кострома: КГУ им. Н.А Некрасова, 2006. — Глава 2. Институциональная структура национального хозяйства. — С. 37–71.

² Афанасенко И.Д. Указ. соч. — С. С.28–29

Философия традиционализма понимает хозяйство как явление духовной жизни, указывая на его связь с природой и человеком. С.Н. Булгаков писал: «Признак хозяйства — трудовое воспроизведение или завоевание жизненных благ, материальных или духовных, в противоположность даровому их получению»¹. Здесь чётко обозначен народнохозяйственный подход к экономике как целому. Народное хозяйство объявляется объектом государственного регулирования и управления. В таком хозяйстве общее, общественное — всегда первично и опосредует поведение всех предпринимателей. Частные раздробленные хозяйственные акты рассматриваются как проявление общей функции, изначального единства: «хозяйство должно уже существовать в своих основах, чтобы возможны были эти отдельные акты, а не наоборот»². Поступки человека оцениваются исходя из общей пользы. Отсюда и готовность предпринимателей хозяйствовать не только из личной выгоды, но и ради общей пользы. В приоритете общественного над частным и первичности общей функции в частных актах и заложена та объединяющая функция хозяйственной деятельности, которая проявила себя в разные периоды русской истории независимо от типа осуществляемой экономики.

Если рынок выступает, как социальный институт, то этика и мораль выступают, как определенный моральный институт, т. е. система моральных норм, на которые ориентируются субъекты экономической системы в процессе своего развития. Экономика представляет собой часть социокультурной среды, развиваясь на основе системы духовных (культурных) принципов. Кроме этого, ценностные установки присутствуют, хотя и не всегда в явном виде, при решении многих фундаментальных экономических вопросов. К их числу относятся вопросы ценообразования, использования ресурсов, эффективности, социальной справедливости. Подавляющее большинство всех экономических вопросов имеют этическое измерение. Экономика вообще может функционировать нормально только лишь при существовании определенной системы этических оценок и ценностей, господствующих в данной стране. Принципиально важно здесь то, что население страны добровольно подчиняется морально-этическим нормам, выполняющим функции неформального института, регулирующего рыночные отношения³.

Подчеркнем особо, что люди, хозяйствуя в сфере экономики, никогда не руководствуются одними только голыми экономическими интересами. Они всегда ориентируются на определенные цели и морально-этические ценности. Культура страны в ее духовном выражении является тем реальным базисом, на котором и укореняется хозяйственная жизнь страны. А носителем морально-этических норм, традиций и культурных ценностей в любой светской стране выступает государство. Только оно способно организовать общенациональную систему образования и воспитания нации в духе фундаментальных ценностей данной цивилизации.

¹ Булгаков С.Н. Философия хозяйства. — М., 1990. — С. 43.

² Там же.

³ См.: Агапова И.И. Экономика и этика: аспекты взаимодействия. — М., 2002.

2) Государство как институциональный механизм

Рыночная среда является производным фактором по отношению к этой первичной среде, т. е. по отношению к цивилизационным структурам (социокультурной среде). Другими словами, рынок и рыночная экономика возникают и формируются не стихийно, а с помощью государства, которое выступает в качестве субъекта организационных принципов, а структурным элементом экономической системы и хозяйства страны являются организационные принципы, на основе которых происходит их развитие.

В любой стране национальная идея, как совокупность фундаментальных ценностей духовного бытия, претворяется в жизнь с помощью государственной идеологии как системы работающих принципов, призванных привести в действие систему национальных ценностей. А политика при этом образует постоянно действующий механизм реализации хозяйственных принципов государственной идеологии. Как уже подчёркивалось, государственная идеология и политика сами по себе и не создают стоимости, но они создают (или разрушают) производительные силы нации — посредством соответствующих законов, принимаемых парламентом страны. Национальное хозяйство любой данной страны всегда имеет конкретно-историческую форму политико-экономической организации. Другими словами, оно имеет институциональную форму, опирается в своем развитии на различные институты.

Таким образом, государственная идеология превращается в мощный фактор общественного производства, находящим реализацию в совокупности работающих социохозяйственных принципов, на основе которых воспроизводится и развивается экономика, народное хозяйство, социальная сфера и все общество в целом. К. Маркс, например, считал, что мораль, право, религия и другие виды духовной деятельности являются особыми видами производства, подчиняясь его всеобщим законам.

В качестве коллективного субъекта хозяйства государство выступает; а) как крупный собственник и субъект хозяйственной политики; б) управляющий инстанции в сфере экономики, а также в качестве гаранта общенациональных хозяйственных интересов; в) создатель системы социальной помощи и перераспределения доходов; г) поставщик коллективных и общественных благ, которые не обеспечиваются рыночной системой, или обеспечиваются ею в недостаточной мере или по недоступным для большинства ценам и т.д. Во многих сферах именно государство должно выступать в качестве монопольного субъекта хозяйствования. Суть проблемы общественного хозяйствования, как уже подчёркивалось, в том, что значительная часть отраслей народного хозяйства не может быть переведена на рыночные рельсы хозяйствования. В первую очередь речь идет о социальной сфере, о сфере науки и культуры, о системе образования, здравоохранения, о средствах коммуникации, общественном транспорте, экологических сооружениях и других объектах общественного хозяйствования, имеющих социальную значимость.

3) Национальная экономика

Понятие «экономика» — многозначно. С одной стороны, в широком смысле этого слова экономика является сферой производства товаров и услуг. Однако экономика вырастает не просто из производства. Она возникает из общественного производства, т.е. производства, в котором между людьми складываются социально-экономические (общественные) отношения на уровне всего общества в целом. Результатом этого производства является общественный продукт, который движется, проходя стадии производства, распределения, обмена и потребления. Очевидно, что абстрактной рыночной экономики не существует. В любой суверенной стране она превращается в национальную экономику, развиваясь в рамках данной социокультурной и институциональной среды, а также соответствующих природно-климатических условиях.

Кроме этого, экономика, в широком смысле, выступает как часть сферы общественного хозяйствования. Не следует также забывать, что сфера экономики в любом нормальном, т. е. морально здоровом обществе, является служебной сферой, прикладной, призванной всего лишь создать материальные условия для воспроизводства всего общества и всей нации в целом. Народное (национальное) хозяйство всей страны не может оцениваться критериями рыночной эффективности. Главными здесь являются критерии народнохозяйственной (социальной) эффективности, а именно: удовлетворение конкретных народнохозяйственных и социальных потребностей, рост благосостояния всего населения страны.

С другой стороны, экономика, в узком смысле этого слова, обозначает сферу рационального рыночного предпринимательства, известную как рыночная экономика. Мы уже неоднократно подчеркивали, что либерализм рассматривает всю сферу экономики и хозяйства страны, во-1-х, как чисто рыночную сферу, а, во-2-х, как сферу независимую от государства, как сферу «свободного предпринимательства», которое в реальности сегодня уже нигде не существует. И не только в результате господства монополий в сфере товарного производства, но также и потому, что неэкономическое не только изначально присутствует в экономике, но и порождается ею; более того, неэкономическое начинает преодолевать экономическое. На Западе уже целые отрасли не могут работать по законам современного рынка (например, сельское хозяйство, наука, образование и т. д.) и находятся под защитой государства¹. Активно развиваются процессы деструкции рыночного хозяйства и преодоления частной собственности².

Кроме этого, анализируя национально-экономическое развитие, мы должны рассматривать национальную экономику и общество в целом в единстве его составных элементов, не отрывая экономическую динамику от этни-

¹ И. Д. Афанасенко. Указ. соч. — С. 381.

² См. подробно: Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. — М., 1998. — С. 300-404.

ческой, а экономику — от культуры. Однако связывает все это воедино — принцип иерархии и соответствующие институты, функционирующие на основе принципов традиционализма, солидарности, долга и общественного служения. Национальная экономика в рамках имперского хозяйства нации играет прикладную роль, являясь всего лишь «моментом в непрерывном процессе воспроизводства систем жизнеобеспечения общества, в воспроизводстве жизни нынешних и будущих поколений. Тогда приоритетом становится поиск оптимальных форм кооперации и разделения общественного труда для «экономии больших пространств» (К. Шмитт)»¹.

Итак, институт — это совокупность организационных отношений, формирующих «институциональный каркас» всей современной национальной экономики в любой стране. Однако понятие «институциональная экономика» не равнозначно национальной экономике, включая в свой состав механизмы государственного регулирования экономикой, а также этические нормы и моральные правила. По своим очертаниям институциональная экономика близка к структуре национального хозяйства, которое является способом жизнедеятельности и формой хозяйственного бытия нации. Оно само есть составная часть национальной культуры.

При этом институциональная экономика и национальное хозяйство в целом могут совпадать, прежде всего в тех случаях, когда экономика и хозяйство страны укореняются в своем развитии на основе денежных (либерально-рыночных принципов) хозяйствования. В этом случае исчезает различие между экономикой и хозяйством, т.к. оба эти понятия наполняются денежным содержанием. Национальное хозяйство — это и есть институциональная экономика, т. е. совокупность двух разных уровней экономики, а именно: 1) экономики как сферы рыночного хозяйствования и 2) экономики как сферы нерыночного, общественного хозяйствования. При этом ключевым институтом национального хозяйства выступает само государство в качестве субъекта организационных принципов, лежащих в основе развития национального хозяйства.

1.4. ГОСУДАРСТВО КАК НОСИТЕЛЬ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ НОРМ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

Движение национальной экономики происходит в рамках цивилизационных структур. А социокультурная среда, являясь системой высшего порядка по отношению к экономике, реально функционирует как институциональная система.

В рамках неинституционального подхода наиболее распространенными являются следующие определения институтов, предлагаемые Д. Норт²: «Институты — это правила, механизмы, обеспечивающие их выполнение, и

¹ См.: М.А. Румянцев. К созданию политической экономии империй // Экономическая теория в XXI веке — 2 (9): Глобальное и национальное в экономике / под ред. Ю.М. Осипова, В.В. Чекмарева, Е.С. Зотовой. — В 2-х т. Т. 1. — М.: Экономистъ, 2004. — С. 64-73.

² О правилах поведения по Д. Нарту см.: Вопросы экономики. 2001. № 11. — С. 4.

нормы поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми», «институты ограничивают и определяют спектр альтернатив, доступных экономическим агентам, согласно неоклассической теории»¹. Институты «состоят из формальных писанных правил и обычных неписанных кодексов поведения, которые лежат глубже формальных правил и дополняют их»². О. Уильямсон *рассматривает институциональную среду как «совокупность основополагающих политических, социальных и юридических правил, которая образует базис для производства, обмена и распределения»*³.

На основе анализа истории экономики Д. Норт показал, *что различия в эволюции конкретных экономических систем разных стран определяются сложившимися в них институциональными структурами, и не могут быть объяснены без анализа динамики этих структур*.

- Особое внимание он уделял влиянию политики, полагая, что именно «политические правила формируют правила экономические, хотя имеет место и обратная зависимость». По его словам, «права собственности и, следовательно, индивидуальные контракты определяются и устанавливаются политическими решениями, однако структура экономических интересов также влияет на политическую структуру. В состоянии равновесия данная структура прав собственности... будет соответствовать конкретному набору политических правил и механизмов их обеспечения. Изменения на одной стороне приведут к изменению на другой стороне»⁴. Институты устанавливают границы и формы человеческой деятельности. У.С. Митчелл представлял институты как господствующие и в высшей степени стандартизированные общественные привычки⁵.

Принципиально важно подчеркнуть, что *институциональные структуры выполняют существенные народнохозяйственные функции — упорядочивания, структурирования, стабилизации отношений между людьми, включая хозяйственно-экономические отношения*.

Именно институты придают этим отношениям определенность, согласованность и устойчивость, превращаясь в важный инструмент влияния на экономические процессы через целенаправленное изменение институтов⁶.

Таким образом, **анализ институтов неизбежно выводит на исследование роли государства в развитии экономики**. В качестве третьей стороны обмена государство выполняет общественную функцию создания формаль-

¹ Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение// THESIS. — 1993. Весна. Т. 1. Вып. 2. — С. 73.

² Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — М., 1997. — С. 17, 19.

³ Уильямсон О. Сравнение альтернативных подходов к анализу экономической организации//Уроки организации бизнеса. — СПб., 1994. — С. 55.

⁴ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — С. 69-70.

⁵ В работах социологов институты рассматриваются как «особенно важные и глубокие, прочно утвердившиеся и устойчивые, регулярные, самовозобновляющиеся и упорядоченные социальные взаимодействия». С.С. Фролов выделяет в качестве институтов: 1) установки и образцы поведения; 2) культурные символы; 3) утилитарные культурные черты; 4) устные и письменные кодексы поведения; 5) идеологию. С точки зрения целей, содержания институты делятся на политические (государство, партии, профсоюзы, общественно-политические организации), экономические (организация и управление хозяйственной деятельностью: собственность, предприятия, торговля, деньги, труд, рынок и т.д.), институты культуры и воспитания (наука, образование, семья, художественные учреждения и т.д.). — См.: Тадевосян Э.В. Социология. — М., 1998. — С. 185.

⁶ См.: Серёгина С.Ф. Роль государства в экономике. Синергетический подход. — М.: Издательство «Дело и Сервис», 2002. — С. 59.

ных институтов в интересах значительной (наиболее активной) части участников обмена, а также в интересах всего национального хозяйства¹.

В данном исследовании мы опираемся на методологический инструментарий традиционного институционализма, основанного на философии традиционализма². Экономическая наука, развиваясь в рамках данного направления (выросшего из «национальной системы политической экономии» Фридриха Листа и немецкой исторической школы), пытается объяснить развитие национального хозяйства как большой экономической системы, функционирующей в рамках данной социокультурной, а также институциональной среды привлекая к анализу в целом внеэкономические факторы — социальные, политические, психологические, правовые.

В этом контексте следует подчеркнуть, что данное направление экономической теории («**национальная экономия**») существует реально и во многих странах, а не только лишь в прошедшем времени, будучи, якобы, отодвинутым на периферию большого теоретического пространства, где, дескать, безраздельно господствует пресловутый западный мейнстрим.

В России это направление реально существует, о чем свидетельствуют конкретные результаты идущих в стране плодотворных дискуссий среди русских ученых-обществоведов. Ведущиеся исследования институциональной стороны движения экономических систем показывает, что «институциональный каркас», в рамках которого функционирует экономическая система, является во многом связующим звеном между экономикой и другими сферами общественной жизни и прежде всего между экономикой и государством.

Неоинституционализм вполне может быть адекватен западной рыночной экономике, развивающейся на основе либеральных принципов. Однако для анализа национального хозяйства России неоинституционализм **оказывается неадекватным** — в силу, прежде всего, методологических различий в парадигмальных подходах. Различие между старым институционализмом и неоинституционализмом является — принципиальным. Они несут в себе разные институциональные матрицы.

В институциональной парадигме понятие «институциональная матрица» означает — исторически сложившуюся систему базовых институтов, имеющих устойчивый характер и регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных сфер, включая экономику, политику, а также идеологию. Институциональная матрица обладает одним существен-

¹ Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение. — С. 71; См. Шаститко А.Е. Неоинституциональная экономическая теория. — М., 1998. — С. 72.

² В отличие от неоинституционализма, являющегося во многом продолжением неоклассики, традиционный институционализм трактовал институты более широко — как правила, стандарты поведения, стереотипы мышления. Т. Веблен, выдвинув само понятие институтов, трактовал их как устойчивые стереотипы мышления, (habit of thought), присущие большой общности людей. — См. подробно: Олейников А.А. Традиционализм в качестве институциональной основы модели национального хозяйства России // Экономическая теория в XXI веке — 4 (11): Институты экономики / под ред. Ю.М. Осипова, В.С. Сизова, Е.С. Зотовой. — М.: Экономистъ, 2006. — С. 152–61; см. также: Veblen T. The Place of Science in Modern Civilization and Other Essays. — N.Y.: Huebsch, 1919. — P. 239.

ным свойством — она постоянно воспроизводится обществом и составляет базис меняющихся эмпирических состояний конкретного общества.

Институциональная теория в настоящее время выделяет **два основных типа институциональных матриц** — «восточную» и «западную». В основу различия этих матриц заложена дифференциация в общественных свойствах материально-технологической среды. Так, для «восточного» типа характерным является такое свойство, как коммунальность, а для «западной» — коммуникативность¹. Подчеркнем, что «коммунальность» означает такое свойство материально-технологической среды, которое предполагает её использование как единой нерасчлененной системы, части которой не могут быть обособлены без угрозы распада всей системы. Соответственно «коммуникативность» означает технологическую обособленность важнейших элементов материальной инфраструктуры и связанную с этим возможность их самостоятельного функционирования.

В этом контексте, говоря о России, следует заметить, что **адекватной может считаться только та модель национального хозяйства, которая будет обеспечивать воспроизводство всего общества и его национально-го хозяйства в рамках восточной институциональной матрицы**². Нашему обществу нужны такие принципы, которые будут сплачивать хозяйство, а не разобщать его, порождая центробежные силы. Для хозяйства огромной и холодной страны подходит только такая модель институционально-органического развития, которая может обеспечить функционирование народнохозяйственного комплекса как единого организма — на основе принципов интегративности и самодостаточности.

В дополнение к этому следует указать на то, что в России, т. е. в русской Евразии и в странах духовно близких с ней (СНГ, Евразийский таможенный союз, странах ШОС, странах БРИКС), — сложилось своё направление экономической теории, свой мейнстрим, который условно можно обозначить как — **евразийский мейнстрим**. Безусловно, в России как русско-евразийской стране-цивилизации евразийский мейнстрим сопряжен с русским взглядом на хозяйственные уклады, на тип и формы национального хозяйства. И это определяется тем, что нас нельзя отнести к Азии, мы — не азиатская восточная цивилизация. Мы не просто часть Востока. **Мы — абсолют Востока, являясь его символом, его квинтэссенцией и хранительницей всех тех лучших духовных традиций, которые всегда так выгодно отличали Восток от Запада.** И это определяется особенностью нашей культуры.

¹ См.: Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. — М.: ТЕИС, 2000. — С. 38-40.

² См.: Олейников А.А. Политико-экономические основы модели «третьего пути»: Научное издание. — Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова; Кострома: КГУ им. Н.А Некрасова, 2006. — 296 с.; Олейников А.А. Закономерности духовного воспроизводства общества: как привести национальное хозяйство России в соответствие с традиционными основами русской жизни // Русский экономический вестник: научно-публицистический журнал. Тематический выпуск. — № 9-10. — Екатеринбург: Изд-во Уральского института бизнеса, 2012. — С. 403-412; Олейников А.А. Третий путь России: новая хозяйственная идеология (Идеология семейной организации национального хозяйства и работающих собственников: модель восточного капитализма). Научная монография. — М.: Издательский дом «Белгород», 2014. (Серия «Евразийский мейнстрим: русский взгляд»).

Мы уже не раз подчёркивали, что народ таков, какова его культура, а культура произрастает из древних религий. Культура нашего многонационального, а точнее будет сказать — суперэтнического (180 этносов) народа, создана даже не Евразией (куда входят и Афганистан, и Иран, и Индия, Пакистан и др.), а культурой — **русской Евразии** и прежде всего её северо-восточной части. Эта культура создана духовной этикой и законами нравственности, произрастающими исторически из трех мировых великих источников духовности, а именно: православия (русского восточного христианства), ислама (русского ислама, исторически укорененного на территории русской Евразии) и буддизма (также имеющего русско-евразийский характер, буддизма русской Евразии)¹.

Проблема евразийского мейнстрима, отражающего русскую точку зрения на традиции и уклады евразийского национального хозяйства, является предметом анализа специальных монографических исследований, которые выходят в серии: «Евразийский мейнстрим: русский взгляд»².

§ 2. Воспроизводство общества как реализация национального хозяйства

Для начала вспомним, что экономическая реализация простого и капиталистического товарного производства принципиально различаются. Простое или мелкое товарное производство, функционируя по формуле $T—D—T'$, реализуется для собственника средств, условий и продуктов труда в получении необходимых для него благ (товаров и услуг), имеющих натуральную форму и качественные характеристики. Капиталистическое товарное производство, функционируя по другой формуле $D—T—D'$, реализуется для собственника капитала, как известно, уже в денежной форме, имеющей количественные характеристики: масса и норма прибыли, рост стоимости капитала компании и др.

¹Россия — это северо-восточная страна-цивилизация, которая имеет древнейшую культуру, частичным отражением которой является легендарный южно-уральский город Аркаим (возраст св. 4 тысяч лет до н.э.) — прародина древних ариев. — <http://www.dazzle.ru/spec/arkaim-3.shtml>; <http://dokumentika.org/slavyan/arkaim-stoyaschiy-u-solntsa>.

² См.: Олейников А.А. К вопросу о создании евразийской теории национального хозяйства // Развитие и экономика. Научный и общественно-политический альманах. 2012. — Март. — № 2. — С. — 126-133; Олейников А.А. Болонский процесс и евразийское пространство: к вопросу о необходимости разработки новых евразийских учебников по экономической теории // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — №3. — 2012. — С. 98-100; Олейников А.А. Методологические основы адекватности современной экономической теории: критика западного мейнстрима (Методология системного экономико-философского анализа национального хозяйства): Научная монография. — М.: Издательский дом «Белгород», 2014. (Серия «Евразийский мейнстрим: русский взгляд»); Олейников А.А. Политическая экономика евразийского национального хозяйства (евразийский мейнстрим: вопросы теории и методологии): Научная монография. — М.: Издательский дом «Белгород», 2014. (Серия «Евразийский мейнстрим: русский взгляд»).

2.1. ВОСПРОИЗВОДСТВО ОБЩЕСТВА КАК ЦЕЛЬ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

Национальное хозяйство это — *многоукладная система*, которая включает в себя *две ключевые сферы*: 1) *сферу рыночной экономики*, которая нацелена на прибыль, на рыночную эффективность; 2) *сферу нерыночного хозяйствования* (социальная сфера, фундаментальная наука, инфраструктурные отрасли национального хозяйства, включая ЛЭП, дорожное хозяйство, лесное хозяйство, ЖКХ и др.). В основе модели национального хозяйства лежит цивилизационный подход, который равнозначен взгляду на общество с позиций традиционализма. В рамках традиционного общества сложившиеся уклады — это, прежде всего, *образы жизни* и *формы бытия*, формы национальной *жизнедеятельности* части народа в данной стране. А многоукладность предоставляет его различным группам возможность самим выбирать наиболее подходящий для них уклад жизни. *В этом и есть суть народной демократии.*

Многообразие форм собственности и форм хозяйствования. Реальная проблема многообразия форм собственности выходит за рамки пресловутой «свободы хозяйственного выбора». Как уже подчеркивалось, формы собственности и способ производства зависят от исторически сложившихся форм хозяйствования, которые являются — формами цивилизации. Другими словами, *формация*, т.е. способ производства и способ присвоения, являются производными от *цивилизации*, т.е. способа жизнедеятельности, включая все многообразие форм хозяйствования. Для любого общества одинаково опасны как правая, так и левая ортодоксальность, ведущие общество к экономической унификации и политическому тоталитаризму¹.

Многообразие форм собственности практически реализуется в многоукладности национального хозяйства, в рамках которого нет борьбы за историческое лидерство между укладами, а есть их взаимодействие в рамках вертикальной взаимоподчинённости. Различные исторические уклады здесь как бы «наслаиваются» друг на друга, формируют непротиворечивое взаимодействие в рамках многоукладной хозяйственной системы.

Каждая форма собственности развивается в рамках национального хозяйства не сама по себе, а как составная часть общенациональных производительных сил. Форма собственности служит всего лишь материальной основой формы хозяйствования как определённой формы национальной жизнедеятельности, формы и уклада самой жизни. А процесс воспроизводства многоукладного хозяйства предполагает воспроизведение всех основных укладов в иерархической соподчиненности и взаимозависимости. Так или иначе, эта проблема связана с поиском закономерностей движения форм собственности,

¹ Любая **ортодоксальность** — это **доктринерство**, т.е. следование в политике догмам, подчинение жизни прямолинейным политическим принципам, имеющим крайние, экстремальные политические полюса. **Ортодоксальность** в политике — это всегда политический экстремизм. Ортодоксальность допустима лишь в религии, где она проявляется в религиозных догматах веры, на которых и держится религия; ее надо отличать от религиозного фундаментализма как формы сектантства.

лежащих в основе определенных укладов, а также господствующей формы собственности, системообразующей ведущий уклад.

Игнорирование принципа социокультурной интегративности (народно-хозяйственного подхода) приводит неизбежно к упадку национального хозяйства и деградации всего общества. При этом реальный ущерб не измеряется динамикой упадка промышленного и сельскохозяйственного производства. И это понятно: закрытие предприятий и развал отраслей ведет к росту безработицы, к деградации рабочей силы, к обнищанию семей. Разрушаются традиционные хозяйственные уклады и привычный уклад жизни миллионов людей, ощущающих себя брошенными на произвол судьбы — не нужными обществу.

Многоукладность — это закон формационно-цивилизационного развития, это закон традиционного общества, в рамках философии которого каждый уклад является формой жизни, формой жизнедеятельности, основанной на культурно-исторических традициях. Согласно этому закону, переход к новой экономической модели не равнозначен смене типа цивилизационного развития. Каждая страна имеет свою духовную программу и развивается на основе той системы работающих принципов, которые, во-1-х, относятся к категории фундаментальных ценностей данной цивилизации, а, во-2-х, являются «сквозными» организационными принципами развития всего общества, включая и его национальное хозяйство.

Итак, **многоукладность не равнозначна хозяйственному плюрализму**. Очевидно, что она предполагает *доминирование* ведущих укладов, основанных на принципах национальной жизнедеятельности, а также — интегративность разных хозяйственных укладов, взаимосвязанных и взаимозависимых единичными, «сквозными» принципами хозяйствования, в которых отражается суть национального способа жизнедеятельности.

Либеральный тезис об унификации всего мирового хозяйства на основе на основе западной либерально-капиталистической системы является не просто ошибочным или ложным. Этот тезис лежит в основе военно-политической неолиберальной доктрины, являясь концептуальным оружием, направленным на глобальный раздел мира в пользу англосаксонской (англо-американской) цивилизации.

Очевидно, что национальное хозяйство, являясь многоукладным, не может развиваться на основе какой-либо одной формулы или принципа. Как уже отмечалось выше, национальное хозяйство функционирует как целостный социо-хозяйственный комплекс, состоящий из двух основных взаимосвязанных сфер общественного производства — сфер рыночного и нерыночного хозяйствования, а именно: 1) сферы товарного производства, основанного на частно-рыночном хозяйствовании и 2) сферы общественного (социального) хозяйствования, имеющего нерыночный характер — общественно-нерыночного хозяйствования.

Развитие простого и капиталистического товарного производства, как известно, подчиняется законам господствующего товарного уклада. В этом контексте будет понятно, что реализация национальной экономики в целом,

функционирующей на основе принципов либерально-рыночной экономики, заключается в воспроизводстве совокупности частных капиталов, т. е. в воспроизводстве средств и условий капиталистического хозяйствования. И данная цель не только не скрывается, но и постоянно артикулируется капиталистическими правительствами разных стран, включая, разумеется, и капиталистическую Россию¹.

А теперь рассмотрим, в чём заключается реализация национального хозяйства, взятого в целом?

Его структура имеет двойственный характер, включая в себя сферы товарного и нетоварного производства, т. е. рыночной экономики и нерыночного хозяйствования. Отсюда следует, что основные сферы национального хозяйства, функционируя на основе противоположных принципов, имеют разный механизм реализации. Однако нас в данном случае интересует не взаимосвязь разных укладов в данном механизме, а цель реализации.

Национальная экономика, как уклад национального хозяйства, реализуется в товарном производстве рыночных благ и услуг, эффективность которого определяется денежными критериями. В конечном итоге, рыночная экономика реализует себя посредством воспроизводства средств и условий рыночного (капиталистического) хозяйствования, т. е. воспроизведения самой рыночной экономики в качестве совокупности институтов и ресурсов, находящихся в частной собственности.

Вторая сфера национального хозяйства — нетоварного производства и социального (общественно-нерыночного) хозяйствования — реализуется в производстве общественно необходимых и социально значимых благ и услуг, не имеющих рыночной стоимости и оцениваемых на основе критериев социальной и народнохозяйственной эффективности. В числе этих критериев на первом месте стоят: 1) рост общенародного блага и 2) соответствие общественного производства интересам подавляющего большинства населения.

Соответственно, **конечная цель механизма реализации данной сферы будет иметь нерыночный характер.** Нерыночная экономика, основанная на нетоварном производстве, а также вся социальная сфера в целом, реализуют себя, в конечном итоге, посредством воспроизводства средств и условий нерыночного хозяйствования.

Подчеркнем еще раз, что мы рассматриваем национальное хозяйство как реально многоукладное, а это означает, что речь идёт о воспроизводстве всех жизненных укладов, т. е. форм и способов хозяйствования, а также форм самой жизни, образующих в совокупности хозяйственную основу общества и само хозяйствующее общество в целом.

Отсюда следует вывод, что национальная экономика, имеющая рыночный характер, не может служить основой воспроизводства общества.

¹ Так, например, бывший премьер-министр РФ М. Касьянов неоднократно заявлял, что целью российского правительства является не борьба с бедностью, а защита частной собственности и создание условий для развития частного бизнеса.

Безусловно, что она создает для этого процесса самые необходимые материальные предпосылки, однако её рыночный характер уже сам по себе ограничивает воспроизводственные возможности стоимостными рамками и критериями экономической эффективности.

Как известно, рынок признаёт только платежеспособный спрос, игнорируя общественно необходимый спрос, скажем, на фундаментальные научные исследования, на воспитание детей, на образование и культуру. Перевод социальной сферы, включая образование, здравоохранение и ЖКХ, на рыночные рельсы чрезвычайно опасен для общества, ограничивая возможности и потенциал его воспроизводства, поощряя к росту и жизнедеятельности только те сферы общества, которые имеют рыночную рентабельность, и, соответственно, лишая материальной возможности развития т.н. «нерентабельные» сферы и производства.

Таким образом, национальное хозяйство является не простой совокупностью частных экономических агентов и их отношений, а целостным организмом, включенным в социокультурную среду, обусловленным исторически, имеющим фундаментальные особенности жизнедеятельности. Воспроизводство общества при таком подходе является реализацией всего национального хозяйства, точно также как воспроизводство частного капитала выступает как реализация частнокапиталистического товарного производства и рыночного механизма. Подчеркнём особо: цель реализации национального хозяйства заключается в воспроизводстве всего общества. Более подробно этот механизм будет рассмотрен в третьей главе.

2.2. ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ХОЗЯЙСТВЕННОМУ РАЗВИТИЮ

Общенациональный и народнохозяйственный подход к хозяйственному развитию помогает избавиться от умозрительных схем и оценить абстрактные категории с точки зрения их национально-экономического содержания. *При таком подходе капитал, например, имеет значение прежде всего как национальный капитал, формирующий национальные производительные силы, которые государство должно поддерживать и защищать методами протекционизма.* Лист усматривает истоки национальных капиталов — в духовной работе всей нации. Смит подходит к процессу образования капиталов внутри страны — с точки зрения рантие, доходы которого стоят в зависимости от ценности его материальных капиталов и который не может увеличить последние иначе, как прибавить к ним свои сбережения. Для Смита капиталы образуются только в процессе коммерческого оборота — в промышленности и в торговле. Критикуя эту позицию, Лист подчеркивал, что частная «теория сбережений, годная для какой-нибудь купеческой конторы, примененная в стране, привела бы нацию к бедности, варварству, немощи и распадению». Именно это бы и видим сегодня в России. Либеральная власть подходит к обществу с позиций частной экономии, обнаруживая чрезвычайную скупость в общегосударственных расходах, стремясь внедрить во все сферы общественного хозяйствования критерии чисто денежной эффектив-

ности. Понятно, что при таком подходе ЖКХ, наука и другие социальные сферы оказываются уже не эффективными, т.к. не производят стоимость, не увеличивают денежного богатства и денежных капиталов.

Однако образование национальных капиталов происходит вовсе не по формуле денежного капитала: Д—Т—Д'. Основу национального капитала образует не денежные, а — умственные и нравственные капиталы нации. Лист справедливо указывал на то, что «каждая отдельная нация является производительной настолько, насколько она сумела усвоить это наследие от прежних поколений и увеличить его собственными приобретениями, насколько естественные источники, пространство и географическое положение ее территории, количество населения и ее политическое могущество дают ей возможность развивать в высокой степени и гармонично все отрасли труда и распространять свое нравственное, умственное, торговое и политическое влияние на другие отставшие нации и вообще на весь свет»¹.

Другими словами, **национальные капиталы являются результатом взаимодействия всех духовных и материальных факторов**, образующих в совокупности национальные производительные силы. Сфера культуры производит — знания как производительную силу, здоровье нации, воспроизводит духовные ценности, которые создают человека, выступающего, в конечном итоге, в качестве главной производительной силы. Сфера политики производит — политические законы, которые сами по себе ничего не производят, но именно они создают и закрывают предприятия, создают или ликвидируют целые отрасли, открывают или же, наоборот, закрывают национальные границы и таможни для иностранного капитала. К. Маркс, например, верно указывал на то, что считал, что мораль, право, религия и другие виды духовной деятельности являются особыми видами производства, подчиняясь его всеобщим законам.

Сфера экономики, являясь служебной — по сути своей, призвана обеспечивать ресурсами хозяйственную деятельность человека во всех сферах общества. Сфера национальной экономики по отношению к национальному хозяйству должна играть в здоровом обществе такую же роль, которую играет производственная инфраструктура по отношению к материальному производству и сфере экономики в целом.

Если страна не является полуколонией и обладает суверенитетом и экономической независимостью, в все общество в целом является здоровым и морально сплоченным вокруг национальных традиций и государства как носителя этих традиций и ценностей, то в этом случае — во всех трёх сферах национального хозяйства неизбежно складывается своя система производительных сил, состоящая из формационных (экономических), цивилизационных (духовных, социокультурных) и геополитических (политических, географических, этнографических, природно-климатических) факторов.

¹ Ф. Лист. Национальная система политической экономии. Граф С. Ю. Витте. «По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист». Д. И. Менделеев. «Толковый тариф, или Исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года»: Сборник / Составл. и предисл. В. А. Фадеева. — М.: Издательство «Европа», 2005. — С. 128.

При этом сумма производительных сил нации не обязательно равняется сумме производительных сил частных капиталов и всего населения, взятого по отношению к каждому жителю отдельно. Она может быть в действительности намного больше: здесь действует **эффект интегративности**, согласно которому целое (результат) может быть намного больше простой арифметической суммы составляющих это целое единиц. Превышение результата (объем продукции, ВВП, производительность труда в форме дневной выработки в данной отрасли) — простой над арифметической суммой, образующее формальное целое, это и есть **эффект интегративности**. Чтобы он заработал, необходимо сложение различных сил и энергий, называемых **синергиями**, т. е. появление особой, дополнительной энергии и силы в результате координации, согласованного поведения и общей работы всех участников национальной экономики и национального хозяйства на общий конечный результат, в котором заинтересована вся нация, все общество. И этот результат не обязательно будет связан с ростом доходов и благосостояния.

В условиях глобальной конкуренции, в которой сегодня участвуют в мировой экономике страны и цивилизации, синергичный эффект интегративности должен быть направлен в первую очередь на обеспечение условий для выживания в этой макроконкуренции наций и цивилизаций — нашей страны-цивилизации.

- Сегодня, к сожалению, такая задача перед правительством даже и не ставится. Максимум на что способны наши управленцы из финансово-экономического блока, так это — ловко манипулировать ставками, определяя величину ставки рефинансирования, ключевой ставки, а в итоге и учетной банковской ставки. И все это, якобы, в целях макроэкономической стабилизации и, разумеется, борьбы с инфляцией. Печально известно и уже даже хрестоматийно высказывание бывшего министра финансов А. Кудрина: **«Минфин не занимается экономикой, Минфин занимается инфляцией»**. В этом вся суть современных управленцев, закончивших Высшую школу экономики¹, **играющую роль подрывного Центра, готовящего специалистов для скрытной диверсионно-подрывной работы** в правительстве России, включая и региональные уровни управления².

Итак, интегративность зависит главным образом от политического и социального положения нации, подтверждая превращение государственной идеологии в мощный фактор общественного производства. Увеличение производительных сил нации создается комбинированием: 1) промышленного труда; 2) материального и духовного производства; 3) экономики и политики, активной ролью государства. В итоге коллективных усилий и ассоциации сил всей нации получается — ассоциация производительных сил страны. Понятие «ассоциация производительных сил нации» показывает, что товары, услуги и прочие блага страны создаются коллективным трудом всего народа, всей нации.

¹ Созданную, кстати, на деньги Лондона и по образу и подобию Высшей школы экономики Лондона.

² Именно об этом говорит директор Центра научной и политической мысли и идеологии С.С. Сулакшин, подчеркивая, что, согласно экспертному анализу проведенному в Центре, **«самая большая угроза для национальной безопасности страны в современной России заключается в её собственном государственном управлении»**. — Вебинар с Сулакшиным Степаном Степановичем Тема: "Явление диверсионного государственного управления". Выпуск №3. 3 июля 2014 г. // http://www.youtube.com/watch?v=ol_JQVntrr8.

Очевидно, что данное понятие может быть фикцией, превращаясь в формализованный «коллективный труд», но только в том случае, если в обществе отсутствуют единые цели, интересы и ценности, способные создать народ и сплотить нацию, объединяя разрозненные социально-экономические группы вокруг своего государства, которое в этих условиях превращается в общенародное государство. Только в этом случае нация способна будет действовать как «единый коллектив», выступая в качестве реального хозяйствующего субъекта общенародной кооперации.

Его производительная мощь многократно увеличивается за счет фактора интегративности. Как уже подчеркивалось, в основе интегративности лежит положение о том, что целое больше суммы его частей, образуя «взаимосвязанное множество»¹. Другими словами, «взаимосвязанное множество» через взаимодействие ее частей создает дополнительную производительную силу, которая больше производительной силы ее взятых в отдельности частей.

Косвенным подтверждением интегративной взаимозависимости материального и нематериального производств являются результаты исследования вопроса зависимости роста занятости в непроизводственных отраслях в связи с развитием промышленности, которое было проведено ЦНИЛТР Госкомитета РСФСР по труду. Анализ показал, что с увеличением занятости в промышленности на 10 человек (в расчете на 1 тыс. жителей) занятость в отраслях сферы обслуживания в целом возрастает на 13,4 человека, в том числе в просвещении — на 3,7, в здравоохранении — на 1,6, в жилищно-коммунальном хозяйстве — на 1,1, в торговле, общественном питании и заготовках — на 2,6 человека². Было показано, что, например, уровень индустриального развития, характеризуемый размером занятости населения в промышленности (в расчете на 10 тыс. жителей), оказывает непосредственное влияние на изменение относительной величины занятости и в отраслях «непроизводственной сферы», т. е. сферы нематериального производства.

Таким образом, сложение духовных и материальных сил нации создает дополнительную производительную силу, которая больше производительной силы её взятых в отдельности частей. Именно поэтому Лист анализирует производительные силы нации не как некую арифметическую сумму, а как ассоциированную общенациональную силу, мощь которой «зависит главным образом от политического и социального положения нации».

Добавим в заключение. Если в современной России всего этого не только не наблюдается, а все производит как раз наоборот, то это является прямым следствием национального предательства со стороны правящей элиты, либо результатом особой формы «политической коррупции»

¹ «Следствием целостности системы является интегративность. Интегративность составляет основной закон любой системы — технологической, биологической, культурной, военной, социальной, экономической. Интегративность системы в абстрактной форме выражается в несводимости частей системы к их сумме, которая больше слагаемых. На языке экономики это означает, что система через взаимодействие ее частей создает дополнительную производительную силу, которая больше производительной силы ее взятых в отдельности частей». — Петренко И. Н. Безопасность экономического пространства хозяйствующего субъекта. — С. 12.

² Непроизводственная сфера СССР / под ред. В. Солодкова. — М.: Мысль, 1981. — С. 187.

(С.С. Сулакшин), — при которой элиты (высшие чиновники) могут прямо и не работать на врага, на Запад, однако свои эгоистические и / или клановые интересы они ставят выше общенациональных, заменяя и подменяя в своей деятельности стратегию государства и ее высшие цели на свои «шкурные», кланово-мафиозные интересы, невольно предавая государство и Родину. Известный русский ученый и политологи, директор Центра научной и политической мысли и идеологии (Центр Сулакшина) Степан Степанович Сулакшин ставит на обсуждение проблему «диверсионного государственного управления». При этом он подчеркивает, выступая в Интернете по вебинару, что, согласно экспертному анализу проведенному в Центре, **«самая большая угроза для национальной безопасности страны в современной России заключается в её собственном государственном управлении»**¹.

2.3. Нация как главный субъект национального хозяйства: методологический подход Ф. Листа

Главным субъектом хозяйства в либеральной парадигме являются частные лица, права которых ставятся, безусловно, выше прав народа или нации. И в этом ярко проявляется антигосударственная сущность либеральной доктрины. Борьбу либерализма против своего национального государства и ненависть либерала ко всему государственному², неолиберализм превращает в тотальную войну против наций как таковых, против всей системы национальных государств, мощь каждого из которых покоится на экономике страны, на системе национального хозяйства.

Однако сама эта **идея глобализации уже тогда присутствовала почти в полном объеме в космополитической экономике Смита**. Поэтому игнорирование Смитом нации, как субъекта национального хозяйства, не является случайным. Критикуя эту позицию Смита, Фридрих Лист заметил, что «между отдельным человеком и человечеством стоит нация с ее особенным языком и литературой, с ее собственным происхождением и историей, с ее особенными нравами и обычаями, законами и учреждениями, с ее правами на существование, на независимость, прогресс, вечную устойчивость и с ее обособленной территорией»³.

Говоря о сути «национально-экономических отношений», Лист выделял **идею «независимости и могущества» нации**. Школа Смита не обратила на это внимания, так как она избрала предметом своих исследований не экономию различных наций, а космополитическую экономию, т.е. взгляд на некое

¹ Вебинар с Сулакшиным Степаном Степановичем Тема: "Явление диверсионного государственного управления". Выпуск №3. 3 июля 2014 г. // http://www.youtube.com/watch?v=ol_JQVntrr8.

² Говоря о ненависти Адама Смита к государству и чиновникам, которых он называл «коварными животными», Освальд Шпенглер поясняет: «В самом деле на истинного торговца они действуют, как полицейский на взломщика или военное судно на корабль корсаров». — Шпенглер О. Пруссачество и социализм. — М., 2002. — С.79.

³ Ф. Лист. Национальная система политической экономики. — С. 152.

абстрактное общество вообще, в котором отсутствуют нации, а существует объединенное глобальное человечество в форме всемирной федерации, разумеется под началом Англии. Из этого положения Адам Смит и его последователи выводили заключение, что всякое стеснение предпринимательской деятельности и международной торговли с целью поощрения отечественной промышленности, дескать, — нелепо, что нация, точно так, как и отдельный человек, должна покупать предметы там, где их можно достать дешевле, и что, таким образом, для достижения высшего общественного благосостояния необходимо следовать принципу свободной торговли — *Laissez faire, laisser passer*.

Однако такая позиция, по сути, уничтожает общество, ставя частные интересы, цели и ценности — над обществом. Принципы либерализма нарушают не просто целостность, а — интегративность экономической системы.

- Повторим: в интегративности экономической системы целое здесь больше суммы его частей, **являясь взаимосвязанным множеством**. И вот это взаимосвязанное множество, называемое по-другому национальное хозяйство — исчезает, заменяясь на хаотическое множество, причем не просто сосуществующее, а вступающее между собой в торгово-финансовые войны, именуемые на языке либеральной доктрины не иначе, как «свободная конкуренция».

В чём принципиальная значимость для нас идей Листа, которые для многих ученых — с высоты сегодняшнего времени и на фоне многочисленных новых «эволюционно-институциональных теорий» — могут показаться некой экзотикой? В чем плодотворность исторического метода, впервые примененного в серьезном политико-экономическом анализе именно Фридрихом Листом? Лист указал на два принципиально разных подхода к экономическому развитию.

Первый — либеральный: в нем отражается космополитический взгляд на развитие экономики и на хозяйственный прогресс. Главной чертой развития здесь является исчезновение старого и возникновение нового. Развитие здесь понимается как прогресс, как некое «поступательное развитие общества по восходящей линии, его расцвет, либо возврат к старым, изжившим себя формам, застой и деградацию»¹. Заметим: все исторически сложившиеся формы экономики и хозяйства здесь воспринимаются негативно, характеризуются именно как — «возврат к старым, изжившим себя формам, застой и деградацию».

Экономика здесь развивается на основе своих наднациональных действительно «универсальных законов», которые отражают абстрактные (не существующие реально) «закономерности» функционирования абстрактного «экономического человека» в рамках абстрактного экономического пространства, имеющего — внеисторический и вненациональный характер.

¹ См.: Философский словарь. Под ред. М. М. Розенталя и П. Ф. Юдина. (Изд. 2-е, испр. и доп.). — М., Политиздат, 1968. — С. 290.

Главным субъектом хозяйства, имеющего рыночный (а значит — дискретный, разорванный, фрагментированный) характер, является частный собственник, стремящийся не к воле, а к власти, не к общему благу и добру, а к увеличению своей частной собственности. Соответственно, что все его действия изначально несут в себе бациллу раздора и вражды, подрывая не только хозяйственно-экономическое, но и морально-политическое единство нации, всего общества в целом.

Второй подход — традиционный: *он отражает национальный подход к оценке хозяйственного развития.* В его основе лежит взгляд на экономику как на систему, соподчиненную национальному хозяйству, которое, в свою очередь, является структурной частью большой социальной системы — общества в целом. Являясь национальным организмом, оно всегда существует и развивается в национально-ограниченных рамках, существуя не абстрактно, а не иначе, как — русское общество, немецкое общество и т. д. Соответственно, и хозяйство данной страны всегда принимает конкретно-историческую форму, развиваясь как *национальное* хозяйство. Важно заметить, что за словом «национальное» скрывается вовсе не один только масштаб хозяйства, не одна только принадлежность хозяйства той или иной нации (народу), а и та или иная качественная особенность хозяйства, его специфическая определённость. Национальное хозяйство — хозяйство, решающее национальные задачи — воспроизводства и развития нации, и решающее их по-национальному, соответствующим нации образом.

Подчеркнем и напомним: **национальное хозяйство не существует независимо от нации и его общественного организма.** Более того, оно здесь является подчиненным этому хозяйству, главная функция которого заключается в обеспечении материальных и духовных условий (основ и предпосылок) воспроизводства нации. Такое общество не может развиваться на основе либеральных законов буржуазного прогресса, подрывающих фундаментальные устои любого общества как здорового национального организма. **Процесс национально-хозяйственно-экономического развития определяется (регулируется) такими экономическими законами, принципы которых являются составной частью общенациональных ценностных принципов, существующих — в форме «результатов исторической коллективной жизни народа» (В. Виндельбанд).**

Национально-экономическое развитие осуществляется на основе постоянного процесса воспроизводства фундаментальных ценностей данной локальной цивилизации, ядром которой является данная нация и данный системообразующий народ. Нация способна существовать на геополитическом пространстве только до тех пор, пока у неё будут существовать и воспроизводиться духовные силы, лежащие в основе движущих сил исторического развития любой нации. В структуре производительных сил нации, ведущую роль играют именно духовные силы народа — его дух, его воля, его устремлённость в будущее, его сплочённость вокруг общенациональных традиций и ценностей, его морально-политическое единство. Наличие этих фак-

торов формирует движущие силы национально-хозяйственного строительства, преобразуя нацию из объекта — в субъект геополитики и геоэкономики.

Все эти вопросы сегодня чрезвычайно актуальны для нас — для *русской* нации, находящейся в состоянии духовного упадка. Именно поэтому мы не должны здесь рассуждать слишком абстрактно. Не следует забывать, что, хотя наше исследование и нацелено на выяснение общих закономерностей воспроизводства общества и нации, в первую очередь нас должны интересовать закономерности воспроизводства северо-восточного *русско-евразийского* общества и *русской* нации.

2.4. СТРУКТУРА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ НАЦИИ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДУХОВНЫХ И МАТЕРИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ

Заложив основы системного подхода к анализу производительных сил на основе учета всего комплекса социокультурных и природно-климатических факторов, Лист доказал, что в рамках национального хозяйства производительные силы включают в себя кроме личных и материально-вещественных факторов также духовные факторы: культура, мораль, традиции, идеология и пр. Итак, национальное хозяйство является совокупностью производственных факторов, выступающих в форме не только материальных, но и духовных производительных сил. Однако каковы критерии, позволяющие отнести различные факторы к группе производительных сил нации?

Как известно, для либеральной теории главным критерием является производство стоимости. Соответственно, производительными являются только тот труд и те факторы, которые увеличивают меновую стоимость и денежное богатство.

Буржуазное богатство нации Смит выводил из создаваемой стоимости. Ф. Лист был первым, кто указал на ошибки и противоречия либеральной школы, основанной на теории меновой ценности (меновая стоимость). В противоположность этому, Лист развил свою теорию производительных сил нации. Благосостояние нации, подчеркивал Лист, обуславливается — не количеством богатств, т. е. меновых стоимостей, а «степенью развития производительных сил». Рассматривая хозяйственное развитие с точки зрения теории производительных сил, Лист пишет: «Те, кто воспитывает свиней или изготавливает балалайки и пилулы, конечно, производительны, но в несравненно большей еще степени производительны воспитатели юношества и учителя взрослых людей, виртуозы, врачи, судьи и администраторы. Первые производят меновые ценности, вторые создают производительные силы»¹.

Таким образом, с точки зрения всего хозяйства страны, живущего не только сегодняшним, но и завтрашним днем, производительными является всякий тот труд и те факторы, которые создают не меновую стоимость, увеличивают не денежное богатство, а — производительные силы. Реальное богатство нации измеряется не деньгами, а ростом умственных и нравственных

¹ Ф. Лист. Национальная система политической экономии. — С. 130.

капиталов, духовным богатством нации и ростом качества жизни, улучшением жизненной среды обитания людей¹. Чернышевский подчеркивал: «Нравственные капиталы, заключающиеся в трудолюбии и честности, в расчетливости и благоразумии, в умственной развитости и предприимчивости работающего сословия», выше, «гораздо важнее материальных капиталов, не могущих ни возрастать, ни сохраняться без их содействия...». Чернышевский и все народники были едины в том, что частная капиталистическая собственность разъединяет общество, а также «обессиливает и деморализует людей», что «только союз укрепляет их нравственные и умственные силы...»². Поэтому они были противниками наемного труда, выступали за свободный артельный труд, за развитие артельного и кооперативного производства, за внедрение в жизнь производительных товариществ.

Однако умственный труд способен производить и денежную стоимость, многократно увеличивая денежное богатство страны. Ярким доказательством «стоимостной производительности» умственного труда (интеллектуального капитала) являются факты манипулирования с учетом акционерного капитала, а также с расчётом валового внутреннего продукта (ВВП). Интеллектуальные нововведения в систему учета произведенной продукции, а также стоимости капитала, способны увеличивать учётную стоимость не только капитала компании, но и всего ВВП, причём — без производственных усилий. Само по себе движение капитала в денежной, виртуальной сфере является — фиктивным производством, но производящим стоимость в денежной форме. Достаточно вспомнить и то, что стоимость компаний «новой экономики» на фондовом рынке при этом определяется не из баланса текущих доходов и расходов, а с учетом будущей и во многом виртуальной прибыли³.

Итак, любой труд, производящий материальные и духовные ценности, является производительным. Труд ученого, художника, врача, учителя и других специалистов, которые занимаются преимущественно духовной деятельностью, тоже производит духовные ценности, а самое главное — формирует людей, способных усваивать и использовать эти ценности. К примеру, работники системы образования не разливают сталь и не выращивают хлеб, но они развивают духовные силы человека и формируют личность, обладающую знаниями и профессиональными навыками, тем самым способствуя производству главной производительной силы общества — человека.

¹ Задолго до Листа об этом писал Иван Тихонович Посошков (1652 –1726) в своей основной работе «Книга о скудости и богатстве», в которой он показал, что скудным можно быть и при большом богатстве. «Богатство для Посошкова — прежде всего духовное богатство, а скудость напрямую сопряжена как раз с бездуховностью, — подчеркивает в предисловии к юбилейному изданию работы И.Т. Посошкова известный русский ученый Ю.М. Осипов. — Вот почему первая глава "Книги о скудости и богатстве" у Посошкова "О духовности", а не о том богатстве, к которому приучила нас материалистическая наука». Ю.М. Осипов подчеркивает, что И.Т. Посошков выступает одновременно и как традиционалист, и как государственный, и как православный националист, подходя ко всем хозяйственным проблемам с позиций общенационального блага, стремясь защитить русское государство от вредного воздействия заграницы. — Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве. — М.: Наука, 2003. — С. 10.

² Цит. по: Кооперация. Страницы истории: В 3 т. Т. 1. — М.: Наука, 1999. — С. 163-164.

³ Распад мировой долларовой системы: ближайшие перспективы / Сборник работ. Под общ. ред. Ю.Д. Маслюкова. — М.: Издатель Н.Е. Чернышова, 2001. — С. 32.

Важная роль духовных факторов в воспроизводстве общества определяется тем, что, во-первых, деление общественного производства на духовное и материальное пронизывает все звенья национального хозяйства — сверху до низу. И, во-вторых, интеграцию различных производственных факторов во-едино обеспечивают смыслообразующие ценности и принципы культуры (культурное ядро)¹. Структура производства на любом уровне, начиная с предприятия и заканчивая всем обществом, включает в себя два начала — духовное и материальное. Чисто внешне производство опирается на материальные и денежные факторы. Однако в реальности они являются всего лишь условием производства — важным, но не главным.

Как известно, в основе управления лежит управление интересами и мотивами, в структуре которых верхние этажи занимают смыслообразующие ценности культуры. Эти ценности присутствуют во всех сферах деятельности, управляя нашей хозяйственной деятельностью, движением национального хозяйства на всех его уровнях, включая и корпоративный уровень. Объективно существуя как идеальное бытие в качестве составной части общественного бытия, «смыслообразующие принципы культуры» (культурное ядро), предшествуют процессу возникновения (создания) данной экономической формации, формируя как принципы развития данной формации, так и условия развития самого человека и всего общества в целом. Новый тип формации, новый человек и новое государство — всё это начинается с создания новых смыслообразующих духовных ценностей. Создание новых товаров, новых предприятий и даже новых отраслей — все это также является результатом особого духовного производства, выступающего в качестве предпосылки материального производства.

Итак, во всех сферах общественного производства и на всех его уровнях производство одинаково управляется системой единых принципов жизнедеятельности, производных от принципов данной культуры. Очевидно, что утрата национальных позиций в этих сферах представляет прямую угрозу национальной безопасности². Обвал и разрушение всей системы национального хозяйства является логичным результатом разрушения этих смыслообразующих принципов всего предшествующего способа жизнедеятельности. Соответственно, возникнув, данное общество, государство и формация, не умирают только лишь при наличии расширенного воспроизводства принципов и ценностей культуры, формирующих всеобщее основание и условие постоянного воспроизводства всего общества в качестве геоэкономического и геополитического субъекта, устремленного в будущее.

¹ Речь идет о — совокупности смысловых ценностей, имеющих *вечный* и *нетленный* характер и в силу этого существующих независимо от сознания отдельного человека. Именно эти ценности лежат в основе цивилизационного способа жизнедеятельности, формируя его духовный стержень, а также содержание стереотипов хозяйственного поведения, форм собственности и хозяйственных укладов.

² См., напр.: Субетто А. И., Чекмарев В. В. Битва за высшее образование России: 1992—2003. — СПб-Кострома, 2003.

§ 3. Производительные силы нации и национальное богатство: методологический подход Фридриха Листа

В системе категорий, отражающих народнохозяйственные воспроизводственные процессы, понятие **национальное богатство** (НБ) занимает особое место. Вопросы *вычленения категории* богатства из системы макроэкономических агрегатов, отражающих результаты расширенного воспроизводства, а также *определения предметного содержания* (структуры) богатства (*включения / невключения* в богатство, например, природных ресурсов и «человеческого капитала»), — все эти вопросы, а также методологические проблемы количественных измерений богатства, до сих пор являются объектами споров среди русских и зарубежных ученых¹. Хотя сегодня этих споров стало заметно меньше, и прежде всего потому, что наши ученые-экономисты — в поисках ответов на проблемные вопросы — стали обращаться к тому русскому и зарубежному экономическому наследию, которое определяется емкими и значимым понятием «**традиционализм**».

Ответ на вопрос о том, каковы источники богатства, для русского человека, всегда был очевидным. На первое место традиционно ставилось духовное богатство. Так рассуждали и И.Т. Посошков и другие русские мыслители. Именно поэтому первая глава «Книги о скудости и богатстве» у Посошкова называется — «О духовности»². Он исследует в первую очередь, каковы духовные источники роста богатства в рамках всей страны.

Однако одна из главных проблем русской экономической науки, на наш взгляд, заключается в том, что, во-первых, очень долгое время она находилась под сильным влиянием именно *нерусской* точки зрения.³ А, во-вторых, из многообразия западных взглядов были заимствованы *англосаксонские* либеральные идеи, провозгласившие революционный отказ экономики от морали, от традиций, от истории и от государства.

Сегодня, когда русская экономическая наука возвращается к своим традиционным истокам, принципиально важно пересмотреть взгляд и на всё западное наследие, которое также распадается на два главных правления — *либеральное* и *традиционалистское*.

¹ В отечественной науке история исследований и оценок национального богатства связана с такими именами, как А.И. Анчишкин, В.Н. Богачев, А.Л. Вайнштейн, Я.Б. Кваша, В.Н. Кириченко, Я.А. Кронрод, А.И. Ноткин, Г.Н. Сорокин, С.Г. Струмилин и многие другие.

² См.: Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве. — М.: Наука, 2003.

³ И это касается не только экономической теории, но и других общественных наук, развивавшихся под влиянием западноевропейских стандартов и мировоззренческих шаблонов. Очень точно эту сторону русской науки подметил **Иван Солоневич** (1891–1953), русский историк и философ, умерший в эмиграции в Аргентине. Он подчеркивает: «Русская историография за отдельными и почти единичными исключениями есть результат наблюдения русских исторических процессов с нерусской точки зрения... Таким образом, в русское понимание русской истории был искусственно, иногда насильственно, введен целый ряд понятий, которые по формулировке В. О. Ключевского, «не соответствовали ни русской, ни иностранной действительности, го есть не соответствовали никакой действительности в мире: пустой набор праздных слов, заслоняющих собою русскую реальность». — См.: Солоневич И. Л. Народная монархия. — М.: Изд-во Эксмо, 2003. — С. 30.

И.Т. Посошков, а также Ф. Лист, стоявшие на философских позициях традиционализма, уже давно дали ответы, на «волнующие вопросы» о сути богатства, о структуре производительных сил, о производительном и непроизводительном труде и др.

Особо следует отметить теорию Ф. Листа — *теорию производительных сил нации*, которую он противопоставил *теории меновой стоимости* А. Смита и либеральной частной экономики (Смит, Рикардо, Сэй). Как и во времена Листа, в основе современных разногласий лежит противоположность методологических подходов к оценке богатства, производительного труда и производительных сил нации.

3.1. ЛИСТ О БОГАТСТВЕ НАЦИИ

Адам Смит под богатством понимал совокупность вещественных продуктов, а потому и причину богатства видел только в труде материальном. Всякий умственный и художественный труд признавался им трудом непроизводительным. Говоря о методологических ошибках и глубоких заблуждения школы Смита, Лист указывал на то, что — а) она исследовала только материальные богатства и меновые стоимости; б) а к производительным силам относил лишь физический труд. И это является общим заблуждением: почти все экономисты (буржуазные и социалистические) говорят, что — причина богатства заключается в труде. Несомненно, что богатство создается работой тела или ума. Однако из этого никак не следует, что один только физический труд способен сделать отдельного человека или нацию богатыми.

Продолжая эту мысль, граф Витте, конспектируя Листа, пишет: «Мы видим, что в жизни богатство людей большей частью не находится в соотношении и их трудом. История указывает на примеры разорения стран, несмотря на значительный труд и экономию их граждан. Таким образом, положение экономистов, что труд составляет причину богатства, а лень — бедности, не объясняет, почему одни нации богатеют, а другие впадают в бедность. **Богатство нации зависит от массы разнообразных причин, и не только материального, но и духовного характера. Оно зависит от национального могущества, от географического положения, от политических и гражданских учреждений, законов, религии, нравственности и проч.**»¹.

3.2. О ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОМ И НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНОМ ТРУДЕ

Предметом своих исследований либеральная школа Смита сделала только материальные богатства (меновые ценности), считая производительной силой лишь физический труд. Смит выдвигает два признака, отличающие производительный труд от непроизводительного.

¹ С.Ю.Витте. Национальная экономия и Фридрих Лист. — Корелин А.П., Степанов С.А. С.Ю.Витте — финансист, политики, дипломат. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 1998. С. 352 (курсив, выделение мое — А.О.).

С одной стороны: производительным, для него, являлся тот труд, который производит товар и стоимость. Всех занятых в так называемом нематериальном производстве, Смит отнес к непроизводительным рабочим.

А с другой — производительным является тот труд, который производит прибавочную стоимость, прибыль и капитал.

- Лист остроумно замечает по этому поводу: *«По его мнению, тот, кто воспитывает свиней, — производительный член общества, а кто воспитывает людей — не производительный. Тот, кто изготавливает для продажи балалайки и гармоники, — производитель, а величайшие виртуозы — только потому, что они не могут исполняемого ими вынести на рынок, — не производители. Врач, спасающий жизнь своего пациента, не принадлежит к классу производителей, но принадлежит к нему аптекарский мальчик, хотя изготавливаемые им меновые ценности, или пилюли, существуют лишь несколько минут, а затем совершенно уничтожаются. Производительность Ньютона, Уатта, Кеплера уступает производительности осла, лошади, вьючного вола, которые недавно поставлены Мак-Куллохом в ряд производительных членов человеческого общества»¹.*

Ошибки и противоречия либеральной школы становятся очевидными, как только мы начинаем рассматривать хозяйственное развитие **с точки зрения теории производительных сил**, сравнивая ее с теорией меновой ценности (меновый стоимости).

- Лист пишет: *«Те, кто воспитывает свиней или изготавливает балалайки и пилюли, конечно, производительны, но в несравненно большей еще степени производительны воспитатели юношества и учителя взрослых людей, виртуозы, врачи, судьи и администраторы. Первые производят меновые ценности, вторые создают производительные силы; один из этих последних подготавливает следующее поколение к производству, другой развивает нравственность и религиозное чувство современного поколения, третий содействует облагораживанию и возвышению человеческого духа, четвертый спасает производительные силы своих пациентов, пятый обеспечивает правовое положение, шестой — общественный порядок, седьмой, наконец, своим искусством и теми удовольствиями, которые он доставляет, возбуждает производительность меновых ценностей»².*

Материализм, основанный на теории ценности, подходя по всему с денежными критериями, а также индивидуализм (эгоизм, выпячивание частных антигосударственных интересов), игнорирующий нравственные и политические интересы нации, ее производительные силы — вот в чем видит Лист коренной порок «космополитической и частной экономии» Смита, которой он противопоставил свою **теорию производительных сил**.

- Благосостояние нации, подчеркивал Лист, обуславливается не количеством богатств, т.е. меновых стоимостей, а «степенью развития производительных сил». Обеспечение счастья человека Лист связывал с наличием «ассоциации производи-

¹ Фридрих Лист. Национальная система политической экономии. Граф С. Ю. Витте. «По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист». Д. И. Менделеев. «Толковый тариф, или Исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года»: Сборник / Составл. и предисловие В. А. Фадеева. — М.: Издательство «Европа», 2005. — С. 130 (курсив мой — А.О.).

² Там же. — С. 130 (курсив и все выделения мои — А.О.).

тельных сил», преследующей общую цель — материальное и интеллектуальное благополучие членов «ассоциации», то есть индивидуумов, объединенных государством в — **нацию**.

3.3. Лист о духовном производстве

Читая Листа, надо помнить, что он выступает не против Смита, он полемизирует со всей либеральной Школой, основоположниками которой считаются три ведущих либеральных классика — А. Смит, Д. Рикардо и Ж.Б. Сэй¹.

Лист пишет о том, что Сэй ввел понятие «**умственное производство**», с помощью которого он стремился преодолеть противоречия тезиса Смита о производительном труде. Для Смита непроизводительными оказывались целые отрасли, производящие услуги, а это противоречило логике и практике частного капитала, стремящегося извлекать прибыль из всех воспроизводственных сфер, включая и сферу услуг.

- Сэй выдвигает следующий тезис: «Производство не создает материи, но создает полезность». Развивая понятие полезности, он **сводит его к понятию услуг**. Так он «доказал» то, что ему хотелось доказать: производство есть не что иное, как оказание услуг. И обратно: **все, что оказывает услугу, есть производство**. А производство полезности и услуг, согласно Сэю, является производством стоимости. «Следовательно, — заявляет он, — тут (в производстве. — А.О.) есть создание, но не материи, а полезности, и так как эта полезность сообщает предметам ценность, то является **производством богатства**»².

Таким образом, *умственное производство* является у него частью стоимостного производства, **составной частью рыночной экономики**. Именно это и подчеркивает Лист, указывая на то, что понятие «**умственное производство**» является у Сэя частью меновой системы, а значит сам этот тезис остается частью теории меновой стоимости, которая рассматривает богатство как совокупность меновых стоимостей, и труд считает производительным только тот, который создает меновые стоимости. «*Для него умственное или материальное производство является таковым лишь потому, что оно вознаграждается меновыми ценностями и что знание приобретает меновыми же ценностями: а вовсе не потому, что производители сами создают производительные силы. Для него это лишь накопленный капитал*»³.

¹ Ж.Б. Сэй (1776-1832), французский ученый, автор большого экономического труда «Трактат политической экономии», в котором он выступает как комментатор и проводник идей А. Смита, давший систематизированное изложение политической экономии. Русский экономист Чупров писал: «Сэй — первый по времени систематик в области политической экономии. В своем «Трактате о политической экономии» он впервые переработал всю область экономической науки в стройное, легко доступное обозрению целое» (А. И. Чупров, История политэкономии, изд. 3-е, стр. 164). — Цит. по: Розенберг Д.И. История политической экономии. — М.: Соцэкгиз, 1940. С. 218, прим. 2.

² Цит. по: Розенберг Д.И. Указ. соч. — С. 219. Сэй обвиняет Смита всего лишь в том, что «он приписывает одному только труду человека способность производить стоимость. Более точный анализ показывает нам, что стоимость обязана своим происхождением соединенному воздействию труда или, скорее трудолюбия человека, сил природы и капитала».

³ Фридрих Лист. Национальная система политической экономии. С. 130. — Полная аналогия с неоекономикой, ее интеллектуальными капиталами и т.н. «постиндустриальным обществом». Согласно этим теориям, *новые «постматериалистические ценности» и человеческий капитал функционируют на основе ры-*

Действительно духовное (умственное) производство, считает Лист, организуется на основе духовной работы населения, опирающейся не на денежно-рыночный фундамент, а на духовные основания общества, на духовно-хозяйственную деятельность нерыночного характера. Духовное производство является всегда общенациональным производством: его «продукция» является результатом коллективных усилий многих поколений людей, формирующих духовный облик нации. Это — главный продукт духовного производства.

- Указывая на особую роль науки, Лист писал: «Современное состояние народов является результатом накопившейся массы всевозможных открытий, изобретений, улучшений, усовершенствований и усилий всех живших до нас поколений; все это образует **умственный капитал** живущего человечества, и каждая отдельная нация является производительной настолько, насколько она сумела усвоить это наследие от прежних поколений и увеличить его собственными приобретениями, насколько естественные источники, пространство и географическое положение ее территории, количество населения и ее политическое могущество дают ей возможность распространять свое нравственное, умственное, торговое и политическое влияние на другие отставшие нации и...на весь свет»¹.

Общенациональный подход к хозяйственному развитию позволяет избавиться от абстрактных категорий и умозрительных схем. Например, понятие *капитал* в рамках этого подхода имеет значение прежде всего как *национальный капитал*, формирующий национальные производительные силы, которые государство должно поддерживать и защищать методами протекционизма. Лист рассматривает **умственный капитал** в качестве основы национального капитала, а его истоки — в духовной работе всей нации.

Для Смита капиталы образуются только в процессе коммерческого оборота, к процессу образования капиталов он подходит — *с точки зрения рантье*, доходы которого стоят в зависимости от ценности его материальных капиталов и который не может увеличить последние иначе, как прибавить к ним свои сбережения.

- Лист поясняет: **«Образование национальных капиталов происходит вовсе не посредством только сбережений, как это бывает у рантье, а посредством вообще взаимодействия производительных сил между умственным и материальным национальным капиталом и между капиталами земледельческим, мануфактурным и коммерческим. Увеличение материальных капиталов нации зависит от увеличения ее умственного капитала и обратно»².**

ночных ценностей, как совокупная часть «меновых ценностей», являясь производительными лишь в той мере, в какой они подчинены движению глобального суперкапитала (виртуального капитала), производя для его владельцев меновые стоимости.

¹ Фридрих Лист. Национальная система политической экономии. С. 128.

² Фридрих Лист. Национальная система политической экономии. С. 189.

3.4. ЛИСТ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВЛОЖЕНИЙ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

Теория сбережений Смита вступает в острое противоречие с интересами нации, т.к. призывает собственников капитала экономить на вложениях в социальную сферу, направляя частные капиталы лишь в прибыльные сферы, приносящие немедленный доход. Но теория сбережений, годная для купца, привела бы нацию к нищете, к бессилию, варварству, к разложению, так как сбережения по принципу рантье, — не содержат никакого стимула к производству.

Сам рантье, как глава семьи, должен следовать совсем иной теории, чем конторская теория материальных меновых ценностей. Самое меньшее, что он должен, это — истратить на образование своих наследников то количество «меновых ценностей», какое необходимо для подготовки их к управлению оставляемой им собственностью. Если подняться с позиций, занимаемых частной экономией, до уровня национальной экономии, то станет понятно, что **образование национальных капиталов происходит посредством производительного взаимодействия умственных и материальных капиталов всего национального хозяйства.** Но ведущую роль в этом процессе играют, безусловно, умственные капиталы, создаваемые производительным трудом работников духовной сферы.

Его работники — воспитатели, учителя, преподаватели вузов, научные работники, врачи, судьи и администраторы, работники сферы культуры — производительны в несравненно большей степени, подчеркивает Лист, чем работники материальной сферы. И это понятно: если первые (работники материального производства) — производят **меновые ценности**, то — вторые создают **производительные силы**, *подготавливая следующее поколение к производству, развивая нравственность, содействуя облагораживанию и возвышению человеческого духа, сберегая производительные силы посредством создания здоровья нации, возбуждая производительность труда при производстве меновых ценностей.*

С точки зрения Листа труд всех этих работников является производительным, а бюджетные расходы на развитие всех социальных сфер не являются непроизводительными расходами; это не выброшенные на ветер деньги, ибо, как подчеркивает Лист, *«уничтожение ценностей (бюджетные расходы — А.О.) производится в пользу усиления производительных сил»*, в пользу будущего роста и процветания¹. Маркс называет это — **«потребительным производством»**.

- **Лист о роли государственных финансов:** *«Государственная кредитная система является одним из прекраснейших созданий новейшей администрации и благословением для наций, поскольку она дает возможность современному поколению распределить на многие поколения издержки тех сооружений и предприятий, в которых заинтересовано все будущее нации и которые обеспечивают ее существование, развитие, величие, могущество и приумножение производительных сил»*; но эта же система является проклятием, ко-

¹ См.: Фридрих Лист. Национальная система политической экономии. С. 126-128.

гда к ней прибегают для бесполезного национального потребления и этим не только не содействуют успехам будущих поколений, но отнимают у них средства для разных национальных предприятий, или когда тяжесть уплаты процентов по национальному долгу падает на предметы потребления рабочего класса, вместо того чтобы ложиться тяжестью на доходы имущих классов»¹.

Об инвестициях в человеческий капитал. Итак, социальные расходы, по мнению господствующей либеральной школы, считаются непроизводительными, потому что непосредственно они не создают ценностей, а наоборот, их «уничтожают». Эта проблема является чрезвычайно актуальной для современной России и других стран СНГ. Либеральные экономисты, министры и политики убеждены, что всякие расходы на развитие социальной сферы в целом, включая и ЖКХ, являются *прямым вычетом* из — (а) совокупного общественного продукта и (б) бюджета страны. Они упрямо твердят, что работники всех этих сфер являются, дескать, *непроизводительными*, так как — *они не производят дохода и не делают деньги*. Доходят до полного абсурда: вначале людям назначают нищенскую зарплату, либо вообще её не платят, а затем утверждают, что, дескать, у нас подавляющая часть работников «являются совершенно неэффективными, так как получают маленькие доходы». Доходность и прибыльность, как критерий эффективности бизнеса — переносится произвольно на оценку эффективности наемного труда, включая и работников бюджетной сферы?!

В этом контексте вопрос, насколько эффективны вложения в социальную сферу и в *умственный капитал*, называемый сегодня *человеческим капиталом*, превращается в — риторический вопрос. Лист делает выводы, которые и сегодня звучат крайне актуально:

- «Нация должна **жертвовать** материальными богатствами и переносить эти лишения для **приобретения умственных и социальных сил, она должна жертвовать выгодами в настоящем, чтобы обеспечить себе выгоды в будущем**»².
- «Всякие издержки на воспитание юношества, на правосудие, на оборону страны и т.д. являются тратой ценностей в пользу производительных сил. Наибольшая часть потребления нации идет на воспитание будущих поколений, на возбуждение национальных производительных сил»³.

3.5. АССОЦИАЦИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ НАЦИИ: НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЯ ПРОТИВ ЧАСТНОЙ ЭКОНОМИИ

Смит утверждал, что производительные силы развиваются вместе с ростом разделения труда, которое он рассматривал под углом зрения частной фабрики. Производительные силы отдельного предприятия, безусловно, будут расти вместе с углублением разделения труда между его различными подразделениями. Смит, а вслед за ним и Маркс ограничили струк-

¹ Фридрих Лист. Национальная система политической экономии. С. 237.

² Фридрих Лист. Национальная система политической экономии. С. 131 (все выделения мои — А.О.).

³ Там же. С. 127 (все выделения мои — А.О.).

туру производительных сил (ПС) материально-вещественными факторами: 1) *рабочие* — непосредственные производители, рабочая сила которых является главной ПС; 2) *средства производства* — в соединении с рабочей силой образуют ПС предприятия и общества в целом.

Если мы рассматриваем структуру ПС под углом зрения частного предпринимательства, то в этом случае, возможно, мы будем правы, ограничив наш анализ вышеперечисленными факторами. В рамках отдельного предприятия его производительные силы действительно состоят из личных и материально-вещественных факторов, а их увеличение достигается углублением специализации, т.е. разделением промышленного труда.

Но кто же возьмется спорить с этим? Однако Смит абсолютизировал взгляд частного предпринимателя на свое частное дело, утверждая, что «благоразумие в частной экономии», не только не отличается от «благоразумия в национальной экономии», но и стоит выше его, так как, дескать, богатство нации это есть лишь сумма индивидуальных богатств частных граждан, а «частный интерес каждого из них могущественнее, нежели все государственные меры по отношению к производству и к умножению богатств».

Именно против этого выступил Лист. Развивая свою теорию производительных сил, он утверждал, что «сумма производительных сил нации не равняется сумме производительных сил всего населения, взятого по отношению к каждому жителю отдельно; она зависит главным образом от политического и социального положения нации, и в частности от степени развития в ней разделения труда и ассоциации этих сил»¹.

Концептуальная часть его теории производительных сил опирается на следующие четыре вывода.

ПЕРВЫЙ ВЫВОД: в основе ассоциации ПС лежит комбинация промышленного труда. «Производительная сила каждой отдельной фабрики тем значительнее, — писал Лист, — чем более развиты промышленные силы страны во всех ее отраслях и чем теснее эта фабрика связана с другими отраслями промышленности. Производительная сила земледелия тем значительнее, чем теснее сельское хозяйство соединено посредством местных, коммерческих и политических отношений с развитой во всех отраслях фабрично-заводской промышленностью. По мере развития фабричной промышленности в земледелии усиливается разделение операций труда и комбинация производительных сил, поэтому сельское хозяйство достигает высшей степени совершенства. Таким образом, та нация будет обладать наибольшей производительной силой, следовательно, будет самой богатой, которая развила на своей территории до совершенства все отрасли фабричной промышленности и в которой территория и сельскохозяйственная производительность достаточно велики для того, чтобы обеспечить фабричному населению наибольшую часть потребных ему пищевых продуктов и сырья»². »¹.

¹ Фридрих Лист. Национальная система политической экономии. — С. 149.

² Фридрих Лист. Национальная система политической экономии. — С. 137.

Из этого следует, что русская нация «будет обладать наибольшей производительной силой» только в том случае, если будет развивать свое сельское хозяйство и отечественную промышленность, не наводняя национальный рынок импортными товарами, а, наоборот, поощряя национальных производителей протекционизмом и другими льготами.

ВТОРОЙ ВЫВОД: комбинация производительных сил в промышленности и в сельском хозяйстве должна дополняться комбинацией труда умственного и труда физического. *«Высшее разделение труда в стране составляет разделение труда умственного и труда физического. Они находятся в тесном взаимодействии. Чем более умственное производство содействует развитию нравственности, религиозного чувства, просвещению, увеличению знаний, расширению свободы и политическому совершенствованию, развитию личной и имущественной безопасности граждан и внешнему могуществу нации, тем обширнее будет и материальное производство; чем более материальное производство производит богатства, тем более успехов достигает умственное производство»*².

ТРЕТИЙ ВЫВОД: производительные силы создаются комбинацией духовного и материального производства. Материальное производство развивается в тесной взаимосвязи с умственными капиталами нации, лежащими в основе «умственного производства», т. е. производства духовного. Лист значительно расширил понятие производительных сил, включая в него — государство, нравы, религию, мораль и т.д. Он указывал: *«христианская религия, моногамия, отмена рабства и крепостного состояния, наследственность монархии, изобретение книгопечатания, прессы, почты, денег, мер веса и длины, календаря и часов, введение полиции, свободной земельной собственности и транспортных средств являются богатыми источниками производительной силы»*³.

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЫВОД: политические законы создают производительные силы. Жан-Батист Сэй писал: *«Законы не могут создавать богатства»*. Лист на это ему отвечал: *«Конечно, они не могут их создавать, но они создают производительные силы, которые гораздо важнее богатства или обладания меновыми ценностями»*. Государственная идеология и соответствующие законы, принимаемые парламентом страны, являются — важными факторами общественного производства. Лист подчеркивал: *«Благосостояние нации обуславливается не количеством богатств, т. е. меновых ценностей, как думает Сэй, а степенью развития производительных сил. Если законы и государственные учреждения не производят непосредственно ценностей, то они создают производительные силы; и Сэй ошибается, когда утверждает, что народы обогащаются при всяком образе правления и что законы не могут создавать богатств»*⁴.

¹ Фридрих Лист. Национальная система политической экономии. — С. 137.

² Фридрих Лист. Национальная система политической экономии. — С. 142.

³ Цит. по: Розенберг Д.И. Указ. соч. — С. 252 (выделено и подч. мной — А.О.).

⁴ Фридрих Лист. Национальная система политической экономии. — С. 131.

Все это — для тех, кто не знаком с теорией цивилизационного развития (Н.Я.Данилевский, К.Н.Леонтьев, О.Шпенглер, А.Тойнби и др.) — может показаться неким экстравагантным бредом, абсурдом, абсолютно недостойным какого-либо серьезного внимания. Ну а те, кто знаком с основами теории цивилизационного развития, сразу сообразят, что Ф. Лист по сути, Лист предвосхитил теорию цивилизационного развития. Все те факторы, которые он включил в производительные силы, являются составной частью культуры страны.

На это прямо указывает О.Шпенглер¹. В своем фундаментальном труде «Закат Европы: Морфология всемирной истории» (1918 — 1921) он пишет о том, что *стиль* или тип культуры, формирующий понятие «цивилизация», — это есть определенный стиль или способ сознательного бытия, который включает в себя не только «умонастроения, мысли, жесты и поступки», но и **«отхватывает всю совокупность жизненных проявлений высшего порядка, как то: предпочтение определенных видов искусств..., склонность к эзотеризму (Индия) или популярности (античность), к *речи* (античность) или *письму* (Китай, Запад), как формам умственного сообщения, тип государственных образований, денежных систем, и общественных нравов»**. Другими словами, в понятие культуры О.Шпенглер включает «все без исключения великие создания: формы религии, искусства, политики, общества, хозяйства, наук».²

Сравним это с тем, что Лист включил в понятие *производительные силы страны*: христианство, уничтожение рабства и крепостного права, изобретение печатания, пресса, почта, монетная система, меры веса и длины, календарь и часы, полиция безопасности, государственные учреждения, формы собственности, транспорт. **Налицо — полное совпадение.** К этому следует добавить, что Лист — задолго до появления теории цивилизационного развития — высказывает тезис, который является **к л ю ч е в ы м** в этой теории: форма государственного управления (форма цивилизации) должна соответствовать в первую очередь — «той степени культуры, на которой она стоит»³, то есть — **культура есть базис цивилизации**. Именно культура данной нации является тем **базисом**, на котором выстраивается все общественное развитие, являясь нематериальным ресурс национально-экономического развития.

Итак, принципиально важна именно ассоциация производительных сил, создающая дополнительный фактор роста — эффект интегративности. Именно сложение всех сил нации — духовных и материальных — создает дополнительные производительные силы.

¹ Шпенглер О. Закат Европы. — Ростов н / Д: изд-во «Феникс», 1998. — С.187.

² Там же. — С. 193.

³ Цит. по: Реуль А.Л. История экономических учений. — М., 1972. С. 264 (выделено и подч. мной — А.О.).

ГЛАВА 3

НАЦИОНАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО И ВОСПРОИЗВОДСТВО ОБЩЕСТВА

Суть проблемы заключается в том, что к национальному хозяйству, взятому в целом, а тем более — к социальной сфере, к сферам образования и науки, нельзя подходить, как это делают наши «социальные министры», с критериями рыночной эффективности, закрывая, например, родильные отделения (2013-2014 года) во многих регионах и поселках, ссылаясь при этом всерьёз на пресловутую рыночную неэффективность содержания родильных отделений, школ, библиотек и сельских клубов в посёлках. Происходящее в стране наступление агрессивного либерализма на сферы здравоохранения, образования и науки (закрытие школ, ПТУ, военных академий, НИИ, музеев) по сути своей является подрывом нашего экономического и производственного потенциала.

Таковы в целом наши высшие управленцы, воюющие со страной, закончившие престижные — Высшую школу экономики, Академию народного хозяйства или другие подобные вузы, руководимые либералами, для которых государство и общество — это всегда враг, с которым надо бороться.

Их всех надо переучивать. Они не могут созидать, их учили другому, а именно: не созидать, а управлять финансовыми потоками, минимизируя издержки, повышая рентабельность от укрупнения социальными учреждениями, уводя затем пресловутые «финансовые потоки» в — оффшоры. В головах наших высших управленцев прочно сидят ложные идеи и подрывные антигосударственные теории, реализующиеся на практике в форме социально-экономической политики правительства Д. Медведева.

§ 1. Национальное хозяйство как основа воспроизводства общества

1.1. НАЦИОНАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО — ЭТО СЛОЖНАЯ ФОРМАЦИОННО-ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ СИСТЕМА

Национальное хозяйство, **во-первых,** — это сложная *формационно-цивилизационная система*, состоящая из совокупности 1) *формационных структур*, т.е. различных способов производства и хозяйственных укладов; 2) *цивилизационных структур* — административных учреждений, различных политических институтов, организационно-правовых форм предпринимательства и пр. В основе модели национального хозяйства лежит цивилизационный подход, который равнозначен взгляду на общество с позиций традиционализма. В рамках традиционного общества сложившиеся уклады — это,

прежде всего, *образы жизни* и *формы бытия*, формы национальной *жизнедеятельности* части народа в данной стране. А многоукладность предоставляет его различным группам возможность самим выбрать наиболее подходящий для них уклад жизни.

В-вторых, национальное хозяйство — это основа воспроизводства социальной среды обитания человека, а значит и воспроизводства всего общества в целом. Подчеркну особо: **воспроизводство всего общества в целом происходит в сфере нерыночного хозяйствования и прежде всего в социальной сфере.** Экономика ответственна за производство и поставку обществу материальных ресурсов, а сфера нерыночного хозяйства (социальная сфера, наука, инфраструктура, включая ЖКХ и жилищное строительство) — отвечает уже за воспроизводство человека, социальной среды обитания, всего общества в целом.

В-третьих, национальное хозяйство, являясь основой воспроизводства всего общества, — ответственно за воспроизводство национальной культуры и человека, нации как таковой. Нации и цивилизации гибнут не от хозяйственной разрухи как таковой. Они гибнут только тогда, когда разрушается духовный стержень нации, когда — размягчаются национальные устои. И это происходит не тогда, когда останавливаются заводы и наступает хозяйственный кризис, а только тогда, когда — прекращается духовное производство, когда — *останавливается пассионарный пульс нации.* А вот за этим уже неизбежно наступает — смерть нации.

1.2. НАЦИОНАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО ЭТО — МНОГОУКЛАДНАЯ СИСТЕМА

Национальное хозяйство это — *многоукладная система*, которая включает в себя *две ключевые сферы*: 1) *сферу рыночной экономики*, которая нацелена на прибыль, на рыночную эффективность; 2) *сферу нерыночного хозяйствования* (социальная сфера, фундаментальная наука, инфраструктурные отрасли национального хозяйства, включая ЛЭП, дорожное хозяйство, лесное хозяйство, ЖКХ и др.). В основе модели национального хозяйства лежит цивилизационный подход, который равнозначен взгляду на общество с позиций традиционализма. **В рамках традиционного общества сложившиеся уклады — это, прежде всего, образы жизни и формы бытия, формы национальной жизнедеятельности части народа в данной стране.** А многоукладность предоставляет его различным группам возможность самим выбрать наиболее подходящий для них уклад жизни. *В этом и есть суть народной демократии.*

Реальная проблема многообразия форм собственности выходит за рамки пресловутой «свободы хозяйственного выбора». Как уже подчеркивалось, формы собственности и способ производства зависят от исторически сложившихся форм хозяйствования, которые являются — формами цивилизации. Другими словами, *формация*, т.е. способ производства и способ присвоения, являются производными от *цивилизации*, т.е. способа жизнедеятельности, включая все многообразие форм хозяйствования. Для любого общества

одинаково опасны как правая, так и левая ортодоксальность, ведущие общество к экономической унификации и политическому тоталитаризму¹.

Многообразие форм собственности практически реализуется в многоукладности национального хозяйства, в рамках которого нет борьбы за историческое лидерство между укладами, а есть их взаимодействие в рамках вертикальной взаимоподчинённости. Различные исторические уклады здесь как бы «наслаиваются» друг на друга, формируют непротиворечивое взаимодействие в рамках многоукладной хозяйственной системы.

Каждая форма собственности развивается в рамках национального хозяйства не сама по себе, а как составная часть общенациональных производительных сил. Форма собственности служит всего лишь материальной основой формы хозяйствования как определённой формы национальной жизнедеятельности, формы и уклада самой жизни. А процесс воспроизводства многоукладного хозяйства предполагает воспроизведение всех основных укладов в иерархической соподчиненности и взаимозависимости. Так или иначе, эта проблема связана с поиском закономерностей движения форм собственности, лежащих в основе определенных укладов, а также господствующей формы собственности, системообразующей ведущий уклад.

Подчеркнем особо и зафиксируем в качестве вывода: **Игнорирование принципа социокультурной интегративности (народнохозяйственного подхода) приводит неизбежно к упадку национального хозяйства и деградации всего общества.** При этом реальный ущерб не измеряется динамикой упадка промышленного и сельскохозяйственного производства. И это понятно: закрытие предприятий и развал отраслей ведет к росту безработицы, к деградации рабочей силы, к обнищанию семей. **Разрушаются традиционные хозяйственные уклады и привычный уклад жизни миллионов людей, ощущающих себя брошенными на произвол судьбы — не нужными обществу.**

Многоукладность — это закон формационно-цивилизационного развития, это закон традиционного общества, в рамках философии которого каждый уклад является формой жизни, формой жизнедеятельности, основанной на культурно-исторических традициях. Согласно этому закону, переход к новой экономической модели не равнозначен смене типа цивилизационного развития. Каждая страна имеет свою духовную программу и развивается на основе той системы работающих принципов, которые, во-1-х, относятся к категории фундаментальных ценностей данной цивилизации, а, во-2-х, являются «сквозными» организационными принципами развития всего общества, включая и его национальное хозяйство.

¹ Любая **ортодоксальность** — это **доктринерство**, т.е. следование в политике догмам, подчинение жизни прямолинейным политическим принципам, имеющим крайние, экстремальные политические полюса. **Ортодоксальность** в политике — это всегда политический экстремизм. Ортодоксальность допустима лишь в религии, где она проявляется в религиозных догматах веры, на которых и держится религия; ее надо отличать от религиозного фундаментализма как формы сектантства.

1.3. ПРОБЛЕМА ОТРИЦАТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Национально-экономическое развитие измеряется, как известно, системой стоимостных количественных показателей роста, в частности увеличения валовых объемов производства и торговли, роста валовой прибыли, заработной платы и доходов населения. Однако валовые показатели роста ВВП и объемов производства могут серьезно исказить представление о реальной народнохозяйственной эффективности, а значит и макроконкурентоспособности в результате инфляционного роста цен, либо искусственного завышения стоимостных показателей экономического роста.

Именно в этом и заключается главное противоречие стоимостных показателей: **количественный рост сам по себе еще не свидетельствует о наличии положительной национально-экономической динамики, а его показатели не могут служить показателями реального экономического роста.** И тем более они не могут быть показателями прогресса. На это, в частности, указывает д.э.н., профессор Б.Ф. Ключников, проработавший около четверти века в системе ООН и в качестве эксперта занимавшийся анализом экономического развития 45 стран мира. Он отмечает следующие основные недостатки показателя ВВП. Во-первых, показатель ВВП отражает доходы и расходы только в денежном выражении, независимо оттого, полезны или вредны они были для занятости, для природы, для современного общества и для будущих поколений. Это приводит к тому, что, несмотря на очевидный вред какого-либо производства, он включается в показатель ВВП, что способствует завышенной оценке доходов, подстегивает избыточное или вредное потребление. В целом это настраивает общество на конкурентную гонку рыночных секторов экономики. На гонку, которая по своим последствиям сродни гонке вооружений. Во-вторых, показатель ВВП, не включая немонетарные факторы, не может отражать многочисленные процессы деградации, или энтропии, которые привносит современное хозяйство. В результате в национальном хозяйстве может складываться парадоксальная ситуация: рост ВВП и других экономических показателей может приводить к росту энтропии, вызывая возрастание в народнохозяйственной системе необратимых процессов, ведя всю систему к деградации и упадку.

Применение показателей фактического прогресса, даже при весьма умеренных счетах энтропии, дают ошеломляющие результаты. В США, например, учеными было рассчитано, что рост душевого дохода за период 1975—2000 гг. составил не официальные 77 %, а всего 2 %. Отрицательное производство, измеряемое энтропией, составило 75 %. То есть общество в такой передовой по традиционным меркам стране, как США, в последнюю четверть века фактически было застойным. Из этого следует, что США даже экономически не есть пример для подражания. В целом общемировой ущерб, нанесенный чрезмерным потреблением природных ресурсов, ущерб от порчи продуктов, климата, здоровья людей и т. д. исчисляется минимум в 18 трлн. долл. и максимум в (минус) 62 трлн. Если брать максимальный отрицатель-

ный счет, то он больше, чем мировой валовой продукт (46 трлн.)¹. Таким образом, то, что с точки зрения метаэкономии является со знаком минус, показатель ВВП включает со знаком плюс, и наоборот.

Данные по России также показывают наличие отрицательного роста. Так, например, ВВП России за период 1999—2005 гг. увеличился почти в четыре раза в долларовом исчислении: в 1999 г. ВВП России составлял 196 млрд. долл., а в 2005 г. — 765,8 млрд. При этом развитие экономики России шло быстрее, чем в развитых странах. Так, в 2005 году российская экономика выросла на 6,4 %, а ВВП США — на 3,5 %, еврозоны — на 1,3 %, Японии — 2,8 %². Постоянно растут и темпы роста ВВП: в 2000 г. к уровню 1999 г. прирост составил 10 %, в 2001 г. — 5,1 %, в 2002 г. — 4,9 %, в 2003 г. — 7,3 %, в 2004 г. — 7,1 % (в сопоставимых ценах, в процентах к предыдущему году). Рост ВВП в России за 5 месяцев 2007 г. составил 7,7 %, в мае — 7,9 %. Однако следует отметить, что при увеличении темпов роста ВВП, например, в 2004 г. на 7,1 %, темпы роста инфляции были гораздо выше — 18,8 % (цены производителей)³. В связи с этим индикатор качества экономического роста России оказался отрицательным, составив минус 1,61. Значение того же индикатора для американской экономики составило 0,43; британской — 0,69; японской — 1.

1.4. МЕТАЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДХОД И ВОСПРОИЗВОДСТВО ОБЩЕСТВА

Метаэкономический подход — *требует учета последствий от хозяйственной деятельности для природной и социокультурной среды*. Этот подход рассматривает локальную среду обитания человека, то есть его жизненную среду, в качестве главной сферы, которую необходимо защитить от разрушения. «**Метаэкономию**, — подчеркивает Б.Ф. Ключников, — должна стать научной основой органических, жизненных принципов хозяйствования, наукой о базисе устойчивого общества, которая откроет перспективу космоцентристской цивилизации»⁴. Данный подход сформировался в международных экономических исследованиях как реакция на неолиберальный подход, ориентирующий бизнес на отрицательное производство. Являясь «**наукой о жизненном космоцентрическом типе хозяйствования**», метаэкономия изучает «ресурсы во всех их видах», привлекая внимание мировой общественности к огромному ущербу, который наносят ТНК окружающей природе, а также экономике конкретных стран. По мнению Б.Ф. Ключникова, являющегося одним из разработчиков метаэкономического анализа, нацеленного на определение реальных темпов роста производства, словом — *реального*, а не фиктивного прогресса, метаэкономия должна быть направлена на анализ не только техносферы, но и социосферы и биосферы, в ней «должны быть

¹ Ключников Б.Ф. ВТО — дорога в рабство. — М.: Изд-во Эксмо, Изд-во Алгоритм, 2005. — С. 270.

² См.: Интернет-сайты: www.ereport.ru/news; www1.minfin.ru/off_inf/

³ Губанов С. Рост отсталости или отсталость роста // Экономист. — 2005 — № 3. — С.13; Мау В. Экономическая политика в 2004 г.: поиск модели консолидированного роста // Вопросы экономики. — 2005. — № 1. — С. 4; см. также: www.minfin.ru/off_inf/

⁴ Ключников Б.Ф. ВТО — дорога в рабство. — С. 248.

отражены наиболее влиятельные факторы энтропии или деградации, сумма которых составляет отрицательное производство. Показатели действительного роста и прогресса должны отражать не только изменения в производстве, но и в обществе и природе»¹.

Кроме этого, сумма «отрицательного производства» должна учитывать наносимый национальному хозяйству ущерб не только от деградации окружающей среды, но и от разрыва хозяйственной территории под воздействием неолиберальных принципов, превращающих национальное хозяйство в совокупность слабо согласующихся между собой хозяйственных анклавов, интегрированных в мировую экономику. Модель открытой экономики основана на предположении либеральной теории о том, что мобильность капитала составляет инвестиционный потенциал для материального производства, что конкурентный механизм свободного перелива капиталов является основой модернизации производства. Возможно, что так оно и было, но только до тех пор, пока финансовый капитал был функционально связан производственным капиталом. Однако **сегодня речь уже необходимо вести об утрате инвестиционного потенциала мобильным финансовым капиталом.** Примечательно, что именно это изменение в содержании иностранных инвестиций полностью игнорируется либеральной экономической наукой, а также нашими либеральными министрами. Так, например, они называют инвестициями спекулятивный портфельный капитал, т. е. приходящий в Россию капитал в поисках спекулятивной прибыли.

Итак, ответ на вопрос, почему национальная экономика не может служить основой воспроизводства общества, нами, по сути, уже получен. Стоимостные показатели и количественные характеристики экономического роста вступают в противоречие с качественными характеристиками роста, измеряемого натуральными показателями удовлетворения общественно необходимых благ и потребностей, включая также духовные потребности и потребности будущих поколений. Для того чтобы превратить национальное хозяйство в механизм и основу воспроизводства общества, необходим метаэкономический подход к данной проблеме.

Метаэкономический подход и воспроизводство общества. Разработка модели движения народнохозяйственного механизма, направленного на обеспечение воспроизводства общества, не должна ограничиваться одними макроэкономическими проблемами. В основе этой модели должно лежать понимание того, что та часть социальной среды, которая образует среду обитания людей, является одновременно и сферой *микрохозяйствования*. И это понятно, если не забывать, что реальная жизнь людей протекает на местном уровне, то есть в локальной социокультурной и хозяйственной среде. Научно-практический вопрос заключается в том, каким образом интегрировать эту микросферу в народнохозяйственный воспроизводственный комплекс. А для этого необходим метаэкономический подход, в рамках которого воспроизводство всего общества и его национального хозяйства в целом выступает

¹ Ключников. Б.Ф. ВТО — дорога в рабство. — С. 259–260.

как *метавоспроизводство*. Очевидно, что эта задача является ключевой, фундаментальной, не решив которую, невозможно рассчитывать на сохранение в будущем самого общества и его хозяйства. Экономическая теория, являясь теорией общественного развития, должна быть теорией общественного воспроизводства как многослойного и многомерного процесса, имеющего своей основой духовное производство.

Процесс воспроизводства общества как метапроизводства может реализоваться только в рамках единства трех взаимосвязанных процессов:

- 1) воспроизводство многообразных форм собственности в рамках многоукладного национального хозяйства;
- 2) воспроизводство рабочей силы, человеческого капитала и духовных жизненных сил человека;
- 3) воспроизводство социокультурной среды обитания человека посредством воспроизводства образа жизни человека.

В противоположность капиталистическому богатству, выступающему в виде денежной и товарной массы, богатство традиционного общества образуют люди, а отдельный человек выступает его основополагающим бытием. Наличное бытие общества представлено, прежде всего, самими людьми, а общество, взятое в целостности, выступает уже не просто как абстрактное население, а как — народ, превращающийся в нацию, благодаря единству трех ключевых факторов: культуры, территории и государства.

При этом главная цель национального хозяйства заключается в организации воспроизводства нации, всего общества в целом. А это можно осуществить только в том случае, если общественное производство будет нацелено на удовлетворение *всех* жизненных потребностей людей, — не только материальных, но и духовных. При этом надо понимать, что **речь идет не только и о сиюминутных потребностях, но и о потребностях будущих поколений.**

Итак, общественное производство с неизбежностью является и национальным (народным) производством, включенным в национальный жизнетворческий процесс. Вот почему основой любого общества является именно национальное производство, или, рассуждая шире — национальное (народное) хозяйство. И важно заметить, что за словом «национальное» скрывается вовсе не один только масштаб хозяйства, не одна только принадлежность хозяйства той или иной нации (народу), а и та или иная качественная особенность хозяйства, его специфическая определенность. Национальное хозяйство — хозяйство, решающие национальные задачи — воспроизводства и развития нации, и решающее их по-национальному, соответствующим нации образом. При этом особое значение «национальность» национального хозяйства обретает в периоды крупных социально-экономических трансформаций, когда особенно велика вероятность возникновения качественного несоответствия между системой общественного производства и обществом в целом, его национальной определенностью. Радикальные перемены в системе про-

изводства могут идти в остром противоречии с общественно-национальной средой, более того, нести вред обществу, его нормальной жизнедеятельности.

§ 2. Многоукладное национальное хозяйство и воспроизводство общества

Экономика восточного общества является сущностно *многоукладной*, а многоукладное хозяйство не может быть чисто либо капиталистическим, либо социалистическим, т. е. не может развиваться на основе унифицированных социально-экономических критериев. При этом некапиталистический путь развития не равнозначен антикапитализму, не отвергая капиталистические формы собственности и хозяйствования. Другими словами, некапиталистическое развитие не равнозначно антикапиталистическому развитию, хотя и предполагает существенное ограничение капиталистической деятельности.

2.1. ЗАКОНОМЕРНОСТИ ВОСПРОИЗВОДСТВА МНОГОУКЛАДНОГО ХОЗЯЙСТВА ПОСРЕДСТВОМ ВОСПРОИЗВОДСТВА ГОСПОДСТВУЮЩЕЙ СОБСТВЕННОСТИ

Многоукладность является закономерностью развития восточного общества, в рамках которого каждый уклад является формой жизни, формой жизнедеятельности, основанной на культурно-исторических традициях.

Каждая форма собственности развивается в рамках национального хозяйства не сама по себе, а как составная часть общенациональных производительных сил. Форма собственности служит всего лишь материальной основой формы хозяйствования как определённой формы национальной жизнедеятельности, формы и уклада самой жизни. А процесс воспроизводства многоукладного хозяйства предполагает воспроизведение всех основных укладов в иерархической соподчиненности и взаимозависимости. Так или иначе, эта проблема связана с поиском закономерностей движения форм собственности, лежащих в основе определенных укладов, а также господствующей формы собственности, системообразующей ведущий уклад.

Игнорирование принципа социокультурной интегративности (народно-хозяйственного подхода) приводит неизбежно к упадку национального хозяйства и деградации всего общества. При этом реальный ущерб не измеряется динамикой упадка промышленного и сельскохозяйственного производства. И это понятно: закрытие предприятий и развал отраслей ведет к росту безработицы, к деградации рабочей силы, к обнищанию семей. Разрушаются традиционные хозяйственные уклады и привычный уклад жизни миллионов людей, ощущающих себя брошенными на произвол судьбы — не нужными обществу. Рассмотрим в этом контексте, какова роль господствующей собственности, которая всегда присутствует в любой экономической системе, определяя динамику её национально-экономического развития.

Марксистская методология рассматривала движение общества сквозь призму экономической динамики, определяемой основным экономическим

законом (ОЭЗ) господствующей государственной собственности. В рамках такого подхода ОЭЗ, по сути, уже выступал как закон движения общества, определяя содержание общесоциологического марксистского закона соответствия производственных отношений характеру производительных сил.

Очевидно, что, выходя за рамки формационной методологии анализа и рассматривая национальное хозяйство как иерархическую взаимозависимость и соподчиненность различных секторов и укладов, мы должны соответствующим образом пересмотреть как содержание ОЭЗ господствующей собственности, так и взаимосвязь ОЭЗ с основным законом движения всего национального хозяйства, выступающего как закон движения общества. А для этого давайте вспомним, во-первых, что содержание любого общественного закона выражается в системе организационных принципов; во-вторых, что принцип — это инструмент, это рычаг, с помощью которого создаются новые общественные формы; и, в-третьих, что эти принципы определяют — (1) иерархическую соподчиненность структурных элементов данной системы, (2) их взаимодействие и (3) их нацеленность на реализацию одной общей «деспотической идеи» (К.Н. Леонтьев). Благодаря этому «новые общественные формы» в сферах хозяйствования всегда развиваются в рамках единой для всего общества «старой формы» цивилизационного и геополитического развития.

Такой подход приводит нас к целому ряду взаимообусловленных выводов. Во-1-х, основной закон развития данной общественной системы (общества) должен содержать в себе главный организационный принцип этой системы. Во-2-х, этот принцип должен быть сквозным, так как, являясь главным системообразующим принципом, он призван обеспечить функционирование общества при помощи единых принципов, организационно исключая разнонаправленность хозяйственного движения. В-3-х, многоукладность восточного общества исключает наличие одного основного экономического закона развития, общего для всех укладов. В-4-х, иерархическая структура общества предполагая выделение одного господствующего уклада, обуславливая превращение основного закона данного уклада — в основной закон развития всей совокупности укладов общества, не подменяя собой законы этих укладов, а лишь подчиняя закономерности их развития — наиболее общим закономерностям развития всего национального хозяйства.

Закон движения собственности как закон дохода. Согласно диалектике, собственность движется в противоположности её основных сторон — собственников и непосредственных производителей, хозяйственное взаимодействие которых формирует основное производственное отношение (ОПО). Их взаимодействие реализуется в получении доходов, которые распределяются в зависимости от формы собственности. Таким образом, экономической формой реализации движения ОПО является доход, механизм присвоения которого зависит от формы собственности. Именно форма присвоения дохода образует механизм реализации собственности на факторы общественного производства. Другими словами, движение ОПО выражает содержание соб-

ственности на производственные факторы; движение ОПО — это движение самой собственности.

Основной экономический закон как закон движения собственности. Как известно, закон — это необходимое отношение, это закономерность, а экономический закон — это закономерное отношение, то есть взаимодействие двух противоположных «экономических сторон». Каждое производственное отношение отражает закономерность, то есть является закономерным отношением — содержит в себе тот или иной закон, а ОПО содержит в себе основной экономический закон. В сфере экономики взаимодействие сторон хозяйственно-экономических отношений, как известно, направлено на производство, распределение, обмен и потребление произведенной продукции. Однако содержание этих производственных и хозяйственных отношений определяется, в конечном итоге, содержанием ОПО, то есть взаимодействием между собственниками и работниками: формами присвоения и распределения дохода.

В системе экономических законов выделяется основной закон, который регулирует ключевое звено всех производственных отношений, а именно: присвоение и получение доходов. Основной закон всегда регулирует отношение собственности, господствующей в данной стране. Другими словами, основной закон — это, по сути, закон собственности, господствующей в хозяйстве страны. И в зависимости от формы собственности, этот закон отражает соответствие цели и механизм распределения валовых доходов между собственниками и работниками. Именно поэтому будет правильным назвать основной экономический закон законом дохода. Например, при капитализме, основной закон — это *закон валовой прибыли*, которая после уплаты налогов переходит в карман собственника. В условиях коллективного производства: основной закон — это *закон коллективного валового дохода*, который поступает в распоряжение всего трудового коллектива. При социализме, основной закон — это *закон национального дохода*, поступающего в распоряжение всего общества и расходуемого в целях роста благосостояния всего народа, всей нации¹. Очевидно, что в рамках многоукладного хозяйства основным законом, определяющим параметры и вектор движения всего национального хозяйства (т. е. всей совокупности, хотя и разнородных, но взаимосвязанных укладов) будет выступать ОЭЗ господствующей собственности, динамика которой определяет всю национально-экономическую динамику.

Так, например, радикальная смена парадигмы общественного развития России привела к смене лишь формы монополии: монополию государственной собственности заменили на частнохозяйственную монополию. Соответственно, закономерности господствующей капиталистической собственности и частнокапиталистического накопления самым непосредственным образом определяют до сих пор параметры и вектор национально-экономического движения современной России, несмотря на предпринимаемые Президентом

¹ См., напр.: Агеев В.М. Методологические и теоретические проблемы основного экономического закона социализма. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. — 208 с.

России В.В. Путиным усилия, направленные на то, чтобы подчинить частнохозяйственную логику общенациональным интересам.

2.2. ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЧАСТНОКАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА: К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ОЭЗ НАЦИОНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

Функция собственности с точки зрения производства выступает как организационно-управленческая и как воспроизводственная. И основная ее задача, как известно, состоит в том, чтобы сохранить и увеличить собственность, организуя производство меновых стоимостей, осуществляя их накопление. Индивидуальные капиталы (принадлежащие отдельным капиталистам или акционерным компаниям), как известно, всегда устремлены к максимизации прибыли, к воспроизводству своего капитала на основе производства прибавочной стоимости.

Однако собственник должен быть не только организатором производства, но также и хозяйственником. Это означает, что он должен стремиться к воспроизводству не только собственности, но также и всех хозяйственных укладов, каждый из которых является формой жизни, способом национальной жизнедеятельности. Логика движения общественного капитала (совокупных производительных сил страны) должна подчиняться общенациональным интересам, задачам действительно общественного воспроизводства, включая и воспроизводство всего общества в целом. А это требует выбора параметров или экономических констант, определяющих динамику его движения и целеполагания. Современная экономическая наука в России находится в поисках адекватных показателей, способных преодолеть очевидные недостатки капиталистической прибыли¹.

В последние годы в экономической науке России, Украины и ряда других стран СНГ усилилось внимание к наследию советских экономистов, разрабатывавших принципы народнохозяйственного подхода к экономике. В частности, это проявляется в стремлении рассматривать общественное производство с позиции социальной экономики, анализирующей движение капиталов с точки зрения национальнохозяйственных интересов².

Либерально-рыночные реформы в большинстве стран СНГ проводились на основе приватизации и либерализации всех сторон хозяйственной жизни. В основе реформ лежало предположение, что частная собственность во всех случаях, дескать, намного эффективнее государственной. Соответственно, частнокапиталистическая собственность стала рассматриваться в качестве

¹ См.: Белолипецкий В.Г. Экономические константы в воспроизводстве хозяйственных систем // Философия хозяйства. — 2005. — №2. — С. 73-84; Корняков В.И. Появятся ли в реальной экономике показатели результатов производства? // Философия хозяйства. — 2006. — №2. — С. 152-161; Корняков В.И. Воспроизводство как поток единой субстанции: зависимости, модель, объемные структуры. — М.; Ярославль, 2000.

² См., напр.: Задорожный Г.В., Радченко Я.Ю. Социальная экономика как научная область постнеклассического экономического знания // Социальная экономика. Харьков. — № 4. — 2003; Задорожный Г.В. Новое осевое время и социальная экономика: о теоретическом основании реализации императива выживания человечества в XXI веке // Социальная экономика. Харьков. — № 1-2 — 2006.

некоего универсального средства, способного обеспечить быстрый рост эффективности экономики и национального благосостояния в целом.

За годы реформ почти 80 % государственной собственности перешло в руки частных лиц, что резко нарушило элементарную управляемость всей экономикой, прежде всего, в результате расчленения промышленных предприятий и соответствующего разрыва кооперационных связей. Так, в 1990 г. в РСФСР имелось 26,9 тыс. промышленных предприятий с 23, 1 млн. человек промышленно-производственного персонала, в 1997 г. — уже 159 тыс. предприятий, но только 14, 0 млн. человек персонала¹. Крупные машиностроительные предприятия были расчленены, так что число предприятий за годы реформы выросло в 10 раз и колеблется на уровне 54–55 тыс. Количество рабочих, занятых в отрасли, сократилось в 2,4 раза².

Примерно треть приватизированной собственности ежегодно переходит из рук в руки в результате криминальных разборок и банкротств. Средний срок владения — 3 года³. Очевидно, что при такой быстрой смене собственников неизбежно доминирует чисто спекулятивный подход к самой собственности так называемых «эффективных собственников», получивших в руки якобы «неэффективную собственность» государства. Так, например, за последние 5 лет не построено ни одного наукоёмкого предприятия, более того — 70 тыс. производств было фактически уничтожено под предлогом повышения рыночной эффективности бизнеса.

Износ основных средств предприятий (основной капитал) колеблется в пределах от 50 до 70 %, а в сфере судостроения, например, превышает 80 %. В структуре инвестиций приватизированных предприятий, ставших частными акционерными компаниями, доля основных средств не превышает 15 %, а остальные 85 % — это краткосрочные финансово-торговые инвестиции⁴, не являющиеся капиталовложениями и в силу этого теряющие свой инвестиционный потенциал, т. е. перестающие быть инвестициями в прямом смысле этого слова.

Результаты реформ заставляют признать, что на основе частной собственности и буржуазного эгоизма невозможно обеспечить воспроизводство общества. В современной России сформировался огромный класс «фиктивных собственников», которые с точки зрения политико-экономического подхода к анализу не образуют класс *реальных* собственников. Собственник должен быть хозяйственником, но если он не осуществляет производительное накопление капитала, занимаясь лишь накоплением собственного богатства, то в этом случае перестает быть «эффективным собственником», превращаясь в примитивного дельца-спекулянта, но не капиталиста.

¹ Глазьев С. Ю., Кара-Мурза С. Г., Батчиков С. А. Белая книга. — С. 144.

² Глазьев С. Ю., Кара-Мурза С. Г., Батчиков С. А. Белая книга. Экономические реформы в России 1991—2001 гг. — М.: Изд-во Эксмо, 2003. — С. 166.

³ Независимая газета. 19.01.2000. — С. 4; Независимая газета. 18.02.2000. — С. 4.

⁴ Бюджет разорения страны и подкормки «золотого миллиарда»: Выступление руководителя фракции КПРФ в Госдуме Г.А. Зюганова // Правда. Специальный московский выпуск. — Август. — 2007. — С. 2.

Господствующие олигархические кланы в России превратились в спекулятивные торгово-финансовые конгломераты, реализующие «паразитарную экономику», в основе которой лежит отрицательное производство. Б.Ф. Ключников, д.э.н. и экономист-международник, справедливо указывает на то, «что экономический рост бывает слишком часто антисоциальным». Паразитарный тип экономики в России характеризуется следующими факторами: 1) амортизационные накопления проедаются и/или переводятся за границу, а износ основных фондов превышает в среднем 70 %¹; 2) прибыль уводится от налогов и переводится за рубеж на офшорные счета²; 3) нищенская заработная плата не обеспечивает воспроизводства рабочей силы, обрекая её на деградацию в процессе утраты профессиональных навыков и распада многих научных и производственных трудовых коллективов, складывавшихся десятилетиями³.

Краткий анализ масштабных итогов приватизации за последние 15 лет даёт в руки любого объективного исследователя веские аргументы в пользу того, что капитализм в России является тупиковым типом общественного развития. В качестве примера приведём данные приватизации в базовых отраслях российской экономики: в энергетике, нефтяной и газовой промышленности, угледобыче, лесном хозяйстве и деревообрабатывающей промышленности, промышленности строительных материалов, машиностроении и сельском хозяйстве.

Начнем с показателей электроэнергетики. Производство электроэнергии за период 1990—2004 гг. сократилось на 14 %, а производительность и рентабельность производства соответственно в 3,4 и 2,2 раза. Другими словами, в приватизированной электроэнергетике вместо роста эффективности производства имел место её полномасштабный спад, измеряемый не процентами, а разами. Кроме этого, новые собственники перестали заботиться о своевременном обновлении принадлежащего им имущества. За рассматриваемый период коэффициент обновления основного капитала сократился в 2,4 раза, а возросший на величину неучтенной амортизации текущий доход предприятий оказался объектом личного присвоения новых собственников⁴.

Аналогичную картину наблюдается и в нефтяной промышленности. Так, добыча нефти за период 1990—2004 гг. сократилась на 12 %, а производительность по скважине упала в 2 раза. Заметим, что это произошло в отрасли, где частнокорпоративная собственность составляет 100 %. Характерно, что в

¹ Глазьев С. Грядет ли новый финансовый кризис в России?// Вопросы экономики. — 2000. — № 6. — С. 20.

² По некоторым оценкам, *вывод активов* за рубеж (прежде всего — в офшоры) во многих российских компаниях достигает 80 % (НГ — ПОЛИТЭКОНОМИЯ. — № 9. — 6 июля 2000. — С. 10). В целом, по существующим оценкам, около 1 млрд. долл. ежемесячно вывозится из страны; общая сумма бегства капитала России только в нелегальной денежной форме составляет 200—250 млрд. долл., а по другим данным, оценивается за последние годы в 150—200 млрд. долл. (Охлопкова Н.В. Финансовая составляющая степени открытости экономики // Экономическая теория на пороге XXI века — 4: Финансовая экономика. — М., 2001. — С. 195).

³ См., напр.: Дубянская Г.Ю. Экономико-статистический анализ заработной платы в России. 1991—2001 гг. — М.: Финансы и статистика, 2003.

⁴ Львов Д.С. Россия: рамки реальности и контуры будущего. — М.: Институт экономических стратегий, 2007. — С. 12.

советское время мы обгоняли США по производительности (на скважине) в 2 раза, а теперь мы уступаем США по этому показателю в 2,4 раза¹. Не лучше обстоит дело и с эффективностью приватизации в газовой отрасли. Производительность за период с 1990 по 2004 год снизилась там почти в 3 раза. Рентабельность упала с 30 до 16%, то есть примерно в 1,8 раза².

Несколько иначе выглядят итоговые показатели эффективности приватизации в угольной промышленности. Здесь производительность труда за прошедшие 14 лет не только не снизилась, а даже выросла — в 1,6 раза. Соответственно увеличился и уровень рентабельности, который, однако, не привёл к росту реальной эффективности производства. Так, например, коэффициент обновления шахтного оборудования за прошедшие 14 лет в угольной промышленности снизился в 3 раза, и теперь устаревание основного капитала приобретает в угледобыче угрожающий характер. Однако сегодня источником техногенных катастроф и опасными хозяйственными объектами становятся даже современные модернизированные шахты, руководство которых (например, компания «Южкузбасуголь») сознательно ухудшают условия труда, нарушая даже правила техники безопасности, стремясь таким образом повысить рентабельность добычи угля. В итоге, сиюминутные коммерческие интересы новых собственников оказываются выше интересов непосредственных производителей и общества в целом. Нетрудно предположить, что можно ожидать снижения эффективности работы и в этой отрасли.

Неоднозначные показатели эффективности разгосударствления демонстрирует черная металлургия. С одной стороны, частные металлургические комбинаты стали больше внимания уделять внедрению новых технологий, выросла капитализация компаний на мировом рынке. Но, с другой стороны, производительность труда за последние 14 лет по основным ассортиментным группам (кроме чугуна и проката) снижается, особенно заметно — по трубам, то есть как раз по тем позициям, в которых страна испытывает наибольшую потребность. Обновление основного капитала в металлургии, так же как и в других отраслях промышленности, сократилось по сравнению с дореформенным уровнем почти в 4 раза³. В значительной мере это является наглядным свидетельством того, что интересы новых собственников не являются стратегическими.

Наиболее тяжелые последствия приватизация имела для отраслей, определяющих научно-технический прогресс, и прежде всего для машиностроения. Важнейшей (системообразующей) для всего народного хозяйства отраслью машиностроения является станкостроение. Основу его составляет производство металлорежущих станков. Здесь в годы реформы произошел обвальный спад производства — более чем в 10 раз с конца 80-х годов⁴. В частности, самый большой ущерб был нанесен производству станков высокой и

¹ Львов Д.С. Указ. соч. — С. 12-13.

² Там же. — С. 13.

³ Львов Д.С. Указ. соч. — С. 13.

⁴ Глазьев С. Ю., Кара-Мурза С. Г., Батчиков С. А. Белая книга. Экономические реформы в России 1991—2001 гг. — М.: Изд-во Эксмо, 2003. — С. 188-196.

особо высокой точности, а также станков с числовым программным управлением (ЧПУ). Это технологически наиболее передовая область станкостроения. Если в 1990 г. в РСФСР было выпущено 16,7 тыс. станков с ЧПУ, то в 1996—1999 гг. их выпуск составлял по 100 штук в год, т. е. — в 167 раз меньше. В 2000 г. их производство выросло в два раза — и составило 200 станков. В 2001 г. тенденция к росту сохранилась — было выпущено 257 станков с ЧПУ. В целом доля станков высокой и особо высокой точности в общем объеме производства металлорежущих станков упала с 22,8 % (1989 г.) до 1,3 % в 1999 году¹. По основным номенклатурным позициям в машиностроительной отрасли за рассматриваемый период произошел огромный спад производства: по турбинам — в 2,5 раза, по экскаваторам — в 7 раз, по кузнечно-прессовым машинам — в 16 раз, по металлорежущим станкам — в 14 раз, по зерновым комбайнам — более чем в 25 раз и т. д. Производительность труда по основной номенклатуре машиностроительной продукции сократилась за рассматриваемый период от 2 до 6 раз.

Одним из важнейших результатов реформы 90-х годов, который будет иметь долговременный характер, является, несомненно, почти полная ликвидация отечественного тракторостроения. Сходное положение возникло в результате реформы и в производстве зерноуборочных комбайнов². Оно было практически парализовано, оживление производства наметилось только в 2000—2001 гг. Надо подчеркнуть, что на фоне сокращения отечественного производства в РФ идет лоббирование иностранной техники. В 2000 г. импортные комбайны захватили 25% российского рынка. Это, несмотря на то, что, по данным «Ростсельмаша», средняя цена импортного комбайна на нашем рынке составляет 20 000, а российского — 50 000 долл.³.

Серьезный материал для размышления предоставляют нам итоги приватизации в сельскохозяйственном производстве. За годы реформ индивидуальный собственник стал главной фигурой сельского хозяйства России. Если доля сельскохозяйственных организаций в 1990 году составляла 74 % в общем объеме сельскохозяйственного производства, то уже в 2004 году она сократилась до 43 %, то есть в 1,7 раза. Одновременно доля хозяйств населения выросла с 26,3 до 51,3 %, то есть примерно в 2 раза. Фермерские хозяйства, на которые в начале реформ делалась основная ставка, сегодня едва дотягивают до 6 %. В настоящее время индивидуальный собственник (домашние хозяйства) производит более 50 % мяса и молока и около 90 % картофеля. На Украине в 2004 г. удельный вес хозяйств населения в общем производстве

¹ Там же. — С. 190.

² Глазьев С. Ю., Кара-Мурза С. Г., Батчиков С. А. Белая книга. — С. 174-177. В целом состояние производства сельскохозяйственной техники примерно такое же, как тракторов и комбайнов. Вот выводы доклада Министерства сельского хозяйства РФ «Научно-техническое развитие агропромышленного комплекса России» (Москва, 2000 г.) о положении в сельскохозяйственном машиностроении: «Объем товарной продукции на предприятиях отрасли сократился почти в 13 раз, в том числе по тракторостроению — в 10, по сельскохозяйственным машинам для растениеводства более чем в 14, по машинам и оборудованию для животноводства кормопроизводства — в 38, по двигателестроению — в 8, по компонентам машин и запасным частям — в 17, а по использованию производственного потенциала — в 13—25 раз».

³ Ведомости. 9 июля 2001.

продуктов растениеводства составлял 60,3 % и продуктов животноводства — 70,6 %¹.

Следует обратить внимание на существенные различия в эффективности работы хозяйств разных форм собственности. Так, полезная отдача сельхозпродукции на 1 га сельскохозяйственных угодий в личных хозяйствах граждан в 2004 году составляла 43 тыс. рублей с одного га, в то время как в сельхозорганизациях и фермерских хозяйствах она была примерно в 10 раз ниже². Как видим, индивидуально-трудовая собственность оказывается несопоставимо более эффективной, чем другие её формы. И это не случайно, поскольку в личных хозяйствах происходит соединение собственника, производителя и управляющего в одном лице. Вне этих рамок преимущества индивидуальной формы собственности становятся далеко не очевидными.

Таким образом, извлекая уроки из итогов приватизации, можно сделать главный вывод: частнокапиталистическая собственность не может служить основой воспроизводства всего общества, обеспечивая эффективность выбора и максимизацию полезности только лишь для плутократии.

2.3. ОЭЗ КАК ОСНОВНОЙ ЗАКОН ВОСПРОИЗВОДСТВА МНОГОУКЛАДНОГО ОБЩЕСТВА

Итак, закон собственности — это закон дохода, который получает собственник в процессе производства и распределения вновь созданной стоимости (ВСС). Этот закон превращается в основной экономический закон, когда закономерности производства и распределения ВСС ($v + m$), свойственные данной собственности, становятся господствующими в обществе, определяя прямо или косвенно механизм движения всех других форм собственности. ОЭЗ, отражая интересы и цели господствующего в обществе класса (социальных групп), является законом господствующей формы собственности.

При капитализме, например, закон частнохозяйственной прибыли выступает не только как закон движения частнокапиталистических предприятий, но также и в качестве основного экономического закона, который определяет механизм движения всей национальной экономики и национального хозяйства, выступающего по сути как частнохозяйственный организм.

Формы собственности отличаются друг от друга механизмом производства и распределения ВСС: а) в рамках частнокапиталистической собственности, как известно, ($v + m$) производится наемными работниками и распадается на два антагонистических дохода — на зарплату и прибыль; б) в рамках индивидуальных и коллективных трудовых хозяйств (ИТХ и КТХ) вновь созданная стоимость ($v + m$) образует валовой доход собственников — индивидуальных или коллективных; в) при социализме это — закон национального

¹ Статистичний щорічник України за 2004 р. Державний комітет статистики України. — Київ, Видавництво „Консультант”, 2005. — С. 164.

² Львов Д.С. Россия: рамки реальности и контуры будущего. — М.: Институт экономических стратегий, 2007. — С. 16.

дохода, поступающего в распоряжение всего общества и расходуемого в целях роста благосостояния всего народа, всей нации¹.

Объективной основой воспроизводства общества может служить только новая стоимость, добавленная к стоимости средств производства, которую в экономической теории принято обозначать термином «вновь созданная стоимость». ВСС при капитализме существует лишь как условно-расчетная категория: а) на уровне предприятия она обозначается понятием «добавленная стоимость» (*added value*); б) а на уровне общества — как национальный доход, то есть как арифметическая совокупность доходов всех членов общества. При социализме производство ВСС становится основным экономическим законом социалистического общества.

Содержание ОЭЗ заключается в том, что он устанавливает закономерность между производством вновь созданной стоимости и механизмом её присвоения (распределения) в обществе. При капитализме господствует частнохозяйственный механизм присвоения ВСС, в силу чего она распадается на два антагонистических дохода: а) прибыль капиталистов и б) зарплата наемных работников; соответственно, ОЭЗ капитализма принимает форму капиталистического производства и присвоения прибавочной стоимости. При социализме господствует государственный механизм присвоения и распределения ВСС, в силу чего она, уже не распадаясь на антагонистические доходы, концентрируется в руках государства, превращаясь в общенациональный доход; соответственно, ОЭЗ социализма — «выступает как закон производства вновь созданной стоимости или национального дохода»².

Однако категория «**вновь созданная стоимость**» теоретически связана не с социализмом как таковым, а с **трудовым типом хозяйства, включая ИТХ и КТХ, основным экономическим законом движения которых выступает закон производства вновь созданной стоимости или валового дохода, поступающего в распоряжение работающих собственников**. В.Г. Белолипецкий, на наш взгляд, верно указывает на то, что, «будущее в эволюции общественного капитала во многом будет предопределяться переходом с отражения прибыли в балансе к отражению в нем добавленной стоимости и изменением природы НДС»³.

На сегодняшний день политическая экономия знает два противоположных экономических закона воспроизводства общества — капиталистический и социалистический (народнохозяйственный). Проводимые в стране научные дискуссии позволили установить, что институциональные механизмы западной экономики у нас не срабатывают. А это ставит перед современной экономической наукой задачу определения адекватных механизмов реализации ОЭЗ принципиально иного типа НХ, развивающегося на основе законов и

¹ См., например: Агеев В.М. Методологические и теоретические проблемы основного экономического закона социализма. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973; Агеев В.М. Принцип системности политэкономического исследования. — М.: Экономика, 1985.

² Агеев В.М. Методологические и теоретические проблемы основного экономического закона социализма. — С. 202.

³ Белолипецкий В.Г. Экономические константы в воспроизводстве хозяйственных систем // Философия хозяйства. — 2005. — № 2. — С. 83.

принципов традиционного восточного общества. Разумеется, что нас интересует не только русское общество, сохранившее до сих пор свои традиционные основы. Предметом анализа является славянско-евразийское общество, развивающееся в различных «национальных одеждах» на нашем евразийском континенте.

Таким образом, основным законом национального хозяйства нашего традиционного общества является закон производства вновь созданной стоимости или национального дохода. Этот закон является центральным или «сквозным» в том смысле, что на основе этого закона функционируют все некапиталистические уклады и формы хозяйствования, имманентно присущие нашему обществу. Однако данный закон, отражая закономерности взаимодействия народа и власти, функционирует не сам по себе.

Нацеленность государства на стратегию и на великие цели имеет принципиальное значение, являясь важной частью механизма воспроизводства общества. Этот механизм не будет работать без нацеленности на будущее, без понимания ныне живущими людьми своей ответственности перед будущими поколениями. Современная Россия уже доказала опытным путём в ходе либеральных реформ, что механизм воспроизводства общества — это не примитивная хлебопекарня. Общество воспроизводится не столько материальными, сколько — духовными ресурсами. Деньги, инвестиции, кредит сами по себе не способны создать и воспроизвести общественный организм.

2.4. ЗАКОНОМЕРНОСТИ ТРУДОВЫХ ФОРМ СОБСТВЕННОСТИ, АДЕКВАТНЫХ МНОГОУКЛАДНОМУ ХОЗЯЙСТВУ

Либеральные методологии экономического анализа теряют своё общетеоретическое значение в рамках многоукладного «традиционного общества» Востока. И это понятно, если вспомнить, что, как справедливо подчеркивает А.В. Чаянов, «теоретически учение о народном хозяйстве от Д. Рикардо и до наших дней строилось дедуктивно, исходя из мотивации и методов хозяйственного расчета *homo economicus*'а, работающего в качестве капиталиста-предпринимателя, строящего свое предприятие на наемном труде»¹. При таком подходе логика частнокапиталистического подхода неизбежно переносилась на движение всего НХ в целом.

Очевидно, что национальное хозяйство России и других евразийских стран СНГ не может существовать и устойчиво развиваться, исходя только лишь «из мотивации и методов хозяйственного расчета *homo economicus*'а, работающего в качестве капиталиста-предпринимателя». Национальное хозяйство на Востоке традиционно является многоукладным, а крестьянское хозяйство также традиционно играет здесь принципиально важную роль, являясь органической формой жизнедеятельности. Уничтожая его в процессе либеральной унификации хозяйства, мы тем самым уничтожаем сложившуюся форму жизни. Крестьянский уклад и все другие формы мелкого семейно-

¹ Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды. — М.: Экономика, 1989. — С. 396.

трудового хозяйства, не претендуя на формирование основы современной индустрии, выполняют важную функцию «капиллярной системы» в жизнедеятельности национального хозяйственного организма.

Очевидно, что этот организм может существовать только в форме иерархической соподчиненности различных секторов и укладов, взаимозависимости «капиллярной» и «венозной» систем хозяйственного «кровообращения». А это требует наличия системы *сквозных* принципов, пронизывающих все общество и его хозяйство сверху донизу. Как известно, общественным законом является — закономерность самой жизни, то есть постоянная возобновляемость стереотипов жизнедеятельности, а основной экономический закон всегда отражает основную социохозяйственную закономерность, а именно: повторяемость из поколения в поколение главных стереотипов хозяйственной жизнедеятельности, которые не только в России, но и на Востоке вообще основаны на общинности и коллективизме, на артельном труде и кооперации.

Очевидно и то, что формы собственности и формы хозяйствования, адекватные цивилизационным и геополитическим особенностям России и других евразийских стран, также являются коллективистскими. Главной чертой здесь является общинно-трудовой характер собственности и хозяйствования, а к их числу относятся: а) индивидуально-трудовые хозяйства (ИТХ) — ремесленные, семейные крестьянские хозяйства, а также различные другие формы индивидуальной и семейной трудовой деятельности; б) коллективно-трудовые хозяйства (КТХ) — артели, кооперативы, народные предприятия, принадлежащие трудовым коллективам и прочие формы «рабочей собственности».

1) Индивидуально-трудовое хозяйство

Собственность здесь является индивидуальной, принадлежащей самому работнику на правах его личной собственности. Она является трудовой, т. к. ее владелец не использует наемный труд, а трудится самостоятельно. Здесь отсутствует наемный труд: собственник и работник сливаются в одном лице, в одном субъекте, а сам работник превращается в — работающего собственника. Основным экономический закон движения любого уклада (способа производства) является законом движения собственности, формирующей экономическое основание данного уклада. Таким образом, основной закон движения ИТХ — это закон движения индивидуальной собственности, принадлежащей работающему собственнику. Напомню, что любая собственность экономически реализуется в получении дохода, что собственность — это присвоение предпринимательского дохода. При капитализме таким доходом является *прибыль*, а структура стоимости произведенного товара ($c + v + m$) распадается на две противоположные части: $W = (c + v) + m$, то есть на капиталистические издержки и прибыль как денежный избыток над этими издержками.

В рамках ИТХ отсутствуют типично капиталистические категории: зарплата, издержки и прибыль. Здесь структура стоимости произведенного товара принимает следующий вид: $W = c + (v + m)$, т. е. распадается — а) на

стоимость потребленных средств производства, б) вновь созданную стоимость ($c + v$). Вновь созданная стоимость (ВСС) — это та часть добавленной стоимости, которая является суммой необходимого продукта (НП) и прибавочного продукта (ПП). Если при капитализме НП и ПП образуют основу двух антагонистических доходов (зарплаты и прибыли), то в рамках ИТХ НП и ПП сливаются в единый валовой доход работающего собственника. Здесь отсутствует система наемного труда, и собственник уже сам решает, в каких пропорциях распределить свой валовой доход. Он сам решает, какую его часть использовать на свое личное потребление, а какую — на производительное накопление. При этом он может сознательно жертвовать своим потреблением, снижая его уровень во имя производительного накопления.

А.В. Чаянов указывает в этой связи на то, «что хозяйственная семья крестьянина, приступая к организации производства, стремится в конечном итоге в наиболее полной мере удовлетворить свои потребности и обеспечить процессом восстановления капитала дальнейшую устойчивость своего хозяйства с наименьшей для себя затратой энергии, для чего стремится обеспечить такие приложения своему труду, которые бы обеспечили наивысшую из всех возможных оплату каждой его единицы»¹. Сказанное здесь Чаяновым указывает на неприменимость капиталистических критериев эффективности при оценке трудового семейного хозяйства. В своей работе «К вопросу о теории некапиталистических систем хозяйства» А.В. Чаянов особо говорит о «специфической рентабельности, которую мы выявили для трудового семейного хозяйства». В частности, он подчеркивает, что, например, «аренда или приобретение земли будут выгодными для крестьянской семьи только, если с ее помощью можно будет добиться равновесия в хозяйстве либо за счет более высокого, чем до сих пор, уровня жизни, либо за счет меньшего напряжения рабочей силы»².

ИТХ является по своему типу семейным предприятием. Получаемый собственником валовой доход поступает в распоряжение всей семьи и используется в целях роста её благосостояния. Данное предприятие вовлекается в товарно-денежные отношения и в сферу рыночной экономики, но на принципах, отличных от капиталистических предприятий, нацеленных на максимизацию прибыли. Здесь не действует капиталистический закон прибыли, не работают в полной мере критерии капиталистической (денежной) эффективности. Цель ИТХ — рост потребления и благосостояния семьи, а также обеспечение общих условий жизнедеятельности семьи, в частности, её устойчивости, выживаемости и жизнестойкости. Очевидно, что главными критериями оценки эффективности ИТХ будут социальные критерии. Для оценки хозяйственной деятельности такого предприятия можно использовать только показатели социальной эффективности.

Индивидуальный предприниматель может функционировать в рамках различных организационно-правовых форм (ИЧП, предприниматель без об-

¹ А.В.Чаянов. Организация крестьянского хозяйства // Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды. — М.: Экономика, 1989. — С. 285.

² Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды. — С. 123.

разования юридического лица), используя для отчетности категории «зарплата» и «прибыль», но только лишь как условно-расчетные, отличающиеся по своему содержанию от капиталистических категорий. Итак, основной закон движения ИТХ — это закон индивидуального производства и присвоения ВСС или валового дохода, поступающего в распоряжение работающего собственника.

2) Коллективно-трудовое хозяйство

Собственность в рамках КТХ является коллективной, принадлежащей всем работникам трудового коллектива на правах его коллективной собственности. Она является трудовой, т. к. её владельцы трудятся самостоятельно, используя наемный труд как всего лишь внешнюю форму, лишенную капиталистического содержания. Здесь отсутствует капиталистический наемный труд: работник здесь является работающим собственником, но уже не единоличным владельцем, а собственником-совладельцем коллективных и общественных средств производства и всех используемых капиталов.

Принципиальной (сущностной) разницы между ИТХ и КТХ — нет. Разница заключается не столько в качестве, сколько в количестве: в ИТХ собственник один, а в КТХ — трудовой коллектив. Однако сущностно эти формы хозяйствования очень схожи: а) они принадлежат работающим собственникам, б) устраняют отчуждение работников от собственности, в) обе имеют трудовой характер и одинаковый закон движения. Структура стоимости произведенного товара здесь имеет такую же формулу: $W = c + (v + m)$. Обе формы собственности, лежащие в основе этих некапиталистических систем хозяйствования, одинаково реализуются в получении вновь созданной стоимости или валового дохода предприятия. Разница здесь только в субъекте присвоения и в распределении этого дохода.

В рамках КТХ отсутствуют типично капиталистические категории: зарплата, издержки и прибыль. Однако с точки зрения бухучета и финансового менеджмента структура стоимости товара принимает общий для всех предприятий вид, распадаясь на две противоположные «техно-экономические» части: $W = (c + v) + m$. Очевидно, что такое деление на издержки $(c + v)$ и прибыль (m) имеет здесь условно-расчетный характер. В рамках КТХ ВСС не распадается на антагонистические доходы, а зарплата и прибыль предприятия здесь имеют другое социально-экономическое содержание,

ВСС — это та часть добавленной стоимости, которая здесь также является суммой необходимого прибавочного продукта. Однако в рамках КТХ НП и ПП сливаются в единый валовой доход коллективного (ассоциированного) работающего собственника. Здесь отсутствует система наёмного труда, и собственник-коллектив уже сам решает, в каких пропорциях распределить свой валовой доход: какую его часть использовать на своё личное потребление, а какую — на производительное накопление. Категории «зарплата» и «прибыль» здесь также используются, но только лишь как условно-расчетные, не отражая капиталистических наемных отношений.

Итак, основной закон движения КТХ — это закон коллективного производства и коллективного присвоения ВСС или валового дохода, поступающего в распоряжение всего трудового коллектива, имеющего статус коллективного работающего собственника.

КТХ является коллективно-трудовым предприятием. В России, например, они действуют на основе ФЗ «О народных предприятиях»¹. Получаемый собственниками валовой доход поступает в распоряжение коллективного (ассоциированного) работающего собственника и используется в целях роста благосостояния всех работающих собственников. Данное предприятие вовлекается в товарно-денежные отношения и в сферу рыночной экономики, но на принципах, отличных от капиталистических предприятий, нацеленных на максимизацию прибыли. Здесь не действует капиталистический закон максимизации прибыли. Соответственно, и цель такого предприятия, и критерии его эффективности принципиально отличаются от капиталистических предприятий. Главными критериями оценки его эффективности будут социальные критерии, то есть показатели социальной эффективности.

Сделаем краткие выводы.

1. Производство вновь созданной стоимости ($v + m$) должно лежать в основе национального хозяйства, ему непосредственно служить, а для этого создаваемый в стране национальный доход должен быть именно *народным*, то есть быть не столько условно-расчетным явлением, сколько — реальным народнохозяйственным феноменом, оказывающимся основой воспроизводства всего народа. Наше многоукладное общество может сохранить и развить себя в случае, если экономические закономерности производства и распределения вновь созданной стоимости станут охватывать всё национальное хозяйство и в этом смысле уже будут иметь действительно народнохозяйственный характер.

2. Основным законом национального хозяйства должны стать закономерности закона производства и распределения вновь созданной стоимости, определяющего национально-экономические закономерности в целом. Очевидно, что наше евразийское общество может выжить и сохранить себя как геополитический субъект истории и как субъект национального хозяйства только в том случае, если в основу его развития будет положена *некапиталистическая* закономерность производства и распределения вновь

¹ Законом РФ от 21 июля 1997 г. № 123-ФЗ «О приватизации государственного имущества и об основах приватизации муниципального имущества в Российской Федерации» восстановлено право работников приватизировать государственные и муниципальные унитарные предприятия посредством взятия их в аренду с правом их последующего их выкупа. В свою очередь, Законом РФ от 19 июля 1998 г. № 115-ФЗ «О правовом положении акционерных обществ работников (народных предприятий)» определен порядок преобразования коммерческих организаций различных организационно-правовых форм, полностью или частично находящихся в частной собственности, в народные предприятия.

Таким образом, в настоящее время законодательно определены два способа образования предприятий, находящихся в собственности их работников: во-первых, путем преобразования государственной и муниципальной собственности и, во-вторых, путем преобразования в них коммерческих организаций различных организационно-правовых форм. Закон РФ «О правовом положении акционерных обществ работников (народных предприятий)» вступил в силу с 1 октября 1998 г.

созданной стоимости, образующей валовой доход коллективных предприятий, а также национальный доход всего общества.

3. Национально-экономическое развитие осуществляется на основе постоянного процесса воспроизводства фундаментальных ценностей данной локальной цивилизации, ядром которой является данная нация и данный системообразующий народ. В силу этого процесс национального хозяйственно-экономического развития определяется (регулируется) такими экономическими законами, принципы которых являются составной частью общенациональных ценностных принципов, существующих — в форме «результатов исторической коллективной жизни народа» (В. Виндельбанд).

4. Современная экономическая наука не только в России и ряде других странах СНГ, по сути, стала придатком западного мейнстрима, как-то забыв при этом — а) что механизм движения собственности является механизмом воспроизводства; б) что собственность в политэкономическом смысле реально существует только при наличии производительного накопления; в) что основным предметом экономической теории является общественное воспроизводство и его законы.

Давно пора всем нам вернуться на почву реальной экономики и заняться исследованием закономерностей движения всего национального хозяйства, а не только «рыночной экономики». А это предполагает, как минимум, переход от анализа движения индивидуального капитала (собственности) к рассмотрению процесса воспроизводства уже всего общественного капитала (многообразия форм собственности), который становится действительно общественным при условии превращения национального хозяйства в ассоциацию производительных сил нации, создающейся на основе интегративности и комбинации духовного и материального производства. При таком подходе общественный капитал превращается в национальный капитал, основу которого, как подчеркивал Лист, образуют не денежные, а — умственные и нравственные капиталы нации.

§ 3. *Воспроизводство человека как функция национального хозяйства*

Продолжая анализ данного метапроизводства, рассмотрим те факторы общественного производства и те условия, которые обеспечивают движение национальнохозяйственного воспроизводственного механизма. Очевидно, что начать следует с анализа процесса производства и воспроизводства самого человека как носителя рабочей силы, духовных жизненных сил и национальных системообразующих ценностей. В противоположность капиталистическому богатству, выступающему в виде денежной и товарной массы, богатство восточного общества образуют люди, а отдельный человек выступает его основополагающим бытием. Наличное бытие общества представле-

но, прежде всего, самими людьми, а общество, взятое в целостности, выступает уже не просто как абстрактное население, а как — народ, превращающийся в нацию, благодаря единству трех ключевых факторов: культуры, территории и государства

3.1. ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА И ВОСПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕКА

Рассмотрение человека в качестве первичного структурного элемента, то есть «элементарного бытия» богатства общества и исходного пункта его анализа соответствует историческому развитию производства, ибо история последнего начинается как производство и воспроизводство человека. Целью многих общин, предшествовавших капитализму, было, по словам К. Маркса, «сохранение, т. е. воспроизводство образующих общину индивидов...»¹, что нашло отражение в воззрениях древних авторов. К. Маркс замечал, что у них «человек... выступает как цель производства»². Однако человек выступает как цель производства в любом духовно здоровом обществе. Являясь носителем рабочей силы и непосредственным производителем, человек выступает не только субъектом общественного процесса производства, но и его общей предпосылкой. «Предпосылки, с которых мы начинаем, — отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, — не произвольны, они — не догмы; это — действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это — действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью»³. Именно поэтому анализ воспроизводства общества мы начнем с человека.

1) Производство человека как носителя рабочей силы

Проблема воспроизводства человека как носителя рабочей силы и как общественного человека впервые была разработана К. Марксом. Маркс был первый, кто доказал, что рабочая сила в условиях капитализма является товаром, в основе цены которого (зарплата) лежит стоимость. Марксистская политическая экономия всесторонне исследовала процесс воспроизводства рабочей силы, основанный на определении её стоимости. При этом Маркс подходил к анализу этого процесса как составной части общественного производства, рассматривая воспроизводство рабочей силы как особый тип производства — как *потребительское производство*. Маркс писал: «Та доля жизненных средств, которую он должен потребить в качестве работника, без которой его рабочая сила вообще не может существовать как таковая, так же необходима для процесса производства, как уголь и смазочное масло, потребляемые машиной. В этом смысле фонд потребления общества составляет некоторую часть его средств производства, и потребление работника внутри

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. — С. 483.

² Там же. — С. 476

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. — С. 18.

этих границ практически не отличается от потребления рабочей лошади или машины»¹.

Индивидуальное потребление, как правило, исключается из производственного процесса и не является предметом социально-экономического анализа. Обычно это объясняется тем, что в процессе потребления стоимость превращается в «нестоимость», как бы завершает свое существование. Предметом экономической теории традиционно считается стоимостная экономика, а политическая экономия вообще, как известно, сформировалась как теория трудовой стоимости, как теория о стоимостных экономических отношениях.

Включение потребительной деятельности в воспроизводство человека и общества определяется её местом в основаниях производства.

К. Маркс во «Введении» к «Критике политической экономии» характеризует потребление как уничтожающую материальное производство противоположность, как *второй вид производства* — потребительное производство, в котором производится и воспроизводится сам человек. «Что, например, в процессе питания, представляющем собой одну из форм потребления,— писал К. Маркс,— человек производит своё собственное тело,— это ясно; но это же имеет силу и относительно всякого другого вида потребления, который с той или другой стороны, каждый в своем роде, производит человека. Это — потребительное производство»². Осуществляя личностное потребление, пишет Маркс, рабочий «выполняет жизненные функции вне производственного процесса». Что же представляют собой эти функции, выполняемые рабочим в свободное от работы время, если их результатом является, по словам Маркса, «существование самого рабочего»³. Ясно, что это функции производства рабочим самого себя, своих способностей, функции воспитания нового поколения. Наконец, К. Маркс прямо говорит о том, что индивидуальное потребление рабочего воспроизводит его как индивидуума⁴. Жизненные средства, пишет Маркс, необходимы «работнику для поддержания и воспроизводства его жизни...»⁵.

Из приведенных суждений К. Маркса важно выделить утверждение о широком значении потребления, объясняющее не только биологическое воспроизводство человека, но и другие, не менее важные формы человеческой жизни посредством соответствующих разнородных видов потребления и потребительного производства. Уже здесь заложена мысль о двойственной природе потребительного производства, включающего наряду с воспроизводством человеческой жизни как таковой и социальное производство. В этом же плане высказывался Ф. Энгельс относительно двух родов производства и воспроизводства непосредственной жизни: «С одной стороны — производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необ-

¹ Там же. Т. 47. — С. 158.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. — С. 27.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. — С. 584.

⁴ Там же. — С. 586.

⁵ Там же. — С. 580.

ходимых для этого орудий; с другой — производство самого человека, продолжение рода»¹.

В нашей стране имеется довольно обширная литература, посвященная исследованию производства и воспроизводства рабочей силы. То, что эта литература в основном по политической экономии, вполне понятно: современная экономическая теория (экономикс) игнорирует эти проблемы. Очевидно, что анализ производства общественного продукта, а также воспроизводства всего общества в целом, может сделать только политическая экономия.

Однако современная экономическая теория, вернувшаяся по сути к временам Адама Смита и ставшая вновь теорией меновой стоимости, игнорирует все эти проблемы. Вопросы стоимости рабочей силы и её воспроизводства вообще *не* ставятся на обсуждение неоклассической теорией, господствующей ныне и в России. И это понятно: либеральная доктрина является частной теорией о частных буржуазных интересах; рабочие здесь рассматриваются всего лишь как некий технический ресурс, а в социальном плане как особая раса — «раса рабочих» (А. Смит). Именно такое отношение к рабочим господствует сегодня в капиталистической России, также вернувшейся, по сути, к временам Смита.

Рыночным реформаторам удалось совершить главное: они действительно преобразовали формальные основы собственности и разрушили старые формы хозяйствования. В этом смысле можно говорить о возникновении в современной России строя со всеми основными формальными признаками капитализма. Так, по состоянию на 2000 год, 74,4 % хозяйственных предприятий и организаций находились в частной собственности. Только 11,2 % были отнесены к государственной собственности, федеральной или муниципальной, 6,9 % приходилось на долю общественных объединений, остальное — 7,5% — на смешанные формы собственности или собственность иностранных юридических или физических лиц². Из 2,3 млн. частных предприятий 1,4 млн. приходилось на крупные и средние предприятия с числом занятых свыше 100 человек. Здесь работало 40 % трудового населения страны, а если исключить здравоохранение, образование и управление, где по-прежнему преобладает государственная собственность, то доля занятых на частных предприятиях превышала 50 %. Если занятость в государственном секторе экономики в 1990 составляла более 82 %, то к 2001 г. она сократилась до 37 %³. Аналогичные ситуация складывается и в других постсоветских республиках. Например, в Казахстане, из общего числа занятых 75 % имеют работу на частных предприятиях, и только 25 % — заняты в государственных предприятиях и учреждениях⁴.

¹ Там же. Т. 21. — С. 26.

² См. Российский статистический ежегодник / Госкомстат России. М., — 2000. — С. 277.

³ Собственность и экономические интересы / Под ред. Т.В. Игнатовой и В.Н. Некрасова. Учебное пособие. Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС. 2005. — С. 164.

⁴ Казахстан за годы независимости. Агентство Республики Казахстан по статистике / Под ред Б.Т. Султанова. — Алматы, 2006. — С. 226.

Проблема воспроизводства человека как непосредственного производителя, как носителя рабочей силы напрямую связана с определением её стоимости.

2) Проблема МРОТ в России

Очевидно, размер минимального размера оплаты труда (МРОТ) должен быть равен стоимости простого труда, т. е. труда неквалифицированных работников. А в основе стоимости данного труда (стоимость простой рабочей силы) лежит прожиточный минимум, определяемый в виде потребительской корзины, которая включает в себя набор продуктов, товаров и услуг, обеспечивающих простое физиологическое выживание человека. Данный прожиточный минимум сегодня в среднем равен 4—4,5 тыс. рублей, а официальный МРОТ — превышает всего 1000 рублей, т. е. в четыре раза меньше.

- Так, в США в 1993 г. размер почасовой оплаты труда составил 7,5 долл. (при 40-часовой рабочей неделе это составляет 1200 долл. в месяц). Для определения минимальной заработной платы государственные органы (в США и других странах Запада) рассчитывают так называемый **прожиточный минимум** (или черту бедности). Он устанавливается для семьи из четырех человек (работника, его жены и двух детей), исходя из нормативов удовлетворения минимальных жизненных потребностей многих товарах и услугах с учетом уровня цен.

В Российской Федерации в 2003 г. величина прожиточного минимума (в среднем на душу населения) составила 2112 руб. Но 29 млн. человек имели доходы ниже величины прожиточного минимума.

Существовавший до 1 июня **2011 года минимальный размер оплаты труда (МРОТ) в 4330 рублей** в месяц был установлен с 1 января 2009 года, а с 1 июля 2011 года МРОТ был повышен до 4611 рублей¹.

С 1 января 2014 года МРОТ составит 5554 рубля в месяц. Вероятно, он будет действовать весь следующий год без повышения ставки. Среднемесячный прожиточный минимум трудоспособного человека в 2014 году составит примерно 8600 рублей. То есть **МРОТ составит всего 65% от прожиточного минимума.** И такие ставки минимального уровня оплаты труда — нарушение, в том числе Трудового кодекса, в котором ясно сказано, что он не должен быть ниже прожиточного минимума трудоспособного населения. Регионам-донорам дано право повышать МРОТ. Но таких регионов всего 12–14 из 83².

По данным директор Всероссийского центра уровня жизни доктор экономических наук, профессор Вячеслав БОБКОВ, любой работающий человек обязан получать зарплату минимум в 16–17 тысяч рублей на члена семьи. 16–17 тысяч — это уровень выживания, минимальная сумма для работающего, чтобы содержать себя и одного ребёнка. По нашим подсчётам, чтобы нормально обеспечивать семью с двумя детьми (если работают отец и мать), то каждый родитель должен приносить зарплату порядка 70 тысяч рублей. То-

¹ <http://www.buh.ru/info-14>.

² <http://me-forum.ru/media/news/2056/>. —02.12.2013

гда семья попадает в средний класс. Сейчас же средняя зарплата по стране — 30 тысяч — в два раза ниже этого уровня¹. Сегодняшний прожиточный минимум никакой объективной характеристике не поддается. Достаточно сказать, что он в 10—15 раз ниже, чем в развитых странах. Ниже этого уровня в России проживает четверть населения — более 30 млн. человек, а 10 млн. человек живут на доходы менее 1000 рублей.

- Для повышения МРОТ до уровня прожиточного минимума от государства потребуется смехотворная сумма — от 45 до 55 млрд рублей. Это менее 0,08% ВВП или приблизительно 0,7% от временно свободных 7,2 трлн рублей Минфина, без дела лежащих на счетах в Центральном Банке, коммерческих баках и золотовалютных резервах. Требуемая сумма в шесть раз ниже итоговых затрат государства на проведение имиджевого и показушного по сути саммита АТЭС во Владивостоке в августе 2012 года, который, по признанию самого президента Путина, «проходил на стройке» и оброс целым ворохом громких коррупционных скандалов².

Споры о размере МРОТ не являются теоретическими. Как известно, МРОТ является точкой отсчёта при начислении зарплаты всем работникам: его размер приравнивается к первому тарифному разряду работника. Соответственно, стоимость и соответствующая зарплата работников, выполняющих сложный труд, вычисляется согласно тарифным коэффициентам шести или восьмиразрядной тарифной сетки.

3) Средняя зарплата в России

Средняя зарплата в России, согласно данным Госкомстата России, достигла по итогам июля 2006 г. 11 218 рублей (примерно 400 долларов США), увеличившись по сравнению с июлем 2005 г. на 28,6 %, но в реальном выражении — с поправкой на обязательные платежи и инфляцию — рост составил 17,7 %. Это самая большая годовая прибавка не только за 2006-й, но и за 2005 г. Однако средняя реальная заработная плата в России в 2005 г. составила лишь около 70 % от уровня 1990 года. Покупательная способность рубля в 2006 г. составляла 100 : 1 к покупательной способности рубля 1989 г. Нетрудно подсчитать, что средняя советская зарплата в 230—240 рублей в 1989 г. равняется 23—24 тысячам рублей в 2006 г., т. е. средняя зарплата в России намного ниже она и по сравнению с советским периодом. Так, в 1990 г. заработная плата в чистом виде составляла 40,5 % от ВВП, а в среднем за пореформенный период — лишь 25,8 %³. При этом уровень средней зарплаты в регионах России в 2002 г. различался почти в 10 раз, а разница в стоимости минимального набора продуктов питания — почти в 4 раза (3063 рубля в Чукотском автономном округе и 889 рублей в самом дешевом регионе — в Тамбовской области)⁴.

¹ <http://me-forum.ru/media/news/2056/>. — 02.12.2013

² Гладунов О. "Свободная пресса": Труд за две копейки. Российское правительство запланировало на 2013 год нищету для четверти населения страны // <http://kprf.ru/roscrisis/114198.html>.

³ Меньшиков С.М. Анатомия российского капитализма. — М.: Междунар. отношения, 2004. — С. 256.

⁴ Петренко И. Н. Безопасность экономического пространства хозяйствующего субъекта / Петренко И.Н. — М.: Анкил, 2005. — С. 156.

Как правило, низкий уровень зарплаты проправительственные экономисты и чиновники пытаются оправдать и объяснить ссылками на низкий уровень производительности труда. Но уровень нашей заработной платы никакими ссылками на более низкую производительность труда оправдать нельзя. Факты говорят об обратном. На один доллар заработной платы российский среднестатистический работник производит примерно в 3 раза больше конечной продукции, чем аналогичный работник в США (см. табл. 3.1).

Ведущие ученые Отделения экономики РАН РФ подчеркивают: «Мировое сообщество в лице соответствующих организаций ООН давно признало, что часовая заработная плата ниже трех долларов является запредельной. Она выталкивает работника за пороговую черту жизнедеятельности, за которой идет разрушение трудового потенциала экономики. Средняя заработная плата в России в три раза ниже этого порогового значения. И это имеет место в условиях, когда нашему, по существу нищему, по западным меркам, работнику приходится обменивать свой труд на продукцию и услуги, цены которых близки или уже сравнялись с мировыми. **Такой чудовищной эксплуатации труда не знает ни одна цивилизованная страна мира**»¹.

Таблица 3.1

Сравнительная оценка производительности и зарплатоотдачи
по ВВП (по паритету покупательной способности)

США	27	16,4	1,7
Великобритания	22	13,8	1,6
Германия	27,7	22,7	1,2
Франция	28,8	14,4	2,0
Япония	21,6	12,3	1,8
Канада	23,4	17,1	1,4
Италия	30,6	16,4	1,9
Россия	7,6	1,7	4,6

Источник: Львов Д.С. Россия: рамки реальности и контуры будущего.
— М.: Институт экономических стратегий, 2007. — Приложение, табл. 3.2.

В адрес частных собственников в современной России распределяется от 60 до 92 % добавленной стоимости (вновь созданной стоимости), хотя во всем цивилизованном мире эти параметры не превышают 30 %². Доля заработной платы в ВВП России в 1990-х гг. держалась на уровне 30—38 %, а в последние кризисные годы 2008-2013 гг. не превышает 12%³. Однако странам Запада доля зарплаты в ВВП устойчиво держится на уровне 70—75 %⁴. В

¹ Путь в XXI век: стратегические проблемы и перспективы российской экономики / Рук. авт. колл. Д.С. Львов; Отд. экон. РАН. — М.: Экономика, 1999. — С. 32-33.

² Петренко И. Н. Указ. соч. — С. 3.

³ <http://900igr.net/prezentatsii/ekonomika/Rossija-i-CHekhija/015-Pokazateli-kharakterizujuschie-situatsiju-v-sotsialnoj-sfere.html>.

⁴ См. Российский статистический ежегодник. М., 2004, 2005, 2006.

целом по России почти 13% населения зарабатывает в месяц менее 9 тысяч рублей¹.

Говоря о позитивной роли высокой стоимости рабочей силы, Ли Якокка, один из крупнейших представителей делового мира США, заявил: «Цементирующим элементом всей нашей демократии служит рабочий, зарабатывающий 15 долларов в час. Это именно тот человек, который покупает дом, автомобиль и холодильник. Именно он воплощает собой горячее, приводящее в движение мотор экономики»².

В России этот механизм практически не действует, так как внутренний рынок товаров и услуг личного потребления все меньше ориентируется на лиц с трудовыми доходами. Однако элитарный сектор рынка сравнительно невелик по общему числу входящих в него субъектов. Очевидно, что это резко ограничивает общую емкость потребительского рынка. Соотношение доходов 20 % наиболее обеспеченных (высший квинтиль) и 20 % наименее обеспеченного населения (низший квинтиль) достигло в 2000 г. 7,93, то есть было втрое больше, чем в исходном 1991 году. Разрыв между 10 % наиболее и 10 % наименее обеспеченных (высшей и низшей децилями) достиг 13,8³. Однако в крупных городах этот разрыв намного больше. В Москве, например, он равен 52⁴.

На 80 % населения с низкими и средними доходами приходилось теперь лишь 52 % всего платежеспособного спроса — намного меньше, чем в последний год при советской власти. Потребительский рынок четко распался на элитный и обычный секторы, что типично для капиталистических стран. Косвенно об этом свидетельствует то, что открытая оплата труда отстает от личного потребления в течение всего периода, начиная с 1993 года, причем в последние годы составляет только лишь 50 % от общего объема ВВП.

По данным Института комплексных социальных исследований РАН, четверть населения страны (35 миллионов человек) живут за чертой бедности, то есть являются бедными, а треть из них и вовсе нищими. Это — те, «кто плохо питается, не имеет нормального жилья, не имеет возможности нормально проводить досуг и отдыхать, и главное — живет с ощущением полной безнадеги, невозможности что-либо изменить в своей жизни»⁵. Однако вместе с бедствующими пенсионерами, включая также и неработающих членов семей бедняков, общая численность этой застойной армии бедности составляет в России 55—60 млн., или 38—41 % населения страны⁶.

¹ Полунин А. Куда заведет Россию тотальное расслоение общества? Свободная пресса. — <http://www.svpressa.ru/society/article/76660/>. — 30.10.2013 г.

² Якокка Л. Карьера менеджера: Пер. с англ./ При участии У. Новака; ред. и вступ. ст. С. Ю. Медведкова. — М.: Прогресс, 1990. — С. 333 (курсив наш — А.О.).

³ Меньшиков С.М. Анатомия российского капитализма. — С. 263.

⁴ Советская Россия. — 1 декабря 2005. — № 156. — С. 1.

⁵ Известия. 2003. — 19 июня. — С. 11.

⁶ Меньшиков С.М. Указ. соч. — С. 268.

4) Важнейший фактор бедности — безработица

В среднем уровень безработицы по отношению к экономически активному населению в период с 1995 по 2001 гг. устойчиво превышал 9—10 % (1995 — 9,5; 2000 — 10,5, 2001 — 9,1)¹. По данным статистики, более одного года ищут работу 42,7 % от общего числа безработных, в том числе 55,7 % — пенсионеров по возрасту. Численность безработных в самом экономически активном возрасте — 30-49 лет — составляла в 2000 г. 50 % от общей численности безработных².

Однако начавшийся осенью 2008 года финансово-экономический кризис резко обострил проблему безработицы. В декабре 2009 года Российские предприятия **провели самое резкое с начала года сокращение персонала**, интенсивность увольнений в промышленности увеличилась вдвое. Рост увольнений произошел во всех отраслях, кроме лесного и пищевой промышленности. Более 60% опрошенных предприятий заявили в декабре о сокращении персонала³. Всего же, по оценкам Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР), за период с сентября 2008 года на начало 2010 было в стране уволено **более 2 млн.** человек, а за первые четыре месяца 2010 г. потеряли работу еще 2 млн.

Число безработных в России на конец мая 2010 года составило 5,6 млн. человек. Между тем в России приобрела массовый характер скрытая безработица, *достигнув 7 млн. человек, и к середине 2010 года может вырасти вдвое*, считает заведующий кафедрой труда и социальной политики Российской академии государственной службы Николай Волгин⁴. Этим данным независимых экспертов резко противоречит официальная очень *лукавая* статистика. Так, например, вице-премьер Александр Жуков, проводивший в начале сентября 2010 г. видеоконференцию с регионами, сообщил «радостную» (для него!?) новость: общая безработица в России практически сравнялась с докризисными показателями, снизилась, якобы, и неполная занятость⁵.

Правительственные чиновники разных уровней без конца твердят, что, дескать, *«безработных в России становится все меньше»*, что *«безработица в России на протяжении последних лет имеет тенденции к снижению»*.

На начало 2011 года она составляла 7.8%. Уровень безработицы на январь 2014 года по данным Федеральной службы государственной статистики составляет 5.6%. Очевидно, что при расчете безработицы учитывается численность экономически активного населения, которая на январь 2014 года составила 74,6 млн. человек, или более 52% от общей численности населения страны.

¹ Петренко И. Н. Указ. соч. — С. 170–171.

² Социальное положение и уровень жизни населения России. Стат. сб. Госкомстат России. — М., 2001. — Табл. 3.17, 3.20.

³ ng.ru/economics/2009-12-22/4_record.html

⁴ www.ng.ru/tag/bezrabotitsa/.

⁵ Новостной проект INFOX.ru -Росбалт.RU.

Получается, что безработица по сравнению с 2010 годом снизилась на 1,5 млн. человек. Верится с трудом, если учесть данные о реальном спаде производства во всех основных отраслях. Сегодня только самые наивные люди могут верить данным официальной статистике, призванной отражать суровую действительность дикого капитализма только лишь, как говорится, *в розовом свете*.

3.2. ВОСПРОИЗВОДСТВО РАБОЧЕЙ СИЛЫ КАК НОСИТЕЛЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Основной вклад в разработку теории «человеческого капитала» (ЧК) внес, как известно, Г. Беккер¹. В своих работах он утверждает, что ЧК по своей сути есть «мера воплощенной в человеке способности приносить доход». Он включает в себя врожденные способности и талант, а также образование и приобретенную квалификацию. В этой связи инвестиции в «человеческий капитал» Г. Беккер определил как совокупность прямых денежных затрат на образование и доход, недополученный за время, затраченное на обучение. Человеческий капитал создается тогда, когда человек (возможно с помощью родителей или государства) инвестирует в самого себя, оплачивая образование и приобретение квалификации. Инвестиции в ЧК со временем окупаются, давая отдачу в виде более высокой заработной платы или способности выполнять работу, приносящую большее материальное и моральное удовлетворение.

Следует подчеркнуть, что далеко не все буржуазные теоретики согласны с позицией Г. Беккера, для которой характерна, выражаясь марксистским языком, вульгарная трактовка капитала, ставящая на одну плоскость собственника реального капитала и наемного работника. Некоторые из них продолжали искать объяснение воспроизводства человеческого капитала. А. Маршалл, например, утверждал, что вложения капитала в воспитание и обучение рабочего, осуществляемые обычно родителями, не должны отождествляться с вложениями капитала в вещественные факторы производства, от которых всегда ожидается превышение стоимости над себестоимостью. Человеческий фактор, по его мнению, «не покупается и не продается, как машины и другие вещественные факторы производства. Рабочий продает свой труд, но сам он остается собственником самого себя; те, кто несет расходы по его воспитанию и обучению, получают лишь малую долю цены, выплачиваемой за его услуги в последующие годы»².

Многие российские экономисты критически относятся к американской концепции «человеческого капитала». Так, например, академик Н.П. Федоренко подчеркивает, что «эти ученые устанавливают не совсем верную, на мой взгляд, аналогию между процессами формирования рабочей силы и ка-

¹ См.: Becker G.S. Human Capital: a Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. N.Y., 1964.

² Маршалл А. Принципы политической экономии. Т. II. М., 1984. — С. 266–267.

питала»¹. Однако он согласен с тем, как они определяют структуру ЧК, а также и с тем, что ЧК следует включать его в состав национального богатства. По мнению Н.П. Федоренко, «в составе национального богатства следует учитывать **стоимость рабочей силы и затраты на ее воспроизводство, интеллектуальное, культурное и профессиональное совершенствование**, т.е. всех тех капиталовложений, что принято называть **ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ КАПИТАЛОМ**. В состав его объектов включают, как правило, общеобразовательные и специальные знания, здоровье экономических субъектов, расходы на поиск информации на рынке труда и пр., т.е. обобщенно — сферы образования, исследований и разработок, здравоохранения»². Отсюда видно, что составной частью понятия ЧК является «интеллектуальный капитал», который Ф. Лист называл умственным капиталом. Используя термин умственный капитал, Ф. Лист рассматривал его как результат «накопившейся массы всевозможных открытий, изобретений, улучшений, усовершенствований и усилий всех живших до нас поколений; всё это образует умственный капитал живущего человечества, и каждая отдельная нация является производительной настолько, насколько она сумела усвоить это наследие от прежних поколений и увеличить его собственными приобретениями, насколько естественные источники, пространство и географическое положение ее территории, количество населения и ее политическое могущество дают ей возможность развивать в высокой степени и гармонично все отрасли труда и распространять свое нравственное, умственное, торговое и политическое влияние на другие отставшие нации и вообще на весь свет»³.

Таким образом, **понятие «человеческий капитал» отражает совокупные затраты на воспроизводство рабочей силы и человека в целом**. Р.М. Нижегородцев дает, на наш взгляд, точную политэкономическую характеристику человеческого капитала. Он пишет: «Важнейшим результатом трудового процесса, овеществляющимся в рабочей силе трудящегося индивида, выступает его квалификация, общеобразовательный и культурный уровень, используемые им в течение длительного лени. Тем самым, образование, повышение квалификации правомерно рассматривать как производство совокупного основного капитала общества, причем этим основным капиталом является сам человек. Капитал, авансированный на покупку рабочей силы, по характеру своего общественного движения (по характеру перенесения стоимости на создаваемый продукт) распадается на две части: основной капитал, авансирование которого предполагает производство квалификации и образовательного уровня работников, и оборотный капитал, возмещающий затраты их физических жизненных сил»⁴.

Рассматривая вопрос с чисто экономической точки зрения, можно констатировать, что воспроизводство человека как рабочей силы обходится всё

¹ Федоренко Н.П. Россия: уроки прошлого и лики будущего. — М.: Экономика, 2000. — С. 71.

² Федоренко Н.П. Указ. соч. — С. 71 (выделено автором — А.О.).

³ Ф. Лист. Национальная система политической экономии. — С. 128.

⁴ Нижегородцев Р.М. Воспроизводство научно-технической информации в современных экономических системах: Автореф. дис... докт. ... наук. — Кострома, 2002. — С. 20 (курсив автора — А.О.).

дороже. Имеются различные расчеты «вклада» образования в экономический рост: при трактовке образования в качестве обособленного источника роста за период с 1929 по 1957 г. на долю образования приходилось 16,6—33,3 % прироста национального дохода США. Расчеты, исходящие из того, что образование — это качественная характеристика фактора «труд», показали результаты в середине указанного интервала (24 %)¹. Приводя эти данные Н.П. Федоренко подчеркивает: «Главный вывод из изложенного: **затраты на воспитание, образование, спорт, здравоохранение и все другие "инвестиции в человека" должны рассматриваться не как непроизводительное потребление, а как инвестиции, дающие непосредственный хозяйственный эффект и, в конечном счете, обеспечивающие прирост национального богатства**»².

Очевидно, что анализ человеческого капитала в масштабах страны требует особого подхода. Он выражается не только в демографических характеристиках населения и оценке здоровья нации, не только в оценках уровня общего и профессионального образования, степени информатизации общества, состояния науки и культуры. Особую роль здесь играет социальный и моральный климат в обществе, в более широком смысле — дух нации, т.е. состояние духовных сил всего народа. Напомню, что структура любого хозяйственного уклада включает в себя три ключевых элемента: 1) хозяйственный дух, 2) институциональная форма и 3) материальная субстанция. Соответственно этому выстраивается и структура самого национального хозяйства, а также структура национального богатства. Таким образом, человеческий капитал перестает быть метафорой, превращаясь в часть национального богатства, размеры которого зависят от качества населения: интеллектуального уровня, образовательного ценза, профессиональной искусности, общей культуры, нравственных устоев, господствующей в обществе морали.

Таблица 3.2

Государственные социальные расходы (в процентах к ВВП)

	1950 г.	1980 г.	1990 г.	2000 г.	2015 г. (прогноз)
США	7,0	18,2	19,0	20,8	24,6
Япония	6,8	16,2	18,4	18,8	21,8
Германия	18,4	25,6	26,5	27,1	27,7
Франция	19,6	32,6	33,5	34,3	34,8
Велико-британия	17,9	22,5	25,6	26,8	29,8
Швеция	14,6	40,0	48,4	54,1	51,9

Источник: Мир на рубеже тысячелетий. — М.: ИМЭМО, 2001. — С. 588-591.

Воспроизводство и накопление человеческого капитала в условиях современной рыночной экономики реализуются в основном в семье — в рамках

¹ Федоренко Н.П. Указ. соч. — С. 72.

² Федоренко Н.П. Указ. соч. — С. 72 (выделено автором — А.О.).

домашнего хозяйства. Масса и доля семейного потребления в валовом продукте и фонде потребления возрастают, особенно в части расходов на воспитание новых поколений. Увеличивается доля семейного хозяйства и в национальном богатстве развитых стран. Однако особая роль в воспроизводстве человеческого капитала принадлежит государству (см. табл. 3.2).

Эта роль выражается в том, что, во-первых, государство берет на себя часть расходов по поддержанию и развитию некоторых отраслей социальной сферы (образование, здравоохранение, наука, культура), такие функции, как обеспечение общественного порядка, безопасности, экологическая защита. И, во-вторых, государство через бюджет посредством социальных трансфертов обеспечивает перераспределение доходов в пользу менее обеспеченных людей и слоев населения.

Что касается роли корпораций в воспроизводстве человеческого капитала, то она неуклонно повышается. Доля фирменных социальных расходов в ВВП США за 1975 — 1991 гг. выросла в 1,7 раза, составив почти две трети государственных. В европейских странах и Японии уровень вложений корпораций в человеческий капитал еще выше. Всё, что сочетается с растущим участием работников в управлении предприятием, коллективными формами трудовой мотивации, социального партнерства, и позволяет некоторым исследователям говорить о современной экономике стран Запада как об экономике т. н. **«постиндустриального общества»** или **«постэкономическом обществе»**, сформировавшемся в США в результате, якобы, уже происшедшей там постэкономической революции¹.

Нередко этот этап связывают с неэкономикой или новой экономикой, под которой обычно понимают экономику, основанную на знаниях, на интеллектуальном труде, на глубоких качественных изменениях в социальной структуре общества, благодаря чему ведущие позиции в обществе, дескать, начинают занимать работники интеллектуального труда, а денежные и материальные стимулы якобы уступают место неэкономической мотивации работников.

Для некоторых наших ученых характерно некритическое восприятие **«постэкономической трансформации» западного мира, широко распространенное в период горбачевской перестройки и в последующие годы, являясь ложной доктриной.** Так, например, д.э.н. В.А. Медведев утверждает, что в современных условиях личное потребление большинства людей в развитых странах «начинает выполнять иную, более широкую и общественно значимую функцию — средства развития и совершенствования физического, интеллектуального и культурного потенциала человека, условий его жизни, самоутверждения в обществе — и лимитируется не столько нижним пределом, сохраняющим ограниченное значение, сколько верхней границей — потребностями накопления. В этих условиях грань между необходимым и при-

¹ См.: Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества: Научное издание. — М.: «Academia» — «Наука», 1998; Иноземцев В.Л. Расколотая цивилизация: Научное издание. — М.: «Academia» — «Наука», 1999; Иноземцев В.Л. Пределы "догоняющего" развития / В.Л. Иноземцев. — М.: Экономика, 2000.

бавочным продуктом размывается и начинает сливаться с границей между потреблением и накоплением»¹.

Однако фактические данные многочисленных исследований опровергают этот вывод². Уровень жизни трудовых слоев населения в странах Запада стал падать после разрушения СССР и серьезного кризиса японской экономики, спровоцированного в середине 1990-х гг. американскими финансовыми спекулянтами, обрушившими курс иены по отношению к доллару³. Устранив двух своих самых опасных конкурентов, США возглавили наступление на социальные права трудящихся, возвращая западный капитализм в свое привычное либерально-индустриальное русло. Но даже если бы этого и не произошло и уровень жизни в странах Запада продолжал бы расти, то всё равно западная теория человеческого капитала (Беккер), столь некритично воспринятая нашими учеными, была бы всего лишь частной теорией о частном.

В действительности, эта теория *частично* верна, т. е. верна, — но только лишь для высокоразвитых стран Запада и только лишь для высокооплачиваемых менеджеров корпораций, зарплата которых в значительной степени формируется из прибыли возглавляемых ими компаний. Кроме этого, зарплата рабочих в высокоразвитых странах Запада, по сути, не является зарплатой: рабочие там участвуют в эксплуатации всего незападного мира, получая в своей зарплате часть сверхдоходов рентного характера, которые Запад выкачивает из всего незападного мира в целом.

Не могут не вызвать удивление также и попытки перенести эти теории на почву России. В самом деле: **Россия переживает период настоящей деиндустриализации и разрухи, а некоторые ученые рассуждают всерьёз о возможностях перехода страны к «постиндустриальному обществу»?!**

3.3. К ВОПРОСУ ОБ УНИВЕРСАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ ВСЕОБЩЕГО ЗАКОНА КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО НАКОПЛЕНИЯ

Следует заметить, что резкое падение жизненного уровня людей труда является сегодня явлением, характерным не только для капиталистической России, но и для Запада в целом. На Западе в последние десятилетия также развиваются неолиберальные процессы, связанные с понижением жизненного уровня наемных работников. С.М. Меншиков ссылается в своей работе на Джеймса Гэлбрейта, который в своем исследовании фактических данных о доходах США указывает на резкий рост неравенства в США. Он подчеркивает, что в значительной мере это было обусловлено переходом к неолиберальной политике, поощрявшей глобализацию экономики и монополизацию производства в ущерб позициям наемного труда. «Иначе говоря, там действова-

¹ Медведев В. А. Перед вызовами постиндустриализма: Взгляд на прошлое, настоящее и будущее экономики России. — М.: Альпина Паблишер, 2003. — С. 206-207 (курсив мой — А.О.).

² См., напр.: Валлерстайн Иммануэль. После либерализма: Пер. с англ. / Под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. М.: Едиториал УРСС, 2003; Каллиникос А. Антикапиталистический манифест. — М.: Практикс, 2005.

³ Так, например, в конце 1995 г. безнадежные долги японских банков превысили суммарный объем их акционерного капитала более чем на 20 процентов. — Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация. — С. 333.

ли те же факторы, — пишет С.М. Меньшиков, — что и в России, только у нас они проявлялись еще более резко, причем на существенно более низком уровне средних доходов. То, что в Америке было чаще всего относительной бедностью, в России стало нищетой абсолютной»¹.

Разрыв между высшей и низшей квинтилями вырос с 7,6 в 1980 г. до 9,6 в 1990 г. и 11,3 в 1998 году. Этот рост не был столь крутым, как в России в реформенное время, но всё же был заметным. Прямое сопоставление показывает, что по разрыву между высшей и низшей децилями США существенно превосходили Россию: соответственно 11,3 и 7,9. При этом надо учитывать, что в советское время неравенство доходов в России было неизмеримо меньше, чем в США².

Мартин Г.-П., Шуманн Х., авторы книги «**Западня глобализации**»³, подчеркивают, что в целом американское общество отнюдь не стало беднее. Однако статистический рост совокупных доходов и благосостояния относится в целом только к 20 миллионам семей, к одной пятой, составляющей вершину пирамиды, и даже внутри этой группы распределение доходов происходит в высшей степени неравномерно. Так, по данным В.Л. Иноземцева, 1980-е гг. ознаменовались ростом диспропорции в распределении национального богатства. С 1980 г. 1 % богатейший семей удвоил свои доходы: если в конце 70-х гг. 1 % богатейших американцев контролировал 19 % национального богатства, то к концу 90-х гг. — уже 39 %, более чем удвоив с 1976 года свою долю в национальном богатстве. И теперь приблизительно полмиллиона сверхбогачей владеют 1/3 всего частного капитала в США. В результате в течение 1980-х годов отношение доходов наиболее обеспеченных 5 % населения к доходам наиболее бедных американцев возросло с 15 до 22,5 раза⁴.

Кроме этого, в 80-е годы стала очевидной наметившаяся во второй половине 70-х годов тенденция к сокращению реальных доходов большинства работников индустриальных отраслей США. Он подчеркивает, что именно в 80-е годы, в условиях серьезного промышленного роста, последовавшего за кризисом 1980—1982 гг., реальные доходы индустриальных рабочих устойчиво снижались на протяжении всего десятилетия. Во второй половине 80-х с каждым годом прирост прибылей промышленных корпораций оказывался выше соответствующего прироста заработной платы из работников; с учетом того, что на протяжении этого десятилетия в США и ряде других развитых странах оставался высоким уровень инфляции, реальная заработная плата рабочего в обрабатывающих отраслях промышленности между 1977 и 1993 гг. снизилась более чем на 10% — с 11,8 до 10,6 долл. в час⁵. В 1995 г. четыре пятых всех американских рабочих и служащих мужского пола зарабатывали

¹ Меньшиков С.М. Анатомия российского капитализма. — С. 265.

² Меньшиков С.М. Анатомия российского капитализма. — С. 265.

³ Мартин Г.-П., Шуманн Х. Западня глобализации: атака на процветание и демократию/ Пер. с нем. — М.: Издательский Дом «АЛЬПИНА», 2001. — 335 с.

⁴ См.: Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества: Научное издание. — М., 1998. — С. 440.

⁵ Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. — С. 441.

в реальном исчислении на 11 % в час меньше, чем в 1973 г. Особенно это касалось рядовых работников (*non-supervisory workers*): с 1973 по 1995 год, несмотря на рост валового национального продукта почти на 36 %, их реальная почасовая заработная плата сократилась более чем на 14 %¹. Кроме этого, резко увеличился разрыв между зарплатой руководителей и топ-менеджеры крупных корпораций и занятых в них работников. Средний уровень такого превышения в начале 70-х достигал 40:1, то есть они получали примерно в сорок раз больше, чем их рядовые служащие. К середине 90-х годов это соотношение равнялось 120:1², хотя отдельные западные исследователи определяют этот разрыв по состоянию на 1989-1990 годы в пределах от 150:1 до 225:1³.

Помимо собственно заработной платы, которая для руководителей 35 крупнейших компаний составляла в среднем около 1 млн. долл., они получали в виде премий и бонусов в среднем около 1,2 млн. долл., а в виде опционов на покупку акций еще до 1,5 млн. долл. в год⁴. Хотя обобщенные данные и свидетельствуют о том, что более 44 % американских семей держат в акциях средства, составляющие около 28 % их общего капитала, 71 % всех владельцев имеет акций не более чем на 2 тыс. долл. каждый; в то же время 5 % американских семей контролируют сегодня более 77 % акционерного капитала США. Примечательно и то, что 85,8 % всех доходов от повышения на протяжении 1989—1997 гг. курсовой стоимости американских ценных бумаг аккумулированы 10 % наиболее состоятельных акционеров, тогда как в пользу низших 60 % перераспределено не более 3,6 % подобных поступлений. В.Л. Иноземцев подчеркивает в этой связи: «Несоответствие современной системы акционерной собственности потребностям социальной стабильности отмечается сегодня все чаще и отчетливее»⁵.

В 1988 году более 1,3 млн. чел. в США декларировали имущество в сумме, превышающей 1 млн. долл.; в 1987 году 36 тыс. человек сообщили о доходах свыше 1 млн. долл. в год (в 1995 году их число выросло до 87 тыс.). Примечательно, что данный процесс почти не зависел от реального состояния экономики: между 1976 и 1980 гг., в период стагфляции и отсутствия хозяйственного роста, в США появились 320 тыс. новых миллионеров; а количество американцев, чье состояние превышало 1 млрд. долл., выросло с 1 до 120 за период с 1978 по 1994 год; дальнейшее ухудшение конъюнктуры в начале 80-х привело к тому, что доходы, полученные в виде процентов по

¹ Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация. — С. 518.

² Мартин Г.-П., Шуманн Х. Западная глобализация: атака на процветание и демократию / Пер. с нем. — М.: Издательский Дом «АЛЬПИНА», 2001. — С. 161.

³ Иноземцев В.Л. ссылается на следующие работы известных западных ученых: Cohen D. The Wealth of the World and the Poverty of Nations. Cambridge (Ma.)-L., 1998. P.45.; Heilbroner R., Milberg W. The Making of Economic Society. 10th ed. Upper Saddle River (N.J.), 1998. P. 102, 103. — См.: Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация: Научное издание (Наличествующие предпосылки и возможные последствия постэкономической революции). — М., 1999. — С. 510.

⁴ Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация. — С. 511.

⁵ Иноземцев В.Л. Указ. соч. — С. 517.

вложениям в банки и государственные ценные бумаги, выросли в 2,5 раза, в то время как заработная плата почти не повысилась¹.

Приведенные здесь данные свидетельствуют о том, что «рост благосостояния верхушки общества сегодня в значительной мере достигается в противовес не столько обнищанию наиболее бедных граждан, сколько стабильному ухудшению позиций среднего класса, который в большей своей части начинает тяготеть к низшим бедным, нежели к более обеспеченным слоям населения»². За подобной картиной скрывается ситуация, которую некоторые современные авторы определяют как переход к «80/20 society». Речь здесь идет о том, что в XXI веке для функционирования мировой капиталистической экономики будет достаточно 20 % трудоспособного населения. По мнению З. Бжезинского и ряда других западных ученых, пятой части всех ищущих работу хватит для производства товаров первой необходимости и предоставления всех дорогостоящих услуг. Именно эти 20% и будут активно участвовать в жизни общества, зарабатывать и потреблять.

А что же остальные? Останутся ли без работы 80 процентов тех, кто хочет работать? «Конечно, — говорит американский писатель Джереми Рифкин, автор книги «Конец занятости». — У тех 80 процентов, которые останутся не у дел, будут колоссальные проблемы». Мартин Г.-П. и Шуманн Х., авторы известной книги «Западня глобализации», указывают на то, что, по мнению лидеров мирового бизнеса, «в скором времени люди вновь будут подметать улицы практически задаром или довольствоваться грошовыми заработками в качестве помощников в домашнем хозяйстве». По мнению футуролога Джона Нэсбитта, индустриальная эпоха и ее массовое благоденствие в конце концов станут не более чем «эпизодической вспышкой на экране истории экономики»³.

Таким образом, сегодня основное социальное разделение проходит не между высшим и средним классом, находящимися с одной стороны некоего «водораздела», и бедными гражданами, а между высшим классом, остающимся по одну сторону (20 %), и всем остальным обществом, оказывающимся по другую (80 %). К середине 90-х гг. доля самых состоятельных 20 % американцев вплотную приблизилась к критическому показателю в 50 % всего распределяемого национального дохода (составляя, по различным оценкам, от 47 до 48,7 % такового). Напротив, между 1989 и 1995 гг. зарплата тех, кто относится к 80 % наименее оплачиваемых, либо оставалась на прежнем уровне, либо снижалась. Другими словами, вот уже более двух десятилетий уровень жизни огромного большинства американцев падает⁴. Действительно, в период с 1973 по 1994 год реальный ВВП на душу населения в США вырос на целую треть. В то же время, однако, у трех четвертей работающего населения, не относящегося к руководящему персоналу, средняя зарплата без вычетов сократилась на 19 % и составляет всего 258 долл. в неделю. Для ниж-

¹ Там же. — С. 511.

² Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. — С. 518.

³ Мартин Г.-П., Шуманн Х. Западня глобализации: атака на процветание и демократию. — С. 20, 22.

⁴ См.: Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация. — С. 513-524.

ней трети этой пирамиды падение зарплаты было еще более значительным: эти миллионы людей зарабатывают теперь на 25 % меньше, чем двадцать тому назад¹.

Мартин Г.-П., Шуманн Х. подчеркивают: «Устранение механизмов государственного контроля и других противовесов постепенно привело к главенству в экономике США принципа "победитель получает все", который ныне доминирует во всех слоях американского общества. Общественный договор, долго воспринимавшийся как нечто само собой разумеющееся, в свое время означал, что если дела у IBM, General Motors или любой другой компании идут хорошо, то у их служащих тоже все в порядке. К настоящему времени от этого договора не осталось и следа. В начале 1980-х крупнейшие компании США делились со своими служащими примерно 70 % прибыли и платили им больше средних ставок для соответствующих специальностей на рынке труда. В порядке вещей было и субсидирование менее доходных подразделений фирмы более доходными... Однако дерегулированная финансовая экономика превратила это социальное преимущество в слабость с точки зрения управления»². В 1990-х гг. многие западные компании перешли на неолиберальную модель экономики, диктуемую мировой глобализацией. Так, например, IBM между 1991 и 1995 гг. оставила без работы 122 000 человек и уменьшила расходы на зарплату на одну треть, давая понять своим сотрудникам, что единственным мериллом успешности корпорации являются «интересы акционеров».

Все это заставило авторов исследования «Западная глобализация» процитировать Карла Маркса, утверждавшего в 1865 году (в докладе генеральному совету Первого Интернационала в Лондоне), что «общая тенденция капиталистического производства заключается в том, чтобы не повышать, а понижать средний уровень зарплаты, тем самым доводя в той или иной мере стоимость труда до ее минимального предела». Авторы вынуждены согласиться с выводом Маркса, подчеркивая при этом, что «после реформ социал-демократического столетия начинается контрреформация исторического масштаба; движение в будущее — это движение в обратном направлении»³.

Новая модель, навязываемая всему миру идеологами глобализации, — это мир 20:80, то есть общество одной пятой и для одной пятой. Как подчеркивают Мартин Г.-П. и Шуманн Х., данная модель, уже реализуемая практически, «означает для человечества не что иное, как возврат к далекому прошлому»⁴. Сегодня, как и во времена Маркса, «капиталисты становятся все богаче, в то время как рабочий класс нищает, — считает Эдвард Луттвак, экономист Центра стратегических и международных исследований, одного из консервативных вашингтонских мозговых трестов, превратившийся из хладнокровного поборника неолиберализма в его самого непримиримого противника. — Глобальная конкуренция пропускает «людей через мясоруб-

¹ Мартин Г.-П., Шуманн Х. Указ. соч. — С. 161

² Мартин Г.-П., Шуманн Х. Указ. соч. — С. 164-165.

³ Мартин Г.-П., Шуманн Х. Указ. соч. — С. 26.

⁴ Там же. — С. 22.

ку» и уничтожает сплоченность общества»¹. Стивен Роуч, главный экономист в Morgan Stanley, четвертом по величине инвестиционном банке Нью-Йорка, известный специалист по стратегии корпоративного управления, сравнил неолиберальную реструктуризацию американской экономики с примитивной подсечно-огневой системой земледелия, при которой за непродолжительным периодом урожайности неизбежно следует утрата плодородия почвы, от которого зависит жизнь тех, кто ее обрабатывает. Он считает необходимым наращивать рабочую силу вместо того, чтобы лишать ее квалификации. «Рабочую силу, — подчеркивает Роуч, — нельзя выдавливать вечно. Тактика бесконечного сокращения рабочей силы и урезания реальной заработной платы — это, в конечном счете, рецепт индустриального вымирания»².

Таким образом, всеобщий закон капиталистического накопления, открытый Марксом, продолжает действовать, хотя немало ученых экономистов-марксистов поспешило в начале 90-х гг. отказаться от марксизма, подвергая огульной критике всё марксистское наследие, включая и «Капитал» К. Маркса. Наиболее резкой критике были подвергнуты такие вопросы, как эксплуатация наемного труда, стоимость рабочей силы, а также содержание закона капиталистического накопления, который был объявлен уже в ходе горбачевской перестройки — якобы, не действующим³.

Соответственно, ставился вопрос о качественной трансформации западного общества, о преодолении капитализма и пр. Нельзя сказать, чтобы факты и тенденции, на которые ссылались эти ученые, были надуманными. Однако, говоря громко об одной стороне западного общества, они предпочитали не смотреть на другую, гораздо более неприглядную. Как учёные они не могли не понимать, что основные законы капитализма перестают действовать только тогда, когда сама капиталистическая формация прекращает своё существование, переходя в некую новую стадию своего развития. Именно этот тезис, разработанный на Западе теоретиками постиндустриального общества, и был взят некритически за основу нашими критиками марксизма и социализма.

Однако к этому следует также добавить, что западные теории о т.н. «постиндустриальном обществе» отражают американскую модель открытой экономики, в основе которой лежит три важных фактора:

- 1) Превращение доллара в главное расчетное средство в международных платежах.
- 2) Эмиссия доллара объединением частных банков США под названием «ФРС», которая с 2013 года ежемесячно выбрасывает на денежный рынок в среднем по 85 млрд. долларов, т.е. один триллион в год ничем не обеспеченных долларов.

¹ Там же. — С. 167.

² Там же. — С. 168.

³ См., напр.: Брагинский С. В., Певзнер Я. А. Политическая экономия: дискуссионные проблемы, пути обновления. — М.: Мысль, 1991

- 3) Сознательная деиндустриализация экономики США посредством перевода целого ряда индустриальных производств в страны Юго-Восточной Азии и в Китай.
- 4) Деление мира на: а) **«индустриальных производителей»** — Третий мир в форме мировой фабрики и б) **владельцев глобальной «печатной машинки»**, принадлежащей группе частных крупнейших американских банкиров, создавших в 1913 году «Федеральную резервную систему», получившую монополию на эмиссию доллара США; себестоимость 100-долларовой купюры всего 7-10 центов, таким образом, рентабельность этого «долларового производства» приближается к сумасшедшим **100 000 %?!**
- 5) Доля США в глобальном производстве сократилась соответственно с 20% к концу прошлого века — **до 7%**, по данным депутат Госдумы РФ ФС Федорова Е.А. Однако доля США в мировом потреблении упорно держится **на уровне 40%** от мирового потребления!?

Таким образом, в основе американской модели открытой экономики, названной «постиндустриальным обществом», движением в сторону т.н. «постиндустриальной революции», «постэкономического общества», лежат идеи глобальной суперэксплуатации всего мира, разделив его на две части: 1) на владельцев «печатной машинки», бесконтрольно печатающей доллары, навязав всему миру силой, обманом и шантажом доллар США в качестве универсального платежного и одновременно резервного средства, обязательного для всех Центральные банки всего современного мира.

Очевидно, что это — грандиозная афёра и мошенничество. Это, наконец, величайшее преступление против всего человечества. Однако до тех пор, пока оно не раскрыто, пока преступников не схватили за руку, они продолжают грабить весь мир, называя красиво этот грабеж и глобальное мошенничество, опирающиеся на военную мощь США, — «постиндустриальным обществом», движением в сторону т.н. «постиндустриальной революции».

В этой связи у меня одни риторический вопрос: неужели наш премьер-министр Медведев Д.А. так примитивен и так необразован, чтобы не понимать всего этого безобразия?! А ведь это именно он постоянно на всех форумах призывает Россию ускоренно строить «постиндустриальное общество», указывая этот тип общества как наш идеал, к которому мы должны стремиться и на который должны равняться. Вот так, ни больше и не меньше.

3.4. Об инвестициях в человеческий капитал в России

Человеческий капитал — это условное понятие, которое характеризуется уровнем интеллектуального, духовного развития, квалификации, профессиональными способностями, приобретаемыми в процессе воспитания, образования и трудовой деятельности. Возросшая роль высококвалифицированной рабочей силы в экономике вызвала опережающий рост вложений в человека (образование, условия жизни, здоровье), то есть в повышение человеческого капитала.

Как оценить нынешнее состояние человеческого капитала России с точки зрения общих критериев и тенденций, возможностей выхода страны на современный уровень развитых стран? Понятие человеческого капитала пока не обрело четких границ — не выработаны и сколько-нибудь полные методы его измерения. **Попыткой решения этого вопроса можно считать индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), применяемый в ООН.** ИРЧП — интегральный показатель, включающий в себя три показателя: **1) уровень жизни, оцененный через ВВП на душу населения (в долларах США) при паритете покупательной способности (ППС); 2) среднюю ожидаемую продолжительность жизни при рождении и 3) индекс образования (уровень грамотности взрослого населения и совокупная доля учащихся в населении).**

Итак, приближенное представление о нынешнем состоянии человеческого капитала России может дать индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), применяемый в ООН для межстрановых сопоставлений.

Максимально возможное значение ИРЧП равно 1, минимальное — 0. Принято считать, что страны с ИРЧП менее 0,5 имеют *низкий* уровень человеческого развития, с индексом в интервале 0,5 — 0,8 — *средний* уровень и с индексом 0,8 и выше — *высокий* уровень развития. В 1993 г., по данным ООН, Россия имела ИРЧП в 0,858 против 0,925 в США и 0,929 в Японии и наряду с десятью другими странами относилась к числу стран с высоким уровнем развития; хотя по среднедушевому уровню ВВП отставала от Японии и США в 4,5 и 5,5 раза¹. По расчетам специалистов Госкомстата, ИРЧП России к 1998 г. снизился до 0,7602, и, таким образом, она перешла в разряд стран со «средним уровнем» развития².

По другим данным **индекс качества развития человеческого потенциала (ИКРЧП)** в России, включая индекс здоровья населения, за 1992—1999 гг. понизился с 0,8482³ до 0,6983⁴. Соответственно, на эту же величину понизилась численность населения России. По мнению Н.П. Федоренко, если бы ИКРЧП в России оставался неизменным, общая численность населения страны была бы к концу 1999 г. больше на 21 %, т. е. на 30,6 млн. человек, и составляла бы 176,3 млн. человек. Потери человеческого потенциала в России по изложенной причине составили в 1992—1999 гг. 30,6 млн. человек, а с учетом естественной убыли и недорода — 48,4 млн. человек⁵.

- **Россия занимает 73 место в списке с индексом ИРЧП = 0,806** (что является довольно высоким показателем, но при этом этот индекс в России на 2008 год хуже, чем в Беларуси и Казахстане). Отчёт [2008](#) показывает, что ИРЧП во всех странах мира растёт, за исключением некоторых стран [постсоветского пространства](#) и [Африки](#). Большая часть данных для отчёта 2008 получена в [2006](#) и ранее. Индекс сильно варьируется по регионам России.

¹ Социальные императивы современной экономики и российские реалии. Институт экономики РАН, М., 1998. — С. 14–15, 37.

² Россия -2015: оптимистический сценарий. М., 1999. — С. 61.

³ См.: Доклад о развитии человеческого потенциала в России. М., 1997. — С. 13.

⁴ См.: Human Development Report. N.Y., 1999. P. 135-160.

⁵ Федоренко Н.П. Россия: уроки прошлого и лики будущего. — М.: Экономика, 2000. — С. 73.

В настоящее время социальные инвестиции в России находятся на катастрофически низком уровне, что ведет к подрыву и разрушению социальной среды обитания людей¹. А её образует жилье и система ЖКХ, ясли и детские сады, школы и библиотеки, больницы и поликлиники. Именно всё это и находится в страшном упадке, деградируя с каждым годом. Так, например, число дневных общеобразовательных учреждений снизилось с 96,9 тысячи в 1970 г. до 67,0 тысячи в 2000 году². Это, конечно, определяется и снижением общей численности населения, но в то же время не может не говорить об отношении государства к образованию. Численность приема учащихся в учреждения начального профессионального образования снизилась с 1252,2 тыс. человек в 1990 г. до 836,9 тыс. в 2001 г., выпуск специалистов государственными средними специальными учебными заведениями уменьшился с 636 589 человек в 1990 г. до 593 242 человека в 2001 г.³.

На фоне общего сокращения численности населения России продолжают ухудшаться показатели здоровья нации и продолжительности жизни. Люди растеряны, деморализованы, не знают, за кем идти. Как показывают опросы общественного мнения, 47 % населения считают себя проигравшими в результате реформ, отмечая их негативные последствия, и только 7 % относят себя к выигравшим от реформ⁴.

Все социальные расходы, по мнению господствующей либеральной школы, считаются непроизводительными, потому что они не создают непосредственно меновых ценностей, а наоборот, их уничтожают (в процессе потребления). На эту догму обычно и ссылаются наши либералы, убежденные в том, что всякие расходы на образование, науку, здравоохранение, культуру, на развитие социальной сферы в целом, включая и ЖКХ, являются, якобы, прямым вычетом из — ВВП, уменьшая производимый валовой и конечный общественный продукты. Рассуждая с позиций частного бизнеса, обособленного от общества, либеральные министры и экономисты утверждают, что работники всех социальных сфер являются, дескать, непроизводительными, так как — они не делают деньги и не производят сиюминутную прибыль. Денежная доходность и прибыльность, как критерии экономической эффективности бизнеса — переносится произвольно на оценку эффективности наемного труда, включая и работников бюджетной сферы?!

Другой догмой является тезис монетаризма о необходимости обеспечивать макроэкономическую стабилизацию общества за счет секвестра социальных расходов бюджета. Практически данный тезис реализуется при помощи монетарного принципа бюджетного ограничения. Однако мировой опыт Запада подтверждает, что доля социальных расходов не может быть

¹ См. подробно: А.А. Олейников, В.В. Чекмарев. Воспроизводство человека как носителя «человеческого капитала» // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. Серия «Экономические науки». Экономика образования. — 2006. — № 4. — С. 3–6.

² Российский статистический ежегодник 2001. Госкомстат. М., 2001, табл. 8.1.

³ Регионы России: Стат. сб. в 2 т. Госкомстат. М., 2002, т. 2, табл. 5.10, 5.15.

⁴ Известия. 2003. 29 июля. — С. 3.

ниже 50% общей величины расходов бюджета¹. В последние годы у нас отмечается как абсолютное, так и относительное снижение доли инвестиций в человеческий капитал, а приоритетной расходной статьей российского бюджета (более трети) является обслуживание государственного долга.

- По мнению ведущих ученых-экономистов РАН РФ, «уже сейчас **доля инвестиций в человеческий капитал почти в два раза ниже доли затрат по обслуживанию долга. В США мы наблюдаем обратное соотношение.** Доля социальных затрат четыре раза выше, чем доля затрат на обслуживание государственного долга. На первом месте в социальных программах стоит медицина. Доля затрат на здравоохранение в бюджете США в 5 раз превышает аналогичную долю в нашем бюджете!»². Наши либеральные министры постарались ликвидировать все социальные субсидии и дотации, ссылаясь на общемировую практику перехода к рыночной экономике³.

Следует упомянуть и другой либеральный стереотип, будто бы дотации — это всегда вычет из доходной части бюджета. Но этот тезис противоречит реальной практике, которая показывает, что система дотаций к заработной плате могла бы стимулировать рост производства, снижение издержек, повышение конкурентоспособности отечественной продукции, увеличивая занятость и уменьшая социальную напряженность в обществе. Об этом свидетельствуют результаты экспериментальных расчетов, выполненных под руководством В.Ф.Пугачева в Центральном экономико-математическом институте (ЦЭМИ) РАН. Доказано, что использование стимулирующей системы дотаций к заработной плате позволяет изменить устоявшееся представление о нецелесообразности сохранения значительной части предприятий, считающихся сегодня убыточными⁴. Если на таких предприятиях производится полезная, с точки зрения потребителя, продукция, то во многих случаях их стоит дотировать, а не закрывать. В СССР вообще около 20% всех предприятий страны были **планово-убыточными**; а это означало, что государство дотировало выпуск общественно-полезной продукции, рассматривая деятельность таких предприятий с *народнохозяйственных* позиций, применяя для их оценки их критерии *народнохозяйственной* эффективности.

Очевидно, что государство должно оказывать поддержку не только убыточным, но и вообще всем национальным предприятиям, помогая им выдерживать жесткую конкуренцию со стороны мирового рынка. Кроме этого, государство обязано оказывать материальную и социальную поддержку всех малоимущих, а также и тех, людей, участие которых в продуктивной деятельности невозможно (либо полностью либо частично). В первую очередь это — престарелые, инвалиды, лица, находящиеся на излечении, дети и молодежь, еще не готовые к самостоятельной работе. И здесь общество не может обойтись без системы перераспределения доходов. Подобная система использования совокупного дохода позволяет обеспечивать наилучшие демографические параметры воспроизводства и формирования кадров для дальнейшего

¹ Путь в XXI век: стратегические проблемы и перспективы российской экономики/ Под ред. акад. Д.С. Львова. — М., 1999. — С. 34.

² Путь в XXI век. С. 35.

³ Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация. — С. 481.

⁴ См.: Пугачев В., Пителин А. Экономическая политика при избытке трудовых ресурсов занятости // Экономика и математические методы. — 1998. — № 6. Т. 34. Вып. 2.

прогресса экономики. Практика ряда западных стран по введению гарантированной выплаты всем гражданам прожиточного минимума показывает, что это не плодит лентяев и тунеядцев, не снижает активности населения в обучении, переподготовке и трудоустройстве¹.

Следует также упомянуть, что воспроизводство «человеческого капитала» немыслимо без воспроизводства профессиональных качеств работников, способных функционировать в качестве непосредственных производителей. А решение этой проблемы включает в себя развитие целого ряда взаимосвязанных воспроизводственных программ, почти полностью уничтоженных (разрушенных) либеральными правительствами: 1) воспроизводство профессиональной структуры рабочей силы, и научно-технических кадров и 2) воспроизводство профессиональных управленцев.

- 1) **Производство профессиональной структуры рабочей силы** — решается на основе общенациональной системы профессиональной подготовки кадров. В России эта система разрушена, причем сознательно².
- 2) **Воспроизводство научно-технических кадров** — сегодня эта проблема в России грозит перерасти скоро в катастрофу, и это понятно: нищенские вложения в науку и нищенские заработки ученых приводят к «вымыванию» научных кадров, к разрушению целых научных школ, создававшихся десятилетиями³.
- 3) **Воспроизводство профессиональных управленцев** — сегодня большинство наших высших менеджеров, включая и государственных управленцев из кабинета министров, являются специалистами по продажам и по финансам, будучи ориентированными только лишь на достижение конечного финансового результата в виде денежной (экономической) прибыли, выражающейся в наличности⁴.

В России проблема подготовки квалифицированных рабочих, научно-технических и управленческих кадров стоит очень остро. Система профтехподготовки, почти полностью уничтоженная в 1990-е гг., начинает воссоздаваться вновь, сдерживая экономическое развитие. Сегодня уровень профес-

¹ Сухотин Ю. Потенциал экономической теории. — М.: Наука, 1989. — С. 100-101, 104-105.

² В начале 90-х годов только 3% работников не имели законченного среднего образования. Высшее образование имело 20% рабочей силы (Звягинцева Э.П. Социальное государство, сфера образования и их экономическая взаимообусловленность // Вестник КГУ им Н.А. Некрасова. Экономика образования. — 2005. — № 8. — С. 58). В 2006 г., по данным бывшего премьер-министра, депутата ГД ФС РФ Н.И. Рыжкова, доля высококвалифицированных рабочих в стране составляет всего 3% в общем объеме совокупной рабочей силы, в 2003 году было 5% // ТВЦ. Момент истины. — 30.06.06.

³ Утечка человеческого капитала из России за последние 10 лет достигла не менее 1 млн. человек. Ущерб особенно велик для ведущих научных центров и университетов. Так, например, МГУ имени М. В. Ломоносова, согласно опубликованным данным, потерял от 10 до 20% своих лучших ученых (Звягинцева Э.П. Социальное государство, сфера образования и их экономическая взаимообусловленность // Вестник КГУ им Н.А. Некрасова. Экономика образования. — 2005. — № 8. — С. 59).

⁴ Так, например, в Министерстве здравоохранения и социального развития, по данным президента РАМН М. Давыдова, 98% всех чиновников не имеют медицинского образования. Результаты их «финансовой» работы налицо: рост цен на лекарства привел к тому, что сегодня мы можем купить примерно в 3 раза меньше лекарств, чем до принятия ФЗ-122; б) в СССР мы производили 400 тонн антибиотиков, а теперь всего несколько килограмм; в) примерно 98% всех лекарств в розничной продаже являются импортными (ТВЦ. 21 кабинет. — 18.06.06). Борис Грызлов, лидер фракции «Единая Россия» в ГД РФ уточнил: сегодня мы производим только 1% всех продающихся лекарств, а в СССР доля отечественных лекарств составляла 60%. По его данным, 1 рубль инвестиций в фармацевтическое производство дает 30 рублей отдачи, но не сразу, а через — 10 лет (ТВЦ. Постскрипtum. — 1.07.06) Другими словами, в управлении страной должны находиться люди со стратегическим мышлением, а не финансисты, ориентированные на сиюминутную прибыль.

сионального и высшего образования в России упал до критической отметки, в целых отраслях не осталось квалифицированных кадров или их потребность удовлетворена не более чем на 50 %¹.

Однако проблема заключается не только в количестве, но и в качестве подготовки работников. Прирост рабочей силы, обеспеченный за счет малообразованных иммигрантов, чуждых российской культуре, выходцев из неблагополучных семей и т.д., не будет соответствовать требованиям экономики знаний и качеству будущего общества. С другой стороны, сегодня большинство наших высших менеджеров, включая и государственных управленцев из кабинета министров, являются выпускниками либеральных вузов, пройдя соответствующую подготовку и будучи ориентированными лишь на достижение конечного финансового результата в виде денежной (экономической) прибыли, выражающейся в наличности. Очевидно, что менеджер по продажам и по финансам не может управлять грамотно национальным хозяйством.

В контексте всего вышеизложенного будет логичной постановка следующего риторического вопроса: способна ли вообще капиталистическая система хозяйствования обеспечить нормальные условия для воспроизводства человека и народа в целом?

3.5. СПОСОБНА ЛИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ ОБЕСПЕЧИТЬ НОРМАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ДЛЯ ВОСПРОИЗВОДСТВА РАБОЧЕЙ СИЛЫ?

Очевидно, что ответ на этот вопрос имеет сегодня — для капиталистической России — сугубо практическое значение. **Либеральная модель потерпела в России сокрушительный крах, обрушив экономику и жизненный уровень населения.**

Однако неолиберальная модель американского капитализма до сих пор воспринимается целым рядом учёных и политиков как модель для подражания. И самая главная проблема заключается в том, что в России налажено массовое воспроизводство управленческой элиты (силами Высшей школы экономики — кузницы либеральных кадров), которая, закончив либеральные вузы и получив соответствующие знания об экономике и хозяйстве страны, затем приступают фактически к уничтожению нашего национального хозяйства и нашей национальной культуры, включая и всю социальную сферу. Я уже приводил выше мнение аналитиков Центра научной и политической мысли и идеологии (Центр Сулакшина), утверждающих небезосновательно, что , «**самая большая угроза для национальной безопасности страны в современной России заключается в её собственном государственном управлении**»².

¹ Казанцев В.О. Приоритетные национальные проекты. — М.: Вагриус, 2007. — С. 44.

² Вебинар с Сулакшиным Степаном Степановичем Тема: "Явление диверсионного государственного управления". Выпуск №3. 3 июля 2014 г. // http://www.youtube.com/watch?v=ol_JQVntrr8.

Итак, либерализация наступает, втягивая в себя принципиально нерыночные сферы, в частности, сферу образования. Среди специалистов министерства образования РФ существует убеждение, что, дескать, только рыночные реформы могут «спасти» сферу образования и решить проблемы подготовки высококвалифицированных кадров, необходимых нашему народному хозяйству. Однако если возобладает рыночный путь реформ образования и социальной сферы в целом, то мы окажемся неспособными решать технические и прочие задачи, которые будет выдвигать перед страной необходимость геополитической борьбы за экономическую безопасность и макроконтентоспособность всего национального хозяйства. Итак, возвращаясь к поставленному здесь вопросу, мы не можем дать на него утвердительный ответ, принимая во внимание следующие принципиальные обстоятельства.

Во-первых, рыночная экономика порождает отчуждение непосредственных производителей от условий, средств и продуктов своего труда. Вся западная социал-демократия стремится преодолеть данный порок капитализма, имманентно присущий ему, развивая в этих целях с середины 60-х гг. XX в. экономические реформы, направленные на развитие производственной демократии, а «мы», отказываясь от советского наследия, отказываемся также и от богатого наследия западной социал-демократии.

Для Маркса отчуждение в процессе труда — отчуждение от продукта труда и условий труда — неразрывно связано с отчуждением человека от себя самого, от других людей и от природы. «Непосредственным следствием того, что человек отчужден от продукта своего труда, от своей жизнедеятельности, от своей родовой сущности, является *отчуждение человека от человека*»¹. Отчужденный человек не только чужд другим людям, он лишен человечности, как в естественном, природном, так и в духовном смысле. Такое отчуждение от человеческой сущности ведет к экзистенциальному эгоизму, которым Маркс определяет превращение человека в «средство своего индивидуального существования». В отчужденном труде человек лишается даже своего тела и окружающей природы, а также своего духовного «Я», себя самого как человеческого существа. Именно поэтому, пишет Фромм, отчужденность работника от труда «можно преодолеть лишь в том случае, если он перестанет быть наемником капитала, если он не будет объектом приказаний, а станет ответственным *субъектом, нанимающим капитал*. Здесь принципиальное значение имеет *не собственность на средства производства, а участие в управлении и принятии решений*»².

Характеризуя различные формы социал-демократического устройства общества, стремящегося преодолеть отчуждение, Эрих Фромм предлагал называть их «**коммунитарным социализмом**». Он подчеркивал, что цель всех этих форм социализма «состояла в создании такой организации промышленности, в которой *каждый работающий индивид был ее активным и ответственным участником, где работа была бы привлекательной и*

¹ Маркс. К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. — С. 97 (курсив автора — А.О.).

² Э. Фромм. Здоровое общество // Фромм Э. Мужчина и женщина. — М.: Издательство АСТ, 1998. — С. 415 (курсив автора — А.О.).

осмысленной, где не капитал бы нанимал труд, труд — капитал»¹. Он также указывал на то, что «пока люди в процессе труда на ощущают себя членами самоуправляющейся общины рабочих, они по сути остаются рабами, при какой бы политической системе они ни жили». Самоуправление в промышленности, подчеркивал Фромм, является условием политической свободы и поэтому «оно должно ей предшествовать»².

Во-вторых, рыночная экономика разрушает личность. Так, например, преподаватели Швейцарского университета, граждане Германии и Люксембурга Герхард Ломан и Ги Кирш, являясь сторонниками рынка и представителями самых благополучных в материальном отношении стран, в своих докладах на федеральном семинаре Московской школы политических исследований утверждали, что **«рыночная экономика не работает при слишком большом внимании к личности. Индивид, становясь частью спроса, не может быть уникален. Либеральная экономика вообще не в состоянии решать подобные проблемы»**³.

Эти проблемы исследованы в работах Э. Фромма⁴, Г. Маркузе⁵ и других представителей Франкфуртского института социологических исследований (М. Хоркхаймера и Г. В. Адорно). Маркузе характеризовал западное общество как «одномерное общество», в котором все люди наделены одинаковым «одномерным мышлением». Такое общество он считал репрессивным обществом. Именно оно порождает одномерного человека, а подавляемый человек воспроизводит отношения принуждения. Социальный характер человека является порождением соответствующего образа жизни, соответственно, либеральное общество воспроизводит человека с рыночным характером⁶. Заслуга Фромма, сформировавшего теорию фрейдомарксизма, а также Маркузе, Хоркхаймера и Адорно заключается прежде всего в том, что они исследовали неразрывную связь либерализма с авторитаризмом и тоталитаризмом, характеризуя типичного западного человека как авторитарную личность, обладающую тоталитарным характером. Именно они указали на однотипность социального характера Лютера, Кальвина и Гитлера⁷.

Вслед за Фрейдом Фромм ставил вопрос о патологическом извращении сути общества на Западе. Говоря о болезненных проявлениях общества, Фромм констатирует, что речь идет о «патологии нормальности», т. е. о **патологии, возведенной обществом в ранг всеобщей нормы**⁸. Яркими примерами этого являются — современные МРОТ и зарплаты всех бюджетных работников, стипендии, ежемесячные пособия на рожденного ребенка и

¹ Там же. — С.382 (курсив автора — А.О.).

² Там же. — С. 382-383.

³ Мацук Т. Рынок понижает спрос на человеческую уникальность // Известия. 10.10.1998.

⁴ Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990; Фромм Э. Душа человека. М., 1992.

⁵ Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе; гр. с англ., Послесл., примеч. А.А. Юдина; Сост., предисл. В.Ю. Кузнецова. — М.: Издательство АСТ, 2002.

⁶ См. подробно: Фромм Э. Иметь или быть? — М., 1990. — С. 152-158.

⁷ См. Давыдов Ю. Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология: Актуальные проблемы веберовского социологического исследования. В пер. — М.: Мартис, 1998. — С. 276-282.

⁸ См.: Фромм Э. Здоровое общество. — С. 145, 450-451.

т. д. Наше общество, безусловно, является больным, ненормальным. Но не следует забывать, что оно является всего лишь слепком с т. н. «нормального» западного общества.

В-третьих, происходящая неолиберальная глобализация в социальном смысле означает движение в обратном направлении: она возвращает западный мир к социальным антагонизмам, характерным для индустриального капитализма, который был основан на жестком отчуждении работника от условий, средств и продуктов своего труда. В странах Запада уходит в прошлое так называемая экономика партнерства 1960—70-х гг., которую французский социолог Ф. Перру удачно назвал **экономикой солидарности**¹. Она предполагала разностороннее участие персонала компании в прибылях, акционерном капитале и, частично, на микроуровне, в управлении. Этот тип экономики сложился на Западе в 1960—70-х гг., но не столько в результате стабильного экономического роста тех лет, сколько под влиянием идеологического противостояния с мировой системой социализма и, прежде всего с СССР.

Копируя американскую модель постиндустриальной «рыночной экономики», мы обрекаем наш народ на систему скрытого рабства, при которой рост производительности и корпоративной эффективности будет достигаться при помощи увольнений и экономии на оплате труда. В этом, кстати, и заключается суть индустриального капитализма, к которому стремится вернуть западное общество неолиберализм. Характеризуя форму рабского труда или крепостничества, Маркс писал: «работник относится как собственник только к жизненным средствам, находит их как природное условие работающего субъекта, не относясь ни к земле, ни к орудиям, а стало быть и к самому труду, как к своим собственным. Эта форма по сути дела является формулой рабства или крепостничества...»². Маркс поясняет, что сам труд здесь «причисляется к объективным условиям производства»: «сами работники, сами живые носители рабочей силы еще непосредственно принадлежат к объективным условиям производства и присваиваются в качестве таковых,— стало быть, являются рабами или крепостными. Для капитала условием производства является не рабочий, а только труд. Если капитал может заставить машины, или даже воду, воздух, выполнять работу, тем лучше. И присваивает он не рабочего, а его труд, притом не непосредственно, а посредством обмена»³.

Сегодня эта форма труда существует в скрытых формах, как скрытое рабство. В России присутствуют следующие факторы скрытого рабства: а) нищенская зарплата работников, сравнимая по размеру с содержанием, которое получали рабы от своих рабовладельцев; б) хронические задержки с выплатой зарплаты; они означают, что фактически несколько месяцев в году работники работают бесплатно.

¹ См.: РЭЖ. — 1998. — № 2. — С. 96.

² Маркс К. Экономические рукописи 1857—1861 гг. (Первоначальный вариант «Капитала»). В 2-х ч. Ч. 1. — М.: Политиздат, 1980. — С. 496.

³ Маркс К. Указ. Соч. — С. 494, 496 (курсив автора — А.О.).

В-четвертых, неолиберальная глобализация возвращает западный мир не к эпохе индустриального капитализма: движение в обратном направлении в действительности является чудовищной регрессией — возврат к эпохе меркантилизма.

К концу XX в. западный капитализм превратился в глобальную торгово-финансовую систему, нацеленную на производство денег и денежных ценностей как таковых. В этом, собственно, и заключается суть меркантилизма. В странах Запада стремительно развивается процесс деиндустриализации: многие крупные компании переносят целые заводы в развивающиеся страны Юго-Восточной Азии, Африки или Латинской Америки. Главным критерием является — дешевизна рабочей силы. Одновременно значительная часть капиталов западных ТНК вкладывается в спекулятивно-денежный оборот. Сотни крупных компаний сами заботятся о своих кредитах, выпуская международные займы. Многочисленные корпорации уже давно сами себе банкиры. Г.-П. Мартин и Х. Шуман приводят в книге «Западная глобализация» в качестве примера компанию Siemens, которая на финансовых сделках зарабатывает больше, чем на своей известной продукции.

Итак, суть капитализма и его основных законов, включая и всеобщий закон капиталистического накопления, остается неизменной. Сошлёмся, в частности, на выводы, сделанные В.Л. Иноземцевым¹:

1. Современный этап постэкономической трансформации «... ознаменовался также резким ростом имущественного неравенства, которому, как можно было бы предположить, надлежало снижаться в условиях становления более гуманного общества».

2. «Возникающее социальное деление и сопровождающий его конфликт могут оказаться более опасными и, по крайней мере, более сложно изживаемыми, чем социальные проблемы буржуазного общества».

3. «Резкий прорыв на пути формирования основ нового, постэкономического общества сопровождается его поляризацией — как в аспекте нового классового противостояния, возникающего между людьми различных ценностных ориентаций и разного интеллектуального уровня, так и в аспекте имущественного расслоения, приближающегося к опасной для социальной стабильности черте».

4. Становление постэкономического общества одновременно «приводит как к ухудшению материального положения, так и к росту болезненного самосознания особо отчужденного класса», а «нарастающее неравенство в распределении общественного богатства представляет собой одну из самых характерных тенденций конца XX века».

Таким образом, капиталистическая система хозяйствования не способна обеспечить нормальные условия для воспроизводства рабочей силы. Данный вывод подтверждается не только экономической теорией, но также и практикой капиталистического развития современной России.

¹ Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. — С. 444, 446, 449, 450, 451.

§ 4. Проблемы воспроизводства общества посредством воспроизводства укладов жизни, образа жизни и среды обитания человека

В структуре производительных сил нации ведущую роль играют именно духовные силы народа — его дух, его воля и устремлённость в будущее, его морально-политическое единство и сплочённость вокруг общенациональных традиций и ценностей. Именно совокупность этих факторов формирует движущие силы национально-хозяйственного строительства, преобразуя нацию из объекта в субъект геополитики и мирового хозяйства.

4.1. ПРОИЗВОДСТВО ЧЕЛОВЕКА КАК НОСИТЕЛЯ ДУХОВНЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИЛ

Нация способна существовать до тех пор, пока у нее будут существовать и воспроизводиться духовные силы, лежащие в основе движущих сил национально-экономического развития любой нации. Отсюда понятно, что процесс воспроизводства человека не ограничивается техническими аспектами воспроизводства рабочей силы, включая и управленческие кадры. Данный процесс всегда является социализацией. Социализация — это процесс передачи всего комплекса знаний об обществе от взрослых поколений будущим молодым специалистам¹. Социализация основана на солидарности прошлых, настоящих и будущих поколений, на уважении национального предания, национальных традиций и святынь. Другими словами, суть социализации заключается, чтобы передать подрастающему поколению ту систему культурных национальных ценностей, усвоив которую молодой человек, родившийся и живущий в Германии, становится немцем, во Франции — французом, а в России — русским².

Социализация как образовательный процесс является одновременно и производственным процессом, создающим человека как носителя культуры и духовных жизненных сил. Наши либеральные ученые наверно удивятся,

¹ «Социализация — это процесс деятельности по усвоению человеком определенной культуры как системы знаний, норм и ценностей, позволяющих ему функционировать в качестве равноправного партнера в обществе», — утверждает профессор Г.В. Задорожный, д.э.н. и действительный член Международной кадровой академии (Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина). — Экономическая теория на пороге XXI века — 5: Неоэкономика / Под. ред. Ю.М.Осипова, В.Г. Белолипецкого, Е.С.Зотовой. — М.: Юрист, 2001. — С. 111.

² Л.М. Гумилев, автор теории этногенеза (происхождения наций), подчеркивал в своих работах, что такие понятия, как «немец», «француз», «англичанин», «китаец» или «русский» относятся к наднациональным категориям. В их основе лежит духовное, а не кровное родство. Француз, например, это человек, впитавший в себя культуру бретонских *кельтов*, *гасконцев* баскского происхождения, *лотарингцев* — потомков алеманов, *провансальцев* — самостоятельного народа романской группы, *бургундов*, *норманнов*, *аквитанцев* и *савояров*. Немцы и англичане также сформировали свои нации в результате многовекового этногенеза, в процессе которого слились в единый этнос свыше пяти-шести субэтносов. — См., например: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. — СПб.: «Кристалл», 2001. — С. 78-132; Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало: Популярные лекции по народоведению. — М.: Рольф, 2002. — С. 32-36.

узнав, что проблему «производства самого человека» впервые исследовали советские ученые, опираясь на теоретическое наследие основоположников марксизма. Напомню, что наиболее чётко этот подход был сформулирован Энгельсом в предисловии к книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Он пишет: «Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является, в конечном счете, производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно, опять-таки, бывает двоякого рода. С одной стороны — производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий, с другой — производство самого человека, продолжение рода»¹. Отношения по поводу производства материальных, отмечает Карл Маркс, есть «отношения, в которые вступают люди в своем общественном жизненном процессе, в производстве своей общественной жизни...»².

Научная постановка проблемы всегда принципиальна важна. Однако, обозначив правильно саму проблему, К. Маркс и Ф. Энгельс так и не смогли приступить к ее теоретической разработке. В дальнейшем это было сделано советскими и современными русскими учеными-философами, о чем мы уже говорили, рассматривая вопросы духовного производства в первой главе. Так, например, Е.Т. Бородин верно указывает на то, *«что накопление и передача опыта поколений должны пониматься как специфический процесс производства человеческих сил. Человеческие силы и человеческие способности мы рассматриваем как понятия равнозначные. Под человеческими силами подразумевается вся совокупность духовных и физических способностей человека (людей), посредством которых осуществляется человеческая жизнедеятельность, т. е. деятельность во всех сферах общественной жизни, человеческие силы почти всегда находятся в движении, в состоянии функционирования»*³.

Е.Т. Бородин предлагает рассматривать в данном производственном процессе предметно зафиксированный опыт других людей — в качестве средства производства человеческих способностей. Он не просто «усваивается» или «присваивается», а используется как средство развития способностей индивида. Здесь мы имеем в основе своей не процесс потребления, а творческий и созидательный процесс, направленный на развитие человеческих способностей. Понятие «производство человеческих способностей» указывает на активный характер процесса, протекающего в соответствии со специфическими социальными законами. Развитие человеческих способностей не может осуществляться как пассивный результат воздействия извне. Производство человеческих сил — это всегда процесс их саморазвития, самопроизводства. Особое значение имеет применение человеческих способностей в виде рабочей силы. Последняя, как известно, представляет собой совокупность физических и духовных способностей человека, которые используются

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. — С. 25-26.

² Там же. Т. 25. Ч. II. — С. 450.

³ Бородин Е.Т. Природное и общественное воспроизводство: Постигание марксизма и преодоление его противоречий. — М.: Издательство «Познавательная книга Пресс», 2003. С. 52 (курсив автора — А.О.).

им в процессе создания материальных ценностей. Однако изучение всего процесса общественной жизни показывает, что воспроизводству подлежат не только способности людей создавать материальные блага, т. е. рабочая сила, но и другие способности¹. Как справедливо заметил Р.М. Нижегородцев, «человек сам становится одним из видов сырья, подлежащего целенаправленной обработке. Таким образом, не только сферу науки, но и сферу образования в наши дни можно рассматривать в качестве неотъемлемого "нулевого цикла" каждого производственного процесса»². Этой проблеме посвящено специальное диссертационное исследование В.А. Носкова «Высшая школа в системе общественного воспроизводства»³. Автор справедливо констатирует «становление новой социальной реальности, в которой образование представляет как фактор её формирования. Можно полагать, что «новая экономика» рождается теми жизненными силами, к которым следует отнести мотивацию качества жизни и получения образования вне проблемы трудоустройства, в контексте стимула к продуктивной деятельности»⁴.

Производство рабочей силы состоит в воспроизводстве самого индивидуума. Производство и воспроизводство способностей создавать материальные блага, а значит, и всех способностей человека, — не просто естественный, биологический процесс. Здесь так же, как и в производстве общественного продукта, люди действуют целенаправленно. Другими словами, духовные и физические способности используются людьми не только для создания материальных ценностей, но и в деятельности по поддержанию, восстановлению и развития своих сил, способностей.

Е.Т. Бородин предлагает определить человеческую силу, затрачиваемую на ее собственное воспроизведение, как жизненную силу. *«Под жизненной силой мы понимаем те духовные и физические способности людей, которые используются ими для производства и воспроизводства всех своих способностей, т. е. силы, затрачиваемые на самообслуживание и самообразование, на обучение, на восприятие произведений искусства и т.д.»*, — пишет автор, подчеркивая, что *«жизненные силы — это не только способность к саморазвитию каждого индивида в отдельности, но и способность осуществлять духовное развитие других людей путем «организации» потока информации, т.е. прежде всего путем создания произведений науки и искусства и использования этих произведений в воспитательном процессе»*⁵.

Автор правильно указывает на то, что производство человеческих способностей складывается из восстановления, сохранения и развития сил взрослых и индивидов и развития способностей подрастающего поколения (новых человеческих сил), за счет которых возмещается естественная убыль и обеспечивается расширенное воспроизводство человеческих сил. Позиция

¹ См.: Бородин Е.Т. Указ соч. — С. 52.

² Нижегородцев Р.М. Воспроизводство научно-технической информации в современных экономических системах: Автореф. дис... докт. ... наук. — Кострома, 2002. — С. 20.

³ Носков В.А. Высшая школа в системе общественного воспроизводства: Автореф. дис... докт. ... наук. — Кострома, 2003.

⁴ Носков В.А. Указ соч. — С. 32.

⁵ Бородин Е.Т. Указ соч. — С. 54–55 (курсив автора — А.О.).

автора, предлагающего расширить структуру производительных сил, включив в нее «производительные силы второго рода производства — производства человеческих сил, а значит, и производства всей общественной жизни», по сути, почти полностью совпадает с концепцией «ассоциации производительных сил» Ф. Листа, т. е. с цивилизационным подходом к анализу национального хозяйства.

Жизненная сила и биологическая природа человека играет в производстве человеческих сил такую же роль, как орудия и предметы труда в производстве материальных благ, т. е. являются средствами производства человеческих сил. Производительными силами производства второго рода являются средства производства (жизненные силы и биологическая природа человека как предмет производства) и жизненные средства (предметы потребления — пища, одежда, жилище и т. п.), с помощью которых осуществляется процесс восстановления и развития человеческих сил.

Данный тип производства включает в себя не только систему профессионального обручения, но и всю сферу образования в целом, а также науку, культуру, другие подразделения духовного и социального производства¹. Например, в области медицины особенно наглядно просматриваются простые моменты процесса производства человеческих сил: 1) деятельность врача и медперсонала; 2) предмет деятельности — больные (либо здоровые, проходящие профилактический осмотр) люди, их биологическая природа; 3) орудия деятельности в виде медикаментов и медоборудования².

Итак, в обществе имеют место производство не только материальных благ, но и человеческих духовных сил, взаимодополняя друг друга и образуя в совокупности процесс воспроизводства общественной жизни, результатом которого выступает само общество и сам человек в его общественных отношениях. При этом материальное производство в данном воспроизводственном процессе выступает в этом лишь как момент хозяйственного движения. Другими словами, материальные условия труда и предметные воплощения процесса производства, а также сами продукты труда — все эти элементы производственного процесса являются моментами метавоспроизводства, целью которого и конечным продуктом является общество, воплощённое в конкретных людях, этносах, народе, нации. Другими словами, все индивиды как члены общества, вступая в социокультурные и социохозяйственные взаимоотношения, как воспроизводят, так и производят их заново, — образуют постоянный этнодинамический и социохозяйственный процесс движения, в котором они «обновляют самих себя в такой мере, в какой они обновляют создаваемый ими мир богатства»³.

¹ См.: Бородин Е.Т. Указ соч. — С 55.

² «Ясно, что в своих специфических формах здравоохранение участвует в создании, сохранении и развитии человеческой энергии, этой основы способности человека к труду. Здравоохранение участвует в материальном производстве, понимаемом в самом широком смысле. Более того, оно обладает всеми качествами самостоятельной отрасли народного хозяйства, которой присущи специфика и единство труда, рабочей силы, процесса, предмета и продукта труда». — Гойло В.С. Здравоохранение и общественное воспроизводство // Медицинская газета, 1966. 20 мая.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. II. — С. 222.

4.2. МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА РАБОЧЕЙ СИЛЫ

В мире существуют не только два противоположных типа общества, но и два типа капитализма: 1) англосаксонский вариант западного капитализма и 2) азиатский вариант восточного капитализма¹. Второй тип капитализма развивается на основе ценностей восточной культуры: коллективизма, взаимозависимости, солидарности, долга, служения, уважения иерархии и авторитета государственной власти, сильного государственного вмешательства, стремления к созданию социально однородного общества и пр.

Соответственно, существуют и два механизма воспроизводства рабочей силы, а также два типа рабочих и менеджеров-управленцев. Говоря о принципиальных отличиях двух типов капитализма, основатель компании «Хонда моторс» Такео Фудзикава подчеркивает: «Японская и американская системы управления одинаковы на 95% и отличаются во всех важных пунктах»². Очевидно, что различия касаются не столько технических, сколько организационно-мировоззренческих аспектов функционирования двух хозяйственных систем, проявляясь в разных образах жизни, а также в разных методах подготовки рабочей силы и управления предприятиями³.

Столкнувшись с «японским вызовом», многие американские компании к началу 1980-х гг. стали заимствовать более передовой японский опыт, перестраивая свои организационные структуры управления на основе принципов коллективизма, применяя бригадную организацию труда и оплаты, переходя широко к производственному самоуправлению, присущему японскому капитализму.

Так, проведенное в 1986 г. обследование 1600 американских компаний показало, что более 8 % из них использовали самоуправленческие структуры. По мнению американских ученых-управленцев групповой подход к организации работ позволял повысить производительность от 60 до 600 %⁴. Американцы приглашали в Америку японских ученых-управленцев, предоставляя им свое гражданство; именно так в Америке появилась в 1981 году передовая

¹ Олейников А.А. Методологические основы современной экономической теории (Методология системного политико-экономического анализа национального хозяйства): Научное издание. — Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова; Кострома: КГУ им. Н.А Некрасова, 2006. — С. 18–36, 101–104; Олейников А.А. Политическая экономия национального хозяйства. — М.: Институт русской цивилизации, 2010 — С. 427–437.

² Грейсон Ч.Дж, и О'Делл К. Американский менеджмент на пороге XXI века: Пер с англ. — М.1991. — С. 312.

³ Затрагивая эту проблему, Ли Якокка пишет в своей автобиографии «Карьера менеджера»: «Как японцам удалось создать такие хорошие автомобили? Все начинается с рабочих... производительность труда японских рабочих выше чем у нас. Я не говорю, что они квалифицированнее, нет, просто они работают на основе иной системы правил... Если позиция японского рабочего выражается вопросом «чем я могу помочь», позицию американского рабочего чаще всего характеризует отговорка "это не мое дело". Японские профсоюзы осуществляют свою деятельность в тесном сотрудничестве с администрацией. Каждая сторона понимает, что ее судьба зависит от успеха другой. Отношения между рабочими и администрацией покоятся на принципах сотрудничества и взаимного уважения. Они резко отличаются от отношений антагонизма и взаимной подозрительности, давно ставших традицией в нашей стране...». — Якокка Л. Карьера менеджера: Пер. с англ. / При участии У.Новака; Общ. ред. С.Ю.Медведкова. — М.: Прогресс, 1990. С. 353–354 (выделено мной — А.О.).

⁴ Грейсон Ч.Дж, и О'Делл К. Американский менеджмент на пороге XXI века.— С. 133.

теория управления «Теория Зет» («Theory Z»), положившая начало новому направлению в американском менеджменте — разработке проблем «человеческих отношений» в рамках управленческой школы «качества трудовой жизни»¹, которая, в свою очередь, обязана своим появлением «японскому вызову». Автором её стал американец японского происхождения профессор У.Оучи². Именно У.Оучи разработал организационную модель для компании «ИБМ» и ряда других американских гигантов бизнеса. Среди совместных американо-японских деловых проектов нельзя не упомянуть известный проект «Сатурн» (завод «Сатурн» компании «Дженерал моторс» в Спрингфилде, штат Теннесси). Это была новая организационная модель, полностью основанная на системе производственного самоуправления: завод получил оперативную самостоятельность, его работники были переведены на оклад, составляющий 80 % суммы, обычно получаемой членами профсоюза на других предприятиях компании, а остальные 20 % они стали зарабатывать в зависимости от своего вклада в прибыль компании, участвуя в его коллективном управлении³.

Американские компании стали преобразовывать свои организационные структуры на основе коллективной организации труда и оплаты, используя для этого форму бригадной работы, другие формы участия в управлении и в капитале компании. Известный американский специалист по вопросам управления Р. Уотермен считает, что **«серьезным препятствием на пути перемен и обновления служит позиция мы / они**, которая ведет к расколу организации. Подход **мы/они** распространен повсеместно. Самый очевидный пример — противостояние рабочих и администрации. Затем можно назвать классический пример между линейными и функциональными руководителями. Сбыт и производство... Общей чертой такого раскола является утрата связей. Доверие исчезает — или же так никогда и не возникает. В результате организация попадает в тупик»⁴. Для преодоления данного раскола американские компании с 80-х годов прошлого века стали практиковать различные формы коллективной работы, стремясь перейти от философии контракта (модель «мы / они») к философии общей судьбы (модель «мы»)»⁵.

Экономика восточного капитализма функционирует на основе принципов, имеющих в целом нерыночный характер. А это означает, что она функционирует как командная экономика, т. е. экономика, организуемая и кон-

¹ Эти проблемы в Америке стали разрабатываться уже в 70-х гг. в рамках таких общественных и частных организаций, как Национальный центр качества трудовой жизни, Институт труда Америки, Огайский центр качества трудовой жизни. — См.: Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента: Пер с англ. — М., 1993. — С. 583.

² См. сокращенный перевод для научных библиотек книги Ouchi, William. Theory Z. New York. «Avon Books», 1982.: Оучи У. Методы организации производства: японский и американский подходы. — М.: «Экономика», 1984.

³ Грейсон Ч.Дж. и О' Делл К. Указ соч. — С. 219-220.

⁴ Уотермен. Р. Фактор обновления: Как сохраняют конкурентоспособность лучшие компании. — М.: Прогресс, 1988. — С. 207.

⁵ См. подробнее о двух противоположных моделях основного производственного отношения: Олейников А.А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства: Учебное пособие. В 2-х частях. Ч.1. — М.: ТЕИС, 2006. — Глава 2, § 3. Две модели основного производственного отношения и две философии хозяйствования. — С. 76–81.

тролируемая государством в целях обеспечения потребностей всех членов общества. Именно такой характер имеет экономика, например, Японии и Южной Кореи. Первичным здесь является культура, т. е. система фундаментальных традиций и ценностей, на основе которых формируются принципы государственной идеологии и соответствующий институциональный механизм, приводящий в движение национальное хозяйство.

4.3. ВОСПРОИЗВОДСТВО ОБРАЗА ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Известно, что К. Маркса и Ф. Энгельса выступали против сведения производства к процессу создания одних лишь вещей. В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривают производство собственной жизни, а также жизни других, — как три стороны, три совместно существующих момента общественного производства, социальной деятельности. Что касается производства жизни (как собственной, так и чужой), то оно с самого начала выступает двояким отношением: естественным и общественным¹. Очевидно, что человек не может существовать, не производя и не хозяйствуя. Очевидно и то, что труд человека и его хозяйство изначально имеют общественный характер, будучи направлены на создание общественного богатства².

Индивидуальный труд отдельного человека в рамках малых и больших экономических систем является частью общественного (совокупного) труда, характеризуя человека как совокупного работника, а его труд — как часть общественного труда. Выполняя особенный, качественно определенный труд, люди вступают в общественную связь, которая является предпосылкой производства, а труд отдельного человека выступает непосредственно как функция члена общественного организма. В результате затраты индивидуального труда несут в себе собственно, общественную сущность, ибо они расходуют свои индивидуальные силы как одну общественную силу.

Итак, труд, выступающий как трата человеческой рабочей силы вообще, выводит на сущность человека, на общественного человека. К. Маркс писал, что условиями производства являются культивирование всех свойств общественного человека — «производство его как человека с возможно более богатыми свойствами и связями, а потому и потребностями, — производство человека как возможно более целостного и универсального продукта общества...»³. У К. Маркса в центре исследований, том числе политико-экономических, находится человек (рабочий), производство человека посредством, как самого материального производства, так и образа его жизни⁴.

Наиболее отчетливо и непосредственно производство ступает как производство человека в докапиталистических формациях, особенно в условиях

¹ См. там же. Т. 3. — С. 27–28.

² Труд как источник этого богатства и как общественный труд были довольно обстоятельно проанализированы в советской литературе. — См.: Ельмеев В. Я. Коммунизм и развитие человека как производительной силы общества. М., 1964; Пуляев В. Т. Главная производительная сила социалистического общества и экономические законы ее развития. Л., 1979.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. — С. 386

⁴ Там же. Т. 46. Ч. I. — С. 483.

общины. Труд здесь без всяких опосредований направлен на обеспечение существования членов общины, предстает для каждого члена этой общины средством воспроизводства себя. Цель общины — сохранение, воспроизводство образующих ее индивидов как собственников, «т.е. воспроизводство их при том же объективном способе существования, который в то же самое время устанавливает отношения членов общины друг к другу и потому образует саму общину»¹.

Другими словами, экономической целью всех форм производства, основанных на общественной и трудовой собственности, выступают создание потребительных стоимостей, воспроизводство человека в его определенных отношениях в общине, т. е. воспроизводство образующих общину индивидов². Не случайно у авторов классической древности нет оценки собственности с точки зрения ее содействия росту вещественного богатства. Оно для них не составляло цели производства. Для них было важно проследить, как форма собственности обеспечивала обществу и государству формирование граждан. «Поэтому древнее воззрение, — подчеркивал Маркс, — согласно которому человек, как бы он ни был ограничен в национальном, религиозном, политическом ношении, все же всегда выступает как цель производства, кажется куда возвышеннее по сравнению с современным миром, где производство выступает как цель человека, а богатство как цель производства»³.

Таким образом, процесс производства человека посредством воспроизводства его образа жизни имеет две основные исторические формы: капиталистическую и общинно-трудовую. Рассмотрим их кратко в отдельности.

1) Воспроизводство капиталистического образа жизни

Товарное производство в его капиталистической форме по своей социально-экономической сущности уже не являлось непосредственным производством воспроизводством рабочего, поскольку его целью стали меновая стоимость и прибыль. Однако оно сохраняет функции производства человека, но уже не в качестве свободного члена общества, а как рабочей и главной производительной силы капитала⁴. Капиталист нанимает рабочего не для того, чтобы совершать акт обмена эквивалентов, а чтобы использовать потребительную стоимость его рабочей силы, его живой труд. Но это не изменяет конечного результата: производство капиталистов и наемных рабочих остается основным результатом процесса увеличения стоимости, понятие «производство капитала» включает и капиталиста.

Антропологическая модель западного человека, сложившаяся в период XVI—XVIII вв., с одной стороны, является порождением социальной практики этого общества, изначально основанного на жестокости и насилии. А, с другой, — результатом научного моделирования общества — его конструирования на основе идей социал-дарвинизма, согласно которым среди людей,

¹ Там же. Т. 46. Ч. I. — С. 483.

² См. там же. Т. 46. Ч. I. — С. 483.

³ Там же. — С. 476.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 47. — С. 158.

как в дикой природе, идет борьба за существование, в которой, дескать, слабые должны погибнуть. Адам Смит развил теорию Гоббса, подведя под антихристианский образ человека-хищника и человека-эгоиста, теоретический фундамент политической экономии. Чарльз Дарвин дополнил эту картину, создав натурализованную версию Адама Смита, превратив человека в «биологическое существо». Законы волчьего стада, т. е. «естественные» законы борьбы за существование, уничтожения слабых сильными, неприспособленных — приспособленными, западные ученые перенесли на модель капиталистического общества. **Затем эту модель буржуазного общества, основанную на модели животного мира, — абсолютизировали, т. е. возвели в ранг теоретической модели человеческого общества вообще.**

Западный мир возник как «конструируемый» мир — как поле «конструктивной деятельности» экономического человека. В XIX веке громадную роль начинает играть антинаучная идеология сциентизма. Чисто внешне она выступала, как — стремление науки перестроить жизнь, якобы, на научных основаниях. Но в действительности она стремилась унифицировать мир на основе буржуазных денежных ценностей — сделать его одномерным и одинаковым, — состоящим из одинаковых тел, одинаковых молекул, одинаковых людей. Перед прикладными науками ставилась соответствующая задача — исследовать «возможность редукции человека к автомату, «покупающему» все», переделать человека, стандартизировать, низвести его «к низшему уровню его животной сущности», с тем, чтобы он стал удобным объектом «манипулирования им как автоматом для потребления». Говоря об этой проблеме, известный американский ученый-биолог, Л. фон Берталанфи указывает на крайне негативную роль этого буржуазного духа¹.

Западное общество приводится в движение системой работающих принципов, в основе которых лежат — методологический индивидуализм. Этот принцип является первоосновой в том смысле, что — западное общество строится снизу вверх, что именно действия индивидуумов создают потребительское либеральное общество. Призывая к радикальной унификации всего мирового хозяйства на частнокапиталистической основе, современные либералы стремятся перенести индивидуалистические ценности потребительского общества на весь мир. Однако унификация хозяйства, проходящая под любыми лозунгами — правыми или левыми, означает не только закупорку в развитии производительных сил. Унификация — это смерть людей в результате подавления их естественных укладов как способов жизнедеятельности. В любом здоровом обществе каждый уклад — это форма жизни, основанная на стереотипах данного образа жизни. А совокупность хозяйственных укладов (форм и образов жизни) формирует способ жизнедеятельности, определяет характер многоукладного хозяйства. Разрушение многовековых укладов жизни ведет к разрушению самого общества, функционирующего как природный организм.

¹ Цит. по: Шафаревич И.Р. Две дороги — к одному обрыву. — М., 2003. — С. 257.

2) Воспроизводство общинно-трудового уклада жизни

Для того чтобы дать характеристику условий производства, целью которого является сам человек и его потребности, нет необходимости, отмечал Маркс, обращаться к его первобытной форме, встречающейся пороге истории. Их можно найти в деятельности ассоциации производителей, работающих общими средствами производства и планомерно расходующих свои индивидуальные рабочие силы как одну общественную рабочую силу¹. Однако речь здесь идёт не о социалистических планомерных формах хозяйства, а об индивидуально-трудовых (ИТХ) и коллективно-трудовых хозяйствах (КТХ), а также о различных формах коллективной собственности рабочих на свои предприятия.

Напомним, что собственность тесно связана с хозяйством, как форма связана с содержанием. Собственность лежит в основе хозяйствования людей, формируя материально-вещественные и прочие условия и средства труда, а движение собственности всегда происходит в рамках конкретной социокультурной и природной среды, определяется нормами морали и нравственности, господствующими в данном обществе.

Однако движение собственности может происходить и вопреки морально-этическим принципам, игнорируя их, как это происходит в денежном типе хозяйства и в потребительском обществе. В этом случае собственность отрывается не только от нравственных корней и культурной подосновы общества, но и от самого общества, разрывая узы солидарности и все социокультурные связи с обществом, прекращая работать на него. В результате прекращается воспроизводство основных укладов хозяйственной жизни, в частности общинно-трудовых укладов, реализующих непосредственно воспроизводство человека нацеленных на его жизненные потребности. ИТХ и КТХ могут функционировать в рамках различных общественных систем. Однако наибольшую социальную эффективность они имеют в условиях традиционного восточного общества. Его самой характерной чертой является народно-хозяйственный тип организации общественного производства и всей системы национального хозяйства.

Итак, **общество неизбежно начинает приходить в упадок в результате разрыва между материальным и духовным производствами**, в этом контексте при проведении любых хозяйственных реформ необходимо учитывать следующее.

Во-первых, изменения в сфере социально-трудовых отношений должны быть направлены на гуманизацию труда и на оздоровление об-

¹ При социализме, например, затрата индивидуальных рабочих сил, измеряемая временем труда, с самого начала выступает как общественное определение самих работ, поскольку индивидуальные рабочие силы функционируют лишь как органы совокупной рабочей силы. Весь продукт их труда является общественным продуктом, часть которого вновь возвращается в производство и служит средствами производства, а другая распределяется между самими работниками и потребляется ими в качестве жизненных средств. Способ этого распределения определяется содержанием и целью производства, степенью развития материальных производительных сил и самих людей.

щества. Здоровым можно признать только то общество, в котором экономика служит людям, занимая свое подчиненное человеку служебное положение.

Во-вторых, любые реформы в сфере отношений собственности будут неизбежно терпеть крах, если не восстановят связь нравственности с трудом и собственностью. Общественная мораль и законы нравственности выступают в качестве всеобщего основания, на котором выстраивается экономика и все национальное хозяйство. В.С. Соловьев очень верно заметил, что «норма экономических отношений заключается не в них самих, а в том, что они подлежат общей нравственной норме, как особая область ее приложения»¹.

В-третьих, носителем норм нравственности и общественной морали, лежащих в основе движения собственности, выступает государство. При этом движение национальной экономики (форм собственности и хозяйствования) происходит в результате взаимодействия трёх противоположных субъектов а) собственников общественного капитала; б) работников как непосредственных производителей; в) государства как носителя общественных нравов, субъекта духовного производства и общенародной (государственной) собственности. В системе экономических и хозяйственных отношений, с одной стороны, взаимодействуют противоположные стороны-субъекты, имеющие нетождественные и даже противоположные социально-экономические интересы. Но, с другой стороны, эти «субъекты», являясь представителями единой цивилизационной культуры, имеют одинаковые, тождественные представления о нормах морали, этики, о законах нравственности.

В-четвертых, реформы в России должны восстановить разорвавшуюся связь между трудом и собственностью, превращая работников в работающих собственников-совладельцев всех коллективных и общественных средств труда и производства. Принципиальная значимость трудовых укладов и форм собственности заключается в том, что именно они питают общество своими жизненными соками, так как производство жизненных и духовных сил человека непосредственно связано с общинно-трудовой деятельностью человека, в рамках которой он постоянно производит и воспроизводит как сам уклад, так и формирующие его социохозяйственные и социокультурные традиции.

Однако одновременно воспроизводится и сам образ жизни человека. Ещё К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «...способ производства надо рассматривать не только с той стороны, что он является воспроизводством физического существования индивидов. В ещё большей степени, это — определённый способ деятельности данных индивидов, определённый вид их жизнедеятельности, их определённый образ жизни»². Образ жизни — это социохозяйственная и социокультурная категория, выражающая сущность жизнедеятельности человека, обусловленную господствующими способом производ-

¹ В.С. Соловьев. Оправдание добра // Соловьев В. С. Чтения о богочеловечестве. Духовные основы жизни. Оправдание добра. — Мн.: Харвест, 1999. — С.742.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. — С. 19.

ства и способом жизнедеятельности, составной частью которого является жизненная (социальная) среда обитания человека.

4.4. А.В. ЧАЯНОВ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ НЕКАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ФОРМ ХОЗЯЙСТВА

Главное в этом укладе то, что крестьянское хозяйство может быть вполне рыночным и в то же время — *не быть* капиталистическим. Производство продукта на рынок — признак необходимый, но не достаточный. Это подробно объясняет А.В.Чаянов, впервые указавший в экономической теории на принципиальную несовместимость капиталистического и крестьянского укладов¹. Анализируя место трудового семейного хозяйства в системе всего народного хозяйства, Чаянов отмечает, что — в своих внешних проявлениях оно способно подлаживается под господствующие рыночные формы, сохраняя одновременно свою внутреннюю природу в самых разных народно-хозяйственных системах. Весь вопрос заключается только в том, «есть ли разница в строении и работе народно-хозяйственного аппарата в том случае, когда в его составе араты семейного типа единичны, и в том, когда подавляющая часть продуктов сельского хозяйства производится в пределах этих аппаратов?». Он указывает на то, что с народнохозяйственной точки зрения — «это два совершенно различных хозяйственных аппарата, по-разному реагирующие на одни и те же экономические факторы». Другими словами, капиталистические сельхозпредприятия не способны функционировать, если капитал не приносит прибыль, если собственник земли не получает земельную ренту, а наемный работник — зарплату. Однако структура трудового семейного хозяйства (система крестьянских и ремесленных семейных хозяйств, связанных меновыми и денежными отношениями), отмечает Чаянов, — «лежит вне рамок привычной системы политэкономических понятий, характерных для капиталистического общества». А из этого следует, в частности, что «система теоретической экономии, сконструированная исходя из предпринимательской работы homo economicus'a в качестве капиталиста, ясно односторонняя и недостаточна для познания экономической действительности во всей ее реальной сложности»².

1. Капитал в трудовом хозяйстве — «подчиняется иным законам кругообращения и играет иную роль в сложении хозяйства, чем на капиталистиче-

¹ В своей фундаментальной работе «К вопросу о теории некапиталистических систем хозяйства» он писал: «Одними только категориями капиталистического экономического строя нам в нашем экономическом мышлении не обойтись.... хотя бы уже по той причине, что обширная область хозяйственной жизни, а именно аграрная сфера производства, в ее большей части строится не на капиталистических, а на совершенно иных, безнаемных, основах семейного хозяйства, для которого характерны совершенно особые мотивы хозяйственной деятельности, а также специфическое понятие рентабельности. Известно, что для большей части крестьянских хозяйств России, Китая, Индии и большинства неевропейских и даже многих европейских государств чужды категории наемного труда и заработной платы. Уже поверхностный теоретический анализ хозяйственной структуры убеждает нас в том, что свойственные крестьянскому хозяйству экономические феномены не всегда вмещаются в рамки классической политэкономической или смыкающейся с ней теории» (Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды/Ред.кол. сер.: Л. И. Абалкин (пред.) и др. — М.: Экономика, 1989. — С. 114-115).

² Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды. — С. 396-397.

ских предприятиях», где движение капитала происходит по известной формуле: $D \rightarrow T \rightarrow D'$ ($D + \Delta^D$). Анализируя природу трудового хозяйства, Чаянов установил, что морфологическая схема кругооборота капитала здесь «будет несколько иная, так как семья, помимо капитала, авансирует в производство и свой труд»¹.

2. Основным законом производства здесь является не закон максимизации прибыли, а закон валового дохода. — «...Труд и капитал, авансируемые крестьянской семьей, образуют сочетание производственных факторов (труда, земли, инвентаря и пр.), которые в результате производственного процесса дают валовой доход. Из этого валового дохода для поддержания хозяйства в прежнем объеме часть ценностей должна быть затрачена на восстановление авансированного капитала до исходного уровня и на его расширенное воспроизводство в случае расширения семьей объема ее хозяйственной деятельности, все же остальное направляется на удовлетворение обычных потребностей семьи, или, иначе, на воспроизводство рабочей силы»².

3. Главная цель хозяйства — трудовая занятость всей семьи. — Чаянов поясняет этот тезис на следующем примере. Предположим, пишет он, что в данном районе предлагаются для аренды на очень выгодных для хозяйств условиях эксплуатации земельные участки по 50 и 100 десятин. Он анализирует, как поведут себя в этих условиях капиталистические семейно-трудовые некапиталистические предприятия. Сравнивая хозяйственные результаты капиталистических и некапиталистических предприятий, Чаянов пишет: «Капиталистическое хозяйство, располагающее средствами, будет эксплуатировать этот фонд в возможно больших размерах, покуда не наткнется или на технические затруднения, или что за дальностью расстояния и возрастающей стоимостью транспорта расширение площади арендного пользования ю невыгодным. Очевидно, что трудовое хозяйство, несмотря на объективную выгоду аренды 50 и 100 дес., ограничит свою аренду всего несколькими десятинами, и притом тем количеством, при котором будет сводиться трудопотребительский баланс, ибо каждая десятина, не теряя своей объективной выгоды, субъективно означает увеличение тягостности труда просто в силу увеличения его годовой массы. И смею уверить моих критиков, что никакими объективными расчетами и моментами невозможно установить тот предел, до которого будут использованы арендные возможно-

¹ Чаянов А. В. Указ. соч. — С. 365.

² Чаянов А. В. Указ. соч. — С. 367. «Сопоставляя обе схемы между собою, мы видим, что для капиталистического предпринимателя сумма ценностей, служащая для восстановления рабочей силы, с его частнохозяйственной точки зрения не отличается от других частей авансированного предприятия капитала и определяется объективной народнохозяйственной категорией заработной платы и числом рабочих, потребным для данного объема хозяйства, в свою очередь определяемого общим размером капитала предпринимателя. В хозяйстве же трудовом, поскольку оно им и остается, сумма ценностей, служащая для восстановления рабочей силы, есть личный бюджет предпринимателя, определяемый размерами семьи и той степенью насыщения их потребностей, которую удастся реализовать в зависимости от целого ряда наличных условий, которые синтезируются в том внутрихозяйственном равновесии, которое, как мы знаем, определяет собою общий объем хозяйственной деятельности семьи» (С. 368).

сти и доведен размер капитала, необходимого для платы за аренду и для эксплуатации хозяйства»¹.

4. Земля и трудовое хозяйство — это жизненный уклад, образ жизни, а не форма предпринимательства. — Чаянов обратил внимание на то, что часто у крестьян были очень велики расхождения между доходом от хозяйства и арендной платой. Это обстоятельство вообще невозможно объяснить, если не принимать во внимание, что земля для крестьянина является не капиталом, а кормилицей. Он для него олицетворяет вообще саму жизнь, являясь безусловной жизненной ценностью, за обладание которой он был готов платить аренду, превышавшую его весь годовой денежный доход. Для него главным был — **натуральный «доход», то есть продукты питания, которые давала земля, а также содержание скота, получавшего корм, благодаря земле**².

О жизнестойкости крестьянского уклада в России свидетельствуют наглядно следующие данные. На селе в СССР жило 100 млн. человек. Практически все они имели подворья, которые играли существенную роль в производственной структуре стран. На личной собственности было основано в СССР домашнее хозяйство, в которое была вовлечена очень большая часть трудовых д. нации (порядка 30 %)³. В 1989 г. сельскохозяйственные предприятия производили, в стоимостном выражении, 77,6 % продукции, а личные подсобные хозяйства населения (приусадебные участки, сады и огороды) — 22,4%. В 1990 г. уже, соответственно, предприятия произвели 73,7% продукции сельского хозяйства (в фактически действовавших ценах), а хозяйства населения 26,3%. Приусадебное хозяйство специализировалось почти исключительно на картофеле — в 80-е годы почти половина картофеля выращивалась на «сотках». Хозяйства населения сегодня это — в основном приусадебные хозяйства бывших колхозников и рабочих совхозов; кроме того, в эту категорию входят коллективные и индивидуальные сады и огороды. Наконец, особой категорией являются фермерские (крестьянские) хозяйства.

Когда началось расформирование колхозов и совхозов, «село отступило на подворья». С 1990 по 1999 г. площадь личного приусадебного землепользования возросла от 3,25 млн. га до 6,14 млн. га, а средний размер участка с 20 соток до 40. Резко повысилась доля хозяйств населения в производстве сельскохозяйственной продукции по сравнению с предприятиями. В 1998 г. предприятия производили 38,7%, а хозяйства населения 59,2 % продукции. В

¹ Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды. — С. 385.

² А. В. Чаянов приводит данные для 1904 г. по Воронежской губернии. В среднем по всей губернии арендная плата за десятину озимого клина составляла — 16,8 руб., а чистая доходность одной десятины озимого при экономичном посеве была 5,3 руб. В некоторых уездах разница была еще больше. Так, в Коротоякском уезде средняя арендная плата была 19,4 руб., а чистая доходность десятины 2,7 руб. Разница колоссальна — 16,6 руб. с десятины в семь (!) раз больше чистого дохода. Таким образом, даже в рамках понятий политэкономии, то есть, используя чисто монетарное измерение, следует признать крестьянское хозяйство в условиях России более эффективным, нежели фермерское капиталистическое. Такие же данные приводит и С.Г. Кара-Мурза, специально изучавший этот вопрос. См.: Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды / Редкол. сер.: Л. И. Абалкин (пред.) и др. — М.: Экономика, 1989; Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация (книга первая). — М.: Алгоритм, 2001. — С. 26.

³ См.: Феномен Сталин / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. — М-Краснодар: Издание Моск. ун-та, 2003. — С. 53.

1999 г. соответственно 40,3 и 57,2 %. В 1999 г. хозяйства населения производили 92% картофеля, в 2000 г. — 92,4%. По сравнению с 1985 г. уже в 1992 г. товарность производства картофеля снизилась с 22 до 8 %¹.

Очевидно, что усиление мелкого подворья с его низкой технической оснащённостью — признак разрухи и всеобщего упадка. В 1992 г. мы занимали 6 место в мире по товарному производству продуктов питания, а в 2004 г. уже оказались на 73 месте. Однако народ в сельской местности и малых провинциальных городах выжил в 1990-е годы в значительной степени благодаря только своим семейным хозяйствам. Это они спасли народ от вымирания начале 1990-х годов, когда произошло резкое падение отечественного товарного сельскохозяйственного производства.

Сохранение крестьянского уклада имеет большое значение: речь идет о сохранении образа жизни и способа жизнедеятельности. Как подчеркивает профессор Б. Ключников, «сохранение нации, национальной культуры и идентичности тесно связано с крестьянством — хранителем традиций, с селом, с состоянием сельского хозяйства». Сельское хозяйство существует не для того, чтобы больше и дешевле производить, используя минимум рабочей силы. Сельское хозяйство служило и должно в будущем еще в большей мере служить тому, «чтобы занять здоровой работой как можно больше людей. Чтобы производить самую разнообразную высококачественную продукцию, здоровую пищу в нужном количестве и как можно ближе к потребителю. Без здорового села нет здорового стабильного общества»².

4.5. ВОСПРОИЗВОДСТВО СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

1) Структура социальной среды обитания

Говоря о социальной среде обитания человека, прежде всего мы имеем в виду ту социальную сферу, которая напрямую связана с процессом воспроизводства основ общественной жизни человека и всего общества в целом. **Предприятия сферы культуры** — обеспечивают воспроизводство культуры и традиций. **Предприятия воспитания и образования** — обеспечивают производство знаний, а также процесс социализации как процесс передачи знания от одного поколения к другому, поддерживая тем самым преемственность во всем. **Предприятия здравоохранения** — производят здоровье нации. **Предприятия ЖКХ** — воспроизводят среду обитания людей. **Предприятия сферы культуры** — воспроизводят фундаментальные духовные ценности. **Научные учреждения** — производят фундаментальные научные знания, выступающие в качестве всеобщей основы любого производства вообще, включая и нематериальной, а также духовное производство.

¹ Глазьев С. Ю., Кара-Мурза С. Г., Батчиков С. А. Белая книга. Экономические реформы в России 1991— 2001 гг. — М.: Изд-во Эксмо, 2003. — С. 259-264.

² Ключников Б.Ф. ВТО — дорога в рабство. — С. 103-104.

Роль так называемых «непроизводственных отраслей» социальной сферы в реализации цели народнохозяйственного производства полнее проявляет себя, если от анализа «уровня жизни» перейти к «образу жизни». Уровень жизни традиционно определяется через уровень потребления материальных благ и услуг, а образ жизни, формируемый в сфере духовного производства, измеряется уже качественными параметрами. Изменения образа жизни происходят от поколения к поколению, и принципиально важную роль в этом играет система образования, культуры и искусства.

Очевидно, что **школы, библиотеки, сельские и городские клубы — это те объекты культуры, которые объединяют людей в одно социальное целое.** При этом в сельской местности данные объекты **являются одновременно и средством, и местом, и механизмом социального общения.** *Их разрушение неизбежно приводит к — уничтожению единого социокультурного пространства, в рамках которого обычно формируется и развивается духовная общность сельчан и горожан.* Духовная общность народа — это та абстракция, которая находит своё конкретное воплощение в системе ежедневного духовного общения людей. Разрушение этой системы подрывает дух общности и разрывает узы солидарности, связывающие многие поколения в единый народ. В этом же направлении действует разрушение и других механизмов социального общежития, например, — системы здравоохранения, социального обеспечения пенсионеров и престарелых, общественного транспорта.

Социокультурная среда и, в частности, среда обитания человека и вся социальная сфера в целом **воспроизводятся не только культурой** и социальной сферой в целом, **но и промышленностью**, которая призвана 1) создавать материальные условия жизнедеятельности людей, обеспечивая им нормальный уровень жизни; 2) создавать занятость, обеспечивая людей работой и постоянными доходами.

Очевидно, что, лишаясь работы и зарплаты, т. е. материальных источников средств существования, люди оказываются в нищете. Пребывание в состоянии бедности уже оказало сильное влияние на экономическое поведение и структуру потребностей, по меньшей мере, половины населения РФ, что предопределило новое состояние общества: меняется сам тип жизни половины общества. Резко сократились покупки предметов длительного пользования, характерных для быта «среднего класса». Так, по сравнению с 1990 г. в 2001 г. покупки телевизоров сократились на 42 %, магнитофонов на 72 %, мотоциклов и мотороллеров на 81,5 %. в ходе реформы произошло резкое, поразительное для таких больших систем, сокращение объема предоставляемых населению платных услуг. Сегодня население РФ потребляет в 2 раза меньше платных услуг, нежели в 1980 г. В быте большинства населения произошёл огромный регресс¹.

Говоря о работе и занятости, следует особо подчеркнуть, что речь при этом идёт не только о зарплате, доходах и уровне благосостояния семьи. Рост

¹ Кара-Мурза С.Г. Указ соч. — С. 245.

занятости является важнейшим условием сохранения трудового уклада жизни, а также воспроизводства стереотипов жизнедеятельности и всего образа жизни. Продолжительная безработица опасна тем, что, вырывая человека из привычной социально-трудовой среды, она неизбежно формирует у него асоциальные мотивы и стереотипы поведения. Именно поэтому в СССР, например, с безработицей боролись даже ценой создания избыточных рабочих мест. Непонимание этого приводит некоторых ученых к ошибочным выводам о том, что, дескать, в СССР «безработица фактически существовала», хотя и «в скрытой форме». Данная позиция не учитывает проблему воспроизводства рабочей силы и общества в целом. С этих позиций в СССР не было проблемы «излишнего количества дипломированных служащих», которое, дескать, не было вызвано целесообразностью. Все это было вызвано именно целесообразностью сохранения качества рабочей силы, а также необходимостью занять трудоспособное население, обеспечить его трудом, чтобы избежать паразитизма, а также порождаемых реальной безработицей таких социально-психологических проблем, как, например, утрата трудовых навыков, психические заболевания, алкоголизм, разводы и самоубийства.

2) Проблемы подрыва жизненной среды обитания людей

Бедность и нищета лишают людей жизненной перспективы. В России сегодня даже работа не гарантирует нормального потребления. Почти 50 % российских граждан, живущих за чертой бедности, трудятся и получают зарплату. Значительная часть населения имеет среднедушевые доходы, лишь немного превышающие порог бедности, и при падении доходов граждан в среднем по стране на 10 % количество малоимущих, по некоторым подсчетам, увеличивается на 50 %. Сегодня 40 % малоимущих — это не пенсионеры, а семьи, состоящие из двух работающих супругов¹.

Бедность в России имеет искусственный характер, являясь следствием либерально-рыночных реформ. В результате реально работающие люди, попадая в разряд бедных, уже не могут самостоятельно выбраться оттуда. Формируется модель выживания, в основе которой лежит воспроизводство бедности, называемое социологами «ловушкой бедности». Невозможность родителей получить хорошее образование, изменить свой жизненный статус, повысить уровень квалификации, как правило, лишает возможности вырваться из круга неудач и их детей. Происходит регрессивное воспроизводство человека, его рабочей силы и человеческого капитала, что чревато не только значительными социальными и экономическими потерями, но и возможными социальными потрясениями.

По некоторым оценкам, в России сегодня за чертой бедности находятся до 50 % людей. На уровне бедности в настоящее время сконцентрированы в основном семьи «новых» бедных, которые до начала реформ относились к вполне обычным семьям. К этой группе относятся многие бюджет-

¹ Столяров И.И., Калмыков А.Ю. Трансформация сбережений населения в инвестиции. — М.: МАКС Пресс, 2007. — С. 182-183.

ники, семьи рабочих (с преобладанием удельной доли неквалифицированной рабочей силы), лица с незаконченным высшим образованием, социально незащищенные индивиды и пр.

Модель выживания порождает психологический дисбаланс, понижая уверенность человека в себе, его психологическую устойчивость, порождая множество психологических проблем. Так, например, по данным некоторых психологов, разрыв в доходах 10 % самых бедных и 10 % самых богатых не должен превышать семи раз, иначе в обществе складывается убеждение, что жизнь устроена несправедливо (в США такой разрыв действительно семикратный, в Западной Европе — 4-5 раз). В России, которая занимает первое место в мире по добыче и продаже нефти, третье — по числу долларовых миллиардеров, такой разрыв не менее 15 раз (В Москве — 50, а в некоторых регионах доходит и до 70 раз).

Разрушение социокультурной среды также лишает людей смысла жизни, подрывая его фундаментальные основы и духовные устои. Разрушение социальных объектов приводит к уничтожению единого социокультурного пространства, в рамках которого обычно формируется и развивается духовная общность людей, которая находит своё конкретное воплощение в системе ежедневного духовного общения людей, а также в развитии других механизмов социального общежития, например, общественного транспорта, системы здравоохранения и социального обеспечения населения. В итоге всего этого люди погружаются в асоциальную среду, наполненную борьбой за выживание, гневом, горечью и слезами от незаслуженных обид. Происходит постепенная архаизация жизни. Условно говоря, люди постепенно привыкают «жить в землянке», воспринимая свой новый быт за норму¹.

Следует заметить, что состояние жизненной среды обитания людей имеет самое непосредственное отношение к экономике, отражаясь на показателях национально-экономической динамики.

Рост качества жизни, увеличение качества человеческого потенциала можно измерять, в том числе количественно, через стоимость одного года, даже одной недели жизни. Так, например, Министерства транспорта США оценивает человеческую жизнь в 3 млн. долл.². Это означает, что сокращение граждан на 700 тыс. человек ведет к ежегодным экономическим потерям порядка 2 трлн. долл. США, т. е. величине, приблизительно равной ВВП России в 2006 г. Учитывая соотношение душевых доходов России и США, можно

¹ Говоря об этом С.М. Кара-Мурза, подчеркивает, что, часто наблюдая вышеперечисленные признаки архаизации, мы неизбежно приходим к логичному выводу: «При длительном обеднении и сокращении предоставляемых на уравнительной основе советских («бесплатных») благ люди вынуждены отказываться от дорогостоящих оболочек цивилизации и отступать ко все более примитивным и архаичным способам производства и жизнеустройства. Если же чуть-чуть вникнуть в литературу, обобщающую опыт народов, оказавшихся втянутыми в систему периферийного капитализма, то этот вывод приобретает развитую теоретическую форму. При этом социальном порядке разделение народа неизбежно — он не возвращается в "семью сословий", а разделяется на две культурно различные и антагонистические расы». — Кара-Мурза С.Г. Первое предупреждение. Неполадки в русском доме. — М.: Изд-во Алгоритм, Изд-во Эксмо, 2005. — С. 42.

² Трудов И.А., Айвер Л.К., Харисов Г.Х. Эквивалент стоимости человеческой жизни // Представительная власть. — 2006. — № 3. — С. 26.

предположить, что условная цена человеческой жизни может составлять в России, как минимум, 300 тыс. долл., или 10 млн. рублей. Соответственно, увеличение средней продолжительности жизни в России на 0,3 года, например, в результате своевременного лечения, означает дополнительный рост национального дохода, как минимум, на 400 млрд. рублей.

Такой подход должен стать важным ориентиром деятельности ведомств и одновременно критерием их оценки. Можно подсчитать эффективность работы любого министерства, например, в области безопасности движения как разницу между безвозвратными потерями в 40 тыс. за прошлый год и, допустим, сокращения смертности на дорогах. Точно также можно оценивать и деятельность Министерства здравоохранения и социального развития, а также Министерство образования. Известно, например, что высшее образование «продлевает» жизнь в среднем на 10 лет. Соответственно материальный вклад сферы образования в создание ВВП и национального богатства также вполне возможно оценить и количественно: в рублях.

Другой пример. Как известно, нищенская зарплата, а нередко и ее отсутствие в результате т. н. «задержек» с выплатой зарплаты¹, часто толкает людей в «теневую экономику», заставляя заниматься полукриминальным предпринимательством. Так, например, сегодня в России от 10 до 15 % всего объема лесозаготовок являются незаконными; при этом ежегодные потери государство от незаконной вырубki леса, то есть от незаконного частного предпринимательства, имеющего полукриминальный характер, составляют, по мнению правительственных экспертов, не менее 500 млн. долларов².

- **Однако «черные лесорубы» — это наши с вами сограждане, которые оказались по вине «реформаторов» без работы и без будущего.** Другими словами, незаконным промыслом люди занимаются в основе своей только потому, что у них нет работы. Какова же цена экономии на государственных инвестициях в создание новых рабочих мест? Только в регионах Дальнего Востока и Сибири составляет именно эти 500 млн. долларов!?. Таким образом, экономия на зарплате оборачивается прямыми и косвенными потерями государства: а) теряет бюджет; б) наносится огромный ущерб лесному хозяйству; в) теряет и само общество в результате того, что значительная часть его работников просто деградирует, теряя свою непосредственную квалификацию, занимаясь незаконной вырубкой леса, браконьерством и прочими видами теневой хозяйственной деятельности. Остановить все это можно только одним способом: дать людям работу и жизненную перспективу.

Таким образом, воспроизводство социокультурной среды напрямую связано с процессом воспроизводства основ общественной жизни человека и всего общества в целом. Возникшая в итоге проведенных в стране реформ хозяйственная модель не обеспечивает нормального воспроизводства человека и общества. И это понятно: она нацелена только лишь на финансовые показатели и результаты, игнорируя даже материальные аспекты бытия народа, материальные основы воспроизводства человека и общества.

¹ «Наиболее зловещим индикатором нарушения прав трудящихся и падения их жизненного уровня являются многомесячные задержки выплаты заработной платы, которые возросли с 10% ВВП в 1993 г. до 1/3 ВВП в 1997 г.». — От наемного труда к свободному. Производственное самоуправление или «третий путь» в экономике. — М., 2001. — С. 100.

² РТР. «Вести». 14⁰⁰. — 05.04.2006.

3) Воспроизводство духовных сил и традиций

Неолиберальная модель разрушает социокультурную среду обитания человека, разрушая тем самым духовные основы человека и механизмы его воспроизводства, подрывая тем самым фундаментальные основы жизнедеятельности народов России.

Как известно, общественное бытие людей состоит не только из материального, но также и из идеального, а основу этого бытия образуют фундаментальные, смыслообразующие ценности культуры данного народа. Подрыв и разрушение социокультурной среды обитания не ограничивается развалом собственно социальной сферы как совокупности соответствующих учреждений.

Рушатся многовековые уклады, соответствующие традиции и стереотипы бытия, основанные на общинности и коллективизме, которые либералы считают главным препятствием на пути рыночных реформ. Так, например, по мнению главы Института современного развития (ИнСоР) Игоря Юргенса, который является главным советником всех реформ по модернизации российского общества, заявленных Д.А. Медведевым в бытность его еще президентом России, — «Модернизации России мешают русские — основная масса наших соотечественников живёт в прошлом веке и развиваться не хочет... **Русские еще очень архаичны.** В российском менталитете общность выше чем личность. Поэтому «государство все, а мои усилия — ничего», — делает психологические зарисовки эксперт¹.

➤ Ссылаясь на результаты экстраполяции, Юргенс сообщил, что российская общинность и архаика могут быть преодолены не раньше 2025 года: «Только к 2025 году **русский народ станет ментально совместим в восприятии демократии со среднестатистическим прогрессивным европейцем**»². А до этого времени он предлагает обращаться с русским народом вполне в духе этнического расизма, свойственного нацизму. Так, он заявляет, что, дескать, необходимо «**выпаривать из российского народа общинно-коллективистскую архаику...**»³.

Отсюда следует вывод: воспроизводство общества и нации в целом возможно только на основе опережающего роста духовного производства, зависят от воспроизводства национальной культуры. Однако, как известно, **«культура не наследуется генетически, она заново воспроизводится в каждом человеке.** Прерывается такое воспроизводство, и культура погибает», — подчеркивает наш современник, известный русский ученый-экономист, И.Д. Афанасенко⁴.

Таким образом, общество сохраняет себя как культурно-исторический тип только в том случае, если каждое новое поколение усваивает (наследует)

¹ <http://russkie.org/index.php?id=19267&module=fullitem>.

² Сергеев М. В провалах модернизации виноват народ // Независимая газета 16.09.2010 http://www.ng.ru/economics/2010-09-16/1_modernize.html.

³ Там же.

⁴ Афанасенко И.Д. ЭКОНОМИКА И ДУХОВНАЯ ПРОГРАММА РОССИИ: Научное издание. — М., 2001. С. 97 (выделено автором — А.О.).

весь накопленный предшествующими поколениями опыт социальной жизнедеятельности, если оно не отбрасывает презрительно все прежние нормы, обычаи и традиции, а продолжает развивать страну и укреплять общество, следуя знаниям предков, этническим стереотипам и формам жизнедеятельности, исторически сложившимся в данном обществе.

ГЛАВА 4

НАЦИОНАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТУПИК ЛИБЕРАЛИЗМА И ПОИСКИ АДЕКВАТНОЙ МОДЕЛИ НАЦИОНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

Одна из важнейших задач правительства заключается в том, чтобы, обеспечивая экономическую независимость и рост конкурентоспособности национального хозяйства России в мировой экономике, содействовать воспроизводству всего общества. Вековой опыт хозяйственных реформ в России практически уже доказал, что общество в целом может выжить и сохранить себя как субъект национального хозяйства и геополитический субъект истории только в том случае, если в основу его развития будут положены некапиталистические закономерности общественного производства.

Задача российской экономической науки заключается в том, что, проанализировав опыт хозяйственных реформ, наметить контуры адекватной для России модели хозяйственного механизма, указывая пути решения проблем национально-экономического развития. Актуальность такой задачи определяется тем, что сложившаяся в итоге проведённых в стране реформ хозяйственная модель стала функционировать по таким правилам, которые не предполагают самого общества, не обеспечивая воспроизводства человека и разрушая национальные воспроизводственные механизмы.

§ 1. Несостоятельность либерально-рыночной модели экономики

1.1. Антисистемность и дуализм либеральной модели национального хозяйства

По мнению российских ученых, либеральная модель хозяйства имеет антисистемный характер. С.П. Макаров, например, указывает на «антропологическую замкнутость» современных хозяйственных систем, экономическая динамика которых измеряется в показателях наживы и потребления, а природа рассматривается как технический «ресурс»¹. Принципиально важным является то, что либеральная модель экономики имеет свойство превращаться в экономическую антисистему, имеющую искусственный характер, обусловленный **антисистемностью либерализма**². В её основе лежит анти-

¹ С.П. Макаров. Экономическая система и антисистема // Экономическая теория на пороге XXI века — 3 / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. — М.: Юрист, 2000. — С. 109.

² См. подробнее: Олейников А.А. Антисистемность либеральной модели национального хозяйства России // Вестник КГУ. — 2005. — № 11. — С. 54-57; Олейников А.А. Политическая экономия национального хозяйства. — М.: Институт русской цивилизации, 2010. — С. 566-586; Олейников А.А. Либерализм как подрывная антигосударственная доктрина, уничтожающая общество России // Постреформизм и развитие: мо-

природная направленность, а также социокультурная противоположность либеральной хозяйственной системы и некапиталистических укладов восточного общества.

Обычно в основе экономической антисистемы лежит абстрактная модель свободной рыночной экономики. Очень наглядным примером такой экономической антисистемы является действующая сегодня в России либеральная модель национального хозяйства. В её основе лежат принципы экономического либерализма Адама Смита: 1) абсолютное господство частной буржуазной собственности, 2) абсолютное государственное невмешательство и 3) абсолютная свобода хозяйствования, «экономического человека», а также «невидимая рука рынка». В совокупности эти либеральные элементы и принципы подрывают любое государство, уничтожая при этом основы общества. С.П. Макаров очень точно указывает на суть антисистемы: «В отличие от обычной — экономической — системы, действующей в той или иной стране, позволяющей привести в движение хозяйственные ресурсы в интересах данной же страны, экономическая антисистема направлена на ликвидацию национального хозяйства вообще. Она предстает как особый способ борьбы с конкурентом, как совокупность мер экономической зачистки некой хозяйственной территории ради дальнейшего ее использования, но уже в интересах другой экономической системы»¹.

1) Либерально-рыночная модель как система антиэкономики

В современной России деструктивное содержание экономической антисистемы прикрывается рассуждениями о некой «переходной экономике». Однако принципиально важно подчеркнуть в этой связи, что, провозглашённый курс на формирование рыночной экономики, создаёт в реальности систему *квазирынка, антирынка, антиэкономики*². Антисистема доводит принципы либерализма до состояния абсолютного абсурда, превращая их в принципы социального анархизма. Модель свободного рынка гарантирует абсолютные свободы для финансовой олигархии, т. е. плутократии, одновременно лишая свободы хозяйствования всех мелких и средних собственников. Рабочие как непосредственные производители в этой «рыночной модели» вновь превращаются в низшую «расу рабочих», лишенных каких-либо реальных прав.

Экономическая антисистема «выступает как внутренне упорядоченная антиэкономика, организованное антихозяйствование», являясь, по сути, осо-

нография / под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. — М., Ирпень:Изд-во Национального университета государственной налоговой службы Украины, 2013. — С. 267-274.

¹ С.П. Макаров. Указ. соч. — С. 109;

² С.П. Макаров подчеркивает: «Она десистематизирует, а затем и просто устраняет все основополагающие устои рыночного хозяйствования: формирование стоимости, отношения купли-продажи, денежное обращение, макроэкономическое рыночное равновесие, циклический характер движения макроэкономики. В основе названных явлений лежит спровоцированная антисистемой глубинные, основные процессы экономического слома: дискредитация труда, подмена его кипучей псевдоэкономической деятельностью; деиндустриализация; свертывание фундаментальной и прикладной науки; исчезновение дееспособной социальной сферы; формирование абсолютно избыточного населения (массовое перенаселение); потеря экономической, территориальной, этнической безопасности». — Там же. — С. 110.

бым видом информационного оружия, используемое для ликвидации национального хозяйства любой страны. Именно такое концептуальное оружие используется Западом в его современных войнах, ведущихся против всей современной системы национальных государств и их хозяйств. «Смысл операции по созданию экономической антисистемы состоит в формировании внутри страны-конкурента экономического монстра, функцией которого является уничтожение её экономики, а значит, и самой страны в целом»¹. Антисистема превращается в инструмент конкурентной борьбы, в «орудие внешнего экономического вторжения», в химеру, которая внедряется в общественные организмы, подрывая общество изнутри, превращаясь².

2) Дуализм либеральной модели национального хозяйства

Главным препятствием на пути неолиберальной глобализации являются — а) нации и, соответственно, б) суверенные государства, основу экономической безопасности которых образует их национальные хозяйства, защищаемые своим государством. Однако, создаваемый глобальный рынок, основанный на практике свободной международной торговли, разрушает нации, как и все другие формы коллективного бытия. И делается это с помощью принципов неолиберализма (10 правил Вашингтонского консенсуса), подрывающих не только финансово-экономические, но и духовные основы жизнедеятельности национальных государств. Кардинально меняется сама модель общественного развития, в рамках которого реальный мир и сектор реального производства превращаются в придаток виртуального мира, представленного финансовой экономикой.

Антисистемность либерально-рыночной экономики проявляется, прежде всего, в том, что, она **расслаивает и разрывает экономическое пространство страны**, разделяя национальную экономику на две взаимоисключающие части: 1) экономическую антисистему как «организованное антихозяйствование», превратившееся в хозяйствующий анклав, интегрированный в мировую экономику; 2) собственно национальное хозяйство, имеющее свои особые экономические интересы, далеко не всегда совпадающие с интересами транснациональных субъектов мировой экономики. **Формируется анклавная модель, в рамках которой сектор новой, финансовой экономики превращается в гигантский финансовый анклав, внедренный в тело национальной экономики** не только развивающихся, но и развитых стран. Происходит разделение национальной экономики на а) «старую», представленную традиционными отраслями производства, и б) «новую экономику»³.

¹ Там же. — С. 110.

² Там же. — С. 111.

³ Если в последней трети прошлого века *традиционным* отраслям (представленным легкой и пищевой промышленностью) противопоставлялся *современный* сектор экономики (основанный на передовых наукоемких отраслях промышленности), то к началу XXI века уже вся промышленность в целом стала именоваться традиционным сектором, перейдя в разряд *старой* экономики. А название «*новая экономика*» получил информационный сектор экономики, основанный на виртуальных инвестиционных схемах. По мнению наших ученых, разрыв между традиционными и информационными секторами экономики уже состоялся, разделив экономику США и других высокоразвитых стран на две части: 1) «Старая экономика» — рост

Укажем в этой связи на несколько признаков современного дуализма, производного от неолиберальной экономики.

Во-первых, теперь уже дуализм экономики, характерный обычно для отсталых стран, воспроизводится не только на периферии мирового капитализма, но и в самой «метрополии». В 1990-е гг. «новая экономика» в США превратилась в финансовый анклав, ставший своеобразной «раковой опухолью на теле американской экономики»: ее объем составлял десятки процентов от ВВП, а спекулятивный уровень доходности неизбежно превращал ее в «пылесос», который «высасывал» из остальной экономики дешевые кредиты, а также инвестиционные ресурсы и оборотные средства промышленных предприятий¹. Самое главное, что никаких реальных товаров для населения от «новой» экономики практически не прибавилось. «Новая экономика» в странах развитого капитализма превратилась, по сути, в некий внутренний анклав, оторванный от промышленности, от реального производства и всего национального хозяйства в целом. А.Б. Николаев приходит к двум важным выводам: во-первых, — «уровень концентрации владения и распоряжения национальными и международными финансовыми ресурсами оказывается выше, чем уровень концентрации собственности на эти ресурсы»; во-вторых — «складывается разрыв между собственностью на ресурсы в денежной форме и на ресурсы как капитал, как форма присвоения национального экономического пространства. Переместив в высокоразвитые центры свои денежные ресурсы, субъекты развивающихся стран сохраняют на них собственность как на деньги, которые могут приносить процент. В руках финансовых центров эти денежные ресурсы превращаются в средство установления собственности на экономическое пространство всего мира»².

Во-вторых, дуализм «метрополии» воспроизводится в самом мировом хозяйстве, разделяя его на два «сектора»: а) сектор финансовой экономики, имеющей наднациональный характер и выступающей в форме суперанклава по отношению ко всему мировому производству; б) национальные хозяйства на периферии мирового рынка, превращенные в хозяйственные придатки, питающие центр, но только уже не собственно «метрополию», а глобальный финансовый центр, представленный узкой группой крупнейших ТНК и международных банков³.

производительности и доходности здесь остался на стабильном и обычном уровне, будучи привязан к учетной ставке и средней коммерческой ставке банковского процента, от которых зависит величина средней нормы прибыли в промышленности. Так, например, учетная ставка в США в 2005 году была на уровне 4,5 %, а средняя норма прибыли в промышленности в течение последних нескольких десятилетий в целом не превышала 5-6 % (в автомобильной промышленности США в 2000 году, например, средняя прибыль составила всего 4 %); 2) «Новая экономика» — рост производительности и доходности здесь определяется средним уровнем доходности вложений на фондовом рынке — 25-35% в год, однако нередко доходность составляет до 10 % в месяц. — АИ. Неклесса. Система геоэкономического мироустройства как глобальный проект // Экономическая теория на пороге XXI века — 5: Неоэкономика /Под ред. Ю.М. Осипова, В.Г. Белолипецкого, Е.С. Зотовой. — М.: Юрист, 2001.— С. 75-76.

¹ Кобяков А.Б., Хазин М.Л. Закат империи доллара и конец «Рах Americana». — М.: Вече, 2003. — С. 26.

² А.Б. Николаев. Указ. соч. — С. 157-158 (выделено мной — А.О.).

³ Контроль американского капитала над ТНК значительно превышает его долю в мировом производстве, измеряемую по ВВП. Как известно, на долю американской экономики приходится от 22 до 25% мирового валового продукта. Одновременно из 100 крупнейших производственных ТНК (без банков), контроли-

В-третьих, модифицировался характер дуализма и в самих развивающихся странах: если раньше проявлялся в противопоставлении промышленного анклава — местной отсталой сельскохозяйственной экономике, то теперь в анклав превращаются уже все сложившиеся в этих странах структуры финансовой эксплуатации, выкачивающей хозяйственные ресурсы этих стран в мировые финансовые центры¹. Советский экономист Е.А.Брагина пишет: «Само существование анклавов, представляющих иностранный капитал в стране базирования, способствует нарушению воспроизводственного цикла в хозяйстве развивающихся стран, а их экспортная ориентация ограничивает возможности роста обрабатывающих отраслей промышленности. Историческое развитие «кофейных», «медных» и других поясов-анклавов доказало, что создание крупных, технически оснащенных предприятий не является само по себе признаком укрепления национальной промышленной базы страны, если они не соединены органически с остальными секторами хозяйства»². Механизм эксплуатации экономики развивающихся стран, сложившийся в 1960–1980-е гг., приводил к имитации роста: наблюдался феномен формального роста без реального развития национального хозяйства этих стран. Однако с начала 1980-х гг. этот механизм стал радикально меняться под влиянием неолиберальных принципов. На смену модели «индустриального роста без развития национального хозяйства» пришла другая — неолиберальная модель «отрицательного роста», в рамках которой понятия «рост» и «развитие» потеряли свой изначальный смысл.

В-четвертых, кардинально поменялась цель, стоящая перед глобальной деятельностью ТНК. Если в прошлом веке она сводилась к эксплуатации ресурсов и всего хозяйства стран «третьего мира», то теперь уже ставится цель — подорвать и разрушить национальные хозяйства как таковые, превращая их целиком в локальные анклавы, выводимые полностью из под юрисдикции национальных государств. Ставится политическая цель — превратить развивающиеся страны и весь незападный мир в целом — в «серые зоны» на карте мира, управляемые из глобального финансового центра при помощи монетарного механизма «регулируемого хаоса». В период с 1985–2000 гг. в мире состоялось более 90 крупных финансовых кризисов; в двадцати из них страны потеряли более 10 % своего ВВП, а в десяти — более 25 %³. Примеча-

рующих значительную часть мирового производства, 30% относятся к американским. — АИ. Неклесса. Система геоэкономического мироустройства как глобальный проект // Экономическая теория на пороге XXI века — 5: Неоэкономика / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Г. Белолипецкого, Е.С. Зотовой. — М.: Юристь, 2001. — С.75-76.

¹ В целом ряде периферийных стран масштабы анклавного предпринимательства были значительны: нефтедобыча в странах Ближнего Востока, чайные плантации в Шри Ланке, каучуковые в Индонезии, кофейные в Бразилии и т. д., но это не вело к преобразованию экономики в целом. По мнению бразильского экономиста С. Фуртадо, капиталистическое предпринимательство, проникая в «архаичную экономическую структуру, не связывается с ней динамичным образом, поскольку масса прибыли, которую оно создает, не интегрируется в местную экономику». — С. Furtado. Development and Underdevelopment. London, 1971. P. 67.

² Брагина Е. А. Развивающиеся страны: государственная политика и промышленность. — М., 1977. — С. 26.

³ В.М.Коллонтай. Эволюция современных финансов // Экономическая теория на пороге XXI века — 4: Финансовая экономика / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Г. Белолипецкого, Зотовой. — М.: Юристь, 2001. — С. 27.

тельно, что именно за это же время 1 % населения США удвоил свою долю в национальном богатстве США — с 19 до 39 % к 2000 г. При этом на 1% населения пришлось около 58 % прироста национального богатства, достигнутого в США в 1982—1993 гг.¹ Увеличился разрыв в доходах между 20 % населения мира, живущего в высокоразвитых странах, и 20 %, живущих в самых беднейших странах. В 1960 г. это разрыв равнялся 30:1, в 1990 г. эти показатели равнялись 60:1, а в 1997 г. разрыв достиг 74:1².

В-пятых, США напористо навязывают миру «торговый строй», где тотально всё становится товаром. Деньги стали превращаться в универсальный инструмент управления не только экономикой, а уже всем обществом в целом. Другими словами, управление обществом, основанным на финансовой экономике, трансформировалось в финансовое управление обществом. Соответственно, классическое представление об управлении компанией трансформировалось в финансовое управление компанией³. В.Г. Белолипецкий указывает на то, что «формирование обезличенной собственности и новых форм ее бытия — деривативов (инструментов контроля над денежными потоками, ценных бумаг, различных прав и т.д.) привело, в конечном счете, к новой исторической форме хозяйства — финансовой экономике»⁴. По существу, это — качественный переход от денежной экономики к экономике финансовой, внутренней пружины саморазвития которой являются финансовые спекуляции, перераспределяемые в форме финансовой ренты в пользу немногочисленных групп сверхбогатых людей, функционирующий в экономике только лишь в качестве игроков, но никак не производителей.

По мнению А.И. Неклесса, заместителя директора Института экономических стратегий Отделения экономики РАН, — «перенесение рыночных принципов на внерыночную сферу, на социальные и культурные институты, мобилизационный и творческий потенциал общества создает серьезнейшие проблемы, ставя под вопрос основные принципы организации общества, его мораль и целеполагание. Сама логика финансовой цивилизации диктует последовательное снижение социальных затрат, т. е. асоциализацию и вытеснение лишнего человека из Нового мира, дестабилизируя, таким образом, общество, напрягая и истощая его культурно-исторические защитные механизмы»⁵. С наступлением эпохи неолиберализма тезис Фридмана — «социаль-

¹ Валянский С.И. За какие идеи мы умираем. — М.: Изд-во Алгоритм, Изд-во Эксмо, 2005. — С. 109.

² Гуманистические ориентиры России / Под ред. Л.И.Абалкина, А.В.Барышевой, Д.Е.Сорокина. — М.: Институт экономики РАН, 2002. — С. 21.

³ В.Г.Белолипецкий указывает: «Результатом такой трансформации стало рождение финансовой системы управления бизнесом, т.е. системы, в которой все хозяйственные решения принимаются либо отклоняются, исходя из значений финансовых критериев эффективности бизнеса: доходности, ликвидности и риска. Это невиданное усложнение, ломающее не только логику классического менеджмента, но и логику финансового менеджмента. Модификация управления бизнесом в конечном счете выразилась в переходе от управления компанией к управлению стоимостью компании в ее финансовой трактовке». — Белолипецкий В.Г. Финансовая экономика: концептуальные основания и механизм реализации // Экономическая теория на пороге XXI века — 4: Финансовая экономика / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Г. Белолипецкого, Зотовой. — М.: Юристъ, 2001. — С. 69.

⁴ В.Г.Белолипецкий. Финансы // Экономическая теория на пороге XXI века — 4. — М., 2001. — С. 289.

⁵ АИ. Неклесса. Указ. соч. — С. 77. Французский исследователь Эммануэль Тодд, предупреждая о грозящей опасности неолиберализма, резонно заметил: «При свободном обмене вступает в действие фунда-

ные обязательства — это фундаментально подрывная доктрина» — превратился в политический лозунг, в призыв к борьбе с «инакомыслящими».

1.2. ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОТКРЫТОЙ ЭКОНОМИКИ: МАКРОКОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ОТКРЫТОЙ ЭКОНОМИКИ США

В качестве главного оценочного критерия эффективности этой модели используются чисто денежные показатели экономической эффективности, хотя, очевидно, что рентабельность производства и прибыльность коммерческого оборота не могут служить критериями для оценки эффективности всего национального хозяйства. Представляется необходимым рассмотреть опыт экономики США, учитывая, что наши либеральные экономисты и министры, как правило, ссылаются на американский опыт, используя его в качестве примера для наших реформ. Рассмотрим, как достигается американская эффективность и каковы её последствия для хозяйства всей страны¹.

В основе экономической мощи США лежит уже не промышленность, а чисто денежное производство — производство долларов. Американская экономика является пирамидой, на вершине которой располагается Федеральная резервная система (ФРС) США, которая создана частными банками, и, по сути, является мощной частной финансовой корпорацией, концентрирующей в своих руках самый прибыльный в мире бизнес — частную эмиссию американских долларов. Так, например, ФРС в 1990-х гг. печатала лишь 8 % находящихся в обороте долларов, а 92 % — эмитировали частные банки, подконтрольные ФРС². Происходит стремительная монетизация американского общества, о чём свидетельствуют следующие цифры. Так, если прирост прибылей в течение всего XX столетия в США составлял в среднем 5-6 % в год, а средние темпы прироста ВВП с 1995 г. — 4,5 %, то прирост денежной массы в этот период происходил на уровне 10 % в год³.

Норма прибыли здесь имеет фантастически высокий уровень: а) средняя норма прибыли в промышленности США составляет порядка 4—6%⁴ и не превышает 10%; б) в банковском секторе и в новых отраслях (информацион-

ментальный механизм разрушения солидарности и какого-либо чувства коллективизма, то есть всех структур. Без коллектива индивидuum замыкается в своем кругу страха, страха своего неизбежного исчезновения». — Цит. по: Ключников Б.Ф. ВТО — дорога в рабство. — М.: Изд-во Эксмо, Изд-во Алгоритм, 2005. — С. 87.

¹ Олейников А.А. Политическая экономия национального хозяйства. — М.: Институт русской цивилизации, 2010. — С.855-877; Олейников А.А. Макроконкурентоспособность национальной экономической модели в системе управления национальным хозяйством суверенной России: выбор стратегии, выбор будущего. Научная монография. — М.: Издательский дом «Белгород», 2014 (Серия «Евразийский мейнстрим: русский взгляд»). (Серия «Евразийский мейнстрим: русский взгляд»); Олейников А.А. Макроконкурентоспособность национального хозяйства в XXI веке: выбор России между открытостью и экономической самостоятельностью (Опыт системного экономико-философского подхода): Научная монография. — М.: Издательский дом «Белгород», 2014. (Серия «Евразийский мейнстрим: русский взгляд»). (Серия «Евразийский мейнстрим: русский взгляд»).

² Постиндустриальный мир и Россия/Отв.ред. В.Г.Хорос и др.— М.: Эдиториал УРСС, 2001. — С. 14.

³ Распад мировой долларовой системы: ближайшие перспективы. / Сборник работ. Под общей редакцией Ю.Д. Маслюкова. — М.: Издатель Н.Е. Чернышова, 2001. С. 132, 136; Кобяков А.Б., Хазин М.Л. Закат империи доллара и конец «Рах Americana». — М.: Вече, 2003.— С. 142.

⁴ Распад мировой долларовой системы. Указ. соч. — С. 47.

ном секторе экономики, ориентированном на спекулятивно-банковские операции, на перегретый фондовый рынок) она нередко составляет 10% в месяц, т. е. доходит до 120 % годовых и выше¹; в) норма прибыли у финансовых спекулянтов типа Сороса доходит до 1000 % и выше; г) а на вершине этой спекулятивно-денежной пирамиды — горстка финансовой олигархии, которая монополизировала в своих руках самый прибыльный бизнес — производство денег. Нетрудно подсчитать норму прибыли или рентабельности механизма долларовой экспансии, если себестоимость печатания одной 100-долларовой банкноты равна 10-11 центам, соответственно, уровень рентабельности приближается к 100 000%. Именно здесь и скрывается тайный механизм мировых финансовых войн, создающий анклавно-сетевую организацию мирового хозяйства. Для сравнения ещё раз подчеркнём, средняя норма прибыли в промышленности США в течение всего прошлого столетия в среднем была на уровне 5—6% в год; для автомобильных компаний в 2002 г. она опустилась до 4%².

Современная модель экономики США является отражением глобальной финансовой системы, сформированной по принципу перевернутой пирамиды: на долю реального сектора (включая соответствующие товарные потоки) приходится **не более 10—12 % от оборота** мировых финансовых ресурсов. Весь остальной денежный капитал, функционирующий на денежно-товарных рынках, не имеет никакого реального наполнения³. Экономика США в целом является такой же финансовой пирамидой, мощь которой искусственно раздувается при помощи монетарных принципов эмиссионной, кредитной и бюджетной накачки.

Лидером процесса глобализации являются США, а его движущей силой — американские транснациональные корпорации. Формируя костяк не только экономики США, но и всемирного хозяйства, многие ТНК сами уже давно превратились в универсальные торгово-финансовые компании, занимающиеся производством «по совместительству». Так, например, такие **известные индустриальные гиганты, как General Electric, General Motors, Ford, более половины своих прибылей они получают от своих чисто финансовых подразделений**⁴.

Национальное хозяйство США, превращаясь в чисто денежное хозяйство, неизбежно перешло на чисто монетарные принципы управления. А это означает, что управлять страной и компаниями стали финансисты, ориентированные на спекулятивные сверхприбыли. Финансовые активы крупнейших американских компаний превышают объёмы реального производства в десятки, сотни, а то и тысячи раз. Торговля деривативами стала полностью автономной. В конце XX века общий объём рынка вторичных ценных бумаг приближался к 100 трлн. долл. США, а годовой оборот финансовых трансак-

¹ Распад мировой долларовой системы. Указ. соч. — С. 28

² Кобяков А.Б., Хазин М.Л. Указ. соч. — С. 63, 152.

³ Путь в XXI век: стратегические проблемы и перспективы российской экономики/Рук. авт. колл. Д.С.Львов; Отд. экон. РАН. — М.: Изд-во «Экономика», 1999. — С. 19.

⁴ Кобяков А.Б., Хазин М.Л. Указ. соч. — С. 163.

ций достиг полквадриллиона долларов США¹. В этих условиях либеральная модель открытой экономики является просто неизбежным результатом сложившейся в западном мире и в США финансово-спекулятивной структуры хозяйства. Вопрос весь в том, насколько эта модель эффективна для всего национального хозяйства.

Для ответа на этот вопрос рассмотрим некоторые факторы повышения эффективности автомобильной промышленности США, которая, как известно, образует основу всей американской промышленности, поэтому динамика её развития отражает общие тенденции экономики США. В частности, рассмотрим, каким образом автомобильные гиганты обеспечивают рост эффективности своих активов в условиях фактического кризиса перепроизводства: в США с конца 90-х гг. колоссально растут складские запасы — до 1 % ВВП в квартал², т. е. в стране развивается классический кризис перепроизводства, ежегодный «рост» которого достигает 400 млрд. долл. (годовой ВВП в конце 1990-х гг. — свыше 10 трлн. долларов).

В этих условиях такие автомобильные компании начинают работать «на склад», уменьшая объёмы своего производства. Так, например, «Форд моторс» объявил в конце января 2006 года о закрытии 14 заводов на территории США и о сокращении $\frac{1}{4}$ своего персонала. Убытки компании в 2005 г. составили 1,5 млрд. долл. Форд теряет американский рынок под давлением агрессивной конкуренции азиатских производителей более дешёвых машин: производители из стран Азии захватили 36,5 % всего американского рынка автомобилей, а корпорации США контролировали в 2005 г. только 57 % автомобильного рынка, оставив европейским компаниям — 6,5 %³.

Чтобы избежать в этих условиях затоваривания своей продукции, был придуман хитроумный прием, использованный в дальнейшем российскими финансовыми спекулянтами⁴.

1. Предприятие *A* (скажем, «Форд моторс») продает партию своих автомобилей на условиях товарного кредита некой компании *B*, которая входит в финансово-промышленную группу *A*, являясь аффилированной компанией. Таким образом, предприятие *A* переводит часть своей непроданной продукции в разряд «проданной», оформляя дебиторскую задолженность.
2. В свою очередь фирма *B*, разместив «купленные» машины на своей складской стоянке, передает их другой аффилированной компании *B*, оформляя с ней договор ответственного хранения.
3. Затем компания *B* выпускает особую ценную бумагу — складскую расписку, то есть финансовый документ, подтверждающий принятие товара (груза) на склад для хранения. Складская расписка является варрантом (*warrant*), и может использоваться как залоговый документ для получения ссуды и перепродажи товара.

¹ МЭ и МО. — 1999. — № 6. — С. 56.

² Распад мировой долларовой системы: ближайшие перспективы. — С. 40.

³ ТВ. Euronews. 07.01.2006.

⁴ Олейников А.А. Политическая экономия национального хозяйства. — М.: Институт русской цивилизации, 2010. — С. 967-977.

4. Фирма *Б*, получив на руки складскую расписку, берёт затем в банке ссуду (кредит), а его залоговым обеспечением является партия автомобилей.
5. Затем компании *Б* и *В*, объединившись, уже вместе выпускают «производную ценную бумагу» — фьючерс или опцион (в зависимости от обстоятельств), которая поступает в финансовый оборот на международные спекулятивные рынки.

Не будем забывать, что более половины прибылей General Motors и Ford получают от своих финансовых подразделений. Более выгодно для них не машины производить, а инвестировать свои средства в высокодоходные спекулятивные активы. Так, например, если средняя норма прибыли в автомобильной промышленности в 2000 году составила всего 4 % , а в промышленности в целом 5-6 %, то средний уровень доходности вложений на фондовом рынке был на уровне 25—35 % в год¹.

Таким образом, в итоге все участники спекулятивной «цепочки» оказываются в выигрыше: 1) Ford списал по своей бухгалтерии продукцию, оформив ее как «дебиторскую задолженность»; 2) компании *Б* и *В* — делают деньги на пустом месте, разместив на спекулятивных рынках свои фьючерсы или опционы. Кроме этого, они могут взять дополнительный кредит (уже под обеспечение своих «ценных бумаг»), скажем, под 4—6, максимум 8 %, а затем выступить самим в качестве займодавца, оформив кредит, к примеру, российской или азиатской компании, но уже по другой банковской ставке, которая в России находится в пределах, как минимум, 15—20 %. В итоге, растёт фиктивный рынок спекулятивных ценных бумаг, усиливая еще больше фиктивный характер современного капиталистического производства.

Таким образом, задолженность можно использовать для «работы» внутри собственного хозяйства, передавая её другим участникам внутреннего рынка в обмен или под обеспечение их реальных активов (например, автомобилей, нефти, газа или металлов, пользующихся гарантированным сбытом на внешнем рынке). Причем ситуация для такого инвестора оказывается почти беспроигрышной. Если даже сделка не исполняется, то на рынок выбрасывается реальный актив, принимавшийся в обеспечение.

Итак, суть сегодняшней американской модели экономики в том, что она эффективно может функционировать только как открытая экономика, являясь эффективной для транснациональных корпораций США. В этом контексте можно предположить, что автомобильный рынок США, видимо, не был захвачен азиатскими компаниями, а был добровольно им «сдан» на основе договоров о стратегическом партнерстве, частью которого является их участие в международных финансовых спекуляциях.

Финансовая модель управления является, безусловно, эффективной для американских компаний, помогая им преодолевать последствия фактического кризиса перепроизводства. Однако эффективность этой модели для хозяйства страны и всего общества измеряется параметрами отри-

¹ Кобяков А.Б., Хазин М.Л. Указ. соч. — С. 149.

цательного роста, имеет в целом отрицательное народнохозяйственное значение, которое определяется показателями а) утраты доли в национальных рынках, б) происходящей деиндустриализацией, в) искажением статистики роста ВВП, г) манипуляциями с отчетностью компаний, д) ростом потребления и паразитизма, е) социальной поляризацией общества¹.

Речь идёт о народнохозяйственной эффективности, которая в принципе не может быть обеспечена на основе принципов открытой экономики, подрывающей национальный воспроизводственный механизм, обеспечивая одновременно рост корпоративных прибылей.

1.3. ДЕСТРУКЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОСПРОИЗВОДСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА В РАМКАХ ОТКРЫТОЙ ЭКОНОМИКИ

1) Модель отрицательной народнохозяйственной эффективности

Либерально-рыночная модель экономики в России превратилась в механизм подрыва социально-экономических механизмов воспроизводства основ жизнедеятельности человека и самого общества в целом. В этом и заключается её отрицательная народнохозяйственная эффективность.

Во-первых, принципы неолиберализма, действующие как информационное оружие, уничтожили в стране концептуальную власть, превратив все остальные ветви власти в придаток внешних глобальных сил, навязавших России свою стратегию². Подрыв и разрушение данного типа власти в любой стране вообще приводит к тому, что законодательная, исполнительная и судебная власти данной страны оказываются под контролем тех внешних сил, которые монополизировали право на разработку мировоззренческих основ и структур мироздания в XXI веке. В результате этого в 1990-х гг. в России произошло уничтожение национального государства как такового: государство трансформировалось в технический аппарат, выполняющий функции управленческого подразделения глобальной власти мировой финансовой элиты. Наглядным подтверждением этого тезиса являются процесс приватизации, проведенный в России под контролем Запада. В рамках намеченной Западом стратегии «гарантированного технологического отставания России» реформаторы использовали целую совокупность мероприятий, направленных

¹ См. подробно: Олейников А.А. Политическая экономия национального хозяйства: Научное издание. — Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова; Кострома: КГУ им. Н.А Некрасова, 2006. — С. 255-273; Олейников А.А. Политическая экономия национального хозяйства. — М.: Институт русской цивилизации, 2010. — С. 1032-1045.

² Концептуальная власть, подчеркивает А.Д. Плешанов, невидима для непосвященных, и «всегда проявляется и облекается в виде доминирующей идеологии, навязываемой определенными партиями, средствами массовой информации, художественной литературой, другими видами искусства. Она реализуется путем принятия в данном государстве соответствующих законов, в частности, формирующих систему управления экономикой». — См.: Плешанов А.Д. Преодоление концептуальной неопределенности как условие выживания России в геофинансовой экономике // Экономическая теория на пороге XXI века — 4: Финансовая экономика / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Г. Белолипецкого, Е.С. Зотовой. — М.: Юристъ, 2001. — С. 242.

на разрушение хозяйственной иерархии, интегративности и целостности народнохозяйственного механизма. Отметим, в частности¹:

- 1) разрушение кооперативных связей между предприятиями;
- 2) распродажу предприятий некомпетентным дельцам-спекулянтам и иностранным фирмам, не заинтересованным в развитии производства;
- 3) дробление крупных предприятий, НИИ, КБ на десятки мелких с целью извлечения сиюминутных выгод от распродажи имущества;
- 4) сознательную ориентацию конверсии оборонных предприятий на производство невостребованной продукции;
- 5) скрытую интервенцию иностранного капитала с целью подрыва обороноспособности и экономики России.

Во-вторых, открытая экономика привела к массовому наводнению России в 90-х гг. долларами США, что привело к долларизации её экономики, подрывавшему суверенитет страны. Финансовая составляющая степени открытости проявляется и в высокой степени долларизации российской экономики. Так, движение наличной иностранной валюты через уполномоченные банки достигло огромных размеров. В целом за 1996 г. движение иностранной валюты на российском рынке (прежде всего долларов США) составило 106,4 млрд. долл., в 1997 — 104,3 млрд. долл., за 1998 — 55,2 млрд. долл., в первом полугодии 1999 г. — 13,7 млрд. долл. **По оценкам экспертов МВФ, в 1999 г. в России находилось около 100 млрд. долл., что составляет почти четверть долларовой наличности, обращающейся в мире**².

Согласно другим экспертным оценкам, **открытая экономика привела к тому, более 40 % долларов, находящихся пределами США, обращается в России**³. В результате проведения монетарной политики (эмиссионного ограничений) национальная денежная масса, при пороговом значении — 50 % от ВВП, в 1995 г. составила — 13,2 %, в 1996 — 14,8 %, 1997 — 16,4 %, 2000 — 16 %, в 2001 г. — 20,4 %⁴, а в 2006 г. — 28 %⁵. Для сравнения укажем, что в США этот показатель равен 120 % от ВВП. Разница, как видим, в 10 раз.

Опасность долларизации в том, что она превращается в форму присвоения национального экономического пространства любой страны. Это проявляется в том, что иностранная валюта превращается в главное платежное средство, в инструмент политико-экономического контроля экономического пространства этих стран. Достаточно напомнить, что **фьючерсный**

¹ В.А. Лисичкин, Л.А. Шелепин. Россия под властью плутократии. История черного десятилетия. — М.: Алгоритм, 2003. — С. 109.

² Охлопкова Н.В. Финансовая составляющая степени открытости экономики // Экономическая теория на пороге XXI века — 4: Финансовая экономика. — М., 2001. — С. 195; см. также: Промышленность России. — 1999. — №6.

³ Петренко И.Н. Экономическая безопасность России: денежный фактор. — С. 64.

⁴ Там же.

⁵ По словам российского министра финансов, «состояние нашей экономической системы таково, что мы себе можем позволить в 2006 году 27 процентов показателя денежной массы к ВВП». И, согласно этой логике, превышение денежной массы по отношению к этой величине нужно изымать из обращения. — См.: Глазьев С.Ю. Кудрявая экономика // Политический журнал. — 2006. — № 43-44.

курс рубля формируется на чикагской бирже, а Центральный банк РФ затем, как правило, следует этому курсу, всего лишь дублируя его¹. Долларизация превращает долларовую экспансию в ключевой инвестиционный ресурс, который, являясь преимущественно спекулятивным капиталом, не предполагает **адекватной передачи реальных ресурсов**.

Долларизация превращает долларовую экспансию в ключевой инвестиционный ресурс, который, являясь преимущественно спекулятивным капиталом, не предполагает адекватной передачи реальных ресурсов. А.Б. Николаев, указывает в этой связи на то, что «приток иностранных инвестиционных ресурсов в денежной форме в российскую экономику не сопровождается притоком реальных ресурсов... Новых производственных мощностей создается ничтожно мало. Доля капиталобразующих прямых иностранных инвестиций в 1998–1999 гг. не превышала 2,2 % от общего объема инвестиций в основной капитал промышленности РФ². Кроме этого, вывоз доходов от иностранных инвестиций превышает 90 % их объема³.

В-третьих, модель открытой экономики деформировала реальный сектор, сформировав гипертрофированный денежно-торговый спекулятивный сектор. Приток иностранного денежного капитала в лучшем случае вызвал усиленный приток в страну предметов потребления. Согласно данным бывшего председателя ЦБ РФ В.В. Геращенко, растет капитализация иностранного капитала в банковской сфере. К марту 1999 г. она достигла 15 %⁴. Кроме этого, **из платёжного средства рубль превратился в инструмент для валютных спекуляций: доллар стал самым ликвидным и ходовым товаром — на доллар, по различным оценкам, приходится от 1/3 до 1/2 товарооборота России**⁵.

В-четвертых, в результате притока иностранного денежного капитала обострились финансовые проблемы России: а) существенно возрос государственный долг; б) увеличились выплаты по этому долгу; в) возрос отток капиталов за границу. А.Б. Николаев подчёркивает: «Приток иностранных денежных инвестиций облегчал конвертацию рублей в твердую валюту для ее последующего нелегального вывоза»⁶. По существующим оценкам, около 1 млрд. долл. ежемесячно вывозится из страны, и общая сумма бегства капитала России только в нелегальной денежной форме составила 200—250 млрд. долл., а по другим данным, оценивается за последние годы в 150—200 млрд.

¹ А.Д.Плешанов Преодоление концептуальной неопределенности как условие выживания в геофинансовой экономике. — Там же. С. 246.

² А.Б.Николаев. Финансовый капитал и инвестиционный процесс. — Экономическая теория на пороге XXI века — 4: Финансовая экономика. — М., 2001. — С. 159.

³ Глазьев С.Ю. Благосостояние и справедливость: как победить бедность в богатой стране / Сергей Глазьев. — М: «Б.С.Г. — ПРЕСС», 2003. — С. 122.

⁴ Там же. — С. 194.

⁵ Плешанов А.Д. Указ. соч. — С. 247.

⁶ Николаев А.Б. Указ. соч. — С. 160.

долл.¹. По некоторым оценкам, вывод активов за рубеж (прежде всего — в оффшоры) во многих российских компаниях достигает 80 %².

В целом общий объем нелегального вывоза капитала за счет манипулирования ценами контрактов находится на уровне 10 млрд. долл. США в год³. Таким образом, даже примерные оценки позволяют нам утверждать, что в конце 1990-х гг. нелегальный вывоз капитала, нефиксируемый в платежном балансе России составил как минимум 15 млрд. долл. США в год. Это примерно равняется величине годового объема нелегального вывоза капитала, находящего отражение в платежном балансе страны. Общий объем нелегального вывоза капитала (фиксируемого и нефиксируемого) составил во второй половине 90-х годов порядка 30 млрд. долл. в год. И.Н. Петренко делает вывод: «В итоге: величина экономически необоснованного вывоза капитала за период 1994—2002 гг. равна примерно 184 млрд. долл. США, что в расчете на год составляет свыше 20 млрд. долл. США»⁴.

В-пятых, резко сократился объем капиталовложений в реальный сектор национальной экономики, что свидетельствует о начавшейся деиндустриализации. Капиталовложения в основной капитал в ходе реформ уменьшились по сравнению с 1990 г. в 35 раз и в последние годы остаются в 25 раз более низкими, чем в 1984 г.⁵. Инвестиции в развитие материально-технической базы страны приблизилась практически, к нулю. Так, коэффициент обновления основных фондов в результате псевдореформ упал до 1 % и не повышается. При темпе обновления 1 % в год основные фонды промышленности, включая машины и оборудование, должны работать до их замены 100 лет. А это равносильно ликвидации промышленности России⁶. В период 1999—2001 гг. уровень использования инвестиционного потенциала России находился в районе 50 %. В 2000 году, по данным Госкомстата России, объем инвестиций в основной капитал в России составил около 1000 млрд. руб. в текущих ценах, или около 30 млрд. долл. США по официальному среднему курсу рубля по отношению к доллару США в 2000 г. Следовательно, примерно такой же объем средств так и не материализовался в основные фонды российской экономики⁷. Общий объем нелегального вывоза капитала за счет манипулирования ценами контрактов находится на уровне 10 млрд. долл. США в год⁸. За период 1992—1999 гг. российская экономика потеряла более 160 млрд. долл. в результате хронического превышения экспорта реальных ресурсов над их импортом⁹.

В-шестых, национальная экономика стала приобретать черты аграрно-сырьевого придаток стран Запада, о чём свидетельствует структура экспорта-

¹ Охлопкова Н.В. Указ. соч. — С. 194.

² НГ — ПОЛИТЭКОНОМИЯ. — № 9. — 6 июля 2000. — С. 10.

³ Петренко И.Н. Указ. соч. — С. 241.

⁴ Петренко И.Н. Указ. соч. — С. 241, 246.

⁵ Петренко И.Н. Указ. соч. — С. 285.

⁶ Глазьев С.Ю., Кара-Мурза С.Г., Батчиков С.А. Белая книга: Экономические реформы в России 1991-2001 гг. — М.: Изд-во Эксмо, 2003. — С. 243.

⁷ Петренко И. Н. Указ. соч. — С. 251.

⁸ Петренко И.Н. Указ. соч. — С. 241.

⁹ А.Б. Николаев. Финансовый капитал и инвестиционный процесс. — С. 160.

импорта. Удельный вес экспорта составил в 1998 г.: 90 % в производстве алюминия, 64 % в производстве проката из железа и стали, 78 % — в производстве целлюлозы древесной, 47 % — тракторов, 35 % — природного газа, 34% — лесоматериалов необработанных, 75 % — бумаги газетной и т.д.

Удельный вес импорта в потреблении на внутреннем рынке в 1998 г. составил по сливочному маслу — 27 %, шинам пневматическим резиновым — 35 %, автомобилям грузовым — 17 %, автомобилям легковым — 16 %, холодильникам бытовым — 36 %, по бумаге газетной — 75 %¹. В целом доля иностранного импорта предметов потребления в некоторых регионах приблизилась к 50% товарооборота². Резко выросла зависимость от импорта продуктов питания. Реформа привела к тяжелейшему кризису сельского хозяйства, производство продукции сократилось более чем на 40 %. Объемы агропромышленного производства не обеспечивают даже минимальную потребность населения в продуктах. В результате страна оказалась в полной зависимости от иностранных производителей продовольствия. Сегодня из-за рубежа завозится до 50 % продовольственных товаров³.

В-седьмых, либерализм порождает проблему «расслоения» экономического пространства — на автономные, по-разному пространственно локализованные системы взаимосвязанных хозяйственно-технологических цепочек. Другими словами, идёт о том, что либеральная модель открытой экономики превращает национальную экономику в совокупность разрозненных «самостоятельных хозяйствующих субъектов», не образующих никакого единого целого, а лишь «соотносящихся» с некой «определенной территорией», в которой они всего лишь — «совместно локализуются». Все эти обособленные и самостоятельные хозяйствующие субъекты в рыночной экономике могут быть связаны воедино только одним способом — общими инвестиционными интересами и проектами (инвестиционным «климатом», экономическим «ландшафтом»), формируя, таким образом, свое экономическое «сообщество» или экономическое «пространство». По данным Госкомстата России, в 2002 году разница между регионами по инвестициям в основной капитал на душу населения составила 180 раз, по уровню регистрируемой безработицы — 20 раз, по соотношению среднедушевых доходов и среднедушевого прожиточного минимума — 15 раз, дифференциация населения по уровню доходов — 14 раз⁴. Уровень средней зарплаты в регионах России в 2002 г. различался почти в 10 раз⁵.

¹ Российский статистический ежегодник. 1999 г. — М., 1999. — С. 576-577.

² А.Б. Николаев. Финансовый капитал и инвестиционный процесс. — С. 159.

³ Глазьев С.Ю. Благосостояние и справедливость. — С. 25.

⁴ Известия. — 2003. — 3 июня. — С. 3.

⁵ Все это приводит к архаизации общественной жизни, включая разрушение механизмов общественного воспроизводства. В частности, в ходе реформы произошла архаизация всей системы производства и распределения продуктов питания. В животноводстве, например, идет снижение товарности, регресс в технологии и санитарии. В 90-х годах произошло резкое повышение доли личных хозяйств населения в производстве сельскохозяйственной продукции — с 26,3 в 1990 г. до 52,4 % в 2001 г.; в 2005 г. доля личного подворья в производстве говядины составила 60 %, свинины — 70 %⁵. Регресс и архаизация здесь заключаются в развале сельхозпредприятий, что неизбежно возвращает процесс сельскохозяйственного производства в эпоху господства натурально-товарных отношений. Кроме этого, произошел регресс в технологии и санитарии; разрушена единая система стандартов и контроля на качеством продуктов питания, в частности распу-

Очевидно, что при либеральном подходе к формированию национальной экономики экономического пространства страны никак не обнаружишь: народнохозяйственный комплекс здесь отсутствует в результате разрыва единого не только экономического, но также и политико-правового пространства: сейчас федеральное законодательство составляет примерно 10 % в структуре всего объема действующих нормативных актов¹. Однако в основе дезинтеграции экономики лежит не законодательство, а инфляционный механизм «расслоения» внутренних цен посредством их выравнивания с мировыми ценами. Рассмотрим кратко эту проблему на примере роста цен на автомобильное топливо в России в 2005—2007 гг.

Обычно такой рост оправдывают ссылками на рост мировых цен, утверждая при этом, что внутренние цены на бензин (хлеб и др.), дескать, зависят от мировой цены на нефть (пшеницу и др.). Однако национальное производство в любой суверенной стране подчиняется внутренним законам экономики, согласно которым в основе рыночной цены лежит рыночная стоимость, а уровень внутренних цен на любые товары, при прочих равных условиях, определяется средними (общественно-необходимыми) внутренними издержками производства². Соответственно, в любой стране имеется два типа цен — внутренние и внешние (мировые). И в том случае, когда, скажем, американский нефтеперерабатывающий завод продает бензин на американском рынке, то он при этом будет неизбежно ориентироваться на внутренние цены. А, поставляя бензин на мировой рынок, он будет продавать уже по мировым (биржевым) ценам. Так продаются товары в любой суверенной стране, и так будет до тех пор, пока в мире будут существовать суверенные страны и их национальные хозяйства, вступающие в острую конкурентную борьбу на мировых рынках, стремясь обеспечить рост благосостояния своей нации. Национальная экономика начинает функционировать как открытая система только под воздействием принципов либерализма и неолиберализма, подрывающих государственный суверенитет. Превращаясь в открытую систему, экономика любой страны, включая и Россию, начинает — 1) подрывать своей открытостью для глобальных ТНК иерархическую соподчиненность всех структурных звеньев национального хозяйства и (2) разрушать тот необхо-

цена хлебная инспекция. — Глазьев С.Ю. Благосостояние и справедливость. — С. 124; ТВЦ. Программа «Версты». — 30.01.06.

¹ Исаков В.Б. Законодательство субъектов Российской Федерации: объем, структура, тенденции развития // Журнал российского права. — 1999. — № 12; Мурташин Р.Ф. Законодательство субъекта федерации — реальность, требующая осмысления // Журнал российского права. — 1999. — № 9.

² Рыночная стоимость, т. е. стоимость продукции, произведенной на предприятии (товар на складе) и готовой к отгрузке на продажу, условно говоря, называется — ценой производства. В ее основе лежат: а) среднеотраслевые затраты (издержки производства); б) плюс — средняя норма прибыли, вычисляемая как среднеотраслевая, средняя в данной отрасли промышленности. Однако рыночная цена всегда выше цены производства: крупные монополистические компании, контролирующие производство и сбыт, устанавливают на рынке свои монопольно-высокие цены, получая монопольные сверхприбыли. Таким образом, структура рыночной цены состоит из трех частей: средних издержек производства, средней прибыли и сверхприбыли. Как известно, статистические сборники регулярно публикуют данные о среднеотраслевых нормах прибыли. Так, например, средняя норма прибыли в промышленности США в течение всего XX века была на уровне 6 %. Примерно на этом уровне держалась и средняя ставка банковского процента, указывая на то, что уровень средней прибыли примерно равен средней цене кредита.

димый «деспотизм внутренней идеи» (К. Леонтьев), который не дает экономической материи «разбегаться», т.е. распадаться, откалываясь в своем эгоцентризме от общехозяйственных интересов и ценностей государства-нации.

2) Россия как спекулятивно-финансовый анклав мировой олигархии

В итоге, либеральная модель обостряет до предела все социальные противоречия, превращаясь в механизм скрытой гражданской войны с населением страны, которое новая «финансовая элита» рассматривает с позиций социального расизма и социальной сегрегации, называя, например, русский народ не иначе, как «этот народ», живущий в «этой стране».

Приведу характерный пример. Стратегия Всемирного банка, выделяющего уже несколько лет деньги на реструктуризацию угольной промышленности, **нацелена на максимальное сокращение добычи угля в России**. И это не выдумка. Так, в 1997 г. **67% средств банка** было направлено в инвестиции на развитие угледобычи, выполнение тарифного соглашения и дотации не рентабельным угольным предприятиям. По терминологии банка это — «плохие деньги». Непосредственно на закрытие шахт, социальную защиту увольняемых шахтеров, консультации, переобучение потрачены 33% указанных средств. Эти деньги называются в банке «хорошими». В 1998 г. соотношение «плохих» и «хороших» денег кардинально меняется в сторону увеличения последних и составляет 40 и 60%. То есть налицо стремление Всемирного банка способствовать закрытию российских угольных шахт и разрезов¹.

- Произошел регресс в технологии и санитарии; разрушена единая система стандартов и контроля на качеством продуктов питания, в частности — распушена хлебная инспекция?! Либералы в своей ненависти к государству доходят до абсурда, предлагая вообще приватизировать часть государственных эталонов качества. Комментируя эти факты, депутат Государственной Думы РФ ФС В. Гартунг делает вполне обоснованный вывод: «происходит варварское уничтожение русского народа»².
- Из-за пятикратного сокращения производственных инвестиций износ основных фондов превысил 50%, а их активной части — машин и оборудования — 70%. Средний возраст оборудования составляет 18 лет и вдвое превышает соответствующий показатель в развитых странах. Выбытие устаревших производственных мощностей приобретает обвальный характер, многократно превышающий ввод новых³.

Экономика современной России имеет ярко выраженный анклавный характер. По сути, она превратилась в экономический анклав мировой наднациональной экономики, сосредоточенной в руках международной финансовой олигархии. В результате разрушительных антинародных псевдореформ страна и экономика оказались расколотыми на две сферы, слабо соприкасаемые между собой.

¹ НГ-ПОЛИТЭКОНОМИЯ. № 17, ноябрь. 1998. — С. 5.

² ТВЦ. Программа «Момент истины». — 18.12.2005.

³ Глазьев С.Ю. Благосостояние и справедливость. — С. 17.

Первая — максимум 10% населения и не более 10% всех промышленных предприятий, но свыше 90% всего денежного оборота страны. Это — мощный денежно-торговый и чисто спекулятивный **внеформационный уклад**, созданный искусственно на разломе истории. Это и есть — **экономический анклав**, спекулятивно-мафиозные структуры которого полностью интегрированный в мировую финансовую экономику. Здесь господствует прозападный финансовый капитал и финансовые «назначенцы» — люди Запада и нашей мафии. Наша финансовая олигархия, не построив с 1991 года ни одного крупного завода, изображает из себя такого народного благодетеля. Мнит себя элитой, метит в дворяне, стремится быть респектабельной. Как говорят в народе: «из грязи — да в князи». Однако все они — абсолютный ноль — сами по себе. Им просто *позволили* стать богатыми, назначив временно управляющими данной украденной у народа собственностью. Вот и все. Вот и весь секрет их «бизнеса» на крови народа.

Говорят, чтобы украсть — большого ума не надо. И это действительно так. Ум — это свойство души, а совесть — ее голос¹. Для того, чтобы *слямзить, стибрить, сбондить*, чтобы ловко *манипулировать* людьми в эгоистических целях, ум и совесть — не нужны. Для этого требуется один лишь *манипулятивный интеллект*, лишенный разума и совести², превращающий человека в механическое орудие по производству денег и прибыли — в отбойный молоток, направленный в тело общества и откалывающий от него «жирные куски» исключительно в свой карман. Но недалеко уже то время, когда всех их будут судить. А сегодня они пока еще купаются в роскоши и в шампанском, даже не чувствуя как под ними трещит сук, на который они взгромоздились с наворованной собственностью, изображая из себя «эффективных менеджеров».

Это очень немногочисленная прослойка общества — 2-3% населения, — состоящая из людей, разбогатевших фантастически за 10-15 последних лет. Причем основой их власти являются не только и не столько деньги, сколько близость к Западу и к прозападной государственной власти — сращивание с компрадорской политической властью. По данным Института социологии РАН, в списке самых богатых мужчин из 25 названных имен — 9 политиков, среди самых «крутых» предпринимателей 1996 г. — 11 политиков³.

¹ Один из крупнейших западных авторитетов по проблемам психотерапии и психоанализа, создатель теории логотерапии, Виктор Франкл подчеркивает, что «в поисках смысла человека направляет его совесть. Одним словом, **совесть — это орган смысла**. Ее можно определить как способность обнаружить тот единственный и уникальный смысл, который кроется в любой ситуации». — Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник: Пер. с англ. и нем. — М.: Прогресс, 1990. С. 38 (выделено мной — А.О.).

² Психолог и философ Эрих Фромм пишет: «Цель человека рыночного характера — *«надлежащее функционирование»* в данных обстоятельствах — обуславливает его рассудочную в основном реакцию на окружающий мир. Разум в смысле *понимания* является исключительным достоянием Homo sapiens; *манипулятивный же интеллект*, лишенный разума, опасен...». — Фромм Э. Иметь или быть?: Пер. с англ. — М.: Прогресс, 1990. С. 155 (курсив автора — А.О.).

³ См.: Экономическая теория на пороге XXI века. Т. 2. Под ред. Ю.М. Осипова и др. — М.: ЮРИСТЪ, 1998. С. 213

В ходе либеральных «реформ» в стране сформировался мощный криминально-мафиозный, спекулятивно-паразитический **внеформационный уклад**, возникший на **разломе** истории. Этот уклад (опираясь на силу *коррупционного государства, криминальной олигархии и мафии*) подмял под себя сегодня и промышленность, и экономику в целом, навязав им **диктатуру** банков и диктат чисто денежных, спекулятивных факторов. На смену диктатуре одной партии (КПСС) пришла страшная и зловещая диктатура: **диктатура финансовой олигархии**, практически сросшаяся с политической властью и с криминалом. Поэтому вполне закономерно, что нашу олигархию следует называть более точным термином: **«криминальная олигархия, приватизировавшая государство»**. Именно это слияние власти, бизнеса и криминала обеспечивает российской олигархии фантастические сверхприбыли, причем на фоне абсолютного обнищания почти 90% населения страны и сознательного разрушения отечественной промышленности. Насколько прав был Ленин, когда еще в начале века в качестве наиболее характерных черт финансовой олигархии выделял *паразитизм и загнивание*. В силу этого выгодно становится не произвести, а лишь выгодно продать, «обернуть» деньги, извлечь сиюминутную прибыль из «помещенного капитала» под сверхвысокие банковские проценты. Норма прибыли в *денежно-торговой сфере* в период до дефолта 1998 г. была на уровне 200-300% годовых в валюте. Здесь крутились (и продолжают крутиться) бешеные деньги, интегрированные в мировую экономику. С этим сектором экономики связано максимум 10% населения так называемых «новых русских», включая мафиозную олигархию, прислугу и технический персонал. Здесь жизнь внешне бурлит за счет сверхвысоких доходов.

Вторая сфера — *сфера материального производства — это примерно 90% населения и около 90% всех предприятий*. Здесь господствует «безденежная» экономика или бартер, который нередко достигает 90% всего товарного оборота между промышленными и сельскохозяйственными предприятиями. Люди, занятые в этой экономике — это наши советские люди, то есть «старые русские», которых «новые русские» подвергают сегодня жесточайшей эксплуатации.

Эта сфера переживает не просто застой, а период деградации и распада в силу элементарных экономических причин: первая сфера **высасывает деньги** из промышленности **как пылесос**. Норма прибыли здесь либо близка к нулю, либо далеко зашкаливает за нуль в отрицательную сторону. Деньги промышленности не дают ни банки, ни государство, которое под жестким давлением МВФ уже давно отказалось от всяких субсидий и льготных кредитов промышленности, сельскому хозяйству и другим сферам материального производства. Бартер в промышленности достигает 90%. И это в то время, когда в США вся денежная масса по отношению к ВВП составляет в среднем 120-130%, а у нас — едва достигает 20-30%.

Очевидно, что все это — прямой результат неолиберальных реформ, основанных на монетаристских принципах. Экономика у нас оказалась перевернутой с ног на голову: вместо того, чтобы обслуживать движение про-

мышленного капитала и служить сфере материального производства как источнику национального богатства, банки и торговля в руках финансовой олигархии превратились в диктаторов, хищно и кровожадно эксплуатирующих предприятия, их работников и общество в целом.

Наша страна сегодня превратилась фактически в расистское государство, в общество, основанное на принципах *социальной сегрегации*. Это есть скрытая форма расизма, фактически узаконенного правительством в форме минимальной зарплаты на уровне иррациональной категории, нищенской пенсии, на которую можно не жить, а только лишь медленно умирать, социальных пособий многодетным семьям, одиноким пенсионерам и инвалидам.

- Правительство уже отобрало у населения даже те немногочисленные льготы, которые еще оставались у населения. Очевидно, что все это делается с одной целью: использовать т.н. «монетизацию льгот» для прокручивания денег по оффшорным финансовым схемам мафиозного характера.

Таким образом, либеральная модель национального представляет главную угрозу для экономической безопасности страны, разрывая его экономическое пространство.

1.4. КАЧЕСТВЕННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗАПАДНОГО КАПИТАЛИЗМА

Неадекватность неоклассических экономических теорий особенно наглядно видна, если не забывать, что они отражают современное состояние западного капитализма, который трансформировался в денежное хозяйство. Следует подчеркнуть, что речь идет именно о качественной трансформации, уже превратившей капиталистический способ производства в квазикапиталистический способ распределения, в способ присвоения и распределения мировых богатств. Соответственно, западная экономическая теория, изучающая механизмы распределения и спекулятивного присвоения прибыли, не может быть адекватно применена в другом обществе, стремящемся развивать у себя общественное производство, используя для этого внутренние ресурсы своего национального богатства.

К концу XX в. западный капитализм превратился в глобальную торгово-финансовую систему, нацеленную на производство денежных ценностей как таковых. Неолиберальная глобализация возвращает западный мир, но не к эпохе индустриального капитализма: движение в обратном направлении в действительности является регрессией — возвратом к эпохе раннего меркантилизма XV в., который Маркс часто называет монетарной системой. В этом и заключается суть раннего меркантилизма. Разница, разумеется, в том, что меркантилизм возрождается на основе не денежно-торгового, а чисто денежного капитала, функционирующего в мировом хозяйстве в спекулятивно-ростовщической форме. В пользу этого красноречиво свидетельствуют следующие факты и процессы, имеющие место в экономике США и всего Запада в целом.

Во-первых, на долю реального сектора в мировой экономике приходится около 10 % общего оборота финансовых ресурсов, а 90 % всех средств мирового капитализма вложено в спекулятивные торгово-финансовые активы, в то числе 75 % из них — в финансовые ресурсы валютных рынков и рынков ценных бумаг¹. Это рынок, работающий по принципу: деньги делают деньги, то есть рынок чисто спекулятивных операций, рынок игроков в рулетку².

Во-вторых, производство денег здесь намного опережает реальное производство, превращаясь в ключевую отрасль фиктивного производства. Как уже отмечалось выше, в 1990-е гг. прирост денежной массы примерно в 2 раза превышал темы роста ВВП, а кредитная накачка фондового рынка привела к его гипертрофированному росту. На сегодняшний день акциями в США владеют 50 % домохозяйств. Для сравнения: в 1975—1990 гг. эта доля составляла около 15 %³. В структуре активов пенсионных фондов и страховых компаний в 1950-е гг. акции составляли 10 %, в период 1960—1990 гг. — 20—30 %, то сейчас эта доля превысила 45 %⁴.

В-третьих, весь этот денежный капитал, не имеет никакого реального наполнения, так как за ним нет никакого производства. Важная особенность современных международных рынков фиктивного капитала связана с функционированием новых производных финансовых инструментов — фьючерсов, опционов и т.д. Эти производные инструменты зачастую комбинируют стоимость акций, облигаций, товаров и валют разных стран на базе математических моделей, создавая рыночную капитализацию из рыночной капитализации, то есть деньги из денег — в абсолютно оторванном от реальности виде. По некоторым подсчетам, рыночная стоимость производных инструментов, находившихся в обращении в 1997 г., составила 360 трлн. долл., то есть — в 12 раз больше мирового ВВП⁵. В марте 1995 г. совокупность действующих контрактов по производным ценным бумагам (*derivatives*) в 26 ведущих странах оценивались в 47,5 трлн. долл., т.е. почти вдвое превышал годовую продукцию в мире⁶.

В-четвертых, долларизация мировой экономики превращается в — форму присвоения национального экономического пространства любой страны. Это проявляется в том, что иностранная валюта превращается в главное платежное средство, в инструмент политико-экономического контроля экономического пространства этих стран⁷. Всё это приводит, с одной

¹ Путь в XXI век. — С. 19.

² Представители видной современной теоретической школы социэкономии (Ковач, Энциони) исходя из того, что спекулятивная составляющая из периферийной превратилась в центральную функцию и основу финансовой системы, даже ввели в научный обиход термины «рулеточная экономика» и «экономика глобального казино».

³ Распад мировой долларовой системы. Указ. соч. — С. 148.

⁴ Там же.

⁵ См. Постиндустриальный мир и Россия. Указ. соч. — С. 65.

⁶ В.М. Коллонтай. Эволюция современных финансов. Указ. соч. — С. 25.

⁷ Достаточно напомнить, что фьючерсный курс рубля формируется на чикагской бирже, а Центральный банк РФ затем, как правило, следует этому курсу, всего лишь дублируя его. — А.Д. Плешанов Преодоление концептуальной неопределенности как условие выживания в геофинансовой экономике // Экономическая теория на пороге XXI века — 4: Финансовая экономика / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Г. Белолипецкого, Зотовой. — М.: Юрист, 2001. — С. 246.

стороны, к расширению экономического пространства владельца капитала, а с другой — сужает экономическое пространство региона, откуда ушли финансовые потоки»¹. Примером реального изменения конфигурации территориальных (и в значительной степени и политических) границ ряда государств (и расширения реального экономического пространства США) служит процесс агрессивной долларизации экономики многих стран мира, включая и Россию. Известный специалист по валютным проблемам М.В.Ершов пишет: «В тех более чем 30 странах, где американский доллар используется как национальная валюта, их экономическое пространство фактически превращается в долларовое пространство. По мнению ряда экспертов, они, в определенном смысле, становятся штатами США»².

Международные рынки фиктивного капитала несут в себе глобальную угрозу мировому сообществу. Они предельно мобильны, подчиняясь власти теневых финансовых структур³. В международной финансовой компьютерной сети громадные суммы денег с необыкновенной легкостью перебрасываются с одного конца света на другой, перетекая из одной страны в другую. Беспрепятственное перемещение финансовых ресурсов из одной страны в другую может в одночасье опустошить экономику любой данной страны, приводя её на грань банкротства. По оценкам, в ряде стран приток внешних капиталов в отдельные периоды может составлять от 25 до более 50 % ВВП. Очевидно, что резкий отток этих средств «может в одночасье свести на нет всю многолетнюю работу страны по выстраиванию ею условий укрепления и повышения национальной конкурентоспособности»⁴.

М.И. Гельвановский указывает на то, что это «**порождает угрозу распространения так называемых финансовых эпидемий — качественно новых процессов в финансово-экономической сфере современного мира**»⁵. В период с 1985 по 2000 год в мире состоялось более 90 крупных финансовых кризисов; в двадцати из них страны теряли более 10 % своего ВВП, а в десяти — более 25 %⁶. Так, например, пресловутые финансовые кризисы, которые пережили в 1997—1999 гг. страны Юго-Восточной Азии (Таиланд, Малайзия, Индонезия и др.), свидетельствуют не о «крахе азиатской модели», о чем пишут либеральные ученые, а — о финансовых войнах, которые Запад активно ведет и не только против стран Азии, но против всего Востока, включая в первую очередь и саму Россию⁷. В эпоху мировой глобализа-

¹ Петренко И. Н. Безопасность экономического пространства хозяйствующего субъекта. — С. 61.

² Цит. по: М.И.Гельвановский. Глобализация и национальная конкурентоспособность // Указ.соч. — С. 221; см. также: МЭ и МО. — 2002. — № 5. — С. 5.

³ М.И.Гельвановский указывает на «тревожный симптом макрозависимости страны от международных валютных и финансовых рынков», который «связан с манипулирование национальными валютами со стороны анонимных экономических операторов». — М.И.Гельвановский. Указ. соч. — С. 220.

⁴ М.И.Гельвановский. Указ соч. — С. 220.

⁵ М.И.Гельвановский. Указ соч. — С. 219 (выделено автором — А.О.).

⁶ В.М.Коллонтай. Эволюция современных финансов. — Указ. соч. — С. 27.

⁷ И.Н. Петренко подчеркивает, что «организованное крупными финансовыми спекулянтами бегство капитала, обанкротившее динамично развивающиеся страны азиатского региона, изменило конфигурацию мировой экономики, выводя на поверхность деструктивную роль мирового финансового капитала». Автор приводит пример Индонезии: «Одномоментный уход капитала в виде портфельных инвестиций разорил страну, вызвал острейшие социальные конфликты и даже раздел территории». Автор указывает на то, что

ции проблема экономической безопасности территории должна рассматриваться гораздо шире, трансформируясь в безопасность его экономического пространства.

В-пятых, присвоение глобального мирового пространства и мировых ресурсов производит на основе глобальной финансовой метайнфраструктуры, основанной на системе внеэкономического принуждения и перераспределения экспроприированных мировых ресурсов. А.И. Неклесса подчеркивает: «Классическая политэкономия знает три источника ВВП — труд, капитал и земля (земельная рента). Однако все эти факторы не могут сейчас исчерпывающе объяснить и описать рост ВВП, прежде всего в индустриально развитых странах. Остается весьма значительная его доля, иной раз свыше половины всего ВВП, создаваемая на основе какого-то иного, четвертого фактора (или группы факторов). В экономической литературе последних лет этот новый таинственный фактор получил название общего фактора производства (total factor productivity). Его вклад в результат экономической деятельности весьма высок, однако, — лишь в индустриально развитых странах. В странах же развивающихся его роль заметно снижена... В итоге финансовые потоки устремлены в настоящее время преимущественно в североатлантический ареал, где, несмотря на сравнительно высокие издержки производства, работает некий могучий агент, и им обеспечена высокая прибыль»¹.

В контексте вышеизложенного понятно, почему неолиберализм объявил войну ценностям традиционализма, пытаясь представить институты иерархии и солидарности, общинности и коллективизма в качестве символов отсталости, якобы тормозящих «общественный прогресс». Однако именно благодаря этим ценностям успешно развиваются не только Япония, но и другие страны ЮВА, именуемые не иначе как — «новые индустриальные страны» Азии: Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур, Малайзия, Индонезия, Та-

основным источником экономических угроз для России, как и для многих других стран, в настоящее время является нестабильность валютных и финансовых рынков. — См.: Петренко И. Н. Указ. соч. — С. 9-10.

¹ А.И. Неклесса указывает на главную, по его мнению, причину, порождающую действие четвертого фактора: «Как известно, государство в рамках национальной экономики при помощи налогов и иных мер осуществляет оперативное перераспределение дохода: между различными группами населения, между хозяйственными субъектами, между действующими в экономике факторами. Так же и в современном глобальном мире складывается мировая конструкция — *метайнфраструктура* — в чем-то разительно напоминающая этот механизм. Только масштаб ее деятельности неизмеримо шире: перераспределяется весь совокупный мировой доход между геоэкономическими персонажами, тесно связанными с разными видами хозяйственной деятельности: например, производством природных ресурсов, или высокими технологиями, или производством товаров массового спроса, или же информационных и финансовых услуг. Именно на базе последнего класса технологий формируется доминирующая глобальная инфраструктура, благоприятная для определенного класса экономических субъектов и гораздо менее дружелюбна по отношению к другим. Инфраструктура, чья суть не производство, а распределение и перераспределение ресурсов, дохода, прибыли. Ярким примером подобного перераспределения могут служить знаменитые «ножницы цен» — растущая разница в ценах на сырье и готовую продукцию. Однако реально действующий сейчас механизм глобальной экономики, конечно же, далеко ушел от этой одномерной схемы, распространившись в той или иной форме практически на все виды хозяйственной деятельности». Автор подчеркивает, что подобное перераспределение, ориентированное на страны Севера, «составляет суть упомянутых выше *геоэкономических рентных платежей*, являясь своего рода глобальным налогом на экономическую деятельность», а это свидетельствует о реализации западного проекта формирования «многоярусного сословного мира». — А.И. Неклесса. Конец эпохи Большого Модерна // Постиндустриальный мир и Россия. — М.: Эдиториал УРСС, 2201. — С. 44-45 (курсив автора — А.О.).

иланд и др. Все эти страны относятся к системе традиционного общества Востока, являясь исламскими и буддистскими странами. Прогресс, достигнутый ими общеизвестен. Но не всем известно, что модель их экономического развития однотипна с моделью Японии. Модернизация экономики этих стран не затронула их «абсолютные ценности», благодаря чему они не только уцелели как государства-нации, как «культурно-исторические типы», но и продолжают успешно развиваться.

§ 2. Императивы российского национального хозяйства как основы воспроизводства общества

Растущая либерализация и открытость экономики для мирового хозяйства предъявляет повышенные требования к обеспечению национальной безопасности, к соблюдению оптимального соотношения между «открытостью» экономики и защитой национальных интересов. Россия стоит перед объективной необходимостью обеспечения полноценного участия нашей страны в глобализации. Однако сегодня она развивается по неолиберальным правилам «Вашингтонского консенсуса», которые предусматривают включение России в мировое хозяйство только на правах его аграрно-сырьевого придатка. Как известно, ведущую роль в разрушении народного хозяйства России сыграл Международный валютный фонд, контролировавший и направлявший все экономические процессы в России. Программа МВФ, разработанная для России, своей целью имела, по мнению эксперта группы лейбористов в британском парламенте Дж. Росса¹, обеспечение роста экспорта энергоносителей и металла².

Однако весь мировой опыт свидетельствует, что для экономического рывка вперед и независимого развития любой стране необходимо вырваться из положения производителя и экспортера сырья и стать производителем и экспортером промышленной продукции. Именно поэтому вопросы а) хозяйственной самодостаточности, б) экономической безопасности и в) обеспечения макроконкурентоспособности национального хозяйства выходят на первый план, выступая в качестве ведущих императивов самостоятельного национально-экономического развития и одновременно важных условий воспроизводства общества.

¹ Экономическая газета. — 1994. — №7. — С. 7.

² Экономист Л. Белова обращает внимание на комплексный характер программы МВФ, ее проработанность в деталях, считая, что по существу эта программа устранения конкурента с мирового рынка высоких технологий. Она справедливо связывает цели МВФ с потребностями развитых стран Запада в сырьевых ресурсах, которые будут особенно остры в XXI веке, заинтересованностью США в сырьевой специализации России в системе всемирного разделения труда, поскольку эта страна с 5 % населения Земли потребляет 40 % минеральных сырьевых ресурсов (см.: Петренко И.Н. Экономическая безопасность России: денежный фактор. — М.: «Маркет ДС», 2003. — С. 60).

2.1. БЕЗОПАСНОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Категория экономической безопасности рассматривается в отечественной экономической науке как часть современной экономической теории. Она имеет свой предмет и специфические методы исследования. В их работах анализируется взаимосвязь экономической безопасности с другими категориями национальной безопасности России (военной, социальной, информационной и т. д.), с одной стороны, и проблемами расширенного воспроизводства и социально-экономического развития — с другой¹. В ряде работ экономическая безопасность рассматривается *«как важнейшая качественная характеристика экономической системы, определяющая ее способность функционировать в режиме расширенного воспроизводства, поддерживать нормальные условия жизнедеятельности населения, обеспечивать эффективное управление, последовательно реализовать национально-государственные интересы»*².

Анализ реальных процессов и осмысление богатейшего зарубежного и отечественного опыта решения этой проблемы позволяют вычленить три ее важнейших элемента: экономическую независимость, стабильность и устойчивость национальной экономики, способность к саморазвитию и прогрессу. В этой связи экономическая безопасность может также рассматриваться как совокупность условий и факторов, обеспечивающих независимость национальной экономики, ее стабильность и устойчивость. В таком понимании обеспечение национальной экономической безопасности выступает в качестве важнейшего критерия эффективной деятельности государства, его активной позиции в переломные периоды развития общества. Е.Д. Кормишкин справедливо указывает в этом контексте на то, что «в самом общем виде экономически эффективное государство — это такое государство, которое отстаивает свои национальные интересы и обеспечивает свою национальную экономическую безопасность в условиях неограниченной международной конкуренции»³. Проблема экономической безопасности в современных условиях России обостряется тем, что западные геополитические конкуренты России стремятся навязать нам модель открытой экономики с целью превратить всю нашу территорию в объект «неограниченной международной конкуренции», открытой для свободного проникновения иностранного капитала.

В условиях рыночной экономики территория (пространство) и экономическое пространство, как правило, — не совпадают. Экономическое пространство совпадает с территорией в натуральном замкнутом хозяйстве, существующем по принципам самообеспечения, или автаркии. Однако развитие процесса глобализации существенно меняет экономическое пространство любого субъекта экономических отношений — государства, региона,

¹ См., напр.: Кормишкин Е. Д. Экономическая безопасность региона: теория, методология, практика. — Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2002; Петренко И. Н. Безопасность экономического пространства хозяйствующего субъекта / Петренко И.Н. — М.: Анкил, 2005.

² Кормишкин Е. Д. Указ. соч. — М., 2003. — С. 13 (курсив автора — А.О.).

³ Кормишкин Е. Д. Указ. соч. — С. 13.

предприятия, личности, делает его несовпадающим, а во многих случаях и не сплошным, с законодательно установленными границами государства, региона, территориальной обособленности предприятий и формальными границами индивидуальных домохозяйств. Под воздействием процессов неолиберальной глобализации, взламывающей национальные границы суверенных государств с помощью системы неолиберальных принципов, между территорией страны и её экономическим пространством происходит разрыв. Разрывает эти понятия, превращая отдельные районы в анклав, агрессивная хозяйственная деятельность ТНК.

Н.И. Петренко, специалист по проблемам экономической безопасности, указывает на то, что изменение «реального экономического пространства» может происходить как за счет «сжатия», так и «расширения» «формального экономического пространства». «Сжатие» и «расширение» ЭП может изменять уровни безопасности экономического пространства хозяйствующего субъекта. Автор подчеркивает: «Сужение же экономического пространства ряда регионов связано не только с усилением других регионов, но и изменением в них отношения собственности, уходом из них капиталов, технологий, прав интеллектуальной собственности на товарные знаки, патенты, лицензии в регионы, где располагаются центры принятия решений. Всё это приводит, с одной стороны, к расширению экономического пространства владельца капитала, а с другой — сужает экономическое пространство региона, откуда ушли финансовые потоки»¹.

Таким образом, экономическое пространство является важным предметом анализа не только геополитики, но и политической экономики, а в широком смысле — экономической теории². Основные структурные элементы экономического пространства: а) общие ценности и нормы хозяйственной деятельности; б) общие «площадки» свободной торговли финансовыми ресурсами и, научно-технологическими достижениями; в) общее инфраструктурное обеспечение деловой активности и жизни людей³. По мнению И.Н. Петренко, безопасность экономического пространства данного государства, — «это качественное состояние совокупности основных факторов общественного производства в сочетании со способностью государства обеспечить их эффективное защищенное использование в национальных интересах и осуществлять экономическую стратегию, адекватную вызовам его меняющегося экономического пространства, в целях достижения стабильного,

¹ Петренко И. Н. Указ. соч. — С. 61.

² В.В. Чекмарев, определяя содержание понятия «экономическое пространство» как объекта экономического анализа, обращает внимание на следующие системообразующие элементы, формирующие это пространство: а) физические и юридические лица (субъекты), которые для реализации своих экономических потребностей и выражающих эти потребности экономических интересов вступают в экономические отношения; б) физические и нефизические объекты, являющиеся источниками экономических интересов и экономических отношений. В. Чекмарев справедливо отмечает, что рассмотрение экономического пространства в качестве предмета экономической теории является основой анализа сетевой организации экономических отношений. — См.: Чекмарев В.В. К теории экономического пространства // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. — 2001. — № 3. — С. 25.

³ Петренко И.Н. Экономическая безопасность России: денежный фактор. — М: "Маркет ДС", 2003. — С. 122.

устойчивого развития и пространства, в целях достижения стабильного, устойчивого развития и самосовершенствования всего общества»¹.

В результате либеральных реформ в России происходит опасная дифференциация экономического пространства, непосредственно влияя на национальную безопасность. Так, например, «усиление региональной дифференциации затрудняет проведение общей политики социально-экономических преобразований и формирование общенационального рынка, несет опасность региональных кризисов (особенно в маргинальных регионах) и региональных конфликтов, дезинтеграции национальной экономики, ослабления целостности общества и государства»². Реформы привели к фактическому разрыву экономического пространства в процессе формирования в 1990-е гг. чётко выраженной биполярной модели национального хозяйства, суть которой в анклавном характере экспортно-ориентированных отраслей. Наряду с традиционным, обслуживающим внутренний рынок (преимущественно выпускающим низкоконтурную готовую продукцию) сектором сформировался экспортно-ориентированный (в основном энергосырьевой) сектор. Последний рассматривается в экономической науке в качестве своеобразной «параллельной экономики», включающей все необходимые звенья: производство — инфраструктуру — финансовый капитал — кадры. Формируется экономический анклав, кругооборот капитала которого практически не связан с национальным воспроизводственным механизмом, функционируя как анклавная (обособленная) часть мирового хозяйства, всего лишь расположенного на территории России. Практически все фазы кругооборота капитала имеют ярко выраженный анклавный характер:

1. Фаза: $D-T^{PC}$ — большинство западных компаний, действующих в России преимущественно в топливно-энергетическом секторе, используют свой административно-управленческий персонал, нанимая неквалифицированную рабочую силу.

2. Фаза: $D-T^{CP}$ — ТНК строят свои зарубежные заводы, как правило, «под ключ», используя не только свою технологию, но и свое оборудование; в случаях покупки наших предприятий они проводили его модернизацию, завозя свое оборудование и перепрофилируя их на импортное сырье.

3. Фаза: $T'-D'$ — ТНК вывозят не только продукцию, но и прибыли, стремясь при этом к уходу от налогов при помощи оффшорных схем «минимизации налогообложения».

Очевидно, что международный анклав, разрывает экономическое пространство России, рассматривая его лишь как объект присвоения. Сформировавшаяся биполярная модель российской экономики, усиливая дифференци-

¹ Петренко И. Н. Безопасность экономического пространства хозяйствующего субъекта. С. 81-82; см. также: «Национальная экономическая безопасность — это состояние национального хозяйства, обеспечивающее осуществление экономического суверенитета, увеличение экономической силы и повышение качества жизни в условиях требований, налагаемых участием в системе международной экономической взаимозависимости и в геоэкономической структуре, понимаемой как пространственно-силовая структура мирового хозяйства». — Загашвили В.С. Экономическая безопасность России. М.: Гардарики, 1997.

² Кормишкин Е. Д. Указ. соч. — С. 15.

ацию регионов страны, делает возможным существенный подрыв национальной безопасности без применения военных средств. Отношения между этими двумя секторами носят конфликтный характер: по мере сближения внутренних и мировых цен становится неизбежной борьба «двух экономик» за доступ к ресурсам, условиям хозяйствования и т.п. К этому следует добавить, что сам по себе искусственный механизм поднятия национальных цен до уровня общемировых является частью анклавного механизма, разрывающего национальную экономику и хозяйство страны в целом на две противостоящие друг другу части: а) внутренний анклав мирового хозяйства, заинтересованный в выравнивании внутренних и мировых цен.

2.2. ПРОБЛЕМА ВЫБОРА МЕЖДУ ОТКРЫТОСТЬЮ ЭКОНОМИКИ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТЬЮ

1) Вопросы самодостаточности национальной экономики

Согласно данным Стокгольмского института стратегических исследований, опубликованным ещё в советское время, любой стране угрожает потеря национальной безопасности, если в структуре её внутреннего потребления импорт продуктов питания превышает 30 %. Для сравнения укажем, что сегодня из-за рубежа завозится до 50 % продовольственных товаров¹. Реформа привела к тяжелейшему кризису сельского хозяйства, производство продукции сократилось более чем на 40 %. Объемы агропромышленного производства не обеспечивают даже минимальную потребность населения в продуктах. В результате страна оказалась в полной зависимости от иностранных производителей продовольствия. Аналогичная ситуация складывается и в сфере потребления как бытовых промышленных товаров, так и в сфере производительного потребления. Выше мы уже приводили данные по структуре импорта, свидетельствующие о высоком уровне зависимости нашего национального хозяйства. В целом доля иностранного импорта предметов потребления в некоторых регионах приблизилась к 50 % товарооборота². Резко выросла зависимость от импорта машиностроительной продукции. В период с 1990–2006 гг. национальное станкостроение России упало со 2-го на 22 место в мире. За это время, как подчеркивает первый вице-премьер С. Иванов, «не было создано ни одного конкурентоспособного производства»³.

Отсутствие контроля за деятельностью иностранного капитала в 1990-х гг. привело к тому, что в ходе приватизации в собственности иностранных компаний и криминальных структур оказались такие отрасли, как машино-

¹ Глазьев С.Ю. Благосостояние и справедливость. — С. 25.

² А.Б. Николаев. Финансовый капитал и инвестиционный процесс. — С. 159.

³ Первый вице-премьер правительства России С. Иванов, выступая на заседании правительства 20 июля 2007 г., обратил внимание на проблему опасного перекаса в структуре импорта машиностроительной продукции, подрывающего основы национального станкостроения. В 2006 г. импорт России (из Германии, Китая и Тайваня) обрабатывающих центров, т.е. современных станков с ЧПУ, составил 348 шт. Одновременно было импортировано 10 600 шт. обычных металлорежущих станков, которые можно было произвести на отечественных предприятиях (ТВ канал РТР. — Россия. — 20.07.07).

строение, нефтедобыча, электроэнергия и др. Более 90 % акций предприятий цветной металлургии страны принадлежат теперь западным компаниям. Начатая в 1990 г. реформа парализовала машиностроение России и за десять лет простоя производственных мощностей привела к его глубокой деградации. Крупные машиностроительные предприятия были расчленены, так что число предприятий за годы реформы выросло в 10 раз и колеблется на уровне 54–55 тыс. Количество рабочих, занятых в отрасли, сократилось в 2,4 раза¹.

О том, что вопросы экономической безопасности и безопасности национальной экономики в целом стоят в современном мире чрезвычайно остро косвенно свидетельствуют следующие факты. В июле 2007 г. сенат США принял специальный закон, призванный затруднить доступ иностранного капитала на американский рынок. Цель данного закона очевидна: ужесточить законодательные нормы, ограничивающие деятельность иностранного капитала в США, в целях повышения уровня безопасности национальной экономики в целом. Аналогичные законы уже действуют в целом ряде стран², и будут приняты в 2007 г. и в России³. В итоговой версии законопроекта, ограничивающего участие иностранного капитала в «отраслях, обеспечивающих безопасность государства», указаны стратегические отрасли экономики, в которые власти могут не пустить инвесторов. Стратегическими в законопроекте названы 39 видов деятельности, связанных с естественными монополиями, разработкой недр, ВПК, авиастроением, космической деятельностью, ядерным производством. В список попали и те отрасли, в которые Россия согласилась пустить иностранцев на двусторонних переговорах по вступлению в ВТО. Это, например, ремонт авиатехники, сервисные услуги в портах и аэропортах.

Интересы продовольственной безопасности, обеспеченности страны собственными силовыми установками, грузовым транспортом и авиацией

¹ Глазьев С. Ю., Кара-Мурза С. Г., Батчиков С. А. Белая книга. Экономические реформы в России 1991—2001 гг. — М.: Изд-во Эксмо, 2003. — С. 166.

² Аналогичные законы есть в Великобритании, Индии, Канаде, Китае и в ряде стран Латинской Америки. США к разработке аналогичных законопроектов побудило скандальное приобретение компанией *Dubai Ports World* из Объединенных Арабских Эмиратов британской компании P&O. Та управляла 16 американскими портами. Одобренная Комитетом по иностранным инвестициям (CFIUS) сделка могла открыть террористам путь в США. Американский закон уже на подписи у президента Джорджа Буша. Он расширяет полномочия Конгресса и CFIUS. В состав комитета CFIUS введен директор национальной разведки США с правом требовать дополнительного расследования сделки. В Германии до конца 2007 года будет подготовлен законопроект об ограничении иностранных инвестиций. Будут защищены особо важные секторы индустрии, особенно от госкомпаний — как и в России. Важными немцы считают энергетику, инфраструктуру и телекоммуникации. — www.amina.com/kamina/300-7.html

³ В середине мая 2007 г. Президент РФ Владимир Путин поручил правительству до 1 ноября подготовить и внести в Государственную Думу законопроекты об ограничении участия иностранного капитала в экономике России, и правительство уже направило в Госдуму проект федерального закона («О порядке осуществления иностранных инвестиций в коммерческие организации, имеющие стратегическое значение для национальной безопасности РФ»), а также законопроект о внесении изменений в некоторые законодательные акты, необходимые для принятия этого законопроекта. ФСБ получила право вето на сделки, разрешение на которые будет запрашивать инвестор, причём привлечение спецслужб для проверки иностранных инвестиций — это не новое изобретение, а глобальная тенденция: в США скоро будет принят закон, согласно которому спецслужбы станут следить за сделками с участием иностранцев. — www.amina.com/kamina/300-7.html

требуют, чтобы доля собственной продукции в этих областях была на уровне, как минимум, превышающем 50–60 % от внутренних потребностей. Так, например, свыше 70 % всей территории России связаны между собой только авиацией. Очевидно, что самодостаточность в авиастроении непосредственно связана с национальной безопасностью — с возможностью контролировать и удерживать свою территорию. Но для этого необходимо развивать отечественное авиастроение, но и станкостроение, включая производство современных станков с числовыми программными устройствами. А это, в свою очередь, требует развивать собственную электронику, информационные технологии. В принципе нам нужно работать по всем направлениям, кроме самых экзотических и не связанных с обеспечением основных потребностей нации. Если в настоящее время государство не может себе позволить таким образом распылять силы, то, сосредоточившись на точках роста, важно поддерживать развитие научных разработок в этих отраслях и научно-техническую разведку, чтобы в дальнейшем можно было наладить производство современного продукта. Это в свою очередь предполагает увеличение расходов на образование и науку с одновременным повышением их эффективности и прозрачности, сокращение и повсеместный уход от непродуктивных и непрофильных расходов в этих сферах. Необходим прагматичный изоляционизм, призванный обеспечить самодостаточность национальной экономики и безопасность национального хозяйства и общества в целом.

Речь идет о выборе между двумя моделями национального хозяйства, основанными на либерализме и традиционализме. Суть проблемы выбора в том, что эти модели имеют разные цели. Говоря об этом, М.И. Гельвановский подчеркивает, что попытка совместить несовместимое — либерализм и традиционализм, хрематистику и домостроительство — неизбежно приводит к «обескураживающему противоречию: задача выстроить крепкий дом — национальное хозяйство — входит в противоречие с задачей каждого субъекта рынка получить максимальную прибыль, т. е. накопить богатство»¹. Национальная экономика может и должна быть *открытой* системой, но только лишь по отношению к своему национальному хозяйству, а не к мировому рынку, где господствуют ТНК. Национальная экономика не должна быть самостоятельной системой, существуя независимо от общества и его национального хозяйства и действуя вопреки интересам всего хозяйства государства-нации. В нормальном и здоровом обществе национальная экономика является всего лишь частью большой хозяйственно-экономической системы под названием «национальное хозяйство».

2) Вопросы закрытости национального хозяйства

Национальное хозяйство в рамках «закрытой» модели национально-экономического развития не существует независимо от нации и его общественного организма. Более того, оно здесь является подчиненным этому хозяйству, главная функция которого заключается в обеспечении материальных

¹ Гельвановский, М.И. Указ. соч. — С. 132.

и духовных условий воспроизводства нации. Как уже подчёркивалось, в структуре производительных сил нации, ведущую роль играют именно духовные силы народа — его дух, его воля, его устремленность в будущее, его сплоченность вокруг общенациональных традиций и ценностей, его морально-политическое единство.

Либеральная открытость общества подрывает эти движущие силы национально-хозяйственного строительства. И это определяется тем, что национальное хозяйство и её экономическая система представляют определенную культурную среду, отражая хозяйственные навыки, традиции, духовное состояние народа, господствующие ценности и своеобразие понимания им мира. Разрушение национальной культуры и всей социокультурной среды ведёт неизбежно к подрыву основ самого национального хозяйства: открываясь для внешнего мира и утрачивая свою национальную самоидентичность, нация одновременно теряет и свое национальное (народное) хозяйство, которое, как срез культурного слоя конкретной цивилизации, ориентировано прежде всего на воспроизводство данного типа цивилизации. Возможности использования моделей, выработанных одной экономической системой, в других системах ограничены: невозможно осуществить воспроизводство данной цивилизации на основе экономической системы, как части культуры, заимствованной из другой социокультурной среды (цивилизации).

Также как и культуру, **«экономическую систему нельзя воссоздать искусственно»¹**. Таким образом, экономическая система как система национального хозяйствования, являясь частью культуры (которая представляет собой закрытую систему в виде совокупности фундаментальных ценностей данной цивилизации), сама по себе также не может не быть в известной степени закрытой системой. И это станет понятно, как только мы поймем, что главная задача народнохозяйственного механизма в том, чтобы обеспечить расширенное воспроизводство человека, всей данной нации и общества в целом. Очевидно, что в этой воспроизводственной системе господствующие ценности, традиции и нравственные устои, играют роль *ингрессии*, поддерживая стабильность данного общества и оберегая его от утраты способности к самовоспроизводству². Чужое мировоззрение, чужие идеи и стереотипы начинают разрушать хозяйственную культуру изнутри, действуя как социальная химера по отношению к исторически сложившимся стереотипам хозяйственной культуры и национальному хозяйству в целом³.

Либерализм лишает общество необходимой жесткости, необходимого социального «деспотизма», а это неизбежно ведет к социальной анархии, упадку и деградации. Известный американский ученый-политолог Френсис Фукуяма, исследуя эти проблемы в книге «Великий разрыв», справедливо указывает на то, что «моральные ценности и общественные правила — не

¹ Афанасенко И.Д. Указ. соч. — С. 28-29.

² Афанасенко И.Д. Указ. соч. — С. 30.

³ Олейников А.А. Методологические основы современной экономической теории (Методология системного политико-экономического анализа национального хозяйства): Научное издание. — Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова; Кострома: КГУ им. Н.А Некрасова, 2006. — С. 184-194.

просто деспотические ограничения выбора, налагаемые на индивида, а скорее необходимые условия совместной деятельности любого типа». Только они способны удержать общество от развала и моральной деградации. Он подчёркивает, что «истинную общность скрепляют ценности, нормы и опыт, которые члены данной общности разделяют. Чем глубже заложены эти общие ценности, тем сильнее чувство общности»¹. Общество неизбежно приходит в состояние упадка и морального разложения, если наступает разрыв духовной связи между поколениями, если рвутся узы солидарности поколений, если «ломка правил становится в некотором смысле единственным правилом», о чем пишет Ф. Фукуяма в своей книге «Великий разрыв».

Во-первых, в либерализме никакой руководящей идеи, нет того необходимого внутреннего «деспотизма», который, как подчеркивал К.Н. Леонтьев, не позволяет «материи разбегаться». К.Н. Леонтьев характеризует развитие либерального общества как эгалитарно-либеральное разложение, указывая на то, что «между эгалитарно-либеральным поступательным движением и идеей развития нет ничего логически родственного, даже более: эгалитарно-либеральное движение есть антитеза процессу развития. При последнем внутренняя идея держит крепко общественный материал в своих организующих, деспотических объятиях и ограничивает его разбегающиеся, расторгающие стремления. Прогресс же, борющийся против всякого деспотизма — сословий, цехов, монастырей, даже богатства и т.п., есть не что иное как процесс разложения, процесс того вторичного упрощения целого и смешения составных частей, ... процесс сглаживания морфологических очертаний, процесс уничтожения тех особенностей, которые были органически (т.е. деспотически) свойственны общественному телу»².

Во-вторых, движение общества как культурно-исторического типа не может осуществляться автоматически: а) исторический опыт (социальная память) и все знания о мире передаются от поколения к поколению посредством системы обучения, через образовательный процесс; б) нравственный опыт передается через традиции и обычаи. Другими словами, **«культура не наследуется генетически, она заново воспроизводится в каждом человеке**. Прерывается такое воспроизводство, и культура погибает», — подчеркивает И.Д. Афанасенко, и в этом с ним трудно не согласиться³.

Таким образом, общество сохраняет себя как культурно-исторический тип только в том случае, если каждое новое поколение усваивает (наследует) весь накопленный предшествующими поколениями опыт социальной жизнедеятельности, если оно не отбрасывает все прежние нормы, обычаи и традиции, а продолжает развивать страну и укреплять общество, следуя знаниям предков, этническим стереотипам и формам жизнедеятельности, исторически сложившимся в данном обществе. При таком подходе национальное хозяйство превращается в основу и в механизм воспроизводства общества.

¹ Фукуяма Ф. Великий разрыв / Пер. с англ. — М., 2003. — С. 24, 29, 213.

² Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Храм и Церковь / К.Н. Леонтьев. — М.: Изд-во АСТ, 2003. — С. 83-84 (курсив автора — А.О.).

³ Афанасенко И.Д. Указ соч. — С. 97 (курсивом и шрифтом выделено автором — А.О.).

2.3. МАКРОКОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

Одна из важнейших задач правительства заключается в том, чтобы обеспечивать повышение конкурентоспособности всего национального хозяйства России в мировой экономике, или его макроконкурентоспособность. И государство выполняет эту функцию во всех развитых странах мира. Рассмотрим кратко ряд проблем, связанных с реализацией данной задачи.

По мнению д.э.н М.И. Гельвановского, макроконкурентоспособность — это «категория, обладающая интегративным свойством мобилизации ресурсов для решения главной задачи — выживания в конкурентной борьбе в условиях все более нарастающей глобальной концептуальной и информационной агрессии со стороны сил "нового мирового порядка"». Автор подчеркивает, что процесс «однополярной глобализации» в рамках «нового мирового порядка» под эгидой США «следовало бы назвать не процессом глобализации, а особым проектом форсированной глобальной трансформации (ПФГТ)», которая «фактически противостоит объективному и естественному процессу глобализации»¹.

Россия развивается в рамках неолиберальной стратегии ПФГТ уже свыше последних 15 лет. Острота этой проблемы видна невооруженным глазом: страна сегодня живет в условиях крайне неопределенных социально-экономических и политических перспектив, напрямую используя в своей текущей политике рекомендации своих экономических и геополитических конкурентов. Власть в стране буквально парализована стратегическим вакуумом. Очевидно, что отсутствие четкой стратегии конкурентной борьбы не только лишает страну мощнейшего импульса к позитивному развитию, но создает условия для управленческой дезорганизации и перманентного экспериментирования в самой экономике. Отказываясь от стратегии, мы одновременно отказываемся и от своего будущего. Любому специалисту по проблемам управления известно, что формулирование стратегического плана представляет собой тщательную и систематическую подготовку к будущему².

В основе любой концепции, включая и концепцию общественного развития, лежит постановка целей, определяющих стратегию развития. Очевидно, что достижение целей осуществимо только при наличии соответствующей системы управления, которая может функционировать только лишь в рамках иерархии, возглавляемой ответственным центром этого управления. Очевидно, что он (центр) становится реальным центром управления только в том случае, если способен подготовить и реализовать ту или иную концепцию. Цели выражают стремление работать в определенном направлении в отличие от задач, которые представляют собой количественно измеряемые рубежи.

¹ М.И. Гельвановский. Философия хозяйства и конкурентоспособность // Экономическая теория на пороге XXI века — 6. В 2-х книгах. Кн. 1. Философия хозяйства. Кн. 2. Теоретическая экономия / Под ред. Ю.М. Осипова, В.В. Чекмарева, Е.С. Зотовой. — М.: Юрист, 2002. — С. 132, 135.

² Стратегическое планирование включает в себя четыре основных вида управленческой деятельности: распределение ресурсов, адаптация к внешней среде, внутренняя координация и организационное стратегическое предвидение. — См.: Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента: Пер. с англ. — М.: «Дело», 1993. — С.256.

Принципиальное значение целей в том, что они указывают предприятиям, национальному хозяйству и обществу в целом, чего стоит добиваться и в каком направлении следует работать и двигаться с тем, чтобы обеспечить реальное развитие общества. При этом цели должны быть не только социально значимыми, воодушевляя и зажигая народ энергией созидательных задач, направляя эту энергию в будущее, указывая людям их перспективу.

Однако главный парадокс современной российской политики, направленной на повышение макроконкурентоспособности национального хозяйства, заключается в том, что она ведется методами, в принципе исключающими достижение поставленной цели, а именно: стремление повысить конкурентоспособность на национальном уровне либерально-рыночными средствами одновременно ведёт к подрыву экономической и национальной безопасности в целом. Дело в том, что, открывая свои рынки для иностранного капитала и стремясь при этом сделать иностранный капитал основой модернизации экономики, мы тем самым усиливаем позиции своих конкурентов, помогая им решать свои стратегические задачи. Очевидно, что иностранный капитал, представляющий интересы крупнейших мировых ТНК, приходя в Россию, в первую очередь заинтересован в устранении на нашей территории своих стратегических конкурентов.

Принципы либерально-рыночной экономики, ориентированной на открытую модель национальной экономики, встроенную в мировое хозяйство, объективно противоположны принципам национального хозяйства, которое, взятое в целом, призвано решать национальные стратегические задачи метавоспроизводства, а именно: воспроизводства людей, как главного национального богатства, всего народа и общества в целом. Пытаясь развивать национальную экономику с упором только на частный капитал, мы тем самым лишаем национальное хозяйство необходимого материального базиса. К этому надо добавить, что, если интересы рынка и частного капитала вообще всегда и везде вступают в противоречие с общественными интересами, то интересы иностранного капитала уже абсолютно противоположны общенациональным интересам. Вышеотмеченное подтверждается, например, анализом структуры, например, российского импорта и экспорта, а также итогов приватизации.

2.4. ОПЫТ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ: НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ КАК СПОСОБНОСТЬ К ВЫЖИВАНИЮ ВСЕГО НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

Перечисленные выше критерии и факторы «безопасности экономического пространства» отражают способность к выживанию экономики и хозяйства данной страны, то есть являются критериями её макроконкурентоспособности. Условия открытой рыночной экономики подрывают эту способность (живучесть), а значит, — угрожают и самой безопасности «экономического пространства» страны. Очевидно, что её уровень будет тем выше, чем выше степень защищенности национального хозяйства и его рынка от ино-

странной конкуренции. Данные сравнительного анализа, проведенного учеными за 1985-1986 гг. по Японии, США, Англии, ФРГ, Франции и СССР, подтверждают этот тезис¹.

Результаты анализа были представлены в виде таблицы компонентов показателя и **индекса «национальной силы» государства** в процентах. Показатель одной из стран принимался за 100 %. В соответствии с выводами ученых, способность к выживанию СССР была самой высокой в группе указанных стран и составила 119 %, что было выше, чем у США (100 %), и более чем в два раза выше аналогичных показателей других стран. «Национальная сила» и способность к выживанию оценивались по таким критериям, как географические условия, численность населения, природные ресурсы, экономическая мощь, оборонительные силы, национальная мораль, дипломатия и сотрудничество в области обороны.

Отвечая на вопрос, что обеспечивало высокую способность к выживанию СССР, мы тем самым получим ответ и на другой интересующий нас вопрос, а именно: какие принципы необходимо положить в основу народнохозяйственной модели современной России. Известно, что модель народного хозяйства СССР была основана на принципах — целостности, интегративности, самодостаточности, хозяйственной автаркии и жесткой иерархии. В совокупности всё это формировало командный тип экономики, который характерен не только для социалистической экономики. Страны Юго-Восточной Азии, например, имеют примерно такой же тип экономики, основанный на жестком государственном управлении. Очевидно, что именно тип закрытой экономики способен обеспечить живучесть национальной экономики, ее конкурентоспособность и, соответственно, безопасность экономического пространства и всё территории в целом. Принципиальное значение здесь имеет именно взаимосвязанная совокупность всех пяти принципов: целостности, интегративности, иерархии, самодостаточности и хозяйственной автаркии. Говоря о содержании советской модели экономики, М.И. Гельвановский указывает на то, что в её основе лежали принципы домостроительства, направленные на развитие дома, общины, города и страны, связанных единым народнохозяйственным комплексом. Он пишет: «Эта система проработала почти $\frac{3}{4}$ века и в целом показала свою эффективность: главные цели — создание мощного и крепкого государственного дома, а также военный паритет мир, его с основным противником в военной сфере — были достигнуты. В этом смысле как единое целое хозяйственная система страны как субъект мирового рынка и как субъект геополитики Россия (СССР) оказалась вполне конкурентоспособной»².

Советская экономическая система, безусловно, заслуживает критики³. Однако под предлогом повышения эффективности экономики, по-существу,

¹ См.: Сенчагов В.К. Экономическая безопасность как основа обеспечения национальной безопасности // Вопросы экономики. — 2001. — № 8. — С. 65—66.

² См.: М.И. Гельвановский. Указ. соч. — С. 133.

³ Ликвидировав госсобственность, но не монополизм, заменив госсобственность частнокапиталистической собственностью, либеральные «реформаторы» всего лишь заменили один тип фиктивного производ-

против СССР было использовано концептуальное оружие, поразившее уже все хозяйство страны, лишив его консолидирующей основы развития в виде целостного народнохозяйственного организма, способного успешно конкурировать на геополитическом и геоэкономическом полях.

Высокая макроконкурентоспособность советской экономики держалась на силе государства, а на среднем — корпоративном уровне — мы значительно уступали западной экономике просто в силу того, что не имели крупных независимых (негосударственных) корпораций. Однако вместо того, чтобы создавать такие национальные корпорации, опираясь на помощь государства и разумную политику протекционизма, реформаторы пошли по другому пути: они открыли границы для иностранного капитала, максимально либерализовали внутренние рынки и убрали государство из экономики. Поэтому, когда в ходе реформ государство было по сути разрушено, большинство национальных предприятий оказались в руках иностранного капитала.

Сделаем краткие выводы

- 1) Концепцию национальной конкурентоспособности в современной рыночной системе нельзя определить только лишь «как способность национальной экономики производить и потреблять товары и услуги в условиях конкурентной борьбы с товарами и услугами, производимыми в других странах»¹.
- 2) Сами по себе ни положительный баланс внешней торговли, ни позитивный платежный баланс, ни рост золотовалютных резервов, — не могут являться абсолютно достаточными критериями конкурентоспособности, так как при этом не учитывается степень живучести всего национального хозяйства, а также не принимается в расчет общенациональная стратегия, нацеленная не на соответствие международным «лукавым» и двойным стандартам, а на обеспечение качества жизни нации и воспроизводство всего общества.

ства (которое, не будучи равнозначно социализму, сформировалось под влиянием ведомственного монополизма) на другой, но другой, но только абсолютно фиктивный, абсолютно оторванный от реального производства. Другим словами, степень «фиктивности» здесь совершенно разная: а) в условиях государственного социализма общественное производство развивалось, всего лишь деформируясь под влиянием ложных показателей, внедренных в производство ведомственными структурами, породившими современную мафию в России; б) понятие «общественное производство» в современной России надо употреблять уже только в кавычках, имея в виду его уже абсолютно фиктивный характер. Очевидно, замена натурально-денежных валовых показателей на чисто «денежный вал» привела в итоге к абсолютной фальсификации всей статистической отчетности. «Увеличение ВВП» здесь «создается» ростом мировых цен на нефть, а также всей системы внутренних цен, рост которых вызывается ростом цен на энергоносители (электроэнергия, топливо, бензин), на транспорт и услуги ЖКХ. А ценах услуги ЖКХ примерно 80 % составляют стоимость услуг так называемых «естественных монополий». Таким образом, неolibеральные реформаторы практически оставили систему ведомственного производства без изменения, добившись в 90-е годы ликвидации трех факторов, мешавших им: 1) вертикальной иерархии власти, а значит и самого государства; 2) социальной сферы, формирующей основы и механизмы воспроизводства общества и человека; 3) самого производства как такового. — Подробно об этом см.: Олейников А.А. Политико-экономические основы модели «третьего пути». — Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова; Кострома: КГУ им. Н.А Некрасова, 2006. — С. 143-150.

¹ Конкурентоспособность России в глобальной экономике. — М.: Междунар. отношения, 2003. — С. 30.

- 3) В этом контексте следует ещё раз указать на невозможность повысить национальную конкурентоспособность российского хозяйства, понимая под этим т. н. «переход к конкурентной рыночной среде».
- 4) Национальная конкурентоспособность далеко не равнозначна рыночной конкурентоспособности, нацеленной на воспроизводство лишь частного капитала.

2.5. УРОКИ РЕФОРМ И ОПЫТ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

В России накоплен богатый опыт как либерально-капиталистических, так и некапиталистических реформ. В разные годы мы двигались и к капитализму, и от капитализма, интегрируясь в мировое хозяйство либо, наоборот, изолируясь от него. В мире не существует другой такой страны, которая, поставив ряд исторических «экспериментов», могла бы сравнивать последствия от разнонаправленного движения — а) от традиционной крестьянской экономики к западному капитализму; б) от рыночной экономики времен НЭПа к некапиталистической плановой организации народного хозяйства в СССР, имевшего товарно-натуральный характер; в) от некапиталистической советской экономики вновь к западному капитализму англоамериканского типа.

Таким образом, сегодня нам необходимо изучить опыт всех наших реформ, чтобы извлечь из них уроки и вывести закономерности, свойственные нашему народному хозяйству. Общий вывод можно сформулировать так: формационные уклады в России подчиняются цивилизационным и геополитическим законам; материальный способ производства здесь является производным от цивилизационного способа жизнедеятельности; развитие национального хозяйства подчиняется основному закону жизни восточного общества, согласно которому всегда происходит восстановление подорванных традиционных укладов, что возвращает данное общество к фундаментальным многовековым устоям жизни.

1) Опыт сталинской мобилизационной модернизации

Советская система хозяйства сложилась в своих основных чертах процессе индустриализации, войны и послевоенного восстановления (1930—50-е годы). Это была эпоха мобилизационного социализма. Смысл и значение отдельных периодов истории можно правильно понять только при одновременном осмыслении предшествующего и последующего исторических периодов, через причинно-следственный, а также сравнительный анализ¹.

К 1928 году Советская Россия оказалась в ситуации, очень похожей на современную обстановку в России: 1) внешние угрозы, 2) развал промышленного и крупного сельскохозяйственного производства, 3) угроза национальной безопасности от рыночной стихии, 4) слабость внутренних источников финансирования индустриального роста, 5) бегство капиталов из России.

¹ См., напр.: Васильев Ю.А. Модернизация под красным флагом [Текст] / Ю.А. Васильев. — М.: Современные тетради, 2006. — 343 с.

Совпадение — почти полное, поэтому, выстраивая стратегию на будущее, нам принципиально важно посмотреть, как действовал Сталин в аналогичной ситуации. Это тем более важно, что мы уже знаем, что политика Сталина отхода от нэпа была исторически вынужденной и стратегически правильной. А её положительные результаты всемирно известны, и были использованы в большинстве развивающихся стран, проводивших политику импортозамещающей индустриализации, по сути, копируя сталинскую модель.

В целом темпы индустриализации были небывало высокими (а сегодня они кажутся невероятными): с 1928 по 1941 год было построено около 9 тысяч крупных промышленных предприятий. Люди 1930-х гг. добились важнейшего результата — преодолели технико-экономическую отсталость страны и сделали СССР полностью экономически независимым. Некогда преимущественно аграрная Россия добилась того, что по структуре промышленного производства, по техническому оснащению и возможностям производства важнейших видов продукции вышла в основном на уровень наиболее развитых стран мира. По объему промышленной продукции СССР обогнал Англию, Германию, Францию и занял второе место в мире, уступая лишь США. О том, что держава крепко встала на ноги, говорит такой факт: в 1936 году удельный вес импортной продукции в общем потреблении страны снизился до 1—0,7 %, а торговый баланс к исходу второй пятилетки стал активным и принес прибыль¹.

Сегодня Россия делает только лишь первый, но крайне необходимый шаг, на пути возрождения своего национального хозяйства, а именно: создает крупные государственные корпорации в качестве опорных точек при проведении фактической индустриализации: 1) в 2007 г. в России была создана «Объединенная авиастроительная корпорация», в которую вошли все ведущие авиастроительные предприятия страны, производящие не только гражданскую, но и военную продукцию; создание диверсифицированного отраслевого концерна призвано повысить конкурентоспособность отечественного авиастроения, а также макроконкурентоспособность самой России на мировых рынках; 2) в 2007 г. создана «Объединенная судостроительная корпорация», 100% акций которой будет в госсобственности, а в качестве дочерних предприятий в неё войдут холдинги, которые планируется сформировать из основных отечественных судостроительных активов; новый концерн создаётся с расчётом не только на внутренний, но и с прицелом на мировой рынок судостроения объёмом 100 млрд. долл. в год; 3) в июле 2007 г. Президент России В.В. Путин подписал указ о создании очередной государственной корпорации «Объединенная промышленная корпорация "Оборонная промышленность"». На очереди создание аналогичных корпораций в сфере черной и цветной металлургии, усиление государственных начал в сфере транспорта и энергетики.

¹ Баландин Р., Миронов С. Заговоры и борьба за власть. От Ленина до Хрущева. — М.: Вече, 2003. — С. 191-192.

Следующим шагом будет коллективизация сельского хозяйства — в той или иной форме, восстанавливающая приоритет крупного сельскохозяйственного производства. Неизбежной будет и новая культурная революция — как реакция на неолиберальную культурную революцию, подрывающую здоровые устои общества.

Сталинский опыт для нас важен также и тем, что он создал в стране огромное пассионарное напряжение. Труд тогда превратился в героическое мужское дело, а каждый день воспринимался как победа, как еще одно достижение на трудовом фронте. Люди жили, опережая время, устремляясь вперед, живя ради трудовых подвигов и свершений, видя в этом великий смысл своей жизни. Они шли на работу в героическом порыве, — сознательно жертвуя своим сегодняшним благополучием во имя светлого будущего, ради будущих поколений. Всю страну объединила тогда идея великого братства, всех сплотило морально-политическое единство вокруг таких священных понятий, как — солидарность, коллективизм, общественный долг и служение Родине. А носителем всех этих ценностей, имеющих, по сути, христианских характер, было наше новое общенародное государство, которое стояло тогда зорко на страже интересов людей труда, которое тогда было действительно общенародным. Под влиянием этих идей предприятия функционировали у нас как «производственная община» — как трудовая семья, а народное хозяйство, общество и страна в целом — как семья народов¹.

2) Опыт создания мобилизационного хозяйства в Японии

После второй мировой войны Япония, находясь в условиях разрухи и послевоенной принудительной реструктуризации хозяйства страны, вначале предприняла попытки применить американские методы управления, однако — они просто не работали в Японии. В результате поисков была разработана новая концепция национального хозяйства и соответствующая модель управления, основанная на такие традиционные для японской культуры принципы, как — общинность и коллективизм, общественный долг и служение, социальная справедливость и солидарность, иерархия общественных интересов и их взаимозависимость².

¹ Русские историки Р. Баландин и С. Миронов указывают на героизм той эпохи: «Эпоха сталинского правления была для нашего народа героической. В такие времена свершаются великие деяния, и конечно же они сопряжены с немалыми жертвами. Так было во все века и в разных странах. И дело, конечно, не столько в правителе, сколько в народе, вернее сказать, в их единстве и самоотверженности. Героизм не бывает подневольным, трудовой подъем — по приказу начальства. Массовый террор никогда и нигде не укреплял государство. Тем, кто убежден в обратном, хорошо известны, по-видимому, страх и лицемерие, но неведома суть подвига, энтузиазма и любви к родине». Авторы особо обращают внимание на то, что в «страшные» 1930-е годы прирост населения в СССР, жившего в условиях «сталинского террора», составлял 1,5—2 % при постоянном уменьшении смертности. Сегодня же, когда бывшему советскому человеку «даровали» т.н. «свободу», он парадоксальным образом стал вымирать?! — Баландин Р., Миронов С. Заговоры и борьба за власть. От Ленина до Хрущева. — М.: Вече, 2003. — С. 7.

² Стержнем новой философии управления стало признание социальной ответственности, лежащей на управляющих. К. Мацусита, один из руководителей корпорации ««Мацусита Электрик Индастриал», полагает, что «каждая компания, вне зависимости от ее размера, должна иметь определенные цели, отличные от получения прибыли, цели, которые оправдывают ее существование среди нас». Понятие о прибыли как о цели расширилось и преобразовалось в понятие создания и увеличения благ, причем одним из аспектов это-

Опыт Японии для нас важен не только и не столько тем, что подтверждает научный тезис о производном характере хозяйственных принципов от моральных устоев нации. Не следует забывать, что японцы выработали свою особую модель, адекватную конкретно-историческим условиям послевоенного времени. А эти условия почти полностью совпадают с теми особенностями, которые характеризуют развитие современной России: 1) страны оказались в состоянии фактической американской оккупации: Япония после 1945, а Россия после 1991 г.; 2) экономика обеих стран находилась в состоянии разрухи и полнейшей дезорганизации, а национальное хозяйство как такое было разрушено; 3) оба общества в целом находились под сильным американским контролем; 4) в итоге обе цивилизации — японская цивилизация в послевоенные годы, а российская цивилизация в конце XX столетия — были поставлены, по сути, перед одинаковой проблемой: проблемой выживания нации.

Всё остальное является производным: общество, государство, экономика, национальное хозяйство, локальная цивилизация — всё это автоматически исчезает вместе с исчезновением нации. А она гибнет не от хозяйственной разрухи, не тогда, когда останавливаются заводы и затормаживается движение материального производства. Нация гибнет тогда, когда разрушается духовный стержень нации, когда — размягчаются национальные устои. И это происходит, когда — прекращается духовное производство, когда — останавливается пассионарный пульс нации. И вот уже тогда неизбежно наступает — смерть нации.

Япония смогла устоять, а затем и вырваться вперед. Но это потребовало мобилизации и сплочения всех сил нации, потребовало подчинения экономических интересов абсолютно всех хозяйствующих субъектов — интересам всего общества. Перед лицом внешних цивилизационных и геополитических угроз и вызовов Япония смогла сплотиться, создав модель мобилизационной экономики и мобилизационного хозяйства, подчиненного общенациональным задачам. Хозяйство страны превратилось в механизм воспроизводства всего японского общества и японской нации.

3) Опыт новых индустриальных стран Юго-Восточной Азии

В пользу того, что коллективизм и общинность не только не тормозят общественное развитие, но и являются мощным фактором его ускорения, свидетельствует убедительно то, что именно благодаря этим ценностям успешно развиваются не только Японии, но и другие страны ЮВА, известные также как «новые индустриальные страны» Азии: Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур, Малайзия, Индонезия, Таиланд и др. Все эти страны относятся к системе традиционного общества Востока, являясь исламскими и буддистскими странами. Прогресс, достигнутый ими общеизвестен.

го является рост общественной значимости менеджеров. Сюда же относится обеспечение общественного благосостояния и справедливое распределение созданного между участниками производственного процесса». — Цит. по: Как работают японские предприятия: Сокр. пер. с англ./Под ред. Я. Мондена и др.; Науч. ред. и авт. предисл. Д. Н. Бобрышев. — М.: Экономика, 1989. — С. 11, 40, 44.

Но не всем известно, что модель их экономического развития — однотипна с моделью Японии. Модернизация экономики этих стран не затронула их «абсолютные ценности», благодаря чему они не только уцелели как государства-нации, как «культурно-исторические типы», но и продолжают успешно развиваться¹.

Экономические успехи Японии, других капиталистических Юго-Восточной и Центральной Азии, а также коммунистического Китая наглядно показывают, что решающую роль в общественном развитии играют не деньги, не пресловутые «иностранные инвестиции» и даже не технологии, а фундаментальные основы национального бытия. Решающей движущей силой общенационального хозяйственного развития являются — духовные силы нации, состоящие из духовных ценностей, формирующих смысл существования нации (смыслообразующие ценности культуры), и духовных сил самого человека, его духа, всегда производного от духа нации.

§ 3. Адекватная российскому обществу модель национального хозяйства

Модель «открытой экономики» оказалась *неадекватна* социокультурным особенностям и геополитическим вызовам, с которыми столкнулась Россия в конце XX века. Очевидно, что системный кризис, поразивший Россию и угрожающий самому ее существованию, является прямым результатом ранее выбранного неадекватного ответа на вызовы и угрозы².

Поиски адекватной России хозяйственной модели связаны с политэкономическим анализом «третьего пути» как теоретической модели. Последний анализируется как промежуточный вариант между различными моделями: а) государственной или частнохозяйственной; б) моделями централизованно-плановой экономики или свободной рыночной экономики; в) капиталистической или некапиталистической моделями национального хозяйства. Рассматривая данную модель применительно к России, как теоретическое

¹ Что же касается пресловутых финансовых кризисов, которые они пережили в 1997 — 1999 гг. (Таиланд, Малайзия, Индонезия и др.), то эти кризисы свидетельствуют не о «крахе азиатской модели», о чем пишет Сорос, например, а о финансовых войнах, которые Запад активно ведет и не только против стран Азии и против всего Востока. И.Н. Петренко подчеркивает, что «организованное крупными финансовыми спекулянтами бегство капитала, обанкротившее динамично развивающиеся страны азиатского региона, изменило конфигурацию мировой экономики, выводя на поверхность деструктивную роль мирового финансового капитала». Автор приводит пример Индонезии: «Примеров множество, но можно привести только один — более чем печальную судьбу Индонезии, которая имела задел отраслей высоких технологий на XXI век и реально могла занять достойное место среди развитых стран. Одномоментный уход капитала в виде портфельных инвестиций разорил страну, вызвал острейшие социальные конфликты и даже раздел территории». Автор указывает на то, что основным источником экономических угроз для России, как и для многих других стран, в настоящее время является нестабильность валютных и финансовых рынков. «Это уже не взаимозависимость, а зависимость внутри системы мирового хозяйства, ввиду ее структурной разбалансированности». — См.: Петренко И. Н. Безопасность экономического пространства хозяйствующего субъекта. — С. 9-10.

² См.: Сорокин Д. Вызовы нового времени и стратегический ответ России // Вопросы экономики. — 2001. — № 11. — С. 37.

отражение многоукладного хозяйства страны, представляется необходимым проанализировать вышеобозначенные группы взаимосвязанных проблем.

3.1. Сравнительная эффективность государственных и капиталистических предприятий

Неолиберальные тезисы о якобы неэффективности государственного регулирования и государственного вмешательства в экономику привели к тому, что доля государственных расходов в ВВП России сократилась с 71,1 % в 1992 г. до 37-38 % в период 1995—2000 годы¹. Так, например, бывший экономический советника Президента РФ В.В. Путина А. Илларионов утверждал, что «идеальная модель» государственных расходов для России (с учетом обслуживания долга) должна быть на уровне 26,5 % от ВВП². Соответственно снижалась и доля финансируемых из бюджета инвестиций в основной капитал. В 1995 г. из всех национальных сбережений, составлявших 31,5 % ВВП, на долю государственного сектора приходилось 4,3 %, из которых собственно инвестиции составляли около 3 % (к ВВП). Для сравнения следует отметить, что в 1982 году капитальные вложения составляли более 42 % расходов союзного бюджета³.

Годовые затраты на науку к 1995 г. сократились примерно в 6,2 раза по сравнению с уровнем 1990-го г., а расходы на оборонные НИОКР за тот же период снизились не менее чем в 10 раз. Финансирование Академии наук в целом сократилось в 20 раз. Произошло резкое сокращение бюджетных расходов на народное хозяйство, в которые входят и инвестиции. В целом эти расходы сократились с 9 % к ВВП в 1995 г. до 6,3 % в 1998, 4,9 % в 1999 г., несколько увеличившись в 2000 г. — до 5,2%; соответственно сократились и государственные инвестиции в основной капитал — с 0,8% в 1995 г., до 0,15% в 1998, 0,13% в 1999 г. и 0,3% в 2000 году⁴.

Однако в структуре государственных расходов в XX в. произошло резкое увеличение доли, приходящейся на социальное обеспечение, модернизацию социальной инфраструктуры (образование, здравоохранение, жилищное строительство), НИОКР. В развитых странах Запады эти расходы возросли с 1-2% в 1870-е годы до 5% в конце 20-х годов и до 20-25% к началу 90-х годов. Неолиберальный тезис о чрезмерности социальных расходов статистически никак не обнаруживается: статистика не подтверждает существование устойчивой отрицательной корреляционной связи между динамикой социальных расходов и ростом дохода в расчете на душу населения в развитых странах. Сопоставление данных почти за полтора столетия по группе из 17 развитых стран, проведенное М. Фридманом, М. Видясовым и В. Мельянцевым, не выявило отрицательного влияния государственных расходов на эко-

¹ Серегина С.Ф. Роль государства в экономике. Синергетический подход. — М., 2002. — С. 170.

² См.: А. Илларионов. Бремя государства // Вопросы экономики. — 1996. № 9. — С. 18-27; Е. Ясин. Функции государства в рыночной экономике // Вопросы экономики. — 1997. № 6. — С. 11-20 и др.

³ Серегина С.Ф. Роль государства в экономике. Синергетический подход. — С. 170.

⁴ Литературная газета. — 22-28 марта 2006. — № 11-12. — С. 3.

номический рост¹. Скорее наоборот, страны с высокой долей социальных расходов Швеция, Нидерланды, Дания, Франция, Австрия, Германия, Финляндия имели в последние десятилетия далеко не самые низкие темпы роста дохода в расчете на душу населения (среди 19 развитых стран). В целом за XX-е столетие «в ныне развитых странах 2/3—3/4 увеличения их затрат на образование, здравоохранение и науку были обусловлены ростом госрасходов. Следовательно, это в немалой степени способствовало наращиванию человеческого капитала, обеспечивавшего в 50—90-х годах по разным подсчетам от 1/5 до 1/3 роста ВВП в развитых странах»².

Определяя оптимальный уровень государственных расходов как фактора экономического роста в развитых странах Запада, ученые приходят к следующим выводам. По мнению Дж. К. Гэлбрейта, реальная цифра расходов колеблется от 30 до 50 %, не считая пенсионных и других социальных выплат³. Русские экономисты считают, что «расширение государственного воздействия (путем расходов) за пределы 45-50% ВВП, по-видимому, является той границей, которая отделяет скорее позитивную правительства от негативной»⁴. С.Ф. Серегина также считает, делая предположение на уровне научной гипотезы, что доля государственных расходов в странах с развитой рыночной экономикой после прохождения этапа формирования систем социальной защиты и достижения высоких показателей дохода на душу населения колеблется в пределах от 34—38 до 58—62 % от ВВП⁵. Однако данный уровень расходов не является универсальным, подчеркивает С.Ф. Серегина, так как напрямую связан с довольно низкими темпами роста ВВП, которые в развитых странах в последние десятилетия стабилизировались на уровне 2,5—3,5 % в год. При этом к нижней границе 38—42 % тяготеют Ирландия, Великобритания, а также Швейцария, Австралия, к верхней — Дания, Бельгия, также Швеция⁶.

Итак, определенная стабилизация темпов роста в индустриальных странах в 90-х годах сопровождалась колебаниями государственных расходов вокруг отметки **порядка 50 %** и выше (реально цифры должны быть выше за счет неучтенных квазибюджетных расходов⁷). Важно подчеркнуть, что дан-

¹ См.: Л.Фридман, М.Видясов, В. Мельянцеv. Государственные расходы и экономический рост // МЭ и МО. — 1999. № 10. — С. 22-23.

² См.: Л.Фридман, М.Видясов, В.Мельянцеv. Указ. соч. — С. 23.

³ См.: Дж. К. Гэлбрейт. Экономическая политика примеряется результатами // Проблемы теории и практики управления. — 1999. — № 5. — С. 33.

⁴ Л.Фридман, М. Видясов, В.Мельянцеv. Указ. соч. — С.15.

⁵ Эти границы отклоняются вниз от пропорции 38:62, поскольку в показателях государственных расходов далеко не всегда отражаются все фактические расходы государства. В качестве примера можно назвать квазибюджетные операции Центральных банков, некоторые формы государственного кредитования и др., не находящие отражения в статьях расходов государственного бюджета.

⁶ Серегина С.Ф. Роль государства в экономике. Синергетический подход. — С. 185, 188.

⁷ К числу квазибюджетных расходов на Западе относятся: операции Центрального банка, связанные с государственным долгом; финансирование убытков от мероприятий по стабилизации обменного курса; рефинансирование сельскохозяйственных и промышленных программ, программ жилищного строительства; оказание финансовой помощи испытывающим трудности банкам и финансовым учреждениям; проведение отчислений в фонды развития и т.д. Обозначить четкую грань между кредитно-денежными и квазибюджетными операциями теоретически сложно, на практике они являются частью политики правительства, несмотр-

ный уровень расходов обеспечивает поддержание низкого роста ВВП на уровне 2—3 % в высокоразвитых стран Запада.

Очевидно, что данный уровень расходов, приемлемый для стабильной и высокоразвитой экономики, оказывается совершенно неприемлемым для современной России, переживающей период полураспада.

Уровень государственных расходов в современной России должен определяться тремя факторами:

- 1) необходимостью ликвидации разрухи и восстановления национального хозяйства;
- 2) цивилизационными особенностями, в силу которых Россия всегда отвергала капиталистический путь развития, вкладывая значительные государственные средства в развитие социо-культурной сферы;
- 3) геополитическими и, прежде всего, природно-климатическими условиями, серьезно влияющими на уровень издержек производства. В силу всех этих обстоятельств доля государственных расходов в ВВП в России никак не может быть ниже верхнего предела, установленного для высокоразвитых стран на уровне 62 %¹.

Однако в реальности она должна быть намного выше. И это определяется геополитическими обстоятельствами, имеющими неустранимый характер: прежде всего тем, что в России вследствие продолжительных периодов низких температур затраты на отопление зданий в несколько раз выше, чем, например, в западноевропейских странах. Само строительство дорог и зданий также значительно дороже из-за промерзания грунта, значительных перепадов температур (требуется глубокий фундамент, более толстые стены зданий и т.д.). Выше должны быть и расходы населения на необходимое более калорийное питание, теплую одежду и т.д. для нормального жизнеобеспечения в условиях сурового климата².

Таким образом, если исходить из того, что средний уровень социальных и промышленных затрат в России, как минимум, на 40 % выше, чем в развитых странах, то тогда верхний предел государственных расходов для России будет уже не 62, а — 80 %.

ря на то, что осуществляются за рамками государственного бюджета, занижая объем расходов. — См.: Серегина С.Ф. Роль государства в экономике. Синергетический подход. — М., 2002. — С. 185; Премчанд А. Управление государственными расходами. — Международный Валютный Фонд, Вашингтон, 1994. — С. 170, 186-187.

¹ С.Ф. Серегина в этом контексте также подчеркивает, что доля государственных расходов в ВВП России «будет тяготеть скорее к верхней (62%), чем к нижней (38%) границе из обозначенных выше пределов». — Серегина С.Ф. Роль государства в экономике. Синергетический подход. — С. 202.

² Для одинакового с другими странами уровня комфорта нашим согражданам приходится расходовать в 4-8 раз больше энергии, чем в других странах. Для средней полосы России доля отопления в объеме общих энергозатрат промышленности составляет 75%; энергоемкость российского ВВП по сравнению с развитыми странами выше на 30 — 40%. Из-за обширности территории и низкой плотности населения транспортные издержки в цене продукта в России составляют 50%. Если в теплых странах завод ставится на асфальт, а в нашей холодной стране — фундамент почти два метра в глубину, тогда начальные капиталовложения, включая прокладку труб и коммуникаций (канализации, отопления, водопровода), возрастут почти на 50% по сравнению с затратами на производство аналогичной продукции в теплой стране.

Геополитические и цивилизационные особенности нашей страны не дают нам свободы выбора модели нашего национального хозяйства, буквально диктуя модель, условно говоря, государственно-кооперативной и государственно-частной, причем в такой пропорции, чтобы, как минимум, 80 % всего хозяйства страны и всей собственности находились в руках государства, трудовых коллективов и всего населения (недра, леса, водоемы, земля, энергоресурсы и весь ТЭК, транспорт, все тяжелые отрасли экономики, весь ВПК, табак, алкоголь и пр.).

Но зато, с другой стороны, остальные 20 % должны находиться в частной собственности. Розничная торговля, питание, бытовые и коммунальные услуги могут развиваться на основе частной инициативы, соединяя частный интерес с общественным. Индивидуально-частное производство и малый капиталистический бизнес образуют своего рода *капиллярную систему* в любой рыночной экономике. Этот вид предпринимательства заполняет среду обитания людей, предоставляя людям те жизненно-важные услуги, которые не может или не хочет произвести большой бизнес. Разумеется, что этот вид бизнеса должен быть поставлен в такие институциональные рамки, которые заставят частного хозяина уважать общество, содействуя своим хозяйствованием укреплению солидарности и всеобщего благосостояния.

3.2. НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ РЫНОЧНОГО ЦЕНТРАЛИЗМА

Каждый хозяйствующий субъект (частное лицо, группа лиц, предприятие, фирма, акционерное общество, учреждение) выступает на рынке как предприниматель. Его цель выражается в максимизации прироста прибыли на вложенный капитал, в расширении сферы хозяйственной деятельности. Собственность, находящаяся в распоряжении предпринимателя, является капиталом, который стремится к самосрастанию, а это неизбежно сталкивает предпринимателей и их капиталы в конкурентной борьбе. При этом конкуренция выступает как способ существования капитала, как способ хозяйствования¹. Таков капиталистический механизм хозяйствования. Вопрос здесь в том, какова его народнохозяйственная эффективность, т. е. способен ли этот механизм обеспечивать воспроизводство общества? И хотя выше мы уже касались этого вопроса, представляется необходимым рассмотреть кратко эти вопросы применительно к национально-экономическому развитию России.

Вопросы эффективности капиталистического бизнеса в России. Очевидно, что частное предпринимательство в сельском хозяйстве или на уровне городского муниципалитета очень сильно отличается от частного предпринимательства, скажем, в самолетостроении или в нефтяном бизнесе. Очевидно, что эффективность предпринимательства во всех этих случаях будет разной. И одним из критериев эффективности функционирования любого бизнеса является его способность развивать жизнедеятельность общества, содействуя его живучести, а также экономической и национальной безопас-

¹ См. подробно: Осипов Ю.М. Хозяйственный механизм государственно-монополистического капитализма. — М.: Изд-во МГУ, 1987. — С. 75-84.

ности в целом. Оценивая бизнес с народнохозяйственных позиций, мы можем констатировать, что, скажем, частное кафе, ферма, магазин или ателье благотворно воздействуют на развитие социальной среды обитания людей, укрепляя её материальный базис и удовлетворяя жизненные потребности людей непосредственно в месте из проживания. Как известно, уровень безопасности общества и его устойчивости определяется степенью развития социальной инфраструктуры и так называемой местной экономики.

Однако нефтяная вышка, ГЭС или алюминиевый или авиационный завод, попавший в частные руки, безусловно, могут представлять угрозу для национальной безопасности. Частнокапиталистические предприятия сами по себе вообще лишены народнохозяйственной эффективности, которая, как известно, выражается в способности любого данного предприятия функционировать в качестве составной части производительных сил нации, то есть всего народнохозяйственного комплекса, работая на увеличение конечного продукта и конечного результата. А этим результатом с точки зрения всего национального хозяйства является производство не прибыли и не частного дохода, а производство человека и всего общества в целом. Однако именно это менее всего интересует частный бизнес, что и обнаружилось в ходе либеральных реформ.

Попытки найти оптимальную народнохозяйственную модель, должны заставить нас тщательно изучить положительный опыт народного хозяйства СССР. В первую очередь государственные предприятия в СССР имели очень высокий уровень народнохозяйственной эффективности. Это выражалась в том, что предприятия были ориентированы не на прибыль. Показатель прибыли существовал, но не он был главным.

Уже к середине 1930-х гг. в стране сложилась противозатратная система хозяйствования. В плановой оптовой цене промышленной продукции устанавливалась жестко фиксированная величина норматива рентабельности на уровне 3–5 %. В результате ограничивалась ориентация экономики на получение максимальной прибыли как в первом, так и во втором подразделениях. Прибыль перестала быть преобладающей формой существования прибавочного продукта, а налог на прибыль — преобладающей формой изъятия прибавочного продукта в пользу государства. Уровень рентабельности не являлся уже ориентиром в процессе структурной перестройки экономики, это давало возможность ускоренного развития тяжелой промышленности, для которой характерен сравнительно низкий уровень рентабельности. Преобладающей формой изъятия прибавочного продукта в пользу государства стал налог с оборота. В нем аккумулировалась та реальная экономия, которая достигалась во всех отраслях народного хозяйства. Так, например, в период 1933–1937 гг. налог с оборота и платежи из прибыли в доходах госбюджета СССР составляли, соответственно, 67,4 % и 6,3 %, в 1938–1940 гг. — 61,5 и 10,4 %, в 1946–1950 гг. — 58,6 и 7,5 %¹.

¹ С.Н. Трунин. Особенности советской макроэкономической модели 1930—1950-х гг. — Феномен Сталин. — Краснодар: Издание Моск. ун-та, 2003. — С. 490-491.

Однако, поскольку налог с оборота включался только в цену продукции подразделения, то данная экономия изымалась в пользу государства при реализации предметов потребления. При такой системе ценообразования средства производства становились относительно дешёвыми. В результате у предприятий возникали достаточно сильные стимулы к приобретению новой техники. Используя такую макроэкономическую политику, государство стало осуществлять беспрецедентное в мировой истории перераспределение общественного продукта, направляя его в те отрасли экономики, которые обеспечивали наибольший прирост общественного продукта. Это позволило значительно повысить долю накопления и обеспечить ускоренное развитие отраслей I подразделения. В целом в 1940 г. продукция промышленности увеличилась (в сравнении с 1928 г.) в 6,5 раза, в том числе по отраслям группы «А» — в 10 раз, группы «Б» — в 4,2 раза. В результате в 1940г. продукция отраслей группы «А» (I подразделения) достигла 64,2 % всей продукции промышленности¹.

Укажем, что в эпоху фактического правления последнего императора России Николая II (1894—1914) национальное богатство увеличилось в 1,64 раза, в том числе в 1,05 раза в 1901—1905 гг. В период, когда у руля государства стоял С.Ю. Витте (6 месяцев в 1905—1906 гг.) приращения богатства не было. П.А. Столыпин руководил правительством 5 лет и два месяца (1906—1911) и прирастил национальное богатство страны на 6,2 %, в результате же правительственной чехарды 1911—1917 гг. (за этот период сменилось 7 премьер-министров) национальное богатство уменьшилось на 3,2 %.

В эпоху правления В.И. Ленина (1917—1922) национальное богатство страны увеличилось на 20,8 %, а при И.В. Сталине (1922—1953) приращение его объема превысило 240,5 % (4,0 % в год). Н.С. Хрущев (1953—1964) прирастил национальное богатство страны в 1,64 раза, при «застое» Л.И. Брежнев (1964—1985) — его приращение составило почти 2,86 раза. В годы правления М.С. Горбачева объем национального богатства был наращён еще на 28,2 %, а вот при Б.Н. Ельцине (1991—1999) страна начала, как никогда раньше, проедать накопленное предыдущими поколениями национальное богатство, сократив его объём за неполные 10 лет на целую десятину². Приведенные данные красноречиво говорят сами за себя.

Новая концепция централизма включает в себя понимание того, что из единого центра практически невозможно сбалансировать экономику, минуя рынок. Пропорциональность не равнозначна жестким балансам. В действительности равновесие в экономике может быть лишь динамичным, т. е. для обеспечения пропорциональности необходимо установление динамического равновесия между спросом и предложением. Практически это означает, что, с одной стороны, весь объем предложенной, то есть произведенной то-

¹ Соотношение двух подразделений общественного производства / Под ред. П.Н. Федосеева. — М., 1983. — С. 241–242.

² Федоренко Н.П. Россия: уроки прошлого и лики будущего. — М., 2000. — С. 54–55.

варной продукции (предложение) должен быть реализован, а с другой — все, что требуется потребителям (спрос), можно было бы купить на рынке.

Установление динамического равновесия между спросом и предложением, между производством и потреблением является функцией регулируемого рынка. Это равновесие возможно и реально лишь при условии установления прямых и долговременных хозяйственных связей между отечественными предприятиями на основе **хозяйственного договора**, который позволит наиболее полно увязать объём и структуру производства каждого предприятия с реальными общественными потребностями.

В директивной системе управления план, как известно, выступал в виде инструмента государственного (директивного) руководства, как форма принудительного распределения заданий и продукции по типу промразверстки. Такой план несовместим с рынком, с рыночными отношениями. В его основе лежала не логика закона стоимости, а административные, чисто волевые начала. Как известно, механизм внеэкономического принуждения и внеэкономической связи между производителем и потребителем приводил в советской экономике к тому, что, например, уголь из Донбасса отправляли в Сибирь, а из Воркуты — в Запорожье. И такие встречные товарные потоки были в СССР далеко не редкость. Из этого, разумеется, не следует, что центральный Госплан должен быть лишен «волевого начала».

Однако при переходе к централизованному плановому управлению и регулированию с помощью экономических рычагов план из директивы, игнорирующей рынок, превращается в **план-надстройку** над базой рыночных отношений. Исходя из логики закона стоимости и рынка, такой центральный план должен корректировать рынок, когда он не срабатывает, обогащать и дополнять его. При таком подходе народнохозяйственный план выступает как совокупность целей и показателей общегосударственного развития, а также необходимых финансовых ресурсов.

В Китае, где важнейшим направлением реформирования стало сочетание плана и рынка, механизм планирования включает три составные части: а) директивный план, б) индикативный план, т. е. направляющий и в) рыночное регулирование. В последнее десятилетие имела место устойчивая тенденция в сторону увеличения роли рыночных рычагов в управлении экономикой Китая. Однако это несколько не снизило роли государственного плана. В стране продолжают действовать годовые и пятилетние планы развития народного хозяйства: завершились 9-й пятилетний план (1996—2000 гг.) и 10-я пятилетка (2001—2006). Государственное директивное планирование охватывает 13 укрупненных товарных групп: уголь, нефть, нефтепродукты, металлы, древесина, стройматериалы, удобрения, электроэнергия и др. Объём центрального директивного плана составляет около 10 % валового промышленного продукта. Планирование осуществляется на всех уровнях управления — центральном, провинциальном и местном на основе предложений, поступающих снизу. В его осуществлении сохраняется исключительно важная роль Госплана, который устанавливает в качестве директивных показателей: годо-

вые объемы инвестиций, кредитной эмиссии, экспорта и импорта, валютных доходов и расходов, привлечения иностранных кредитов и др. В КНР используется такой вид перспективного планирования, как формирование долгосрочных программ социально-экономического развития на 10 лет, которые служат базой пятилетних планов¹.

Планирование в системе рыночной экономики призвано совершенствовать рынок, корректировать развитие рыночного механизма как важнейшего фактора экономической стабильности и пропорциональности. Подобное понимание плана и рынка образует основу для такого взаимодействия между центром и предприятиями, при котором функцией центра становится экономическая политика, а предприятия при этом выступают как субъекты предпринимательства, как хозяйствующие рыночные субъекты.

С другой стороны, **концепция нового централизма отвергает модель «свободного рынка», подвергая большому сомнению эффективность конкурентно-рыночного механизма, независимого от государства.**

Во-первых, конкуренция должна быть регулируемой, а не свободной, то есть должна развиваться в четких институциональных рамках, определенных государством. В действительности свобода хозяйствования и конкуренции всегда относительна. Она существует скорее как свобода выбора, свобода частной инициативы, свобода хозяйствования за счёт собственных средств, на основе собственного предпринимательского дохода. Однако получение этого дохода происходит в конкурентной борьбе, условия и рамки которой должен диктовать *социальный рынок*. «Хозяйствование в обществе дополняется хозяйствованием общества (как объективным процессом)»². К числу важнейших функций микрохозяйствования, которое реализуется обществом как совокупностью предпринимателей, относится создание механизма согласования частых, индивидуально-групповых и коллективно-групповых интересов с интересами всего общества, включающего в себя не только предпринимателей и потребителей, но также и государство. Только оно способно создать условия для возникновения так называемой «социально-ориентированной модели рыночной экономики».

Во-вторых, реальным механизмом согласования хозяйственных интересов в обществе может служить только механизм общегосударственного планирования, дополненный общественным механизмом отраслевого планирования и согласования интересов — в рамках Торгово-промышленной палаты, а также различных предпринимательских союзов.

Однако, переосмысливая прошедшие 20 лет, мы сегодня должны признать, что механизм согласования экономических интересов не может быть направлен на достижение одного лишь баланса или равновесия различных общественных сил. Баланс, равновесие — это всегда гомеостаз, то есть тип развития неизбежно ведущий к застою. Однако реальная хозяйственная динамика создается не пресловутым «динамическим равновесием» экономиче-

¹ См.: Социально-ориентированные модели рыночной экономики. — М.: Издательство «КОСМО», 2001. — С. 187-188.

² Осипов Ю.М. Указ. соч. — С. 82-83 (разрядка автора — А.О.).

ских интересов, а динамическими целями, которые призвано провозглашать государство. Именно эти цели должны олицетворять собой общий интерес, который в рамках всего национального хозяйства «не может определяться исключительно фундаментальной целью экономики»¹.

Подчеркнём особо ещё раз: общий интерес в экономике и народном хозяйстве — это не баланс или результат согласования экономических интересов различных общественных сил, ведущий к достижению равновесия. Общий интерес обязательно отражает в себе нацеленность всего общества на достижение поставленных общенациональных рубежей. Именно поэтому общий интерес в народном хозяйстве не может выражаться только в создании общих для всех взаимовыгодных условий конкурентного хозяйствования (свободный от монополий рынок, здоровая конкуренция, экономические свободы и гарантии в развитии хозяйственной демократии, защита прав потребителей и пр.). Н.М. Казанцев верно указывает на то, что проблема общности далеко выходит за рамки сегодняшнего дня, «распространяясь за границы настоящего времени в будущее, проблема общности, общества и общественного, в частности — общего интереса, блага и дела. Здесь же уместен вопрос преемственности прошлого в настоящем, общего с ним и с грядущим. Нельзя истину общности искать лишь для совокупности ныне живущих граждан государства. Равным образом хозяйство не есть категория, выражающая экономические отношения данности настоящего»².

В-третьих, рыночная модель многоукладного (некапиталистического) хозяйства должна поставить под жёсткий государственный контроль функционирование рынка капиталов (денег, валюты и ценных бумаг), стремясь не допустить образования внутри национального хозяйства финансовых анклавов. Движение денег и финансы страны должны быть под контролем государства. Именно по этому пути пошел Китай, что позволяет ему осуществлять общегосударственное планирование во имя достижения поставленных страной целей. В период «перестройки» конца 1980-х гг. господствовало представление о необходимости создания полновесной структуры «свободного рынка», которая, дескать, обязательно должна включать в себя независимый от государства рынок капиталов, основанный на «свободной конкуренции». Реализация этой идеи, например, в Польше привела к тому, что

¹ Швейцарский экономист Артур Рих справедливо подчеркивает: «Система хозяйствования должна быть для человека не только средством выживания, она должна создать предпосылки для существования, достойного человека. Это значит, что в процессе труда и получения дохода человек приобретает определенный общественный статус — *статус личности*, участвующей в общем процессе труда, определяющей этот процесс и несущей долю общей ответственности за него, а не просто *рабочей силы*, применяемой, используемой — и соответственно оплачиваемой, как требуют того интересы экономической прибыли». «Для фундаментальной цели экономики основополагающей является такая ценность, как благосостояние — символ жизненно необходимого удовлетворения самых насущных материальных потребностей; для социальной — выравнивание распределения жизненных условий; для экологической цели — бережное отношение к природе при использовании ее богатств. Игнорирование какого-либо аспекта ведет, как уже ясно, к губительным последствиям и ставит под сомнение единое смысловое содержание экономики». — См.: Рих Артур. Хозяйственная этика. — М.: Российский филиал изд-ва «Посев», 1996. — С. 286, 296-297.

² Казанцев Н.М. К вопросу о парадигме политической экономии: расширение метода. — Экономическая теория на пороге XXI века — 2 / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Т. Пуляева, В.Т. Рязанова, Е.С. Зотовой. — М.: Юристъ, 1998. — С. 133-134.

свыше 90 % всего банковского капитала страны находится в руках иностранного капитала. А это означает, что Польша сегодня как суверенное государство больше — не существует.

В-четвертых, плановая модель многоукладного хозяйства должна включать в себя ограничение «свободного ценообразования», которое в реальности представляет собой свободу картельных сговоров и свободу монополистического господства. Резкий рост цен в России на недвижимость, бензин, хлеб, электроэнергию, телефонные услуги, транспорт и др. — всё это очень красноречиво, хотя и косвенно, но подтверждает о наличии в России действительно свободного «картельного ценообразования».

Модель «свободного рынка» подрывает основы народного хозяйства. Банки здесь подчиняют себе производство, не принимая никакой ответственности за его развитие. Как известно, прибыли финансовой олигархии могут быстро расти вверх, и это в то время, когда экономика страны переживает острейший кризис. В России стремительно увеличивается число долларовых миллиардеров, и одновременно растет нищета и разруха. В 2005 году все предприниматели, связанные с нефтяным бизнесом удвоили свои доходы, а в сельском хозяйстве, в промышленности и других отраслях люди еле сводят концы с концами.

В-пятых, конкурентно-рыночный механизм как механизм хозяйствования может быть действительно эффективным только на муниципальном уровне, а в рамках всего народного хозяйства его эффективность уже имеет крайне ограниченный характер, и это определяется тем, что народнохозяйственный комплекс в целом не может развиваться на основе критериев «свободного рынка» и денежной эффективности.

Приведу несколько характерных примеров. Рост цен на автомобильное топливо в 2005 году привел к тому, что цена 1 т топлива поднялась до 14–16 тыс. рублей, а цена 1 т зерна осталась на уровне 2 тыс. за 1 тонну. Вспомним, как реагировало правительство на данную ситуацию. А. Жуков, тогда ещё первый вице-премьер, заявил в одной из ТВ программ, что мы, дескать, «ничего не можем сделать, так как товар идёт туда, где выше цена». Однако, очевидно, что правительство должно контролировать цены на стратегические товары, непосредственно влияющие на экономическую безопасность страны. Так называемая «свободная конкуренция» в агробизнесе уже привела, к тому, что свыше 80 % всех элеваторов оказались в частных руках. «Свободные» цены на пшеницу держатся на монопольно низком уровне.

В 2005 г. 1 т пшеницы покупалась у крестьян примерно за 800 руб. на «свободном» рынке частные перекупщики её продавали уже по цене свыше 2000 руб. за 1 т, а на мировых биржах наше зерно уже продавалось по 140–150 долл. за 1 тонну. Рост цен на хлеб в 2007 г. никак не связан с дефицитом предложения: Минсельхоз России подтверждает прогноз урожая зерна в 2007 г. в пределах 76 млн т. (на уровне 2006 г.). Однако экспортная цена за 1 т пшеницы в 2007 г. выросла до 280, т. е. почти в 2 раза по сравнению с це-

нами 2005–2006 гг. (\$145 в 2006 г.)¹. Таким образом, рост цен на хлеб летом 2007 г. вызван, также как и рост цен на бензин, ростом мировых цен.

Однако оправдывать рост внутренних розничных цен на хлеб (бензин) рост мировых оптовых цен пшеницу (нефть) можно только в том случае, если данная страна закупает на мировых рынках соответствующие товары (продукты, сырье). Очевидно, что в основе внутренних цен на товары лежит их стоимость, т. е. общественно необходимые затраты на их производство, и в этом случае внутренние производственные затраты возрастут, что и приведет к росту цен на данные товары. В тех же условиях, когда, как, например, в России, отсутствует вообще какой-либо дефицит на пшеницу и нефть, рост розничных цен на хлеб и бензин свидетельствует косвенно лишь о высоком уровне монополизации производства и продажи данных товаров, имеющем картельный характер (а также о лукавстве чиновников, прикрывающих картельные сговоры общими разговорами о «свободе рынка»).

- Например, уровень рентабельности производства и продажи хлеба в 2000 г. был на уровне 600 %². Очевидно, что к 2007 г. этот уровень уже превзойдён. Норма прибыли нефтедобычи при цене 55–60 дол./барр. — превышает 800–900 %³. А рентабельность производства электроэнергии просто сумасшедшая. Например, на Саяно-Шушенской ГЭС себестоимость 1 киловатт-часа — 12 коп., но бытовой потребитель платит за тот же киловатт-час — 1 руб. 25 коп., а предприятия — 1 руб. 70 коп. Уровень рентабельности только одной ГЭС — от 858 % до 1316 %. Подобное происходит и на Красноярской ГЭС: себестоимость 1 киловатт-часа 3 коп., для переплавщиков глинозема в алюминий (т. е. для г-на Дерипаски) 1 киловатт-час обходится в 27 коп., бытовым потребителям — в 1 руб., а предприятиям — в 1 руб. 30 коп.⁴. Рентабельность, соответственно, составляет: 800 %, 3233 %, 4233%.

3.3. ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ТРЕТЬЕГО ПУТИ В РАЗВИТИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

Коллективное владение средствами производства — это и есть третий путь развития производственных отношений и самого национального хозяйства. Именно так ставили эту проблему в своих работах академики Д.С. Львов, Н.П. Моисеев, Н.П. Федоренко и др.⁵ Принципиально важно, од-

¹ www.rspp.ru/Attachment.aspx?id=3607

² Весной 2000 года батон белого хлеба весом 380 г стоил в Москве 6,00 руб. Он был выпечен из 250 г пшеницы. Такое ее количество стоило в декабре 1999 года на российском рынке 43 коп. (1725 руб. за тонну). Технически обусловленная себестоимость превращения пшеницы в хлеб с учетом транспортных расходов на его доставку к прилавку равна — 110% от стоимости пшеницы, т.е. для одного батона она составляла в конце 2000 года 47,3 коп. Итого, реальная себестоимость производства батона была равна 90,3 коп. А на прилавке его цена (розничная цена) была 6,00 руб. — См.: Глазьев С. Ю., Кара-Мурза С. Г., Батчиков С. А. Белая книга. Экономические реформы в России 1991—2001 гг. — М.: Изд-во Эксмо, 2003. — С. 85.

³ См.: Олейников А.А. К вопросу о политико-экономическом содержании природной ренты в России (на примере нефтяной промышленности) // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и эконом. ф-та МГУ. — 2005. — № 3.

⁴ Госдума: «правительственный час» реформаторов энергокомплекса // Сов. Россия. — № 164. — 20 декабря 2005. — С. 2.

⁵ Львов Д. С. Третий путь для России. М.: Торгово-промышленная палата, 2001; Львов Д. С. Свободная экономика России: взгляд в XXI век. М.: Экономика, 2000; Львов Д. С., Моисеев Н. П. Россия в поисках третьего пути // Экономическая газета. 1999, № 27; Львов Д., Моисеев Н., Гребенников В. Манифест Арбатского клуба // Журнал Акционеров. 1996, № 2; Федоренко Н. П. Россия на рубеже веков. М.: Экономика, 2003; Федоренко Н.П. Россия: уроки прошлого и лики будущего. — М.: Экономика, 2000.

нако, сразу же подчеркнуть, что этот путь уже подтвержден богатым историческим опытом, накопленным в социалистической Ливии и бывшей социалистической Югославии. В этих странах была реализована модель социального партнёрства, основанная на индивидуальном и коллективном (кооперативном) владении общественными средствами производства и общественными ресурсами (недра). Социалистическая практика в этих странах стремилась преодолеть недостатки модели государственного социализма, которая не смогла преодолеть до конца все формы отчуждения работников от условий, средств и продуктов своего труда.

Кроме этого, третий путь национально-экономического развития включает в себя также и модель «семейного предприятия», основанного на модели восточного японского капитализма, на этике буддизма. Но поскольку подробное рассмотрение этого варианта третьего пути не входит в нашу задачу, поэтому мы отошлем нашего читателя к последнему специализированному исследованию¹.

1) Собственность и труд в условиях государственного социализма

Движение собственности происходит, как известно, в процессе взаимодействия противоположных сторон основного производственного отношения (ОПО). Частнокапиталистическая собственность основана на прямом отчуждении непосредственных производителей от условий, средств и продуктов своего труда, порождая и углубляя противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения. Государственная собственность в условиях государственного социализма не устраняет всех форм отчуждения трудящихся.

После национализации капиталистической собственности отношение между капиталом и трудом заменяется отношением между государством как собственником решающих средств производства и наемными рабочими государственных предприятий. Их можно определить как государственно-собственнические производственные отношения. Реальным собственником здесь является государство, в чьё монопольное распоряжение и владение поступают национализированные средства производства. А непосредственные производители при этом оказываются отчужденными от хозяйственной функции, являются не субъектом, а объектом управления. Капиталистическая форма противоречия между трудом и присвоением, заключенная в отношении собственников капитала к наемным рабочим, с установлением собственнической монополии революционного государства принимает форму противоположности между наемным трудом, производящим стоимость и её государственным присвоением.

¹ Олейников А.А. Третий путь России: новая хозяйственная идеология (Идеология семейной организации национального хозяйства и работающих собственников: модель восточного капитализма). Научная монография. — М.: Издательский дом «Белгород», 2014. (Серия «Евразийский мейнстрим: русский взгляд»).

Замена капиталистического присвоения государственным по сути оставляет без изменения общественную форму взаимодействия труда и присвоения: непосредственные производители остаются в значительной степени отчужденными от условий, средств и продуктов своего труда. Государственная собственность для трудящихся при этом остается чужой. Отношение между наемными тружениками и государством как собственником средств производства (основное производственное отношение) тормозит развитие производительных сил, общественного производства в целом. Экономическое отчуждение трудящихся и наемный труд как общественная форма развития производительных сил являются определяющими чертами ОПО в системе государственно-собственнических производственных отношений. Эти отношения характеризуют этап формального обобществления, в течение которого непосредственные производители выступают лишь как номинальные. Противоречие между общественным производством и государственным присвоением адекватно лишь этапу формального обобществления. И если это противоречие не разрешается на начальном периоде революции, тогда государство оказывается перед реальной угрозой превратиться в новый инструмент отчуждения трудящихся от средств производства (приходящий на смену капиталистическому механизму отчуждения). Возникает угроза того, что задачи социалистической революции не будут выполнены, а строительство социализма застынет, замкнется в его переходных формах.

Именно это и произошло в СССР. Регрессивное движение основного экономического противоречия, заключенного в ОПО, происходило по пути усиления централизма и ущемления коренных интересов непосредственных производителей, производственных коллективов в целом. Стремительный рост центрального управленческого аппарата создавал благоприятную почву для укрепления всевластия бюрократизма. Так, например, если в 1957 г. в СССР было 37 министерств, а в 1977 г. уже 80, то к началу 1987 г. насчитывалось более 100 министерств и ведомств. В одном только госаппарате занято 3 млн. человек¹. Движение экономики в 1980-х гг. шло по линии дальнейшего усиления централизма и ущемления коренных интересов трудящихся. Об уровне отчуждения тружеников от управления собственностью красноречиво свидетельствует следующий факт. В сельском хозяйстве, например, еще в 1985 г. над рядовыми производителями возвышались 23 административных этажа управления, каждый из которых командовал, контролировал и распоряжался продуктами их труда². Характерно, что административная система игнорировала интересы не только трудящихся, но и самого общественного производства, научно-технического прогресса, принося в жертву ВАЛУ достижения науки и техники, буквально отторгая их. По данным ВНИИ патентной информации, на пути внедрения новой техники в середине 80-х годов стояло 45 согласующих, регламентирующих и управляющих инстанций. При переходе на сложные комплексы и системы технологий требо-

¹ Московская правда. — 18 августа 1987; Вопросы экономики. — 1987. — № 3. — С. 54.

² ЭКО. — 1987. — № 8. — С. 6.

валось согласование и участие уже до 350–500 инстанций¹. Комментарии, как говорится, здесь излишни.

2) Противоречия кооперативной собственности

Противоречие между интересами непосредственных производителей государственной формой собственности (присвоения) разрешается и обретает адекватную форму движения в кооперативном производстве. Общественная собственность здесь является в то же время и «индивидуальной собственностью» производителей, что обеспечивается их непосредственным участием в хозяйственном управлении и, соответственно, присвоении продуктов своего труда и денежного дохода. Однако кооперативная форма общественной собственности объективно порождает противоречие между интересами общества и коллективно-индивидуальными интересами кооперативов, закономерно стремящихся к максимизации своего дохода. На пути общественного производства при этом появляется корпоративный монополизм, в основе которого лежит монопольно-собственническое присвоение кооперативов. Предвидя эту проблему, Ф. Энгельс указывал в своих работах на необходимость «сохранения найма и сдачи в наем»² трудящимся национализированных средств производства как способа фактического овладения «всеми орудиями труда со стороны трудящегося народа...»³. Государство при этом сохраняет за собой лишь права собственника, но не хозяйственника. Фактическое же владение и распоряжение общественными средствами производства, по мысли Энгельса, должно находиться в руках непосредственных производителей.

Тем самым разрешается противоречие между общественным производством и монопольно-собственническим присвоением, а общественная собственность получает движение в форме диалектической противоположности: с одной стороны, она выступает как общественная, принадлежащая всему обществу, а, с другой, — как коллективная, находясь в непосредственном владении и распоряжении трудящихся на условиях найма (подряда). Такую форму собственности Маркс называл непосредственно общественной. Функции по управлению воспроизводством здесь освобождаются от собственнической монополии и превращаются «просто в функции ассоциированных производителей, в общественные функции»⁴. По мнению основоположников марксизма, уже в акционерных обществах по сути уже дана форма общественного предпринимательства нового способа производства — такая форма общественной собственности, при которой ассоциированный производитель сохраняет право на свою «индивидуальную собственность», получая как акционер часть общественной прибыли.

В рамках возникающей непосредственно общественной собственности ассоциированного способа производства вновь происходит соединение непо-

¹ Комсомольская правда. — 24 октября 1987.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. — С. 361.

³ Там же. Т. 18. — С. 278.

⁴ Там же. Т. 25. Ч. I. — С. 480.

средственного производителя со средствами производства, но уже как собственности коллективной, непосредственно принадлежащей ассоциированным производителям. В качестве примера Маркс указывал также и на кооперативные фабрики, принадлежавшие самим рабочим. Маркс подчеркивал, что «в пределах этих фабрик уничтожается противоположность между капиталом и трудом, хотя вначале только в такой форме, что рабочие как ассоциация являются капиталистом по отношению к самим себе, т.е. применяют средства производства для эксплуатации своего собственного труда». При чем Маркс обратил внимание на одну важную закономерность: кооперативные фабрики, как правило, были более прибыльными, чем капиталистические предприятия, что являлось результатом бóльшей экономии в применении постоянного капитала¹.

С политэкономической точки зрения, кооперативные предприятия дают нам третью форму развития производственных отношений, в рамках которой работники соединяются со средствами производства, превращаясь в работающих собственников, — совладельцев коллективных и общественных средств труда.

Частнокапиталистическое производство, применяющее наемный труд, основывается на частнохозяйственном присвоении прибавочной стоимости, порождая отчуждение непосредственных производителей от собственности, т. е. от условий, средств и продуктов своего труда. В рамках наемной формы государственно-собственнических отношений производства и присвоения сохраняются еще элементы отчуждения работников от собственности. На этой почве развивается ведомственный монополизм, превращающий государственную собственность в корпоративно-групповую собственность, появляются эксплуататорские тенденции. В рамках кооперативного производства, опирающегося на коллективную собственность и ассоциированный труд работающих собственников, процесс производства уже выражается в производстве вновь созданной стоимости ($v + m$), поступающей в коллективное распоряжение работающих собственников. Именно это создает новый тип производственных отношений — коллективно-собственнических. Однако сами по себе они еще не образуют третий тип экономики, всего лишь указывая на возможность третьего пути в общественном развитии.

Говоря об экономическом содержании социалистической революции, К. Маркс подчеркивал в первом томе «Капитала», что она *восстанавливает* не частную собственность, а индивидуальную собственность на основе достижений капиталистической эры: на основе кооперации и общего владения землей и средствами производства. В период горбачёвской перестройки сторонники частной собственности и либеральной модели хозяйства нередко ссылались именно на эту мысль Маркса, истолковывая её в своих интересах. В 1990 году в газете «Правда» была опубликована статья члена Политбюро ЦК КПСС, д.э.н., чл.-корр. РАН В. Медведева под названием «Ядро пере-

¹ Там же. Т. 25. Ч. I. — С. 427, 483.

строечных процессов». В этой статье В. Медведев пытался обосновать необходимость введения у нас частной собственности, ссылаясь на «авторитет Маркса» и утверждая, что «социалистическое обобществление производства», по Марксу, якобы, есть «восстановление индивидуальной собственности». Однако из вышеприведенных высказываний Маркса ясно следует, что непосредственно общественной собственностью становится лишь в том случае, если все функции управления (и присвоения) выполняются непосредственно самими ассоциированными производителями, а не превращаются в отчужденную от них хозяйственную функцию.

3) Непосредственно-общественная собственность

По мнению основоположников марксизма, такая форма собственности возникает в том случае, когда все функции по управлению общественным воспроизводством освобождаются от собственности на капитал и превращаются «просто в функции ассоциированных производителей, в общественные функции»¹. В акционерных обществах по сути уже дана форма общественного предпринимательства нового способа производства, такая форма общественной собственности, при которой ассоциированный производитель сохраняет право на свою «индивидуальную собственность», получая как акционер часть общественной прибыли. Именно поэтому Маркс неоднократно подчеркивал, что акционерные предприятия представляют собой «необходимый переходный пункт к обратному превращению капитала в собственность производителей, но уже не в частную собственность разьединенных производителей, а в собственность ассоциированных производителей, в непосредственную общественную собственность»². Один из предполагаемых отделов «Капитала» Маркс так и обозначил: «d) Акционерный капитал, как самая совершенная форма (подводящая к коммунизму), вместе со всеми его противоречиями»³.

Согласно марксистскому подходу, развитие акционерных обществ и кооперативных фабрик свидетельствует, что капитализм уже давно подготовил материально и содержательно свое отрицание, подготовил «переходные формы от капиталистического способа производства к ассоциированному»⁴, к окончательной «экспроприации экспроприаторов». Капиталистический способ производства, возникнув на основе отрицания индивидуальной частной собственности, порождает свое собственное отрицание, а именно: отрицание капиталистических форм собственности. Это диалектическое «отрицание отрицания» приводит к логическому синтезу: в рамках возникающей непосредственно общественной собственности ассоциированного способа производства вновь происходит соединение непосредственного производителя со средствами производства, но уже как собственности коллективной, непосредственно принадлежащей ассоциированным производителям.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч.1. — С. 480.

² Там же.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 29. — С. 254.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч.1. — С. 484.

Диалектика развития непосредственно общественной собственности такова, что она не отрицает индивидуальную собственность работников, а сохраняет их трудовое право на эту собственность, реализуемое через коллективно-обособленное присвоение. Непосредственно общественная собственность является в то же самое время и «индивидуальной собственностью» непосредственных производителей. А это предполагает создание такого механизма экономической реализации непосредственно общественной собственности, при котором, с одной стороны, собственность выступает как общественная, принадлежащая всему обществу, всем трудящимся как совокупному собственнику, а с другой стороны, как коллективная, поступающая в непосредственное распоряжение непосредственных производителей, трудовых коллективов.

4) Политэкономическое содержание третьего пути в развитии национального хозяйства

В рамках кооперативного производства, опирающегося на коллективную собственность и ассоциированный труд, результат производства выражается в создании вновь созданной стоимости, поступающей в коллективное распоряжение работающих собственников. Это и создает новый тип производственных отношений — коллективно-собственнических. Однако сами по себе они еще не образуют третий тип экономики, всего лишь указывая на возможность третьего пути в общественном развитии.

Идеи Маркса о непосредственно общественной собственности как экономической основе самоуправления трудящихся легли в основу модели социалистического самоуправления трудящихся, лидером которой была, безусловно, социалистическая Югославия. Однако практика показала, что третий путь становится реальным лишь в тех условиях, которые исключают плутократический тип развития, а также любые формы господства корпоративно-групповых интересов, включая и групповой управленческий монополизм. В этом контексте, очевидно, что третий путь находится за пределами капиталистического общества. Коллективное владение средствами производства реализуется практически в рамках модели народного предприятия, действующего в России¹.

Кроме этого, как уже подчеркивалось выше, третий путь национально-экономического развития включает в себя также и модель «семейного предприятия», основанного на модели восточного японского капитализма, на этике буддизма.

Модель третьего пути включает в себя также некапиталистические принципы семейной организации народного хозяйства, изложенные в работах Чаянова. Подробное рассмотрение этого варианта третьего пути не вхо-

¹ См. подробно: Олейников А.А. Политико-экономические основы модели «третьего пути»: Научное издание. — Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова; Кострома: КГУ им. Н.А Некрасова, 2006. — 296 с.

дит в нашу задачу. Поэтому мы отошлем нашего читателя к последнему специализированному исследованию¹.

5) Модель народного предприятия в России

Народные предприятия — это коллективно-трудовые предприятия, призванные формировать в России «третий путь». Они действуют на основе закона «О народных предприятиях», который вступил в силу с 1 октября 1998 года. В рамках этого закона народные предприятия могут создаваться или преобразовываться из акционерных обществ, в которых имеется не менее 49 % акций, принадлежащих коллективу предприятия. По закону работники — акционеры народных предприятий должны владеть акциями, составляющими более 75 % всего их количества: остальные акции могут быть проданы на сторону. Вновь принятые работники наделяются акциями в зависимости от трудового вклада не ранее чем через три месяца после приема на работу. Каждый работник может владеть не более 5 % акций от их общего количества, то есть внутри предприятия никто из его акционеров не может сосредоточить у себя более 5 % акций. При увольнении акционер обязан продать акции предприятию. Каждый акционер обладает одним голосом независимо от того, сколько имеет акций. При этом законом не допускается покупка дополнительных акций генеральным директором, его заместителями и помощниками, членами Наблюдательного совета Контрольной комиссии НП. Генеральный директор народного предприятия избирается общим собранием акционеров, являющимся высшим органом власти на предприятии².

Поясняя механизм действия народных предприятий, Святослав Федоров приводит в качестве примера работу Межотраслевого научно-технического комплекса «Микрохирургия глаза», которым он руководил до своей смерти в авиакатастрофе³: «В своем трудовом коллективе мы на практике осуществили, что в свое время предлагал Сахаров: соединить преимущества социализма и капитализма. Мы считаем, что нужно использовать эгоизм человека в интересах всего коллектива и плоды работы коллектива в интересах каждого человека. Так, например, в нашем коллективе очень много изобретателей и рационализаторов. Мы используем возможность этих людей для того, чтобы улучшить технологию производства, повысить ее эффективность. За каждое изобретение и рационализаторское предложение мы назначаем определенное материальное поощрение, представляющее собой процент от общего дохода за внедренные изобретения. Говоря образно, мы используем инициативу людей, их энергию по капиталистически, а оцениваем их труд на основе справедливости, исходя из его количества и качества. Кто лучше работает, тот лучше живет. При этом при распределении материальных благ в коллективе

¹ Олейников А.А. Третий путь России: новая хозяйственная идеология (Идеология семейной организации национального хозяйства и работающих собственников: модель восточного капитализма). Научная монография. — М.: Издательский дом «Белгород», 2014. (Серия «Евразийский мейнстрим: русский взгляд»).

² От наемного труда к свободному. Производственное самоуправление или «третий путь» в экономике/ Под общ. ред. акад. С. Федорова. — М.: Слово, 2001. — С. 155, 169-170.

³ От наемного труда к свободному. — С. 6.

практикуется широкая производственная демократия и самоуправление: коллектив сам решает, кого надо поощрять, а кого наказывать».

Развитие таких предприятий идет медленно: они не выгодны либеральному правительству и олигархическим структурам, насаждающим в стране архаичную — авторитарно-командную систему управления. Она превращает работника в «биологический робот» (С. Федоров), вновь возвращая страну в систему скрытого рабства или крепостничества.

Народные предприятия внедряют в наше общество новый тип производственных отношений, основанных на справедливости. Очевидно, что только такие производственные отношения могут привести к сотрудничеству подчиненного и начальника, руководителя и исполнителя. Получаемый собственниками валовой доход поступает в распоряжение коллективного (ассоциированного) работающего собственника и используется в целях роста ее благосостояния. Данное предприятие вовлекается в товарно-денежные отношения и в сферу рыночной экономики, но на принципах, отличных от капиталистических предприятий, нацеленных на максимизацию прибыли. Здесь не действует капиталистический закон максимизации прибыли. Соответственно, и цель такого предприятия, и критерии его эффективности принципиально отличаются от капиталистических предприятий. Главными критериями оценки его эффективности будут социальные критерии, то есть показатели социальной эффективности.

В 1999 г. в докладе № АДП 0103 Всемирного банка были изложены результаты исследования российской приватизации и сделано следующее заключение: «Представляется, что собственность работников является самым быстрым и наименее дорогостоящим вариантом создания класса собственников, необходимого для скорейшего перехода к рыночному хозяйствованию». В апреле 1999 г. старший вице-президент и главный экономист Всемирного банка Джозеф Стиглиц сделал доклад «Куда идет реформа? Десять лет перехода к рынку» на ежегодной конференции Всемирного банка по вопросам экономического развития. Доктор Стиглиц заявил, что российская элита во многих случаях не смогла устоять перед соблазном захватить то, что было можно. Они подорвали доверие общества в огромном масштабе». Он показал, что Россия срочно нуждается в изменении стратегии управления предприятиями и собственностью, если страна не хочет, чтобы олигархи и авторитарные менеджеры разграбили ее национальное богатство, и хочет иметь безопасную основу для быстрого развития ее экономики»¹.

Очевидно, что при этом Дж. Стиглиц и эксперты Всемирного банка исходили из сложившегося на Западе положительного опыта предпринимательской деятельности предприятий, находящихся в собственности работников.

В США периодически проводятся исследования эффективности экономического влияния собственности работников и на конкурентоспособность предприятий. Уже проведено более 20 таких исследований. Одно из самых последних исследований, сравнивающее динамику инвестирования в откры-

¹ Цит. по: От наемного труда к свободному. — С. 80-81.

тых, общественных корпорациях с собственностью работников и в традиционных корпорациях показало, что индекс инвестирования в компаниях, где рабочим принадлежало по меньшей мере 10 % акционерного капитала, возрос с 1993 по 1998 г. на 193%, а индекс инвестирования в компаниях, принадлежащих только внешним владельцам денежного капитала, в 500 общественных корпорациях за это время вырос только на 141 %.

Исследование Балтиморского университета, проведенное в 1988—1992 гг. на 2776 фирмах с собственностью работников, выяснило, что в этих фирмах доход на вложенный капитал был на 50 % выше, чем в компаниях, где не было работников-акционеров. За последние пять лет цена акций предприятий с собственностью работников в США возросла на 37% по сравнению с ценой акций компаний, которые пока боятся сделать своих работников собственниками. Великобритании за этот же период цена акций предприятий с собственностью работников возросла в три раза по сравнению с предприятиями, где у работников нет собственности¹.

Идея свободного труда, то есть труда на себя, пробивает себе дорогу в жизни многих стран и народов. Тысячи предприятий США работают по программе ЭСОП (план наделения работников акциями), где миллионы тружеников являются собственниками общего акционерного капитала. Напомню, что на сегодняшний день акциями в США владеют 50 % домохозяйств².

Аналогичные предприятия функционируют в Испании, в Италии, во Франции, Японии и Китае. По своей эффективности и производительности они превышают соответствующие частные и государственные предприятия. По мнению американских ученых-управленцев групповой подход к организации работ позволял повысить производительность от 60 до 600 %³.

В России такие предприятия действуют на основе закона «О народных предприятиях», который вступил в силу с 1 октября 1998 года. По состоянию на 2001 год таких предприятий насчитывалось около 50. Народные предприятия являются реальной альтернативой частнокапиталистической форме собственности и модели хозяйствования, указывая путь к построению эффективной рыночной экономики, которая «может сложиться только на основе прогрессивной социальной структуры общества, когда ресурсы и экономическая власть будут распределены в пользу созидательных слоев общества с вытеснением социально паразитирующих слоев общества»⁴. Подвергая критике либеральную модель, основанную на абсолютизации «методологического индивидуализма», профессора МГУ имени М.В. Ломоносова А.А. Поро-

¹ От наемного труда к свободному. — С. 78.

² Однако 71 % всех этих владельцев имеет акций не более чем на 2 тыс. долл. каждый; в то же время 5 % американских семей контролируют сегодня более 77 % акционерного капитала США. Примечательно и то, что 85,8 % всех доходов от повышения на протяжении 1989-1997 гг. курсовой стоимости американских ценных бумаг аккумулированы 10 % наиболее состоятельных акционеров, тогда как в пользу низших 60 % перераспределено не более 3,6 % подобных поступлений (См.: Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация. — М., 1999. — С. 517).

³ Грейсон Дж. К. мл., О'Делл К. Американский менеджмент на пороге XXI века: Пер с англ. — М.: Экономика, 1991. — С. 133.

⁴ Хубиев К.А. Формирование российской модели социальной рыночной экономики // Философия хозяйства. — 2005. — № 4-5. — С. 252.

ховский и К.А. Хубиев подчеркивают, что эта модель «едва ли приемлема для России»¹. Прежде всего потому, что она насаждает в стране скрытое рабство, лишая работников мотивации к труду. Национальная экономика в структуре национального хозяйства может эффективно функционировать только как социальная рыночная экономика. Другими словами, в основе национального хозяйства должна лежать модель такой экономики, которая бы максимально превращала непосредственных производителей в работающих собственников. Только такой подход будет соединять не на словах, а на деле, частный интерес работников с интересами всего общества посредством развития многообразных форм кооперации, артельного труда, бригадного самоуправления и других форм совладения и соучастия работников в результатах своего труда. Кроме этого, данная модель народнохозяйственного механизма предполагает соучастие всего населения в доходах от разработки недр и других природных ресурсов через создание специализированного фонда будущих поколений. Нерукотворные ресурсы должны принадлежать всему обществу, работая на его воспроизводство. Сегодня, однако, природно-ресурсная рента, фактически приватизированная, служит источником обогащения финансово-олигархических структур². Соответственно, свыше 90 % всего населения лишены доступа к природному общественному благу, дарованному свыше.

3.4. ПРИНЦИПЫ СЕМЕЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД ЧАЯНОВА

Принципиальное значение для понимания некапиталистической организации всего многоукладного хозяйства традиционного общества имеет тезис А.В. Чаянова о том, что «особенности крестьянского семейного хозяйства, безусловно, накладывают отпечаток на всю национально-экономическую систему, если эта последняя складывается исключительно на базе семейного хозяйства и в силу этого лишена категории заработной платы»³. Хотя Чаянов и не рассматривал движение всего народного хозяйства на принципах, отрицающих частнохозяйственный капитализм, его методологический подход к анализу крестьянского хозяйства, как семейно-трудового хозяйства, применим и к анализу многоукладного национального хозяйства.

По своей структуре такое хозяйство не может быть чисто капиталистическим, включая в себя коллективно-трудовые и индивидуально-трудовые уклады. Соответственно, в данном случае правомерно ставить вопрос о применимости методологии Чаянова к анализу функционирования всего многоуклад-

¹ А.А. Пороховский, К.А. Хубиев. Формирование российской модели социальной рыночной экономики // Вестник Моск. ун-та. Серия 6. Экономика. — 2005. — № 4. — С. 6.

² См., напр.: Олейников А.А. К вопросу о политико-экономическом содержании природной ренты в России (на примере нефтяной промышленности) // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. — 2005. — № 3.

³ А.В. Чаянов. К вопросу о теории некапиталистических систем хозяйства // Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды / Редкол. сер.: Л.И. Абалкин и др. — М.: Экономика, 1989. — С. 122.

ного национального хозяйства, основанного на принципах, предполагающих некапиталистическую мотивацию труда, т. е. отрицающих индивидуалистическую организацию капиталистического хозяйства. Некапиталистическое народное хозяйство, как и крестьянское семейное хозяйство, одинаково имеет трудовой характер. С.Н. Булгаков писал: «Признак хозяйства — трудовое воспроизведение или завоевание жизненных благ, материальных или духовных, в противоположность даровому их получению»¹.

Опыт развития мировых хозяйственных систем дает нам успешные примеры некапиталистической организации национально-экономического движения, но уже не «на базе» семейного хозяйства, а — на принципах семейного хозяйства. С одной стороны, это — народнохозяйственный опыт СССР и мировой системы социализма, а с другой — опыт Японии, Ю. Кореи и ряда других стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Американские специалисты по проблемам управления Джексон Грейсон Дж. мл. и Карла О'Делл пишут: «Японцы... построили капитализм, не основанный на западной идеологии... Государство здесь играет более активную роль, не управляя экономикой и не планируя ее, а работая с частным сектором и слегка подталкивая его... Некоторые в шутку называют его "конфуцианским капитализмом" или "коммунальным капитализмом". Называйте его как угодно, на этикетке может быть написано "капитализм", но внутри это все-таки нечто другое. Если говорить словами основателя компании "Хонда моторс" Такео Фудзикавы "японская и американская системы управления одинаковы на 95 % и отличаются во всех важных пунктах"»².

Какие же организационные принципы индивидуального семейного хозяйства применимы к национальному хозяйству, функционирующему как единая семья, как целостный народнохозяйственный организм?

1. Принцип самодостаточности, т. е. — опора на собственные силы. Чаянов пишет: «Если семейное хозяйство не пользуется ссудным кредитом посторонних источников, то оно вынуждено удовлетворять требованию, согласно которому любая капитальная затрата на хозяйство, как при первоначальном его накоплении, так и при его воспроизводстве, не только должна сулить выгоду, но, кроме того, семья должна быть в состоянии выделить на эту затрату требуемую сумму из своего трудового дохода, что, разумеется, возможно только за счет собственного потребления». Он подчеркивает, что такой подход возможен только в том случае, «если потребительское значение суммы, предназначенной для производства, в глазах трудящейся семьи представляется меньшим, чем ее значение для производства»³. Точно также функционировало и советское народное хозяйство, которое в первые десятилетия советской власти «не пользовалось ссудным кредитом посторонних источников», опираясь всецело на собственные силы и на внутренние источники капиталообразования, что заставляло экономить на потреблении.

¹ Булгаков С.Н. Философия хозяйства. — М., 1990. — С. 43.

² Грейсон Дж. К. мл., О'Делл К. Американский менеджмент на пороге XXI века. — М., 1991. — С. 312.

³ А.В. Чаянов. К вопросу о теории некапиталистических систем хозяйства. — С. 125.

2. Принцип приоритета производства перед потреблением, обычный для крестьянской семьи, действует в качестве нормы и для народного хозяйства, основанного на принципах семьи. При этом само содержание данного приоритета принципиально меняется, а именно: для семьи, ведущей трудовое крестьянское или ремесленное хозяйство, сравнение оценок потребительской и производственной значимости денежных расходов определяется в первую очередь «той степенью напряженности труда, которая должна иметь место, если n -я единица дохода не используется на создание или замену капитала»¹. Другими словами, деятельность крестьянского хозяйства «определяется совершенно специфическим равновесием между уровнем удовлетворения потребностей семьи и тяжестью (обременительностью) самого труда»². Для национального (народного) хозяйства в целом главным критерием трудозатрат и денежных затрат является — уровень жизнестойкости национального хозяйства, степень его выживаемости перед лицом цивилизационных и геополитических угроз (как внутренних, так и внешних).

Таким образом, известная экономия на потреблении населения, характерная для экономики СССР, была не от глупости или скарденности, а определялась задачами развития всего народного хозяйства в целом, ограниченного в ресурсах. Очевидно, что при ограниченных внутренних ресурсах руководство страны, как рачительный хозяин, вынуждено было тратить огромные средства — а) на опережающее развитие производства средств производства для воспроизводства многоотраслевого и многоукладного хозяйства, а также б) на развитие науки и социальной сферы в целом — с целью обеспечить воспроизводство среды обитания человека и всего общества. Это был типично крестьянский и оправданный подход к организации народнохозяйственного производства.

3. Принцип зависимости производства от натуральных показателей, имеющих качественный характер. Данный принцип, обычный для семейно-трудового крестьянского хозяйства, сохраняет свою значимость и для народного хозяйства, основанного на трудовых принципах. В крестьянском хозяйстве этот принцип действует как непреложный закон: «любая потребность семьи должна быть удовлетворена из собственного хозяйства и продукт нужного качества должен быть произведен в натуральной форме»³.

В рамках народного хозяйства семейно-трудового типа (советское хозяйство) данный принцип применялся в планировании: наряду со стоимостными показателями широко использовались натуральные показатели, что отражало качественную ориентацию производства, то есть его нацеленность на удовлетворение конкретных конечных потребностей населения (в одежде, обуви, мебели, квартирах и пр.). Социалистическое производство вступило в полосу кризиса в конце 1980-х годов именно потому, что стало отказываться от данного принципа, переходя на рыночные принципы планирования общественного производства, отдавая приоритет чисто денежным (стоимостным)

¹ А.В. Чаянов. Указ. соч. — С. 125. Прим 2.

² А.В. Чаянов. Указ. соч. — С. 120.

³ А.В. Чаянов. Указ. соч. — С. 118 (разрядка автора — А.О.).

показателям. Очевидно, что «стоимостной вал», то есть реализация продукции в денежной форме, без учета натуральных показателей, приносила предприятиям огромные прибыли, являясь, однако, отрицательным производством, составной частью которого был хронический дефицит многих товаров.

Сегодня в магазинах внешнее изобилие, но это — показное изобилие, за которым не стоит почти никакого производства: на 50-70% товарооборот покрывается импортом. Если его убрать, то полки магазинов станут еще более пустыми, чем в конце 80-х годов. Сегодня «производство» стало почти абсолютно виртуально-стоимостным, окончательно оторвавшись от конкретно-натуральных потребностей населения, являясь отрицательным производством.

4. Принцип приоритета общественной полезности над экономической эффективностью. В семейно-трудовом крестьянском хозяйстве этот принцип проявляется в отказе крестьянина, как подчеркивает Чаянов, «от образа действий, диктуемого обычной формулой расчета капиталистической прибыли», заставляя семью «прибегать даже к малорентабельной интенсификации и ценой снижения заработка на трудодень добиваться роста валового трудового дохода за год». «Другими словами, — пишет Чаянов, — капиталистическое хозяйство может повышать интенсивность выше оптимальной лишь в том случае, если изменившаяся конъюнктура рынка сама сдвигает этот оптимум в направлении более высокой интенсивности. В семейном же трудовом хозяйстве интенсификация возможна без каких-либо рыночно-конъюнктурных изменений и только под нажимом внутривоспроизводственных сил: в первую очередь вследствие неблагоприятного соотношения между размерами семьи и земельного надела. Описанные здесь особенности крестьянского семейного хозяйства... накладывают отпечаток на всю национально-экономическую систему, если эта последняя складывается исключительно на базе семейного хозяйства и в силу этого лишена категории заработной платы»¹.

Народнохозяйственный подход заставляет государство, так же как и крестьянскую семью, оказываться «от образа действий, диктуемого обычной формулой расчета капиталистической прибыли»; и это проявляется в первую очередь в отказе от капиталистической нормы ссудного процента.

Некапиталистическая организация национального хозяйства изменяет содержание не только зарплаты, которая сохраняется как расчетно-учетная категория (отражая содержание необходимого продукта). Изменяется сам процесс капиталообразования. Капитал перестает быть частной категорией, превращаясь в народнохозяйственную категорию, а народнохозяйственный подход к движению капитала требует отказа от ссудного капитала и ссудного процента.

В царской России в начале XX в. были развиты беспроцентные кредитные товарищества и кооперативные банки. В СССР капиталовложения функ-

¹ А.В. Чаянов. Указ. соч. — С. 122.

ционировали в качестве «бесплатных денег», то есть кредит имел, по сути, беспроцентный характер. В Японии депозитные ставки и ставки по банковскому проценту традиционно не превышают 1 процента¹. Многие крупные банки в исламских странах, как правило, выдают беспроцентные кредиты. В Бангладеш, например, есть крупный «Грамин банк», 90 % его акций принадлежат заемщикам, из которых 94 % — женщины, он охватывает 50 % деревень страны. В 1994 г. он выдал займов на 500 млн. долларов — без всяких процентных ставок².

Народнохозяйственный механизм капиталообразования заставляет государство содержать за счет госбюджета целые отрасли, прибегая «к малорентабельной интенсификации», оказывая поддержку не только убыточным, но и вообще всем национальным предприятиям, помогая им выдержать жесткую конкуренцию со стороны мирового рынка. СССР, например, около 20% всех предприятий были планово-убыточными, но не потому, что не были эффективными, а прежде всего потому, что государство брало на себя функции организации народнохозяйственного накопления, сознательно продавая социально-значимые товары и/или услуги этих предприятий по планово-убыточным ценам, компенсируя убытки предприятий из бюджета государства. По сути, государство дотировало выпуск общественно-полезной продукции и услуг, рассматривая деятельность таких предприятий с народнохозяйственных позиций, применяя для оценки их деятельности критерии народнохозяйственной эффективности (полезности).

В Центральном экономико-математическом институте (ЦЭМИ) РАН под руководством В.Ф.Пугачева были проведены экспериментальные расчеты, которые доказали целесообразность сохранения значительной части предприятий, считающихся сегодня убыточными — при условии их содержания на средства госбюджета, а также использования стимулирующей системы дотаций к заработной плате³. Если на таких предприятиях производится общественно-полезная продукция, то во многих случаях их стоит дотировать, а не закрывать, оценивая их деятельность на основе критериев народнохозяйственной эффективности, то есть социальной значимости и общественной полезности. Если предприятие производит общественно-полезную продукцию, то с точки зрения народного хозяйства это означает, что труд работников данного предприятия является общественно-необходимым, а значит производительным и создающим общественную стоимость.

5. Принцип максимальной занятости в условиях семейной организации крестьянского хозяйства подчинен задачам — а) сохранения всей семьи как трудоспособной единицы, б) обеспечения семьи круглогодичным валовым доходом и в) передачи трудовых навыков и знаний подрастающему по-

¹ В последнее время Япония придерживалась вообще нулевых ставок, лишь недавно повысив ставку overnight до 0,25 процента. В сообщении Центрального банка говорится, что решение об увеличении ставки было единогласным, а дальнейшая ее динамика будет постепенной и зависеть от экономической активности и цен, сообщает Reuters. — www.amina.com/kamina/300-7.htm

² Р. Абазов. Исламская политэкономия: императивы развития // Восток. — 1995. — №3.

³ См.: Пугачев В., Пителин А. Экономическая политика при избытке трудовых ресурсов занятости // Экономика и математические методы. — 1998. — № 6. Т. 34. Вып. 2.

колению работников. В условиях общественного производства, организованного на принципах семейно-трудовых основах, этот принцип, реализуя все вышеобозначенные задачи, приобретает также и народнохозяйственное значение, так как хозяйственная деятельность общества не является самоцелью, а лишь способом воспроизводства всего общества.

При этом занятость в сельском хозяйстве выполняет важную социальную и воспроизводственную функцию, содействуя тому, «чтобы занять здоровой работой как можно больше людей. Чтобы производить самую разнообразную высококачественную продукцию, здоровую пищу в нужном количестве и как можно ближе к потребителю. Без здорового села нет здорового стабильного общества»¹. Рост занятости в обществе в целом, как и рост государственных расходов (инвестиций), создаёт дополнительный мультипликационный эффект, содействуя росту чистого национального продукта (национального дохода). Так, например, советскими учеными-экономистами было доказано, что уровень индустриального развития, характеризуемый размером занятости населения в промышленности, оказывает прямое воздействие на изменение относительной величины занятости и в отраслях нематериального производства, включая и всю социальную сферу.

Таким образом, социокультурная среда и, в частности, среда обитания человека и вся социальная сфера в целом, воспроизводятся не только культурой, но и промышленностью. Занятость — это не только зарплата, доходы и благосостояние семьи. Рост занятости является важнейшим условием сохранения трудового уклада жизни, а также воспроизводства стереотипов жизнедеятельности и всего образа жизни. Продолжительная безработица опасна тем, что, вырывая человека из привычной социально-трудовой среды, она неизбежно формирует у него асоциальные, мотивы и стереотипы поведения. Именно поэтому в СССР, например, с безработицей боролись даже ценой создания избыточных рабочих мест. Как известно, именно такой подход использует и Япония, до сих пор практикуя систему пожизненного найма.

Краткие выводы

Анализируя место трудового семейного хозяйства в системе всего народного хозяйства, Чаянов отмечает, что — **в своих внешних проявлениях оно способно подлаживается под господствующие рыночные формы**, сохраняя одновременно свою внутреннюю природу в самых разных народно-хозяйственных системах. Весь вопрос заключается только в том, «есть ли разница в строении и работе народно-хозяйственного аппарата в том случае, когда в его составе затраты семейного типа единичны, и в том, когда подавляющая часть продуктов сельского хозяйства производится в пределах этих аппаратов?».

Система народнохозяйственной организации, основанная на семейных принципах, заложенных в работах Чаянова, является системой некапиталистических принципов, отрицающих либеральную рыночную экономику в ка-

¹ Ключников Б.Ф. ВТО — дорога в рабство. — С. 103-104.

честве модели национальной экономики. Модель советской экономики, а также модель восточного японского капитализма, Южной Кореи и других стран ЮВА, является моделью «третьего пути», отрицающего западный капитализм¹.

3.5. Принципы САМОДОСТАТОЧНОСТИ: ОПОРА НА МЕСТНУЮ ЭКОНОМИКУ

Разрывая национальное хозяйственное пространство, подавляя инициативу граждан и их жизненную среду, можно серьезно подорвать общество, подавляя его стимулы и мотивы к саморазвитию и самоорганизации. Поэтому устойчивое хозяйственное развитие достигается только в том случае, если народнохозяйственный механизм опирается на предпринимательскую инициативу граждан, нацеленную не на прибыли, а на хозяйственное обустройство среды обитания, на развитие местной экономики. В теории известно, что национальная безопасность основывается на стабильности общества, а стабильность общества, а значит и его устойчивость напрямую связана с уровнем развития местной хозяйственной и социальной инфраструктуры.

1) Местная экономика

Метаэкономический подход предлагает делать упор на местную экономику, то есть на развитие тех видов хозяйственной деятельности, которые укрепляют социальную инфраструктуру, создают новые рабочие места, нацеливая производителей на удовлетворение местных потребностей.

Местная экономика может быть определена как «жизненосная экономика». Возрождение жизненной экономики означает возрождение крестьянства, его уклада органичной жизни и самой «крестьянской экономики». Крестьянство все еще органично, все еще ведет органическое жизненное хозяйство.

Экономист и философ Лев Тихомиров в начале XX века настаивал на необходимости соблюдения принципов самодостаточности в развитии народного хозяйства. В частности, он утверждал, что не только нации, но и более мелкие общности людей — области, волости, общины — должны сами удовлетворять свои потребности, производя все основное на месте. Л. Тихомиров отмечал две существенные особенности России, которые неблагоприятны для внешней торговли: удаленность от морских путей и суровый климат². Они делают большую часть российской продукции неконкурентоспособной. Себестоимость нефти из Сибири, например, в несколько раз выше, чем из Кувейта. Морской транспорт многократно дешевле железнодорожного и т. д.

В этом смысле местная экономика — это малая родина, это упор на местное развитие, т.е. месторазвитие. На малой родине таятся многие еще не

¹ См.: Олейников А.А. Третий путь России: новая хозяйственная идеология (Идеология семейной организации национального хозяйства и работающих собственников: модель восточного капитализма). Научная монография. — М.: Издательский дом «Белгород», 2014. (Серия «Евразийский мейнстрим: русский взгляд»).

² См.: Ключников Б.Ф. ВТО — дорога в рабство. — С. 104.

раскрытые уникальные качества, которые таят новые хозяйственные возможности. Только люди, которые живут и трудятся в данном городке или селе, способны сполна использовать особенности месторазвития — его земель, рек, гор, климата, флоры и фауны. С этой малой родиной должна быть связана их жизнь, они в ней укоренены и потому знают ее.

2) Понятие «жизненосной экономики»

Термин жизненосная экономика (по англ. *living economy* или *vital economy*) характеризует ее как хозяйственную деятельность, которая несет и укореняет жизнь в противоположность смертоносным силам и делам. Согласно авторитетному мнению Б.Ф. Ключникова, «именно жизненосная экономика должна составить основу новой парадигмы развития», являясь «наукой о жизненосном космоцентрическом типе хозяйствования», который стремится превратить всю сумму ресурсов общества, включая социокультурные ресурсы, — в его реальное, то есть народное богатство¹. В жизненосной экономике (по англ. *living economy* или *vital economy*) упор делается не на количество, а на качество, на взаимодействие человека и природы. Она похожа на рост организма. В ней проявляется загадочное свойство всего живого к самоограничению.

Между сельским хозяйством и индустрией существует принципиальная разница. В сельском хозяйстве земля и труд взаимосвязаны в жизненном цикле. Сельское хозяйство входит в экосистему. Работники сельского хозяйства жили в симбиозе с природой. Индустрия в лучшем случае мирно сосуществует с природой. Однако по мере роста гигантизма и паразитизма индустриальная цивилизация начинает истреблять биосферу. Когда экономикой овладевает рыночная система, как это произошло в России в 1990-е годы, она приближается к самоотрицанию. Между тем устойчивость развития предполагает, напротив, перевод промышленности на принципы органики.

Создание смешанной экономики и переход части ее к органическому развитию и жизненосным принципам приведет, как и предсказывал Н. Федоров, к исходу из мегаполисов. Это будет переход к возможно большему местному производству товаров и услуг для сообщества граждан, проживающих в данной местности. Это будет не только возврат к корням, но и повышение качества жизни.

Если вернуться к экономике человеческих размеров, к предприятиям, укорененным в данной местности, то само собой ставится предел дроблению трудового процесса. А вместе с этим снижается отчуждение труда, усиливается братство и солидарность. В труде появляется давно забытый смысл, тот смысл, который измеряется не только оплатой труда, но и его одухотворенностью, его творческим началом.

Развитие местных хозяйственных комплексов, указывая путь оптимизации природопользования, не равнозначно автаркии, или возврату к традиционно-патриархальному, примитивному обществу. Речь идет о возрождении

¹ См.: Ключников Б.Ф. Указ. соч. — С. 265.

забытых местных промыслов и местных культурных особенностей, о региональной самобытности, формирующих в совокупности стереотипы хозяйственной жизнедеятельности. В близкой перспективе устойчивого развития и в далекой перспективе космоцентристской цивилизации еще выжившее крестьянство представляет огромную социальную ценность. Это семена на рассаду. И.Р. Шафаревич ещё 15 лет назад правильно это подметил, написав, что «крестьянская цивилизация наших предков ушла навсегда, но на ее ценностях, на ее корнях можно создать новый, оригинальный уклад устойчивого социального, экономического, экологического развития»¹.

В экономике человеческих размеров, функционирующей в местной локальной среде (общине), рынок не отменяется. Напротив, он начинает полноценно функционировать, потому что ставится преграда манипуляциям монополий. Экономика человеческих размеров способна смягчить и другие несовершенства рынка: рассогласование спроса и предложения, безработицу, разрушение окружающей среды, свертывание социальных служб. При этом энергия рынка направляется не только и даже не столько на максимализацию прибыли, сколько на совершенствование социально ориентированных форм хозяйствования. Этот потенциально могучий сектор экономики способен оздоровить другие уклады, которые неизбежно охватывают всю страну или регион. Вот почему новая экономическая парадигма обязана будет делать упор на малую родину, на всемерное укрепление местной общественности и на самое широкое местное самоуправление.

3) Мировой опыт возрождения местной экономики

Сейчас во многих странах Запад и Востока идет интенсивный поиск путей возрождения местной экономики (*local economics*). Этот опыт изучается русскими учеными-международниками. Знакомясь с ним, приходишь к выводу, что в основе этих поисков лежит богатый жизненный опыт крестьянских стран. Запад возрождает то, чего там никогда не было, либо же было уже давно уничтожено. Мы в этом отношении находимся в лучшем положении, так как основы крестьянской жизни сохранялись в СССР, сохраняются они и в современной России. Тем не менее, для нас интересен любой практический опыт консервативной модернизации общества. Часть этого опыта обобщил экономист-международник, профессор Б.Ключников. В частности, он указывает на то что на Западе уже появились проекты радикальных экономических реформ, которые предусматривают переход на трехсекторную экономическую модель.

Наряду с рыночными частным и государственным секторами предлагается создать сектор **солидарной экономики**. В англосаксонских странах термин солидарная экономика заменяют термином «**третий сектор**», что, по сути, обозначает гибрид рыночной и нерыночной, денежной и неденежной экономической деятельности. Оба термина имеют политэкономическое обоснование. В сектор солидарности ныне принято включать разнообразные

¹ Цит. по: Ключников Б.Ф. Указ. соч. — С. 365.

предприятия, фонды, кооперативы ассоциаций взаимопомощи. Считается, что нетоварной экономикой должно заниматься государство и местные власти. Распределение должно осуществляться ими, а не рынком, в денежной, но не товарной, бесплатно и под демократическим контролем. В солидарную экономику предлагается включить и неденежный сектор. К нему относят экономическую деятельность людей, которые решают одинаковые социальные, образовательные, санитарные и другие задачи и могут оказывать друг другу помощь. Во многих странах они получают статус «социальных кооперативов». В Германии и Австрии уже действуют 70 тыс. объединений взаимопомощи. Они охватывают 2,65 млн. участников. Это и детские ясли, и помощь больным и немощным, охрана, и строительные работы. Интересен опыт местных властей в Испании, в Шотландии. Речь идет именно об объединениях взаимопомощи, а не о кооперативах, которые почти повсеместно втянулись в рынок.

О масштабах сектора солидарности можно судить по данным исследования, проведенного в 1990-е гг. в Германии, Франции, Венгрии, Италии, Англии и Швеции, США и Японии. Этот сектор охватывал 12 млн. занятых, на него приходилось 3,5 % ВВП этих стран. Если присмотреться внимательнее к сектору солидарной экономики, то его скорее можно назвать сектором *гражданской взаимопомощи*¹.

Местная экономика обещает стать одним из плацдармов для наметившегося контрнаступления космоцентристской модели развития против техноцентристской цивилизации, что будет означать смену парадигмы развития, смену ценностей. Это не очередная утопия, а императив выживания. Реликты органической экономики остаются даже в Европе. В Швейцарии, например, три тысячи общин по тысяче человек каждая вполне самостоятельны. Более того, они дают пример подлинной демократии — прямого участия граждан в решении всех жизненно важных вопросов.

Сохранившееся в России и в большинстве постсоветских республик крестьянство является в этом смысле большой социальной ценностью. И это является фактором, который мы должны использовать при формировании теоретических основ модели национального хозяйства, адекватного российскому обществу. Таким образом, укрепление государственных начал в экономике, одновременно должно сопровождаться всемерным развитием местной инициативы, местного самоуправления и местной экономики.

В основе новой модели национального хозяйства должно лежать понимание того, что та часть социальной среды, которая образует среду обитания людей, является одновременно и сферой микрохозяйствования, формируя базисный уровень народного хозяйства. И это понятно, если не забывать, что реальная жизнь людей протекает на местном уровне, то есть в локальной социокультурной и хозяйственной среде. Научно-практический вопрос заклю-

¹ Ключников Б.Ф. ВТО — дорога в рабство. — С. 355-357, 369-371.

чается в том, чтобы интегрировать эту микросферу в народнохозяйственный воспроизводственный комплекс.

Адекватная модель предполагает, что все составные части народного хозяйства, включая сферы частно-рыночного и общественно-нерыночного хозяйствования, будут функционировать как единый национально обусловленный механизм, подчиняясь общенациональным целям и ценностям, единой стратегии, развиваясь в рамках единой институциональной и социокультурной среды. Соответственно, основными критериями социально-экономической эффективности хозяйства страны являются: 1) расширенное воспроизводство человека и общества; 2) социохозяйственные интегративность и самодостаточность; 2) конкурентоспособность национальной экономики и экономическая безопасность страны.

Исходя из вышеизложенного, в основу хозяйственного механизма России, альтернативного либерально-рыночной модели национального хозяйства, следует положить:

1) исторически обоснованную и социокультурно обусловленную многоукладность хозяйства, отражающая жизнеспособное разнообразие всей национальной жизни;

2) преобладание государственного уклада;

3) наличие хозяйственного централизма, сочетающего государственную инициативу с хозяйственной самостоятельностью предприятий и развитой местной экономикой;

4) приоритет такой формы хозяйственной деятельности, как «народное предприятие» с коллективным владением средствами производства и производственным самоуправлением.

Предлагаемая модель многоукладного хозяйства должна приводиться в движение принципами коллективизма и солидарности, интегративности и самодостаточности.

В заключении сделаем главный вывод: учитывая цивилизационные и геостратегические (природно-климатические, географические, пространственные) особенности России, следует особо развивать государственно-кооперативные и государственно-капиталистические способы ведения многоукладного хозяйства. Национальное хозяйство такой страны, как Россия, может служить эффективной основой расширенного воспроизводства общества только при условии абсолютного приоритета государственного, общественного начала в хозяйственном процессе и национально-экономическом развитии, но с обязательной опорой национально-экономического развития на ту часть социальной среды, которая образует среду обитания людей, является одновременно и сферой микрохозяйствования, формируя базисный уровень народного хозяйства.

Заключение

К концу XX в. западный капитализм превратился в глобальную торгово-финансовую систему, нацеленную на производство денег и денежных ценностей, как таковых. Неолиберальная глобализация возвращает западный мир, но не к эпохе индустриального капитализма: движение в обратном направлении в действительности развивается по сути *регресса*, возвращая западное общество к эпохе меркантилизма, возрождая его на основе денежного капитала, функционирующего в мировом хозяйстве в спекулятивной полуростовщической форме. В этом контексте понятны утверждения известных либеральных экономистов о том, что «экономическая теория по сути своей индивидуалистична», что «нет смысла привносить в неё концепции общественных целей», что «стремление к максимализации богатства является научным объяснением поведения индивида». Однако экономическая теория вряд ли может претендовать на мировое лидерство, если она теоретически фиксирует лишь механизмы конкурентной борьбы частных лиц за мировые богатства. А где же здесь общество и его хозяйство? где национальная экономика и национальное богатство? где общенациональные хозяйственные интересы и цели нации в целом? Любая экономическая теория, игнорирующая общественные цели, автоматически превращается в частную теорию о частном, лишаясь общеметодологического и общетеоретического содержания.

Проведенное исследование, показало, что для **анализа национального хозяйства России неоклассические экономические теории оказываются неадекватными, будучи основаны на методологии индивидуализма**, на восприятии социально-экономической динамики сквозь призму рыночных интересов конкурирующих между собой хозяйствующих субъектов, стремящихся лишь к максимизации финансового богатства. Неадекватность неоклассики становится понятна с учётом того, что экономические теории, образующие так называемый «мейнстрим», отражают современное состояние западного капитализма, который трансформировался в *денежное* хозяйство. Следует подчеркнуть, что речь идет о *качественной* трансформации, уже превратившей капиталистический способ производства в *квазикапиталистический* способ *распределения*, в способ присвоения и распределения мировых богатств.

Очевидно, что западная экономическая теория, изучающая механизмы движения частного богатства, распределения и присвоения спекулятивных сверхприбылей, не может быть адекватно применена в обществе, стремящемся развивать у себя общественное производство, используя для этого внутренние ресурсы своего национального богатства. Если мы рассматриваем не частное лицо и не узкую группу финансовых спекулянтов в качестве главного хозяйствующего субъекта, если таким субъектом для нас является вся нация и общество в целом, то в этом случае закономерными принципами жизнедеятельности всей нации для нас будут те, которые обеспечивают её воспроизводство, т. е. возобновляемость, выживаемость и существование на

данном геополитическом пространстве в качестве исторической необходимости. При таком подходе мы неизбежно придём к выводу о необходимости искать закономерности общественного развития в тех формах хозяйственной жизнедеятельности, в которых воспроизводятся исторически сложившиеся стереотипы поведения. Приверженность данной нации этим стереотипам, традиционным хозяйственным укладам и фундаментальным духовным ценностям образует такую национально-историческую закономерность хозяйственного развития, которая в итоге сохраняет и нацию, и общество как национально-государственное образование.

Таким образом, выполнить поставленные в диссертационном исследовании задачи было бы практически невозможно, оставаясь в рамках «методологического плюрализма». Метод — это точка отсчета, это — угол научного зрения, методология — это — система научных принципов, в основе которых лежат устоявшиеся жизненные принципы, т. е. принципы хозяйственной жизнедеятельности данного народа. И единой, некой универсальной методологии не существует именно потому, что отсутствуют единые «жизненные принципы». Соответственно, отсутствует и единая «точка отсчета», а также единый для всех стран и народов *угол научного зрения*. Игнорирование этой стороны методологии приводит разных ученых к бесплодным попыткам осуществить синтез разных направлений экономической теории. Синтез нужен, но на основе совместимой методологии, предлагающей исследователю системный взгляд на общество и его хозяйство.

В заключение данного исследования сделаем краткие выводы:

1. Методология исследования всегда является *производной* от укоренившихся этнических стереотипов, от избранной этносом психологической доминанты поведения, скажем — индивидуалистического этнического стереотипа, или, наоборот — общинного, коллективистского поведения, нацеленного на достижение *общего* блага, на участие в *общем* деле, на солидарном подходе к народнохозяйственным проблемам. Фундаментальные методологические принципы, например, принцип методологического индивидуализма или принципы иерархии и общинности, сами по себе не являются экономическими принципами. Принципы и постулаты экономической теории, отражая цели и мотивы хозяйственной деятельности людей, не могут формироваться внутри самой экономической теории. Как известно, цели и мотивы хозяйственной деятельности формируются *институтами культуры*, а именно: нормами морали, имеют этическое измерение. А в его основе лежит «*собственный этический масштаб*» (О. Шпенглер) данной нации, основанный в свою очередь на многовековых морально-этических нормах и традициях. Именно в силу этого принципиально отличаются фундаментальные принципы и базисные основы национально-экономического развития разных стран, принадлежащих к западным и восточным цивилизациям.

2. **Культура является базисом хозяйственного развития, формируя институциональные основы экономической системы и национального хозяйства в целом.** Очевидно, что не вся культура образует систему нефор-

мальных институтов. Например, этика и мораль являются институтами культуры, напрямую связанными с экономическим развитием, а нравственность и ее законы уже относятся к категории объективных законов жизни. В системе культуры существует *культурное ядро*, состоящее из системообразующих ценностей и принципов, имеющих объективный, трансцендентный характер, т. е. существующих над поколениями и над временем¹.

Культурное ядро непосредственно влияет на хозяйственное развитие: морально-этические принципы единства, общности и коллективизма превращаются в *работающие* принципы под воздействием системообразующих ценностей и принципов; они превращаются в движущую институциональную силу национально-экономического развития только тогда, когда в стране — а) появляется чувство солидарности поколений, ощущение сопринадлежности к общему «Мы», сопричастности к общей судьбе и общей истории, которые нельзя выбирать по своей прихоти; а) возникает сплоченность людей вокруг единых ценностей и традиций; в) крепнет стремление и готовность пожертвовать частью своего «я» — ради выживания сверхличного «Мы», ради сохранения непрерывности и единства истории своей Родины. В основе этих чувств лежат солидарность и ответственность за прошлые, настоящие и будущие поколения; историческая память и коллективное сознание, формирующие надличностную общность. Именно это сверхличное «Мы» и образует понятие *народ* в системе традиционного общества, которое сегодня сохранилось только на Востоке. При таком подходе национальное хозяйство превращается в *народное хозяйство*. Это понятие, характерное для философии традиционализма, в частности, для русской философии хозяйства, отражает приоритет общего над частным, подчеркивая народный характер хозяйства страны.

Методология системного анализа национального хозяйства позволяет увидеть и выстроить взаимообусловленную иерархию социальных отношений, состоящую из трех уровней: 1) верхний уровень занимают системообразующие отношения и принципы культуры, имеющие характер духовных (мировоззренческих) отношений; эти отношения являются базисными, формируя содержание всего национального хозяйства; 2) организационные отношения, совокупность которых отражает содержание формальных и неформальных институтов, формируя институциональную среду, производную от социокультурной среды; 3) нижний — служебный уровень в иерархии социальных отношений занимают собственно экономические отношения, содержание

¹ Вне нас и вне нашего субъективного восприятия, объективно существует не только материальное бытие, но также и духовное бытие, которое связано с метафизическими понятиями бытия. В. Франкл указывает: «Ценность, на которую направлено действие, трансцендентна по отношению к самому действию. Она выходит за его рамки, подобно тому как предмет познаваемого действия находится за пределами данного когнитивного акта (в узком смысле этого слова)... Как только я постигаю какую-либо ценность, я автоматически осознаю, что эта *ценность существует сама по себе, независимо от того, принимаю я ее или нет*» (В. Франкл. Человек в поисках смысла. — М.: Прогресс, 1990. — С. 170, выделено мной — А.О.). Такие понятия, как, например, братство и справедливость, нравственность и эгоизм, а также индивидуализм и общинность, — существуют веками, возвышаясь над преходящими поколениями людей, образуя составную часть объективного мира. Именно они формируют душу народа и его дух, переходящий из поколения в поколение.

которых, в свою очередь, определяется институциональной и социокультурной средами.

3. Данное исследование, в основе которого лежит теоретическое осмысление взаимозависимости общественного производства, национального хозяйства и общества в целом, требует применения народнохозяйственной методологии. Однако народнохозяйственный ракурс, нуждаясь в доработке, в данном исследовании дополняется *экономико-философским* охватом национального хозяйства и *философско-хозяйственным* осмыслением динамики национально-экономического развития¹.

Народнохозяйственный подход, понимаемый вообще в широком смысле, предполагает — (1) включение в предмет политэкономического анализа социохозяйственных вопросов и всей сферы общественно-нерыночного хозяйствования; (2) рассмотрение проблем духовного производства и социокультурных факторов воспроизводства общества в предметном пространстве политэкономии; (3) подчинённость общественного производства и национального хозяйства общенациональным критериям и приоритетам, общей цели, общему благу и общим интересам, носителем которых выступает государство; (5) анализ национального хозяйства на основе принципов интегративности и коллективизма, солидарности и социальной справедливости.

4. Экономико-философский подход к национальному хозяйству ставит задачу перевода анализа на народнохозяйственный воспроизводственный уровень, а это требует от исследователя рассмотрения широкого комплекса воспроизводственных проблем, выходящих за узкие рамки либерально-рыночного подхода. Очевидно, что общественное производство, взятое в целом, не может развиваться только на рыночной основе: в реальности оно предстает как совокупность товарного и нетоварного типов производства, рыночной и нерыночной сфер хозяйствования, а всё хозяйство страны, является взаимосвязанным единством двух взаимозависимых сфер — рыночного и нерыночного, или частно-рыночного и общественно-нерыночного (социального) хозяйствования.

Таким образом, народнохозяйственный ракурс вполне соотносится с экономико-философским осмыслением национального хозяйства, что предполагает его анализ в аспекте воспроизводства всего общества, рассматривая при этом воспроизводство человека, народа и нации в целом в качестве основополагающих целей. Народнохозяйственное рассмотрение общественного производства нацеливает на *интегративное* восприятие национального хозяйства, что предполагает установление взаимосвязи и взаимообусловленности материального и нематериального производства, а также частно-рыночного и общественно-нерыночного хозяйствований как составных частей всего общественного процесса.

¹ Напомним, что 1) термин «*народнохозяйственный*» не несет в себе отличительной смысловой нагрузки сравнительно с термином «*национальнохозяйственный*»; 2) оба термина употребляются в диссертационном исследовании практически как синонимы.

5. Понятия «экономика» и «хозяйство» в данной работе разграничиваются, как это уже принято в философии хозяйства и в российской экономической науке. Хозяйство это не только производство и потребление, но ещё и культура, оно само является культурой. При этом, экономику, по мнению Ю.М. Осипова, следует рассматривать как частный случай хозяйства, которое есть не что иное, как сама жизнь, взятая по преимуществу со стороны её созидательной деятельности. Если хозяйство охватывает все виды производственно-созидательной деятельности, то экономика включает в себя только ту сферу хозяйствования, которая является самоокупаемой, т. е. товарной и рыночной. Сама экономика сегодня стала преимущественно рыночной, по сути, слившись с этим определением. В соответствии с этим, хозяйство можно понимать как совокупность мер и структур внутри данной социокультурной (цивилизационной) системы, создающей материальные и духовные условия для сохранения, обеспечения и продолжения человеческой жизни, для воспроизводства общества и всей нации в целом.

6. На основе разработанной междисциплинарной методологии, сочетающей формационный, цивилизационный, а также национально-исторический подходы, сделан вывод о возможности рассматривать национальное хозяйство — (1) как обусловленное социокультурным контекстом и историческим притяжением; (2) как целостный организм, включённый в социокультурную среду и имеющий фундаментальные особенности жизнедеятельности, обусловленные исторически; (3) как хозяйственный механизм, реализующий общественное производство в органическом единстве с целями воспроизводства общества, что позволяет подходить к национальному хозяйству как к условию, моменту и основе общественного производства. Воспроизводство общества при таком подходе является реализацией всего национального хозяйства, точно также как воспроизводство частного капитала выступает как реализация частнокапиталистического товарного производства и рыночного механизма.

7. Национальное хозяйство состоит из двух взаимосвязанных сфер общественного производства — 1) сферы товарного производства, основанного на частно-рыночном хозяйствовании и 2) сферы нетоварного производства как сферы общественного хозяйствования, имеющего нерыночный характер (общественно-нерыночного хозяйствования)¹. При этом органическая взаимообусловленность национального хозяйства и общества определяет механизм движения национального хозяйства посредством взаимодействия вышеуказанных сфер и соответствующих им институциональных структур и функциональных механизмов, подлежащих установлению, регулированию и коррекции со стороны национального государства в интересах нации.

¹ В работе эти сферы обозначаются как 1) «сфера частно-рыночного хозяйствования», при этом имеет вид системы рыночной экономики, основанная на частной собственности, и 2) «сфера общественно-нерыночного хозяйствования», понимая в данном случае всю систему нерыночного хозяйствования, включающую в себя социо-культурную сферу, основанную на духовном производстве.

8. **Духовное производство образует предпосылку всего материального и нематериального производства, а также основу способа производства общественной жизни, т.е. жизнедеятельности общества в целом.** Принципиально важно понять, что, являясь лидирующей сферой общества, духовная сфера не сможет обеспечить решение всех ключевых задач духовного производства при переводе его отраслей на рыночные рельсы хозяйствования. Происходящие в стране реформы в сфере здравоохранения, образования и в социальной сфере в целом, предполагающие перевод этой сферы на рыночные рельсы хозяйствования, являются чрезвычайно опасными для всего общества. Реализация этих реформ подрывает основы механизмов воспроизводства человека, семьи и всего общества в целом.

Реальное воспроизводство общества происходит в сфере общественного хозяйствования, базисные основы которого создаются духовным производством. В этой связи в диссертации указывается на необходимость разработки *концепции опережающего развития всей социальной сферы на основе интенсивного роста духовного производства*. Необходимость соблюдения таких воспроизводственных пропорций станет очевидной, если мы просто перечислим практические задачи, стоящие перед общенациональным духовным производством: а) производство сознания человека в процессе воспитания и образования; б) производство общественного сознания; в) производство духовных ценностей; г) производство знаний, включая научно-технические знания; д) производство здоровья человека в сфере здравоохранения; е) производство научных доктрин; ж) разработка основ государственной идеологии и социально-экономической политики государства; з) воспроизводство духовно-нравственных основ жизнедеятельности всего общества, его культуры и традиций.

9. Общественное производство не может быть свободно от характера общества в целом и его текущего состояния, от содержания и возможных исторических перспектив. При таком подходе само национальное хозяйство выступает как целостный народнохозяйственный воспроизводственный комплекс, нацеленный на решение социальных и стратегических задач общества. Соответственно, **эффективность общественного производства определяется не только его собственной производственной способностью, но и состоянием общества, народонаселения, среды обитания, культуры, социальной организации, прогресса.**

10. Структура общественного (общественно-нерыночного) хозяйствования включает в себя, с одной стороны, предприятия и учреждения, обеспечивающие воспроизводство основ общественной жизни человека, функционирование социокультурных систем жизнеобеспечения всего общества (дошкольное воспитание, образование, здравоохранение, сфера культуры, ЖКХ), а также развитие фундаментальной науки. С другой стороны, в сферу общественного хозяйствования входят те предприятия сферы материального и нематериального производства, которые, имея общепроизводственное значение, не могут функционировать на основе рыночных принципов, напри-

мер, эколого-инфраструктурные или природоохранные предприятия, геологоразведка и пр.

11. Национальное хозяйство является большой социоэкономической и социокультурной системой, которая, как и любая система вообще, относится к тектологическим построениям, подчиняясь общим законам тектологии. **Суть таких систем в том, что их невозможно выбирать произвольно, нельзя скопировать и таким образом перенести в другую среду.** Объясняется это тем, что, *во-первых*, каждая экономическая система формируется в определенной социокультурной среде, в конкретных природных и исторических условиях. Во-вторых, **экономическая система сама является элементом культуры и структуры конкретной цивилизации, т. е. системы более высокого порядка, и как таковая неотделима от социокультурной среды данного общества.** Согласно тектологии, организационные отношения идентичны культуре своей среды. Это означает, что хозяйственные принципы, определяющие конкретный (институциональный) механизм функционирования организационных отношений, т. е. организационные принципы комбинирования и связывания воедино всех структурных элементов большой социально-экономической системы (национальная экономика и национальное хозяйство), определяются принципами социокультурной системы.

12. Воспроизводство общества и его социально-экономической структуры является не только результатом, но и предпосылкой всего процесса национально-экономического развития, субъектом которого выступает уже всё общество, вся нация в целом в лице государства.

Уход государства из экономки порождает институциональный вакуум, который **заполняется импортом институциональных структур из центров мирового капитализма**, что негативно сказывается на динамике национально-экономического развития, приводя к импорту **«запирающих» институциональных технологий**, включая технологии управления. Таким образом, вопрос о роли государства в экономике, по сути, является вопросом о содержании институционального механизма всего национально-экономического движения: либо он будет отечественным, либо импортным, ставя наше развитие в зависимость от зарубежных институциональных импульсов.

13. Интеграция производительных сил национального хозяйства создаёт дополнительные производительные силы. Увеличение производительных сил нации создаётся комбинированием: 1) промышленного труда; 2) материального и духовного производства; 3) экономики и политики, активной ролью государства. В результате коллективных и целенаправленных хозяйственных усилий всей нации, обнаруживающих тесную взаимосвязь экономики и политики, складывается ассоциация производительных сил страны. Очевидно, что данное понятие может быть фикцией, превращаясь в формализованный «коллективный труд», но только в том случае, если в обществе отсутствуют единые цели, интересы и ценности, способные создать народ и сплотить нацию, объединяя разрозненные социально-экономические группы вокруг своего государства, которое в этих условиях превращается в общена-

родное государство. Только в этом случае нация способна будет действовать как «единый коллектив», выступая в качестве реального хозяйствующего субъекта общенародной кооперации.

14. Воспроизводство общества не ограничивается воспроизводством социально-экономических отношений, этот процесс предполагает воспроизведение всех социально-экономических и социокультурных условий жизнедеятельности людей в качестве предпосылки воспроизводства человека. Исходя из необходимости раскрыть закономерности воспроизводства общества, взятого в целом, данный процесс рассмотрен в работе как совокупность целого ряда взаимосвязанных процессов, а именно: 1) воспроизводства человека, жизненной среды обитания человека, всей социальной сферы; 2) воспроизводства приемлемых жизненных укладов и многоукладного общества в целом; 3) наконец, воспроизводства национального хозяйства, функционирующего в процессе взаимодействия двух главных сфер — частно-рыночной и общественно-нерыночной.

15. **Национальное хозяйство России может существовать и устойчиво развиваться только в форме иерархической взаимозависимости и подчиненности различных секторов и укладов.** А это требует наличия системы *сквозных* принципов, пронизывающих всё наше общество и его национальное хозяйство сверху донизу. В России такими принципами являются принципы коллективизма, хозяйственной иерархии, солидарности и социальной справедливости. В любом здоровом обществе **каждый уклад — это форма жизни, основанная на хозяйственных стереотипах данного образа жизни, а совокупность укладов (форм и образов жизни) формирует способ жизнедеятельности, определяет характер многоукладного хозяйства.** Разрушение многовековых укладов ведёт к разрушению самого общества, функционирующего как природный организм. Именно поэтому сохранение и воспроизводство многоукладного хозяйства равнозначно воспроизводству самой жизни посредством воспроизводства — (1) форм собственности и форм хозяйствования, (2) человека, народа и всей нации в целом, а также (3) институциональной среды жизнедеятельности человека.

16. Исходя из того, что основной экономический закон (ОЭЗ) всегда отражает основную национально-экономическую закономерность, т. е. повторяемость из поколения в поколение главных стереотипов хозяйственной жизнедеятельности, которые не только в России, но и на Востоке вообще основаны на принципах коллективизма, общинности, солидарности и кооперативного труда, мы можем заключить, что ОЭЗ национального хозяйства отражает закономерности воспроизводства всего общества и его многоукладного хозяйства. Общество в целом не может воспроизводиться иначе как на основе расширенного воспроизведения всех жизненных укладов, каждый из которых является формой исторической жизнедеятельности.

При этом главной чертой здесь является трудовой характер форм собственности и хозяйствования. К их числу относятся: а) индивидуально-трудовые хозяйства (ИТХ) — ремесленные, семейные крестьянские и фер-

мерские хозяйства, а также различные другие формы индивидуальной и семейной трудовой деятельности; б) коллективно-трудовые хозяйства (КТХ) — артели, кооперативы, народные предприятия, принадлежащие трудовым коллективам, и прочие формы «рабочей собственности».

17. Сделанный в работе вывод, что общество в целом воспроизводится как многоукладная система, позволил прийти к заключению, что господство капиталистических форм собственности, основанных на частнохозяйственном механизме присвоения и максимизации прибыли, не может служить основой воспроизводства всего общества. Либерально-рыночные реформы, ведущие к унификации хозяйства на основе частнокапиталистической собственности, приводят к закупорке в развитии производительных сил, так как любая хозяйственная унификация равнозначна подавлению естественных укладов как способов жизнедеятельности данного народа.

Материальной основой воспроизводства общества является процесс производства и распределения вновь созданной стоимости, образующей валовой доход коллективных предприятий, а также национальный доход всего общества. *Производство ВСС должно стать законом национального хозяйства*, а для этого создаваемый в стране национальный доход должен стать — *народным*, то есть превратиться из условно-расчетной категории в реальное народнохозяйственное отношение (как отношение между властью и народом), которое будет служить основой воспроизводства всего народа.

18. Процесс воспроизводства общества предполагает единство трех взаимосвязанных процессов: 1) воспроизводства собственности в рамках многоукладного национального хозяйства; 2) воспроизводства рабочей силы, человеческого капитала и духовных жизненных сил человека; 3) воспроизводства социокультурной среды обитания человека посредством воспроизводства образа жизни человека. Однако одновременно данное воспроизводство, рассматриваемое с точки зрения политэкономической динамики, выступает как совокупность следующих процессов: 1) воспроизводства *собственности* и *рабочей силы* непосредственных производителей — как двух сторон основного производственного отношения; данный процесс воспроизводит способ производства, образующий материальную основу общественной формации; 2) воспроизводство *человека* (как носителя человеческого капитала жизненных сил) и *социальной среды обитания* людей — как сферы жизнедеятельности нации; данный процесс воспроизводит способ жизнедеятельности человека, лежащий в основе данной цивилизации; 3) воспроизводства *образа жизни* в процесс социализации и воспроизводства фундаментальных ценностей культуры; данный процесс воспроизводит способ духовного бытия как совокупности системообразующих ценностей и принципов культуры данной нации.

19. Воспроизводство человеческого капитала в условиях рыночной экономики реализуются в основном в рамках домашнего хозяйства. Однако на начало 2006 г. свыше 60 % всех семей в России проживали за чертой бедно-

сти. Очевидно, что это ведёт к тому, что работники не получают тех жизненных средств, которые им необходимы для воспроизводства рабочей силы и своей жизни в целом, для поддержания своей жизнедеятельности. В итоге это приводит к тому, что потребительное производство угасает, теряя свои функции, а рабочая сила деградирует, превращаясь постепенно в неквалифицированную рабочую массу.

В настоящее время социальные инвестиции в России находятся на низком уровне, что ведёт к подрыву основ воспроизводства человеческого капитала и к разрушению социальной среды обитания людей. В современной России человек живёт, функционирует и воспроизводится не как носитель человеческого капитала и духовных жизненных сил, а преимущественно как дешёвая рабочая сила, лишённая к тому же экономической основы для своего воспроизводства и в силу этого обречённая на постепенную деградацию.

20. Воспроизводство социокультурной среды напрямую связано с процессом воспроизводства основ общественной жизни человека и всего общества в целом. Причём социальный и моральный климат в обществе, в более широком смысле — дух нации, т. е. состояние духовных сил всего народа, производятся социокультурной средой, которая в силу этого играет особую роль в национально-экономическом развитии. Соответственно этому выстраиваются и структура самого национального хозяйства, и структура национального богатства. При таком подходе человеческий капитал перестаёт быть метафорой, превращаясь в часть национального богатства, а его размеры напрямую зависят от качества населения, т. е. его интеллектуального уровня, образовательного ценза, профессиональной искусности, общей культуры, нравственных устоев, господствующей в данном народе и обществе морали.

21. Социокультурная среда и, в частности, среда обитания человека и вся социальная сфера в целом воспроизводятся не только культурой, но и промышленностью, а занятость — это не только зарплата, доходы и благосостояние семьи. Рост занятости является важнейшим условием сохранения трудового уклада жизни, а также воспроизводства стереотипов жизнедеятельности и всего образа жизни. Разрушение социокультурной среды лишает людей главного — жизненной перспективы, а значит и смысла жизни. Происходит постепенная архаизация жизни. Разрушение социальных объектов неизбежно приводит к уничтожению единого социокультурного пространства, в рамках которого обычно формируется и развивается духовная общность людей, которая находит своё конкретное воплощение в системе ежедневного духовного общения людей, а также в развитии других механизмов социального общежития, например, общественного транспорта, системы здравоохранения, социального обеспечения пенсионеров и престарелых.

22. Под воздействием процессов неолиберальной глобализации, взламывающей национальные границы суверенных государств, между территорией страны и её экономическим пространством происходит

разрыв. Разрывает эти понятия, превращая отдельные районы в анклав, агрессивная хозяйственная деятельность ТНК. Либерализм порождает проблему «*расслоения*» экономического пространства — на автономные и пространственно локализованные системы разрозненных хозяйственно-технологических цепочек.

23. В течение последних десяти лет заметно падает социальная эффективность экономики США, о чём свидетельствуют конкретные факты, приводимые в диссертации и в публикациях. Американская модель открытой экономики не может служить в качестве универсальной модели для подражания, и прежде всего в силу того, что в её основе лежит *способ распределения* экспроприированных мировых богатств. Очевидно, что Россия должна стремиться к строительству макроконкурентоспособного *способа производства*, используя для этого огромный потенциал национального богатства. И в этом — принципиальное различие.

24. **Либерально-рыночная экономика, являясь моделью открытой экономики, функционирует в качестве экономической антисистемы, т. е. выступает как внутренне упорядоченная антиэкономика, организованное антихозяйствование.** В этом контексте, анализируя проблемы выбора между открытостью экономики и экономической безопасностью, в работе сделан вывод о том, что либерально-рыночная модель национального хозяйства противоречит фундаментальным целям общества, подрывая возможности его воспроизводства.

25. Критерии и факторы «безопасности экономического пространства» отражают способность к выживанию экономики и хозяйства данной страны, являясь критериями её макроконкурентоспособности. Условия открытой рыночной экономики подрывают эту способность (живучесть), а значит, угрожают и самой безопасности «экономического пространства» страны. Модель народного хозяйства СССР, основанная на принципах интегративности, самодостаточности и хозяйственной иерархии, обладала высокой степенью живучести, что обеспечивало высокую макроконкурентоспособность советского народнохозяйственного комплекса. Экономика СССР стала разрушаться именно в результате подрыва этих хозяйственных принципов. В этой связи в работе делается вывод, что в основу народнохозяйственной модели современной России следует положить именно те ключевые принципы, которые обеспечивали высокую способность к выживанию всего советского общества. Страны Юго-Восточной Азии, например, имеют примерно такой же тип экономики, основанный на жёстком государственном управлении. В современных геополитических условиях именно тип закрытого национального хозяйства способен обеспечить живучесть национальной экономики, её конкурентоспособность и, соответственно, безопасность территории и её экономического пространства.

26. Опыт советской экономики показал, что организация общественного производства и общества в целом на принципах и условиях: 1) отрицающих торгашество, накопительство и дух стяжательства; 2) превращающих соб-

ственность и деньги из объекта стяжательства и частного богатства в общественные производственно-хозяйственные фонды, обслуживающие жизнедеятельность всего общества, — обеспечивают несравненно более высокую народнохозяйственную эффективность и устойчивость общества, чем частнохозяйственное развитие.

Народнохозяйственная эффективность многоукладного (некапиталистического) хозяйства и общества выражается в том, что перевод товарно-денежного обращения и движения многоукладного хозяйства под контроль общества в лице государства обеспечивают: 1) расширенное воспроизводство всех основных жизненно обусловленных исторических укладов; 2) человека как носителя рабочей силы и духовных жизненных сил, лежащих в основе духовного производства; 3) жизненной среды обитания человека; 4) местной экономики, питающей своими ресурсами локальную среду обитания людей и обеспечивающей региональную самодостаточность и устойчивость национально-экономического развития.

27. Концептуальные основы модели национального хозяйства — предназначены обеспечить нормальное воспроизводство человека и общества. Применительно к России в основание модели хозяйственного механизма следует положить принципы коллективизма и солидарности, интегративности и самодостаточности. Такая модель предполагает, что все составные части народного хозяйства, включая сферы товарного и нетоварного производства, а также частно-рыночного и общественно-нерыночного хозяйствования, должны функционировать как единый национально обусловленный механизм, подчиняясь общенациональным целям и ценностям, единой стратегии, развиваясь в рамках единой институциональной и социокультурной среды.

28. Уровень государственных расходов в современной России должен определяться тремя факторами: 1) необходимостью ликвидации разрухи и восстановления национального хозяйства; 2) цивилизационными особенностями, в силу которых Россия всегда отвергала капиталистический путь развития, вкладывая значительные государственные средства в развитие социокультурной сферы; 3) геополитическими и, прежде всего, природно-климатическими условиями, серьезно влияющими на уровень издержек производства. Обосновано, что в силу всех этих обстоятельств доля государственных расходов в ВВП в России никак не может быть ниже верхнего предела, установленного для высокоразвитых стран на уровне 60—62 %. Однако в реальности она должна быть намного выше. И это определяется геополитическими обстоятельствами, имеющими неустранимый характер. Если исходить из того, что средний уровень социальных и промышленных затрат в России, как минимум, на 40 % выше, чем в развитых странах, то верхний предел государственных расходов для России будет уже не 60—62 %, а на уровне примерно 80 %.

29. Планирование в системе многоукладного хозяйства призвано совершенствовать рынок, корректировать развитие рыночного механизма как важного фактора экономической стабильности и пропорциональности. Подобное понимание плана и рынка образует основу для такого взаимодействия между центром и предприятиями, при котором функцией центра становится экономическая политика, а предприятия выступают как субъекты предпринимательства, как хозяйствующие рыночные субъекты.

Конкурентно-рыночный механизм как механизм свободного хозяйствования может быть не только разрушительным, но и действительно эффективным — преимущественно на локальных рынках, на муниципальном уровне. Однако на уровне всего народного хозяйства его эффективность заметно снижается, имея крайне ограниченный характер. И это определяется тем, что народнохозяйственный комплекс в целом не может развиваться на основе критериев «свободного рынка» и денежной эффективности.

30. Коллективное владение средствами производства — это есть третий путь развития национального хозяйства, стремящегося преодолеть недостатки как частнохозяйственного капитализма, так и государственного социализма. Принципиально важно, что этот путь уже подтверждён богатым историческим опытом, накопленным в бывшей социалистической Югославии, а также в социалистической Ливии (Ливийской Джамахирии). В этих странах была реализована модель социального партнёрства на основе индивидуального и коллективного (государственно-кооперативного) владения общественными средствами производства.

Идея свободного труда, т. е. труда на себя, пробивает себе дорогу в жизни многих стран. Тысячи предприятий США работают по программе ЭСОП (план наделения работников акциями), где миллионы тружеников являются собственниками общего акционерного капитала. Аналогичные предприятия функционируют в Испании, в Италии, во Франции, Японии и Китае. По своей эффективности и производительности они превышают соответствующие частные и государственные предприятия. По мнению американских ученых-управленцев Джексона Грейсон мл. и Карла О’Делл, групповой подход к организации работ позволял повысить производительность от 60 до 600 %. В России такие предприятия действуют на основе закона «О народных предприятиях», который вступил в силу с 1 октября 1998 года. По состоянию на 2001 год таких предприятий насчитывалось около 50. Отвергая капитализм, народные предприятия являются реальной альтернативой частнокапиталистической форме собственности и модели хозяйствования, которая насаждается в стране неолиберальными правительствами, проводящими курс, по меткому определению С. Федорова, «реставрационной приватизации».

31. Метаэкономический подход предлагает делать упор на местную экономику, то есть на развитие тех видов хозяйственной деятельности, которые укрепляют социальную инфраструктуру, создают новые рабочие

места, нацеливая производителей на удовлетворение местных потребностей. В экономике человеческих размеров, функционирующей в местной локальной среде (общине), в местной общине, рынок не отменяется. Напротив, он начинает полноценно функционировать, потому что ставится преграда манипуляциям монополий. Экономика человеческих размеров способна смягчить и другие несовершенства рынка: рассогласование спроса и предложения, безработицу, разрушение окружающей среды, свертывание социальных служб. При этом энергия рынка направляется не только и даже не столько на максимализацию прибыли, сколько на совершенствование социально ориентированных форм хозяйствования. Этот потенциально могучий сектор экономики способен оздоровить другие уклады данного региона, функционирующие на принципах семейно-трудового хозяйства. Вот почему новая хозяйственная модель обязана будет делать упор на развитие местной экономики и на самое широкое местное самоуправление. Таким образом, укрепление государственных начал в экономике, одновременно должно сопровождаться всемерным развитием местной инициативы, местного самоуправления и местной экономики. Соответственно, критериями социально-экономической эффективности национального хозяйства при таком подходе будут уже не только способность хозяйства к расширенному воспроизводству человека, общества и локальной жизненной среды обитания людей. Важную роль играют критерии: 1) социо-хозяйственной интегративности, 2) самодостаточности, 3) конкурентоспособности национальной экономики и 4) экономической безопасности страны.

32. Учитывая цивилизационные и геостратегические (природно-климатические, географические, пространственные) особенности России, предлагается особо **развивать государственно-кооперативные и государственно-капиталистические способы ведения многоукладного хозяйства.** Национальное хозяйство такой страны, как Россия, может служить эффективной основой расширенного воспроизводства общества только при условии **абсолютного приоритета государственного, общественного начала в хозяйственном процессе**, но с обязательной опорой национально-экономического развития на ту часть социальной среды, которая образует среду обитания людей, является одновременно и сферой микрохозяйствования, формируя базисный уровень народного хозяйства.

- 1) Таким образом, в основу альтернативной модели национального хозяйства России в работе положены:
- 2) исторически обоснованная и социо-культурно обусловленная многоукладность хозяйства, отражающая жизнеспособное разнообразие всей национальной жизни;
- 3) преобладание государственного уклада, но с упором на развитие местной инициативы и локальной (местной) экономики;
- 4) наличие хозяйственного централизма, сочетающего государственную инициативу с хозяйственной самостоятельностью предприятий;

- 5) приоритет такой формы хозяйственной деятельности, как «народное предприятие» с коллективным владением средствами производства и производственным самоуправлением.

В заключение подчеркнём, что наше общество может выжить и сохранить себя как геополитический субъект истории только в том случае, если в основу его развития будут положены некапиталистические закономерности национально-экономического развития. Воспроизводство общества и его многоукладного хозяйства может быть обеспечено только некапиталистическим путем, только на основе постоянного процесса воспроизводства фундаментальных ценностей данной локальной цивилизации, ядром которой является данная нация и данный системообразующий народ. И уже в силу этого процесс национального хозяйственно-экономического развития определяется (регулируется) такими экономическими законами, принципы которых являются составной частью общенациональных ценностных принципов, существующих — в форме «результатов исторической коллективной жизни народа» (В. Виндельбанд), создаваемых *«деспотизмом внутренней идеи»* нации в лице государства, не позволяющего хозяйствующей материи национальной экономики *«разбегаться»* (К. Леонтьев).

Россию может спасти только радикальное изменение народнохозяйственной модели развития. При этом многие политики и ученые понимают, что нам необходимо вернуться к нашим традиционным устоям, необходимо выстроить модель нашего народного хозяйства на основе принципов традиционализма. Это и будет нашей новой Великой революцией, но теперь уже — консервативной, призванной соединить эпохи и вновь показать изумленному человечеству социальную дорогу в будущее!

Список литературы

1. Агапова И.И. Экономика и этика: аспекты взаимодействия. — М.: Юрист, 2002. — 190 с.
2. Агеев В.М. Методологические и теоретические проблемы основного экономического закона социализма. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. — 208 с.
3. Агеев В.М. Принцип системности политэкономического исследования. — М.: Экономика, 1985. — 184 с.
4. Андреев А.П., Селиванов А.И. Русская традиция. — М.: Алгоритм, 2004. — 320 с.
5. Андреев А.Л. Этнофилософия и национальная модель экономики // Философия хозяйства. — 2000. — № 4. — С. 92–101.
6. Анисимов С.Ф. Духовные ценности: производство и потребление. М.: «Мысль», 1988. — 253 с.
7. Аксёнов К.В. Экономика знаний как определяющая часть новой экономики в условиях рынка // Проблемы новой политической экономии. — 2005. — №4. — С. 64–67.
8. Асланов Л.А. Синергетический подход к глобальному и национальному // Философия хозяйства. — 2005. — №4-5. — С. 53–57.
9. Афанасенко И. Д. Экономика и духовная программа России. — СПб.: Изд-во «Третье тысячелетие», 2001. — 414 с.
10. Афанасенко И. Д. История русской цивилизации. Трилогия: Кн. Первая. Экономика и духовная программа России. Кн. Вторая. Россия в потоке времени. История предпринимательства. Кн. третья. Русская цивилизация. Истоки развития. — Изд. второе, доп. / И.Д. Афанасенко. — СПб: Изд-во СПбГУЭФ, 2007.
11. Афанасенко И. Д. Есть ли будущее у русской цивилизации? — СПб.: Питер, 2007. — 384 с.
12. Баландин Р., Миронов С. Заговоры и борьба за власть. От Ленина до Хрущева. — М.: Вече, 2003. — 480 с.
13. Балязин В. Н. Профессор Александр Чаянов. — М.: Агропромиздат, 1990. — 304 с.
14. Барр Р. Политическая экономия: В 2-х тт. — Т. 1: Пер. с фр. — М.: Междунар. отношения, 1995.
15. Белолипецкий В.Г. Метаэкономическая парадигма современного миропорядка // Философия хозяйства. — 2004. — № 2. — С. 19-24.
- 16.17. Белолипецкий В.Г. Финансовая экономика: концептуальные основания и механизм реализации // Экономическая теория на пороге XXI века — 4: Финансовая экономика / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Г. Белолипецкого, Зотовой. — М.: Юрист, 2001. — С. 58–85.

- 17.Белолипецкий В.Г. Экономические константы в воспроизводстве хозяйственных систем // Философия хозяйства. — 2005. — № 2. — С. 73–84.
- 18.Беккер Г.С. Избранные труды. Человеческое поведение: экономический подход. — М.: ГУ–ВШЭ, 2003. — 672 с.
- 19.Бергер П. Капиталистическая революция (50 тезисов о процветании, равенстве и свободе): Пер. с англ. — М.: Издательская группа «Прогресс» — «Универс», 1994. — 320 с.
- 20.Березовская Л.В., Ковалев А.М. Россия на пороге XXI века: философско-социологическое исследование. — М.: Изд-во МГУ, 1998. — 304 с.
- 21.Биншток Ф.И., Глазьев С.Ю., Москвин Д.Д., Фельдман М. Н. Предприятие и формация. — М.: Эдиториал УРСС, 1999. — 304 с.
- 22.Биншток Ф. И., Ермакова Л. И., Коновалов Н. Н., Лещинская А. Ф., Москвин Д. Д., Наумова Н. Ф. Проблемы социальной справедливости в зеркале современной экономической теории / Общ. ред. Д. Д. Москвина. — М.: Эдиториал УРСС, 2002. — 192 с.
- 23.Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. — М., 1989.
- 24.Бородин Е.Т. Природное и общественное воспроизводство: Постигание марксизма и преодоление его противоречий. — М.: Издательство «Познавательная книга Пресс», 2003. — 448 с.
- 25.Брагина Е. А. Развивающиеся страны: государственная политика и промышленность. Отв. ред. Р.М. Аваков. — М.: «Мысль», 1977. — 261 с.
- 26.Братищев И.М., Смирнов К.А., Филимонов П.И. Социально-ориентированные модели рыночной экономики: Анализ, прогнозы, рекомендации / Под ред. проф., д.э.н. Смирнова К.А. — М., 2001. — 325 с.
- 27.Бьюкенен Дж. Границы свободы / Нобелевские лауреаты по экономике. Джеймс Бьюкенен. — М.: Таурус-Альфа, 1997. — С. 31-206.
- 28.Бузгалин А.В. Ренессанс социализма (курс лекций, прочитанных в Молодежном университете современного социализма). — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 512 с.
- 29.Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 512 с.
- 30.Бузгалин А.В., Колганов А.И. Рыночно-центрическая» экономическая теория устарела // Философия хозяйства. — 2004. — №2. — С. 131–159.
- 31.Валлерстайн Иммануэль. После либерализма: Пер. с англ. / Под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. М.: Едиториал УРСС, 2003. — 256 с.
- 32.Васильев Ю.А. Модернизация под красным флагом [Текст] / Ю.А. Васильев. — М.: Современные тетради, 2006. — 343 с.
- 33.Введение в теорию и методологию системы оптимального функционирования социалистической экономики / Под ред. Н.П. Федоренко, Ю.В. Овсиенко, Н.Я. Петракова. М., 1983;

34. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. — М.: Прогресс, 1990. — 387 с.
35. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем./Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова. — М.: Прогресс, 1990. — 808 с.
36. Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 352 с.
37. Галеев И.В. Философско-экономические очерки. — М.: ТЕИС, 2007. — 70 с.
38. Гельвановский М.И. Глобализация и национальная конкурентоспособность // Экономическая теория на пороге XXI века — 6. В 2-х книгах. Кн. 1. Философия хозяйства. Кн. 2. Теоретическая экономия / Под ред. Ю.М. Осипова, В.В. Чекмарева, Е.С. Зотовой. — М.: Юристъ, 2002. — С. 129–141.
39. Гельвановский М.И. Неоэкономика и стратегия развития российской хозяйственной системы // Экономическая теория на пороге XXI века — 5: Неоэкономика / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Г. Белолипецкого, Е.С. Зотовой. — М.: Юристъ, 2001. — С. 135–143.
40. Гибало Н.П. Новые начала экономической теории // Проблемы новой политической экономии. — 2003. — № 1–2.
41. Гибало Н.П., Олейников А.А. Производительные силы нации и национальное богатство: методологический подход Фридриха Листа // Проблемы новой политической экономии. — 2006. — Спецвыпуск № 2. — С. 128–130.
42. Глазьев С.Ю. Благосостояние и справедливость: как победить бедность в богатой стране / Сергей Глазьев. М: «Б.С.Г. — ПРЕСС», 2003. — 192 с.
43. Глазьев С. Ю., Кара-Мурза С. Г., Батчиков С. А. Белая книга. Экономические реформы в России 1991–2001 гг. — М.: Изд-во Эксмо, 2003. — 368 с.
44. Грейсон Дж. К. мл., О’Делл К. Американский менеджмент на пороге XXI века: Пер с англ. — М.: Экономика, 1991. — 319 с.
45. Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. — СПб.: ООО «Издательский Дом "кристалл"», 2002. — 576 с.
46. Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало: Популярны лекции по народоведению. — М.: Рольф, 2002. — 384 с.
47. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. — СПб.: «Кристалл», 2001. — 639 с.
48. Гуманистические ориентиры России / Под. ред. Л.И. Абалкина, А.В. Барышевой, Д.Е. Сорокина. — М.: Институт экономики РАН, 2002. — 391 с.
49. Гундаров И.А. Причины сверхсмертности в России // Демографический кризис в России. Научно-практическая конференция: Тезисы пленарных докладов (Москва, 27 мая 2004 г.). — М. Международная славянская академия, 2004. — С. 10–13.

50. Давыдов Ю. Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология: Актуальные проблемы веберовского социологического исследования. В пер. — М.: Мартис, 1998.
51. Ельмеев В.Я. Воспроизводство общества и человека. — М.: «Мысль», 1988. — 235 с.
52. Зверев А.Ф. Информация как фундаментальная научная категория в новой экономике // Экономическая теория на пороге XXI века — 5: Неоэкономика / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Г. Белолипецкого, Е.С. Зотовой. — М.: Юрист, 2001. — С. 130–135;
53. Звягинцева Э.П. Социальное государство, сфера образования и их экономическая взаимообусловленность // Вестник КГУ им Н.А. Некрасова. Экономика образования. — 2005. — № 8. — С. 53–63.
54. Зяблюк Р.Т. Стоимость и полезность. Автореф. дис. ... д-ра экон. наук.— М., 2003.
55. Имперские предчувствия России / Под ред. Ю.М. Осипова, О.В. Иншакова, М.М. Гузева, Е.С. Зотовой. — М.; Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2005. — 434 с.
56. Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества: Научное издание. — М.: «Academia» — «Наука», 1998. — 640 с.
57. Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация: Научное издание. — М.: «Academia» — «Наука», 1999. — 724 с.
58. Иноземцев В.Л. Пределы "догоняющего" развития / В.Л. Иноземцев. — М.: ЗАО "Издательство "Экономика", 2000. — 295 с.
59. Казанцев Н.М. Морфология стратегий национального развития в условиях глобализации // Экономическая теория в XXI веке — 2(9): Глобальное и национальное в экономике / под ред. Ю.М. Осипова, В.В. Чекмарева, Е.С. Зотовой. — В 2-х т. Т. 1. — М.: Экономист, 2004. — С. 107–118.
60. Казанцев Н.М. К вопросу о парадигме политической экономии: расширение метода // Экономическая теория на пороге XXI века — 2 / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Т. Пуляева, В.Т. Рязанова, Е.С. Зотовой. — М.: Юрист, 1998. — С. 132–147.
61. Каллиникос А. Антикапиталистический манифест. — М.: Праксис, 2005. — 192 с.
62. Как добиться успеха: Практ. советы деловым людям/Под общ. ред. В. Е. Хруцкого. — М.: Политиздат, 1991. — 510 с.
63. Как работают японские предприятия: Сокр. пер. с англ./Под ред. Я. Мондена и др.; Науч. ред. и авт. предисл. Д. Н. Бобрышев. — М.: Экономика, 1989. — 262 с.
64. Капитализм сегодня: парадоксы развития/ А. Галкин, В. Н. Котов, Ю. А. Красин, Меньшиков. — М.: Мысль, 1989. — 315 с.

65. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация (книга первая). — М.: Алгоритм, 2001. — 528 с.
66. Кирсанов В.Н. «Реставрация» капитализма в России. Истоки и причины. — М., 1999. — С. 221.
67. Кобяков А.Б., Хазин М.Л. Закат империи доллара и конец «Рах Americana». — М.: Вече, 2003. — 368 с.
68. Козловски П. Принципы этической экономики. СПб.: Экономическая школа, 1999. — 344 с.
69. Коллонтай В.М. Регулирование финансов и финансовые центры. — Экономическая теория на пороге XXI века — 4: Финансовая экономика — М.: Юрист, 2001. — С. 19–28.
70. Кондрашова Н.В. Экономическая эффективность нравственности в эпоху Постмодерна // Философия хозяйства. — 2004. — №2. — С. 96–111.
71. Конкурентоспособность России в глобальной экономике. — М.: Международ. отношения, 2003. — 376 с.
72. Кооперация. Страницы истории: В 3 т. Т. 1. Избранные труды российских экономистов, общественных деятелей, кооператоров-практиков: В 3 кн. Кн. 1. 30-40-е годы XIX-начало XX в. — М.: Наука, 1999. — 768 с.
73. Корелин А. П., Степанов С. А. С. Ю. Витте — финансист, политик, дипломат. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 1998. — 464 с.
74. Кормишкин Е. Д. Методологические основы исследования экономической безопасности региона: Автореф. дис... докт. ... наук. — М., 2003.
75. Крылов В.В. Теория формаций. — М., 1997.
76. Кузьмин С.А. Занятость: стратегии России. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 304 с.
77. Кульков В.М. Философия хозяйства и теория национальной экономики // Экономическая теория на пороге XXI века — 6. В 2-х книгах. Кн. 1. Философия хозяйства. Кн. 2. Теоретическая экономика / Под ред. Ю.М. Осипова, В.В. Чекмарева, Е.С. Зотовой. — М.: Юрист, 2002. — С. 16–21.
78. Лазар Я. Собственность в буржуазной правовой теории: Пер. с нем. — М.: Юрид. лит., 1985. — 192 с.
79. Ларуш. Л. Физическая экономика, как эпистемологическая основа всех отраслей человеческого знания. — М., 1997.
80. Левковский А.И. Социальная структура развивающихся стран (Проблемы многоукладного переходного общества). — М., 1978 — 221 с.
81. Ленин В.И. Философские тетради // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29.
82. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Храм и Церковь / К.Н. Леонтьев. — М.: Изд-во АСТ, 2003. — 636 с.

83. Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Третья мировая (информационно-психологическая) война. — М.: Институт социально-политических исследований АСН. — 2000 г. — 304 с
84. Лисичкин В. А., Шелепин Л. А. Война после войны: Информационная оккупация продолжается. — М.: Изд-во Алгоритм, Изд-во Эксмо, 2005. — 416 с.
85. Лисичкин В.А., Шелепин Л.А.. Россия под властью плутократии. История черного десятилетия. — М.: Алгоритм, 2003. — 480 с.
86. Лист Ф. «Национальная система политической экономии». Граф С. Ю. Витте. «По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист». Д. И. Менделеев. «Толковый тариф, или Исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года»: Сборник / Составл. и предисл. В. А. Фадеева. — М.: Издательство «Европа», 2005. — 382 с.
87. Львов Д.С. Экономика развития. / Д.С. Львов. — М.: «Экзамен», 2002. — 512 с.
88. Львов Д. Какая экономика нужна России? // РЭЖ. — 2002. — № 11-12.
89. Львов Д. С. О реформаторском потенциале экономической науки. Препринт. ЦЭМИ РАН. М., 2005.
90. Львов Д. С. Третий путь для России. М.: Торгово-промышленная палата, 2001.
91. Львов Д. С. Концепция управления национальным имуществом. — М.: Институт экономических стратегий, 2002.
92. Львов Д. С. Миссия России (Гражданский манифест). — М.: Институт экономических стратегий, 2006.
93. Львов Д.С. Россия: рамки реальности и контуры будущего. — М.: Институт экономических стратегий, 2007. — 120 с.
94. Львов Д. С, Моисеев Н. П. Россия в поисках третьего пути // Экономическая газета. 1999, № 27.
95. Львов Д., Гребенников В., Устюжанина Г. Концепция национального имущества // Вопросы экономики. — 2001. — №7.
96. Любимцева С.В. Духовный фактор трансформации социально-экономических систем // Экономическая теория на пороге XXI века — 6. В 2-х книгах. Кн. 1. Философия хозяйства. Кн. 2. Теоретическая экономия / Под ред. Ю.М. Осипова, В.В. Чекмарева, Е.С. Зотовой. — М.: Юрист, 2002. — С. 208–224;
97. Ляшенко И.Ю., Матершева В.В. Оценка эффективности инвестиций в образование // Вестник КГУ им Н.А. Некрасова. Экономика образования. — 2005. — № 8. — С. 44–48.

98. Макаров С.П. Экономическая система и антисистема // Экономическая теория на пороге XXI века — 3 / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. — М.: Юристъ, 2000. — С. 103–112.
99. Макаров С.П. Государство как субъект социально-экономических процессов // Философия хозяйства. — 2005. — № 4–5. — С. 180–195.
100. Макаров С.П. Функции философии хозяйства // Философия хозяйства. — 2006. — № 4. — С. 49–50.
101. Макаров С.П. Основы теории государственного ведения национальной экономики. — М.: ТЕИС, 2005. — 184 с.
102. Марцинкевич В.И. Экономический мейнстрим и современное воспроизводство // К вопросу о так называемом «кризисе» экономической науки: Доклады В.С. Автономова, С.А. Афонцева, В.П. Гутника и выступления по докладам / Материалы теоретического семинара ИМЭМО. Руководитель: академик Мартынов В.А. — Москва 2002. — 71 с.
103. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе; гр. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; Сост., предисл. В.Ю. Кузнецова. — М.: 000 «Издательство АСТ», 2002. — 526 с.
104. Маркс К. Наемный труд и капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. — С. 428–459.
105. Маркс К. Введение (Из экономических рукописей 1857–1858) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. — С. 709–738.
106. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23.
107. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. III, кн. III. Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Ч. I—II. Под ред. Ф. Энгельса. М., Политиздат, 1970.
108. Маркс К. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»). Часть первая // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. I.
109. Маркс К. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»). Часть вторая (главы VIII–XVIII) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26. Ч. II.
110. Маркс К. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»). Часть третья (главы XIX–XXI) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III.
111. Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. — С. 41–174.
112. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1861 гг. (Первоначальный вариант «Капитала»). В 2-х ч. Ч. 1. — М.: Политиздат, 1980. — 564 с.
113. Маркс К. Экономико-философские рукописи 1857–1859 годов (первоначальный вариант «Капитала»). Часть первая // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I.

114. Маркс К. Критика политической экономии (Черновой набросок 1857–1858 годов) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. — С. 51–508.
115. Маркс К. Экономическая рукопись 1857 — 1859 годов. Часть вторая // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. II. — С. 5–392.
116. капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 47. — С. 3–612.
117. Мартин Г.-П.» Шуманн Х. Западня глобализации: атака на процветание и демократию/ Пер. с нем. — М.: Издательский Дом «АЛЬПИНА», 2001. — 335 с.
118. Медведев Р.А. Капитализм в России? — М.: «Права человека», РИА «ДАР», 1998. — 318 с.
119. Медведев В. А. Перед вызовами постиндустриализма: Взгляд на прошлое, настоящее и будущее экономики России. — М.: Альпина Паблишер, 2003. — 440 с.
120. Меньшиков С.М. Анатомия российского капитализма. — М.: Международ. отношения, 2004. — 432 с.
121. Методологические проблемы современной экономической науки /Н.П. Гибало, А.Н. Симулин, Е.М. Скаржинская, М.И. Скаржинский, Е.Б. Степанов, В.В. Чекмарев, Вл.В. Чекмарев; под общей редакцией В.В. Чекмарева и М.И. Скаржинского. — Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2005. — 288 с.
122. Мирковский Ф. Философские основы институциональной экономики // Проблемы новой политической экономии. — 2003. — № 1-2. — С. 21–40.
123. Морита А. «Сделано в Японии»: Пер. с англ./При участии Э. Рейнголда и М. Симомуры. Общ. ред. и вступ. А. Ю. Юданова. — М.: Прогресс, 1990. — 413 с.
124. Наемный труд на переломных этапах развития экономики / Под ред. д-ра экон. наук Р. И. Цвылева. М.: Эдиториал УРСС, 1999. — 120 с.
125. Народное предприятие: научный центр профсоюзов. — М., 1999. — 180 с.
126. Наумов И.Н. Стратегия экономического развития КНР в 1996—2020 гг. и проблемы ее реализации. — М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2001. — 201 с.
127. Неклесса А.И. Система геоэкономического мироустройства как глобальный проект // Экономическая теория на пороге XXI века — 5: Неоэкономика /Под ред. Ю.М. Осипова, В.Г. Белолипецкого, Е.С. Зотовой. — М.: Юристъ, 2001. — С. 60–78.
128. Неклесса А.И. Конец эпохи Большого Модерна // Постиндустриальный мир и Россия / Отв. ред. В. Г. Хорос, В.А. Красильщиков. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — С. 37–63.
129. Некипелов А. Д. К вопросу о природе социального выбора (доклад на Секции экономики РАН 14 марта 2006 года). — М., 2006.

130. Непроизводственная сфера СССР /под ред. М. В. Солодкова. — М.: Мысль, 1981. — 351 с.
131. Николаев А.Б. Финансовый капитал и инвестиционный процесс// Экономическая теория на пороге XXI века — 4: Финансовая экономика / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Г. Белолипецкого, Е.С. Зотовой. — М.: Юристъ, 2001. — С. 154–162.
132. Нижегородцев Р.М. Воспроизводство научно-технической информации в современных экономических системах: Автореф. дис... докт. ... наук. — Кострома, 2002.
133. Нижегородцев Р.М. Теоретические основы информационной экономики. — Владикавказ: Проект — Пресс, 1998. — 248 с.
134. Новое мышление в управлении производством. Реферат книги: Хьюдж Э., Андерсон А. Дух превосходного производства. Пособие по формированию нового мышления у руководителей. Нью-Йорк: Доу Джонс Ирвинг, 1988 [Ernest C. Huges, Alan D. Anderson. The Spirit of Manufacturing Excellence. An Executive's Guide to the New Mind Set. The Dow Jones-Irrin, 1988] // Как добиться успеха: Практ. советы деловым людям/Под общ. ред. В. Е. Хруцкого.— М.: Политиздат, 1991.
135. Носков В.А. Высшая школа в системе общественного воспроизводства: Автореф. дис... докт. ... наук. — Кострома, 2003.
136. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — М.: Фонд экономической книги «НАЧАЛА», 1997. — 188 с.
137. Норт Д. Институты и экономический рост; историческое введение // THESIS.- Т. 1. Вып. 2. — 1993. — С. 69–91.
138. НЭП в контексте исторического развития России XX века. — М.: Институт российской истории РАН, 2001. — 317 с.
139. *Ойкен В.* Основы национальной экономики. М.: Экономика, 1996. — 349 с.
140. *Ойкен В.* Основные принципы экономической политики. М.: Прогресс, 1995.
141. Олейников А.А. Методологические основы современной экономической теории. (Методология системного политико-экономического анализа национального хозяйства): Научное издание / Под. общ. ред. В.В. Чекмарева. — Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова; Кострома: КГУ им. Н.А Некрасова, 2006. — 245 с.
142. Олейников А.А. Политическая экономия национального хозяйства : Научное издание / Под. общ. ред. В.В. Чекмарева. — Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова; Кострома: КГУ им. Н.А Некрасова, 2006. — 306 с.
143. Олейников А.А. Политико-экономические основы модели «третьего пути» : Научное издание / Под ред. В.В. Чекмарева. — Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова; Кострома: КГУ им. Н.А Некрасова, 2006. — 296 с.

144. Олейников А.А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства: Учебное пособие. В 2-х частях. Ч.1. — М.: ТЕИС, 2006. — 553 с.
145. Олейников А.А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства: Учебное пособие. В 2-х частях. Ч.2. — М.: ТЕИС, 2006. — 523 с.
146. Олейников А.А. Национальное хозяйство как основа воспроизводства общества (экономико-философский подход): дисс... доктора эконом. наук (специальность 08.00.01 — экономическая теория). — М.: Экономический ф-т МГУ имени М.В. Ломоносова, 2007.
147. Олейников А.А. Политическая экономия национального хозяйства / Отв. ред. О.А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2010. — 1184 с.
148. Олейников А.А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для вузов: для бакалавров, специалистов и магистров. 2-е изд., перераб. и доп. В 2-х ч. — М.: Институт русской цивилизации, 2011 — 1136 с.
149. Олейников А.А., Данильченко С.Л., Ульянова М.В. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для вузов: для бакалавров, специалистов и магистров. — В 2-х ч. Сост. и научн. ред. д-р экон. наук Олейников А.А / Под общ. ред. Олейникова А.А. — Москва: Институт русской цивилизации, 2011. — 800 с.
150. **Олейников А.А.** Методологические основы адекватности современной экономической теории: критика западного мейнстрима (Методология системного экономико-философского анализа национального хозяйства): Научная монография. — М.: Издательский дом «Белгород», 2014. (Серия «Евразийский мейнстрим: русский взгляд»).
151. **Олейников А.А.** Национальное хозяйство как основа воспроизводства общества (экономико-философский подход): Научная монография. — Екатеринбург: Уральский институт бизнеса, 2014. (Серия «Евразийский мейнстрим: русский взгляд»).
152. **Олейников А.А.** Политическая экономия евразийского национального хозяйства (евразийский мейнстрим: вопросы теории и методологии): Научная монография. — М.: Издательский дом «Белгород», 2014. (Серия «Евразийский мейнстрим: русский взгляд»).
153. **Олейников А.А.** Западный капитализм как общественная патология, как система социального расизма (Социокультурная динамика капитализма): Научная монография. — М.: Издательский дом «Белгород», 2014. (Серия «Евразийский мейнстрим: русский взгляд»). (Серия «Евразийский мейнстрим: русский взгляд»).
154. **Олейников А.А.** Макроконкурентоспособность национальной экономической модели в системе управления национальным хозяйством суверенной России: выбор стратегии, выбор будущего. Научная монография. — М.: Издательский дом «Белгород», 2014 (Серия «Евразийский мейнст-

- рим: русский взгляд»). (Серия «Евразийский мейнстрим: русский взгляд»).
155. **Олейников А.А.** Макроконкурентоспособность национального хозяйства в XXI веке: выбор России между открытостью и экономической самостоятельностью (Опыт системного экономико-философского подхода): Научная монография. — М.: Издательский дом «Белгород», 2014. (Серия «Евразийский мейнстрим: русский взгляд»). (Серия «Евразийский мейнстрим: русский взгляд»).
 156. **Олейников А.А.** Третий путь России: новая хозяйственная идеология (Идеология семейной организации национального хозяйства и работающих собственников: модель восточного капитализма). Научная монография. — М.: Издательский дом «Белгород», 2014. (Серия «Евразийский мейнстрим: русский взгляд»).
 157. Олейников А.А. Традиционализм в качестве институциональной основы модели национального хозяйства России // Экономическая теория в XXI веке — 4 (11): Институты экономики / под ред. Ю.М. Осипова, В.С. Сизова, Е.С. Зотовой. — М.: Экономистъ, 2006. — С. 152-161.
 158. Олейников А.А. Как привести национальное хозяйство в соответствие с традиционными основами русской жизни // Постмодерновые реалии России / Под ред. Ю.М. Осипова, М.М. Гузева, Е.С. Зотовой. — М.; Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2007. — С. 83–95.
 159. Олейников А.А. Вопросы преподавания экономической теории в православных вузах: к вопросу о том, на каком языке церковь разговаривает с Человеком в эпоху постмодерна в XXI веке // Социология религии в обществе позднего модерна: Материалы Российской конференции с международным участием. НИУ «БелГУ», 10 февраля 2011.— Белгород: ИПК НИУ БелГУ, 2011. — С. 168-176.
 160. Олейников А.А. О движущих силах национального хозяйства: к вопросу о порочности неолиберальной модели современного развития России // Экономическая теория в XXI веке. — 8 (15).- Экономика модернизации / Под ред. Осипова, А.Ю. Архипова, Е.С. Зотовой.— М.— Ростов-на Дону: «Вузовская книга», 2011. — С. 348-353.
 161. Олейников А.А. Болонский процесс и методология преподавания экономической теории // Международный журнал экспериментального образования. — № 6. — 2011. — С. 97-99.
 162. Олейников А.А. Вопросы преподавания экономической теории в православных вузах: к вопросу о том, на каком языке церковь разговаривает с Человеком в эпоху постмодерна в XXI веке // Социология религии в обществе позднего модерна: Материалы Российской конференции с международным участием. НИУ «БелГУ», 10 февраля 2011.— Белгород: ИПК НИУ БелГУ, 2011. — С. 168-176.
 163. Олейников А.А. Проблема подрыва культурных смыслов: рекультуризация как форма информационной войны // Рождение культурологи в Рос-

- сии (сборник научных трудов. Научный редактор — проф. В.П. Океанский. — Иваново; Шуя: Центр кризисологических исследований ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2011.
164. Олейников А.А. Антихристианский характер капитализма: к вопросу об антисофийности и нелюбви к народу у российской элиты // София. Сто лет русской философии хозяйства / Под ред Ю.М. Осипова, А.И. Агеева, Е.С. Зотовой. — М.: ТЕИС, 2012. — С. 228-235.
 165. Олейников А.А. Институционализм и социокультурные факторы национально-экономического развития России // Системные инновации как условие становления устойчивого развития. Материалы международной научно-практической конференции. Под ред В.П. Деля. 25 мая 2012 г. — Балашиха, изд-во «Де-По», 2012.— С. 108-114
 166. Олейников А.А. Роль культуры в модернизации современной России: к вопросу о протестантской социокультурной динамике российского капитализма // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — №11. — 2012. — С.- 79-81.
 167. Олейников А.А. Закономерности духовного воспроизводства общества: как привести национальное хозяйство России в соответствие с традиционными основами русской жизни // Русский экономический вестник: научно-публицистический журнал. Тематический выпуск. — № 9-10. — Екатеринбург: Изд-во Уральского института бизнеса, 2012.— С. 403-412
 168. Олейников А.А. Болонский процесс и евразийское пространство: к вопросу о необходимости разработки новых евразийских учебников по экономической теории // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — №3. — 2012. — С. 98-100.
 169. Олейников А.А. Экономическая теория как фактор социализации русской вузовской молодежи // Международный журнал экспериментального образования. — № 6. — 2012 год. — С. 141-144.
 170. Олейников А.А. К вопросу о создании евразийской теории национального хозяйства // Развитие и экономика. Научный и общественно-политический альманах. 2012. — Март. — № 2. — С. — 126-133.
 171. Олейников А.А. Финансовая экономика РФ против интеллектуальной сферы и реальной модернизации национального хозяйства // XXI век: интеллект-революция / под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. — М.; Киев: Издательско-информационный центр Национального университета государственной налоговой службы Украины, 2012. — С. 394-398.
 172. Олейников А.А. Либерализм как подрывная антигосударственная доктрина, уничтожающая общество России // Постреформизм и развитие: монография / под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. — М., Ирпень:Изд-во Национального университета государственной налоговой службы Украины, 2013. — С. 267-274.

173. Олейников А.А. Роль Центрального банка России в системе либерально-монетаристской политики российского правительства // Актуальные вопросы экономики и финансов в условиях современных вызовов российского и мирового хозяйства: материалы Международной научно-практической конференции НОУ ВПО «СИ ВШПП», 25 марта 2013 г. / [редкол.: А.В. Бирюков, А.А. Бельцер, М.Н. Коростелева, К.Н. Ермолаев, О.А. Подкопаев (отв. ред.)] – Ч. 1. – Самара: ООО «Издательство Ас Гард», 2013. — С. 460-464.
174. Олейников А.А. Вопросы взаимосвязи религии, культуры и модели национально-экономического развития // Социология религии в обществе Позднего Модерна (памяти Ю.Ю. Синелиной): материалы Третьей международной конференции. НИУ «БелГУ», 13 сентября 2013 г. / отв. Ред. С.Д. Лебедев. — Белгород: ИД «Белгород», 2013. — С. 427-433.
175. Олейников А.А. Национальный учебник по экономической теории как основа социализации молодежи: к вопросу о создании евразийской теории национального хозяйства и новых «евразийских» учебников по экономической теории // Евразийская интеграция: геостратегический аспект / Под ред. Ю.М. Осипова, А.Ю. Архипова, Е.С. Зотовой. — М., ; Ростов н/Д: Вузовская книга, 2014. — С. 389-397.
176. Осипов Ю.М. Имперское хозяйство // Имперские предчувствия России / Под ред. Ю.М. Осипова, О.В. Иншакова, М.М. Гузева, Е.С. Зотовой. — М.; Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2005. — С. 201-206;
177. Осипов Ю.М. Философия хозяйства. В двух книгах. — М.: Юристъ, 2001. — 624с.;
178. Осипов Ю.М. Финансомика // Экономическая теория на пороге XXI века — 4: Финансовая экономика / Под ред. Ю.М.Осипова, В.Г.Белолипецкого, Е.С.Зотовой. — М.: Юристъ, 2001.
179. Осипов Ю.М. Хозяйственный механизм государственно-монополистического капитализма: Автореф. дисс. ... докт. экон. наук. — М., 1987.
180. Осипов Ю.М. Экономика в лучах философии хозяйства: Металогия и метаистория. — Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и эконом. ф-та МГУ им. М.В.Ломоносова. — 2003. — № 2. — С. 9–42.
181. О стратегии российского развития: аналитический доклад / Под ред. В.И.Толстых. — М.: Русский путь, 2003. — 392 с.
182. От наемного труда к свободному. Производственное самоуправление или «третий путь» в экономике/ Под общ. ред. акад. С. Федорова. — М.: Слово, 2001. — 416 с.
183. Очерки политической экономии социализма / Под ред. академика Н. П. Федоренко.— М.: Наука, 1988.— 400 с.

184. Оучи У. Методы организации производства: японский и американский подходы. — М.: «Экономика», 1984.
185. Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. — М.: Изд-во МГУ, 1999. — 288 с.
186. Панарин А. С. Искушение глобализмом. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. — 416 .
187. Петров Н.Н. Воспроизводство монополистического капитала в развивающихся странах: Автореф. дис... докт. ... наук. — М., 1985.
188. Петренко И. Н. Безопасность экономического пространства хозяйствующего субъекта / Петренко И.Н. — М.: Анкил, 2005. — 280 с.
189. Петренко И.Н. Экономическая безопасность России: денежный фактор. — М: "Маркет ДС", 2003. — 240 с.
190. Платонов О.А. Русская экономика без глобализма. — М.: Алгоритм, 2006. — 800 с.
191. Плешанов А.Д. Преодоление концептуальной неопределенности как условие выживания в геофинансовой экономике // Экономическая теория на пороге XXI века — 4: Финансовая экономика / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Г. Белолипецкого, Зотовой. — М.: Юрист, 2001. — С. 241–250.
192. Попов А.К. Национальная экономия против глобальной // Экономическая теория в XXI веке — 2(9): Глобальное и национальное в экономике / под ред. Ю.М. Осипова, В.В. Чекмарева, Е.С. Зотовой. — В 2-х т. Т. 1. — М.: Экономист, 2004. — С.204–212.
193. Попов А.К. Национальная экономия против глобальной // Экономическая теория в XXI веке — 2(9): Глобальное и национальное в экономике. — С.204-212; Румянцев М.А. К созданию политической экономии империй. — Экономическая теория в XXI веке — 2 (9): Глобальное и национальное в экономике. — С. 64–73;
194. Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве. — М.: Наука, 2003. — 253 с.
195. Пороховский А.А. Вектор экономического развития. — М.: ТЕИС, 2002. — 304 с.
196. Пороховский А.А., Хубиев К.А. Формирование российской модели социальной рыночной экономики // Вестник Моск. ун-та. Серия 6. Экономика. — 2005. — № 4. — С. 3–21
197. Постиндустриальный мир и Россия / Отв. ред. В. Г. Хорос, В.А. Красильщиков. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 616 с.
198. Путь в XXI век: стратегические проблемы и перспективы российской экономики/Рук. авт. колл. Д.С. Львов; Отд. экон. РАН; науч.-ред. совет изд-ва "Экономика". — М.: Экономика, 1999. — 793 с.
199. Пшеницын И.В. Общественный капитал: природа и развитие: Автореф. дис... докт. ... наук. — М., 2004.

200. Пшеницын В.И. Общественный капитал: природа и развитие. Монография. — М.: МАКС Пресс. — 156 с.
201. Распад мировой долларовой системы: ближайшие перспективы. / Сборник работ. Под общ. ред. Ю.Д. Маслюкова. — М.: Издатель Н.Е. Чернышова, 2001. — 368 с.
202. Реуль А.Л. История экономических учений. — М., 1972. — 424 с.
203. Реформы глазами американских и российских ученых. Под общей ред. О. Т. Богомолова // Российский экономический журнал. Фонд за экономическую грамотность. М., 1996.
204. Рих Артур. Хозяйственная этика. — М.: Российский филиал изд-ва «Посев», 1996. — 810 с.
205. Розенберг Д.И.. История политической экономии. — М., 1940. — 484 с.
206. Рязанов В.Т. Рента как ключевая проблема современного экономического развития России // Философия хозяйства. — 2004. — № 6. — С. 169–184.
207. Рязанов В.Т. Российский путь в экономике // Философия хозяйства. — 2003. — №2. — С. 103–121.
208. Рязанов В.Т. Российская школа национальной экономии и ее историческое значение // Философия хозяйства. — 2004. — №1. — С. 133–152.
209. Румянцев М.А. Три тезиса о державном хозяйстве // Россия державная: В 2ч. Ч. 1 / Под ред. Ю.М. Осипова, М.М. Гузева, Е.С. Зотовой. — М.; Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006. — С.89-93.
210. Румянцев М.А. К созданию политической экономии империй // Экономическая теория в XXI веке — 2 (9): Глобальное и национальное в экономике / под ред. Ю.М. Осипова, В.В. Чекмарева, Е.С. Зотовой. — В 2-х т. Т. 1. — М.: Экономистъ, 2004. — С. 64–73.
211. Саградов А.А. Воспроизводство населения и социальный капитал // Вестник Моск. ун-та. Серия 6. Экономика. — 2006. — № 5. — С. 15–29.
212. Сентеш Т. «Третий мир»: проблемы развития/ Пер с англ. — М.: Изд-во «Прогресс», 1974. — 461 с.
213. Сенчагов В.К. Экономическая безопасность как основа обеспечения национальной безопасности // Вопросы экономики. — 2001. — № 8.
214. Серёгина С.Ф. Роль государства в экономике. Синергетический подход. — М.: Издательство «Дело и Сервис», 2002. — 288 с.
215. Сизов В.С. Стратегическое управление воспроизводственным процессом. — М., 2004.
216. Сизов В.С. Механизм стратегического управления воспроизводственным процессом // Философия хозяйства. — 2005. — №4-5. — С.195–203.
217. Симчера В.М. Как возродить экономику России. Кн. 3. Нравственная экономика. — М.: ТЕИС, 2006. — 824 с.

218. Собственность в экономической системе России / Под ред. В.Н. Черковца, В.М. Кулькова. — М.: Экономический факультет, ТЕИС, 1998. — 556 с.
219. Соловьев В.С. Оправдание добра // Соловьев В. С. Чтения о богочеловечестве. Духовные основы жизни. Оправдание добра. — Мн.: Харвест, 1999. — 912 с.
220. Соловьев В.С. Философское начало цельного знания. — Мн.: Харвест, 1999. — 912 с.
221. Социально-ориентированные модели рыночной экономики. — М.: Издательство «КОСМО», 2001. — 400с.
222. Социальное рыночное хозяйство. Теория и этика экономического порядка в России и Германии. — СПб.: Экономическая школа, 1999.—368 с.
223. Социальные ориентиры обновления: общество и человек / Под общ. ред. Т. И. Заславской.— М.: Политиздат, 1990. — 448 с.
224. Столяров И.И. Личное потребление и социалистическое воспроизводство. — М., 1984.
225. Столяров И.И., Калмыков А.Ю. Трансформация сбережений населения в инвестиции. — М.: МАКС Пресс, 2007. — 256 с.
226. Суворов Д.М. Экономический рост как философская проблема некоторые аспекты общественного воспроизводства в России // Постмодерновый мир и Россия / Под ред. Ю.М. Осипова, О.В. Иншакова, М.М. Гузева, Е.С.Зотовой.— М.; Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2004. — С. 505–513.
227. Субетто А.И. Экономические законы развития России // Проблемы новой политической экономии. — 2003. — №1-2. — С. 41–54.
228. Субетто А.И. Экономические законы развития России, или Самоидентификация «российского разума» // Философия хозяйства. — 2003. — № 6. — С.209 –229;
229. Субетто А.И. Методологические основания философии экономики и хозяйства // Экономическая теория на пороге XXI века — 6. В 2-х книгах. Кн. 1. Философия хозяйства. Кн. 2. Теоретическая экономия / Под ред. Ю.М. Осипова, В.В. Чекмарева, Е.С. Зотовой. — М.: Юристъ, 2002. — С. 42–61;
230. Субетто А. И., Чекмарев В. В. Битва за высшее образование России: 1992-2003. — СПб-Кострома, 2003. — 308с.
231. Субетто А.И. Рыночно-капиталистическая цивилизация — большая утопия человечества // Россия державная: В 2ч. Ч. 1 / Под ред. Ю.М. Осипова, М.М. Гузева, Е.С. Зотовой. — М.; Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006. — С. 187–189.
232. Султанов К.В. Социальная философия Н.Я. Данилевского: конфликт интерпретаций. — СПб.: Изд-во СПбГТУ, 2001. — 247 с.

233. Теория хозяйственного порядка: «Фрайбургская школа» и немецкий неолиберализм. М.: Экономика, 2002. 463 с.
234. Трунин С.Н. Особенности советской макроэкономической модели 1930–1950-х гг. — Феномен Сталин. — Краснодар: Издание Моск. ун-та, 2003. — С. 490–491.
235. Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма. — СПб, 1996.
236. Устрялов Н. Элементы государства // Классика геополитики, XX век: Сб. / Сост. К. Королев. — М.: «Издательство АСТ», 2003. — С. 559–652.
237. Уотермен. Р. Фактор обновления: Как сохраняют конкурентоспособность лучшие компании. — М.: Прогресс, 1988.
238. Федоренко Н.П. Россия: уроки прошлого и лики будущего. — М.: Экономика, 2000. — 489 с.
239. Федоренко Н. П. Россия на рубеже веков. М.: Экономика, 2003.
240. Фридман Л., Видясов М., Мельянцев В. Государственные расходы и экономический рост // МЭ и МО. — 1999. — № 10.
241. Фромм Э. Здоровое общество // Фромм Э. Мужчина и женщина. — М.: 000 «Фирма «Издательство АСТ», 1998. — С. 129–505.
242. Фромм Э. Иметь или быть?: Пер с англ. / Общ ред. и посл. В.И. Добреньков. — 2-3 изд., доп. — М.: Прогресс, 1990. — 336 с.
243. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник: Пер. с англ. и нем./Общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева. — М.: Прогресс, 1990. — 368 с.
244. Феномен Сталин / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. — М.-Краснодар: Издание Моск. ун-та, 2003. — 559 с.
245. Хакен Г. Информация и самоорганизация: Макроскопический подход к сложным системам. — М., 1991.
246. Хозиков В.И. Информационное оружие. — СПб.: Издательский Дом Нева», М.: Издательство «ОЛМА-ПРЕСС Образование», 2003. — 480 с.
247. Холмогоров Е. С. Русский проект: Реставрация будущего. — М.: Изд-во Алгоритм, Изд-во Эксмо, 2005. — 448 с.
248. Хубиев К.А. Формирование российской модели социальной рыночной экономики // Философия хозяйства. —2005. — № 4–5.— С. 242–255.
249. Чаянов В.А. А. В. Чаянов — человек, ученый, гражданин / Под, общ. ред. доктора экономических наук, профессора, члена-корреспондента РАН Г. И. Шмелева. — М.: Издательский Дом «Дашков и К^о», 2000. — 370 с.
250. А.В. Чаянов. К вопросу о теории некапиталистических систем хозяйства // Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды / Редкол. сер.: Л.И. Абалкин и др. —М.: Экономика, 1989.

251. Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды / Редкол. сер.: Л. И. Абалкин (пред.) и др. — М.: Экономика, 1989. — 492 с.
252. Чабанов В.Е. Экономика XXI века, или Третий путь развития / В. Е. Чабанов. — Санкт-Петербург: Русь, 2006. — 656 с.
253. Чекмарев В.В. «Оболонивание» как жизненное кредо, или стратегемы болонизации // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Экономика образования. — 2006. — № 1. — С. 43-45.
254. Шубарт В. Европа и душа Востока / Пер. с нем. З. Г. Антипенко М. В. Назарова. М.: Альманах «Русская идея». Вып. 3, 2-е исправленное изд. 2000. — 448 с.
255. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982.
256. Эволюция экономических отношений в современной России / М. И. Скаржинский, В. В. Чекмарев, Е. М. Скаржинская, Н. А. Александрова, А. Н. Коровина, А. С. Илюхина, О. А. Сторожева / Под общ. науч. ред. д. э. н., проф. М. И. Скаржинского. — Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2005. — 120 с.
257. Экономическая социология и перестройка/Общ. ред. Т. И. Заславской и Р. В. Рывкиной.— М.: Прогресс, 1989.— 232 с.
258. Экономическая теория на пороге XXI века — 2 / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Т. Пуляева, В.Т. Рязанова, Е.С. Зотовой. — М.: Юристъ, 1998. — 768 с.
259. Экономическая теория на пороге XXI века — 3/ Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. — М.: Юристъ, 2000. — 664 с.
260. Экономическая теория на пороге XXI века — 4: Финансовая экономика / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Г. Белолипецкого, Е.С. Зотовой. — М.: Юристъ, 2001. — 704 с.
261. Экономическая теория на пороге XXI века — 5: Неоэкономика. / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Г. Белолипецкого, Е.С. Зотовой. — М.: Юристъ, 2001. — 624 с.
262. Экономическая теория на пороге XXI века — 6. В 2-х книгах. Кн. 1. Философия хозяйства. Кн. 2. Теоретическая экономия / Под ред. Ю.М. Осипова, В.В. Чекмарева, Е.С. Зотовой. — М.: Юристъ, 2002. — 655 с.
263. Экономическая теория в XXI веке — 2 (9): Глобальное и национальное в экономике / под ред. Ю.М. Осипова, В.В. Чекмарева, Е.С. Зотовой.— В 2-х т. Т. 1. — М.: Экономистъ, 2004. — 576 с
264. Экономическая теория в XXI веке — 3 (10): Проблемы пореформенной экономики/ под ред. Ю.М.Осипова, В. С. Сизова, Е.С. Зотовой. — М.: Экономистъ, 2005. — 384 с.
265. Экономическая теория в XXI веке — 4 (11): Институты экономики/ под ред. Ю.М.Осипова, В. С. Сизова, Е.С. Зотовой. — М.: Экономистъ, 2006. — 432 с.

266. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. — С. 23-178.
267. Эрнандо де Сото. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. — М.: ЗАО "Олимп-Бизнес", 2004. — 272 с.
268. Юдина Г.Н. Национальная модель хозяйственной системы России: мировоззренческие императивы // Постмодерновый мир и Россия / Под ред. Ю.М. Осипова, О.В. Иншакова, М.М. Гузева, Е.С.Зотовой. — М.; Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2004. — С. 645551.
283. Harrison F. The System Crisis. In: F. Harrison (Ed.). The Losses of Nations: Deadweight Politics versus Public Rent Dividends, 1998.
284. Harrison F., Titova G. Land-Rent Dynamics and the Sustainable Society. Working Paper. Lincoln Institute of Land Policy, Cambridge, MA, 1997.
285. Tideman N. et al.: The Economics of Efficient Taxes on Land. In: N. Tideman (Editor). Land and Taxation. L.: Shephard-Walwyn, 1994.
286. Williamson O. The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead // Journal of Economic Literature. — 2000. — Vol. 38. № 3. — P. 595-613.
287. Veblen T. The Place of Science in Modern Civilization and Other Essays. N.Y.: Huebsch, 1919.
288. Furtado C. Capital Formation and Economic Development. — The Economics of Underdevelopment. Ed. by A. N. Agarwala and S.P. Singh. Oxford University Press, 1958.

Научное издание

А.А. ОЛЕЙНИКОВ

**НАЦИОНАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО
КАК ОСНОВА ВОСПРОИЗВОДСТВА ОБЩЕСТВА**

(ЭКОНОМИКО-ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД)

Печатается в авторской редакции

Подписано в печать 2015 г. Заказ № 7715. Тираж 500.
Формат 60×84/8. Усл. п.л. 16,04. Гарнитура Times New Roman, Arial.
Отпечатано в ОАО «Режевская типография»
623750, г. Реж, Свердловская обл., ул. Красноармейская, 22
Тел. (8-3464) 2-25-03; 2-15-32

Олейников А.А. — доктор экономических наук, профессор кафедры экономики Уральского института бизнеса (г. Екатеринбург), Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (г. Москва), Московского государственного медико-стоматологического университета и действительный член (академик) Российской академии естествознания (РАЕ), заслуженный деятель

науки и образования РАЕ, академик Академии философии хозяйства и действительный член Философско-Экономического ученого собрания МГУ им. М.В. Ломоносова. Автор более десяти монографий по проблемам методологии и теории национального хозяйства.

Олейников Александр Алексеевич — автор нового направления в экономической теории, которое отражено им в двух изданиях нового типа вузовского учебника, основанного на принципах приоритета национального хозяйства и на специфике Русской Евразии и евразийского мейнстрима. Название учебника:

«Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства». Первый раз издан в 2006 году в издательстве ТЕИС Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; второе издание, дополненное и переработанное, — в 2011 году в издательстве «Институт русской цивилизации» в г. Москва (70 п.л.). Кроме этого, автором выпущено два коллективных учебника:

- **Олейников А.А., Данильченко С.Л., Ульянова М.В. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для вузов: для бакалавров, специалистов и магистров. — В 2-х ч. Сост. и научн. ред. д-р экон. наук Олейников А.А. — Москва: Институт русской цивилизации, 2011. — 800 с.; Олейников А.А., Данильченко С.Л., Ульянова М.В. Экономическая теория в вопросах и ответах: Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для вузов (для бакалавров, специалистов и магистров) / Под общ. ред. Олейникова А.А. — М.: МАКС Пресс, 2012. — 584 с.**

Более подробно ознакомиться с возможностями сотрудничества в деле издания кафедральных (вузовских) коллективных учебников можно на моем сайте: www.euroasianmainstream.ru/;

Олейников А.А. является постоянным участником научных конференций и форумов в РАЕ, МГУ, УРИБ и других учебных и научных заведениях. Читает курс микро- и макроэкономики для Уральского института бизнеса — по системе SKYPE. Выступает с лекциями по проблемам развития национального хозяйства России на радиостанции «Радонеж».

В настоящее время автор работает над созданием теории евразийского национального хозяйства и евразийского мейнстрима — как альтернативы англосаксонскому мейнстриму, нацеленному на рекультивацию русского народа.

Разработка евразийского мейнстрима — евразийской теории евразийского национального хозяйства, основанная на множественности культур и социокультурной укоренённости самого национального хозяйства — вот та стратегическая и насущная задача, которую сама история поставила перед нами в повестку дня.

Моб. тел: 8-926-161-51-47; 8-919-768-78-83(alek.oleinikoff2010@yandex.ru)

ISBN 978-5-902993-51-3

9 785902 993513